

А. И. ПУШКАШ

**ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
ВЕНГРИИ**

Февраль 1934—январь 1937 г.

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики

А. И. Пушкаш

Внешняя политика Венгрии
Февраль 1934 – январь 1937 г.

Москва, 1996

Ответственный редактор
доктор исторических наук Т. М. Исламов
Рецензенты
кандидат исторических наук П. П. Безушко
кандидат исторических наук А. С. Стыкалин

Книга посвящена внешней политике Венгрии середины 30-х годов XX в. В ней осуществлено научное исследование взаимоотношений Венгрии со своими соседями и великими державами. Написана она в основном на ранее не публиковавшихся архивных материалах дипломатических ведомств Венгрии, Германии, Польши, Российской Федерации и др.

Публикуемое исследование рассчитано на специалистов, преподавателей вузов и интересующихся историей международных отношений.

ISBN 5-7576-0037-3

© Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996

Введение

Данная книга является продолжением исследования внешней политики Венгрии в межвоенные годы. Первая часть его, посвященная периоду 1918–1927 гг., вышла в свет в 1981 г., вторая, рассматривающая деятельность государственных органов в области внешней политики и позицию партийных течений с марта 1927 г. по февраль 1934 г., опубликована в 1995 г.

Предлагаемая третья часть хронологически охватывает период с февраля 1934 г., т. е. с установлением дипломатических отношений с СССР, по февраль 1937 г., когда была окончательно сформирована ось Берлин–Рим и определена ориентация Венгрии в основном на гитлеровскую Германию. В настоящее время, завершая тему, автор работает над исследованием внешней политики венгерского правительства накануне второй мировой войны.

Предлагаемая специалистам и широкому читателю данная книга не имеет аналога в нашей историографии. Те или иные проблемы, поднятые в ней, затрагивались или частично освещались в журнальных статьях и монографиях в Венгрии таких историков, как Дьёрдь Ранки, Дюла Юхас, Иван Беренд, Мария Ормош, Элек Карпай, Магда Адам. Особо следует выделить книгу Пала Прица, посвященную внешней политике правительства Дюлы Гёмбёша.

В ряде других стран также поднимался вопрос отношений их правящих кругов и Венгрии в исследуемый период. Следует упомянуть работы Вука Винавера “Югославия и Венгрия 1933–1941”, Костадина Грдева “Болгария и Венгрия 1923–1941”. Эндре Ковач исследовал проблему венгеро-польских отношений в период между двумя мировыми войнами, Лайош Керекеш писал об Австрии и международной дипломатии в 1933–1938 гг., польский историк Т. Кузьминский издал книгу, посвященную Польше, Франции и Германии в 1933–1935 гг. К интересным исследованиям следует отнести и книгу Йенса Петерзена “Гитлер–Муссолини” о становлении оси Берлин–Рим в 1933–1936 гг.

При написании данного труда, как и прежних книг, автор пользовался мемуарами регента Венгрии Миклоша Хорти. Однако основу книги составили документальные материалы, как опубликованные, так и хранящиеся еще в архивах ряда стран.

Среди опубликованных следует упомянуть частично изданные материалы из личного архива Хорти, дипломатические документы о внешней политике Венгрии (1936–1938 гг., Будапешт, 1962, 1965, т. 1, 2), документы, выборочно опубликованные в других странах, а также

многотомные публикации о германской внешней политике (серия Ц и Д) на английском и немецком языках. К ним примыкают изданный в Венгрии сборник немецких дипломатических документов о Венгрии с 1933 по 1944 г. “Вильгельмштрассе и Венгрия” (Будапешт, 1968) и подготовленная Э. Каршай подборка документов о встрече Гёмбёша–Гитлера в июне 1933 г.

Интересные данные содержатся в многотомниках парламентских дневников.

Основной фактический материал, содержащийся в данной книге, почерпнут из неопубликованных архивных материалов ряда стран, и конечно, в первую очередь, это документы архива венгерского МИДа, в том числе из строго секретного политического и политического отделов, а также материалы венгерских дипломатических миссий за рубежом, в том числе донесения венгерских посланников из Москвы, Берлина, Варшавы, Рима и других столиц, где имелись венгерские представительства.

Использованы также архивы Польши, Германии, России и некоторых других стран, донесения М. Юнгерта-Арноти из Москвы и его дневники.

Материалы Архива внешней политики РФ дают представление о позиции НКИДа и правительства СССР, содержат донесения советских дипломатов из Венгрии и других стран.

Использованы также неопубликованные документы германского МИДа, особенно серии Е и К, т. е. относящиеся к политике Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Нельзя не упомянуть и материалы мировой и венгерской прессы, откликавшейся на события в Венгрии и отразившей позицию МИДа и отдельных политических течений как внутри страны, так и за рубежом.

В настоящей книге, опираясь на огромный фактический материал, рассмотрен целый ряд проблем, шараханий, надежд и огорчений руководителей внешнеполитического ведомства Венгрии, глав ее правительства и государства, связанных с поиском путей восстановления Великой Венгрии. Это был период сложного лавирования хортистов между фашистской Италией и нацистской Германии как главной внешней силой, опираясь на которую, предполагалось вернуть утраченные в первую мировую войну территории. Но эти планы осложнялись позицией западных великих держав, а также СССР.

Римские протоколы

Мировой экономической кризис перепроизводства вызвал создание новых группировок стран, поиск дополнительных рынков сбыта. Между ведущими европейскими государствами обострились противоречия и борьба за передел сферы влияния в Дунайском бассейне. Среди них виднейшее место занимали Франция, Германия и Италия. Первый план смягчения кризиса перепроизводства в Центральной и Юго-Восточной Европе исходил от самой мощной в то время в Европе державы — Франции (план А. Тардьё). Он предполагал наряду со странами Малой Антанты втянуть в так называемый Дунайский блок Австрию и Венгрию, естественно, под гегемонией Франции.

Англия отнеслась к этим замыслам безразлично, а Германия и Италия открыто отклонили их. Против плана Тардьё выступила и Венгрия, прекрасно понимая, что в противном случае ей пришлось бы отказаться от своей основной внешнеполитической линии — пересмотра Трианонского мирного договора и восстановления Великой Венгрии. Еще в 1931 г. великие западные державы сорвали попытку установления германо-австрийской таможенной унии. Но борьба за гегемонию в Дунайском бассейне продолжалась и особенно обострилась после прихода в 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера.

Венгрия с 1927 г. в достижении своих планов ориентировалась прежде всего на Италию, которая в то время выглядела значительнее Германии. Однако будучи относительно бедной, Италия обратила свои взоры на Германию, и в 1932 г. Муссолини направил в Берлин предложение о сотрудничестве в Дунайском бассейне с целью вытеснения оттуда влияния Франции. Но в конце 1932 г. правящие круги Германии отнеслись к этому жесту сдержанно. И более того, в самом начале 1933 г., еще до прихода Гитлера к власти, министр иностранных дел Германии Константин Нейрат отклонил это предложение. К. Нейрат, оставшись министром иностранных дел при Гитлере, уловил основную линию внешнеполитической деятельности национал-социалистов, изложенную их фюрером в “Майн кампф”. Впоследствии происходили отклонения и уточнения в этой политике, но тогда, сразу после прихода к власти Гитлера, подчеркивалась необходимость завоевания “жизненного пространства на Востоке” (в гитлеровской книге разъясня-

лось, что речь идет о землях России и “подчиненных ей окраинных государств”). Нейрат тогда принимал за чистую монету и другой постулат этого труда: “Мы прекращаем извечный натиск германцев на юг и запад Европы”.

Именно поэтому 7 февраля, через несколько дней после прихода Гитлера к власти, Нейрат информировал германского посла в Риме Ульриха Хассела об отсутствии у Германии намерения заключать политический союз с Италией или устанавливать специальные политические отношения со странами Дунайского бассейна. Давая Хасселу указание сообщить об этом премьер-министру Бенито Муссолини, министр подчеркивал, что в связи с этим «не может быть речи ни о какой политике “Дранг нах Зюдостен”». Говоря о целях германской политики в этом регионе, Нейрат назвал только разрушение Малой Антанты, что полностью согласовывалось с замыслами Италии¹, и указал на сохранявшуюся возможность сотрудничества Италии и Германии.

6 февраля 1933 г. посланник Венгрии в Берлине Калман Каня нанес визит А. Гитлеру и по поручению премьера Дюлы Гёмбеша передал ему поздравления по случаю прихода к власти; он предложил экономическое и политическое сотрудничество двух стран на базе общности идей².

В этот период внешнеполитическая линия венгерского правительства продолжала базироваться на постулатах, выработанных еще Иштваном Бетленом. Проводником ее в жизнь был прежде всего профессиональный дипломат Калман Каня, занимавший руководящий пост в МИДе с момента прихода к власти в Венгрии хортистов, а в феврале 1933 г. назначенный министром иностранных дел. Опорой Венгрии оставалась Италия, единственная страна, с правительством которой Венгрия имела политическое соглашение с 1927 г. Сотрудничество с Италией, как одной из опор, при поддержке которой можно будет пересмотреть Трианонский мирный договор (прежде всего за счет Югославии), было запланировано М. Хорти еще в 1920 г. Тогда же регент полагал, что осуществить свои территориальные претензии к Чехословакии он сможет только при поддержке Германии. Но правители веймарской Германии последовательно уклонялись от обсуждения этой проблемы. Другое дело после прихода Гитлера к власти. К. Каня разделял планы возможности восстановления империи св. Иштвана, но в то же время опасался чрезмерного давления со стороны Германии. В приходе к власти в Германии Гитлера премьер-министр Дюла Гёмбеш усмотрел возможность более ускоренного, динамичного осуществления внешнеполитических замыслов хортистов. При встрече с Гитлером Гёмбеш уяснил, с одной стороны, что Германия в основу своей внешней политики ставила сближение с фашистской Италией, и, тем самым,

более тесное венгеро-германское сотрудничество попадало в зависимость от взаимопонимания между Римом и Берлином. С другой стороны, он уловил для себя возможную роль посредника в налаживании контактов между Муссолини и Гитлером. Это помогло бы создать благоприятную обстановку для осуществления внешнеполитического замысла хортистов, оставшегося мечтой на протяжении уже более десятилетия.

Для Дюлы Гёмбёша и венгерской дипломатии не было секретом, что основным камнем преткновения в сближении придерживавшихся единых идеологических принципов Гитлера и Муссолини являлась Австрия, предстоявшая аннексия которой Германией не вызывала сомнения ни в Риме, ни в Будапеште. И в то же время Австрия все еще оставалась основным рынком сбыта венгерской сельскохозяйственной продукции. В поисках выхода из экономического кризиса Д. Гёмбёшу в ходе переговоров с Францем Папеном в Будапеште удалось осенью 1933 г. разместить часть продукции и в Германии, причем на выгодных условиях, в частности обговорить поставки в 1934 г. 25 тыс. т семян льна по ценам на 45% выше сложившихся на мировом рынке³.

Роль посредника между Италией и Германией была не из легких и, в конце концов, не могла принести Венгрии тех дивидендов, на которые рассчитывало правительство. Интересы Италии и Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе в то же время были весьма противоречивы. Италия стремилась закрепить и расширить свое влияние в этом регионе, в том числе в Австрии и Венгрии, а Германия уже разрабатывала планы на использование всей Юго-Восточной Европы для обеспечения Германии продовольствием в период подготовки к войне и вынашивала далеко идущие планы, не говоря уже об Австрии, аншлюс которой никогда не упускался гитлеровцами из виду. Положение в Австрии было сложным. В стране ширилось мощное рабочее движение, усиливались национал-социалистские тенденции. Правительство Энгельберта Дольфуса стремилось сохранить независимость Австрии, опираясь на Италию.

Венгерский премьер и МИД на первом этапе пребывания у власти в Германии национал-социалистов зондировали почву через свои миссии за рубежом (прежде всего в Риме и Берлине), нельзя ли сделать так, чтобы Австрия оставалась сферой интересов как Италии, так и Германии. Эта иллюзия просматривалась и в беседах бывшего венгерского премьера И. Бетлена с Гитлером, Папеном, Нейратом. К. Каян в свою очередь предпринимал попытки примирить в Австрии нацистов с христианскими демократами для борьбы против левых течений⁴. Но уже тогда было ясно, что Германия стремится к вытеснению любых

влиятельный из Австрии, считает ее фактически составной частью Третьего рейха, выбирая только подходящее время и метод аншлюса.

В одном из писем, направленном венгерским министром иностранных дел К. Каней вице-канцлеру (бывшему канцлеру) Германии Францу фон Папену по поводу венгеро- и германо-австрийских связей, затрагивался вопрос австро-германских отношений. Венгерская дипломатия схватилась за содержащуюся в ответе Папена идею (“подсказку”) о возможном германо-итало-австро-венгерском сближении с целью противодействия договорам между странами Малой Антанты и согласования действий в Женеве (имеется в виду Лига наций).

28 марта 1933 г. МИД Венгрии дал указание временному поверенному в делах в Германии Яношу Ветштейну сообщить Папену и министерству иностранных дел о готовности Венгрии принять участие в такой встрече⁵, но инициатива в этом случае, как и отмечал Папен, должна была исходить от одной из двух великих держав. В названном письме Папену венгерский министр иностранных дел попытался заступиться перед германским правительством за канцлера Австрии Дольфуса. Записка о письме была передана Нейрату, а тот доложил Гитлеру. Не желая лично давать отрицательный ответ, Гитлер поручил Герхарду Кёпке, заведующему отделом МИДа Германии, сообщить К. Кане, что германский канцлер считает невозможным уладить внутриполитические дела при канцлерстве Дольфуса, ибо австрийской партии национал-социалистов необходимо получить в правительстве соответствующее ей место. Не позднее осени нужно провести выборы, после которых национал-социалисты с другими партиями национального направления образуют правительство (не принимая в расчет христианских социалистов, ибо нечего бояться, что те пойдут на союз с социал-демократами).

Кандидатуру Дольфуса, допустившего чрезмерно большие ошибки, Гитлер считал совершенно непригодной. Аналогичную инсинуацию получил и германский посол в Риме.

Кёпке недвусмысленно дал понять своему собеседнику, что немецкой стороне вполне ясна цель параллельного итало-венгерского выступления. Направлено оно на воспрепятствование аншлюсу. Муссолини может быть вполне спокоен в этом отношении, ибо Гитлер “не думает сейчас поднимать этот вопрос”. Нельзя было рассчитывать и на то, что в ходе выборов австрийские национал-социалисты достигли бы такого успеха, что проблема решилась бы сама собой. “Аншлюс — исторический процесс, а не актуальный политический вопрос. Позиция имперского правительства, — продолжал он, — неизменна, а именно оно

ничего не предпринимает в интересах осуществления аншлуса, но борется против того, что заранее препятствовало бы ему”⁶.

Поскольку Папен сообщал, что Гитлер готов сотрудничать с Дольфусом, а Кёпке дал совершенно противоположную информацию, венгерский посланник Андраш Хори пытался выяснить это противоречие у своего министра. К. Каня ответил, что ничего иного придумать не может, как только предположить, что фюрер изменил свою точку зрения⁷.

По всем этим вопросам шел активный обмен мнениями между МИДами Венгрии и Италии. 7 апреля А. Хори сообщил Калману Кане о позиции государственного секретаря итальянского МИДа Фулвио Сувича, что в отношении предложения Папена о венгеро-итало-германо-австрийской кооперации решать Муссолини. Но он высказал личное мнение, что было бы чрезмерным с целью противодействия пакту Малой Антанты “вырабатывать единый маршрут” двум великим державам с Венгрией и Австрией, ибо этим придали бы ему значение. Кроме того, вряд ли идею Папена можно согласовать с концепцией плана Муссолини⁸.

Сообщая об этом мнении Сувича временному поверенному в делах Венгрии в Берлине Яношу Веттштейну, венгерский министр иностранных дел просил выяснить, как восприняли идею вице-канцлера Папена в германском МИДе⁹. На запрос от 25 апреля 1933 г. Веттштейн ответил только 5 мая. Зная Папена и его частые безответственные заявления, венгерский временный поверенный в делах не обратился прямо в МИД Германии, а решил подождать возвращения Папена из Рима и сначала поговорить с ним. При встрече с ним посланник сообщил о готовности Венгрии участвовать во встрече четырех (Австрия, Венгрия, Италия, Германия) и о том, что ему поручено доложить об этом и в МИДе Германии, но прежде хотел бы знать, насколько информирован об идее Папена Нейрат.

Папен, как отмечал Веттштейн, смущаясь, оправдывался, что это предложение он сделал по собственной инициативе и считал ненужным в то время поднимать этот вопрос в МИДе, тем более (если учесть политическое положение), что этот план пока неосуществим, но позже, в более благоприятных обстоятельствах, можно будет вернуться к нему.

После беседы Веттштейн счел необходимым не поднимать вопрос в МИДе Германии и высказал мнение, известное и Кане, что и этот случай свидетельствует: доверять Папену можно не всегда¹⁰.

Между тем германское правительство на своем заседании 7 апреля 1933 г. определило внешнюю политику таким образом: нужно стремиться к хорошим отношениям с Италией; существующие хорошие политические связи с Венгрией следует углубить путем упорядочения

проблем ее экспорта аграрных продуктов; Австрию нужно ослабить, и, в первую очередь, необходимо воспрепятствовать ее присоединению к другим политическим группировкам¹¹.

Немецкому правительству в отношении Венгрии не было необходимости делать инициативные шаги. Через две недели Д. Гёмбёш написал новое письмо Гитлеру, в котором просил ускорить упорядочение венгерского сельскохозяйственного экспорта в Германию, поскольку главы правительств Германии и Венгрии придерживаются принципов, согласно которым “внешняя и экономическая политика должны совпадать”. Д. Гёмбёш просил поддержать его, что упрочило бы его политическую линию защитника расы и привело бы к взаимопониманию и взаимоподдержке и в экономической области¹².

Гитлер отреагировал довольно быстро и 28 апреля пообещал углубить существующее идейное единство действительным политическим взаимопониманием и изыскать средства и пути для улучшения экономических отношений двух стран¹³.

Между тем К. Дания получил обширное донесение посланника из Вены Енё Нелки о дальнейшем ухудшении отношений Австрии с Германией. Гитлер запретил своим гражданам посещение Австрии. Положение еще более обострилось в результате назначения австрийского эмигранта Теодора Хабихта начальником отдела печати в Германии несмотря на решительный протест барона Нейрата. В Австрии были проведены обыски в домах нацистов, в том числе и у Хабихта. По мнению венгерского посланника, все это настолько усиливало ухудшение отношений с Германией, что отодвигало возможность сотрудничества Австрии, Германии, Венгрии и Италии. Дальнейшее развитие событий венгерский посланник ставил в зависимость от того, какие советы или заверения получит австрийский канцлер из Рима, что может открыть возможность дальнейшего усиления французского влияния. По мнению Нелки, позиции Дольфуса слабеют вследствие агитации нацистов под простым лозунгом: “Пока Дольфус остается у руля правления, до тех пор ни один германец не прибудет в Австрию”¹⁴.

В июне 1933 г. Д. Гёмбёш неожиданно для внешнего мира, и даже МИДов Германии и Венгрии, первым из глав правительств нанес визит Гитлеру в Берлин по линии отдела внешнеполитических связей Национал-социалистской партии Германии. Главы двух правительств обсудили политику Германии в Центральной Европе, согласовали венгерские ревизионистские устремления, подняли проблему аншлюса Австрии и возможности германо-венгерских экономических связей. Гитлер одобрил устремления Венгрии, направленные против Малой Антанты, подчеркивая идентичность взглядов, сводившихся к разрушению Малой Антанты и вытеснению влияния Франции из Центральной

и Юго-Восточной Европы. Германский фюрер тут же уточнил, что он не может поддержать венгерские территориальные притязания ко всем соседям одновременно, и рекомендовал сосредоточить усилия против Чехословакии, в чем Венгрия может рассчитывать на поддержку Германии. Гитлер не скрывал от своего собеседника и планы в отношении Югославии и Румынии, на экономические ресурсы которых он рассчитывал, и одновременно полагал изолировать эти государства от Франции и Чехословакии.

В отношении Австрии Д.Гёмбёш высказывался в таком смысле, что фюрер германских нацистов имел основания полагать: Венгрия не против аншлюса. Венгерский премьер только разъяснил, что он заинтересован в Австрии как основной территории сбыта сельскохозяйственной продукции, а также не может не учитывать позицию Италии. Гитлер ответил, что в Австрии он пока только настаивает на предоставлении прав австрийским национал-социалистам и не добивается немедленного аншлюса.

Тогда же Д. Гёмбёш изложил свои планы о создании союза Германии, Австрии, Италии и Венгрии, о широком экономическом сотрудничестве, координации внешней политики и согласовании действий генеральных штабов, не вызвавшие энтузиазма у Гитлера. Уловив это, венгерский премьер-министр тут же предложил свои посреднические услуги в налаживании отношений между Германией и Италией, заявив о намерении не меньше опираться на Германию, чем на Италию, и пообещал удержать австрийского канцлера Дольфуса от ориентации на Францию и Чехословакию¹⁵.

Как сообщал своим посланникам по поручению министра иностранных дел Венгрии постоянный его заместитель Шандор Куэн-Хедервари, в ходе этой беседы Гитлер несколько раз высказал свое разочарование Дольфусом, в частности, он считал его неспособным удержать Австрию от союза с Францией и Малой Антантой, поэтому он ему и не доверяет.

В свое время Гитлер предложил дать Австрии в кредит 300 млн марок (сумму, которую Дольфус рассчитывал получить от Парижа) на условии отказа от французского кредита и профранцузской политики, но Дольфус использовал обещания Гитлера в качестве давления на Францию с целью получения кредита от нее. С Германией же, хотя и обещал, по этому вопросу (кредиты) австрийский канцлер в переговоры не вступил. По мнению Гёмбёша, Гитлер был очень огорчен Дольфусом. Его еще больше озлобили высказывания отдельных австрийских руководителей в адрес германских национал-социалистов ("коричневая чума"). Он сказал венгерскому премьер-министру: «Если мое движение называют "коричневой чумой", я это никогда не забуду». После

всего этого у Гёмбёша сложилось впечатление, что более не может быть и речи о примирении Гитлера с Дольфусом и после выборов, если они состоятся, Дольфус не сможет возглавить новое правительство.

Исключительно для сведения посланника, МИД сообщил ему о том, что Гитлер был немного обескуражен заигрыванием Муссолини с Эдуардом Даладье, и в связи с этим спросил Гёмбёша, можно ли полностью доверять Муссолини. Ответ премьер-министра был решительно положительным¹⁶.

Эта встреча в Берлине вызвала неоднозначные отклики, прежде всего среди друзей Венгрии. Венгерский посланник Ласло Сечени сообщал из Лондона о заявлении руководителей австрийского МИДа о том, что Австрия более не может так, как прежде, доверять Венгрии¹⁷. В Форин оффис Англии поступили сведения о том, что Дольфус чрезмерно возмущен посещением Гитлера Гёмбёшем и считает это нанесением ему удара кинжалом в спину. Фактически он подозревал, что Гёмбёш договорился с Гитлером и дал согласие на захват Австрии, если Бургенланд присоединит к Венгрии¹⁸. Дольфус даже отклонил приглашение Гёмбёша посетить Будапешт.

В Риме отреагировали более сдержанно. Считали, что переговоры не продвинули дальше решение проблем, хотя и видели положительную сторону уже в установлении контакта. Несмотря на это чувствовалось во всем, что руководство Италии, и в частности Муссолини, беспокоило сближение Венгрии с Германией. Тем более, что визит был нанесен без предварительного уведомления руководителей Италии и Австрии, с которыми Венгрия очень тесно сотрудничала во внешнеполитической области.

Осуждали поездку Д. Гёмбёша в Берлин и лидеры оппозиционных партий внутри страны, в том числе депутаты парламента Эндре Байчи-Жилински и лидер либеральной оппозиции Карой Рашшай. Они предостерегали правительство не связывать судьбу Венгрии с Германией, которая втянет ее в новую войну¹⁹.

Но были и довольные визитом Гёмбёша в Берлин. В печатном органе венгерского католического клира было опубликовано интервью с лидером австрийских нацистов Фрауенфелдом, который назвал визит Гёмбёша великолепным. “Только что я получил телефонное сообщение от Тео Хабихта (члена Германского рейхстага, ландес инспектора, руководителя австрийской Национал-социалистской партии. — А. П.) и Альфреда Розенберга, и оба в приподнятом тоне говорили о нем ... несомненно, что Гёмбёш наш человек”. И добавил: “Слышу, что в Венгрии все еще верят, что он отправился продавать черешню. Естественно, это только шутка”²⁰. Таковую оценку Гёмбёш заслужил, если учесть, что после возвращения в Будапешт он неустанно, и даже в парламенте

20 июня, повторял, что Гитлер и нацизм это якобы возрождение немецкого народа, а миру они несут мир. И это в то время, когда в мировом общественном мнении сложилось реальное представление о гитлеризме как режиме, не скрывавшем своих агрессивных планов, которые не могли не означать ничего иного, кроме разрушения мира и развязывания войны.

Этот визит венгерского премьера убедил руководителей нацистской партии и правящие круги Германии, что, судя по позиции Гёмбёша, Венгрия является слабым звеном в политике Муссолини и Дольфуса. И наоборот – Венгрия может стать нужным орудием в осуществлении германской политики в Юго-Восточной Европе, создании Зюдостраума (Юго-Восточного пространства).

В конце июля, как доносил Е. Нелки К. Кане, к нему обратился за посредничеством в налаживании отношений между Австрией и Германией адвокат Валтер Рил, один из лидеров умеренного крыла австрийских национал-социалистов, с изложением их взглядов, в том числе и на безоговорочное подчинение Гитлеру, к которому у них нет доступа²¹. Но тогда Венгрия от посредничества уклонилась.

При таком повороте событий в международных отношениях в Центральной Европе Муссолини решил действовать более активно с намерением упрочить отношения Италии с Венгрией и Австрией. В послании, направленном 1 июля 1933 г. Д. Гёмбёшу, Б. Муссолини ответил на письмо венгерского премьер-министра, в котором последний пытался обосновать свой визит к Гитлеру. Муссолини отмечал: “Если я правильно интерпретирую Вашу мысль, то поездка Вашего превосходительства с целью заключения выгодного для Венгрии экономического соглашения и определения прочности силы нацистского движения не меняет определенного с согласия Вашего превосходительства основного направления в отношении организации Центральной Европы.

Следовательно, в качестве основы и исходного пункта всего дальнейшего развития Дунайской Европы остается: более тесное сотрудничество Австрии и Венгрии”²². Причем дуче предложил ускорить темпы, поддерживать Дольфуса. По его мнению, позиция, которая будет выработана в ближайшее время, будет иметь влияние на далеко идущее развитие событий в этой части Европы. Поэтому Муссолини предлагал начать осуществлять первый этап достигнутых соглашений – более тесное сотрудничество Австрии и Венгрии как в области экономической, так и политической. Следующим шагом, по его мнению, было бы распространение этого сотрудничества на все три страны²³.

В этой обстановке и Гёмбёш осознавал неблагоприятное впечатление, произведенное на Италию его поездкой в Германию. Он не хо-

тел в эти дни все ставить на германскую карту, чем и вызваны нетерпимость в восстановлении связей с Германией и объяснение своего поступка в Италии и Австрии. На закрытом заседании внешнеполитической комиссии Верхней палаты парламента Д. Гёмбёш подчеркивал, что внешняя политика Венгрии, как и прежде, ориентируется в первую очередь на Италию. В таком же духе он ответил и на письмо Муссолини. 6 июля он подчеркивал, что разделяет взгляды итальянского главы правительства и в том отношении, что необходимо ускорить темпы упорядочения в Дунайском бассейне. Но тут же обратил внимание на то, что хотя он не изменил свою прежнюю позицию, но считает необходимым наряду с дружбой с Австрией развивать дружбу и с Германией по экономическим и политическим причинам, особенно учитывая позиции против Чехословакии. Наконец, Гёмбёш подчеркнул, что это не противоречит и интересам Италии, тем более поскольку он готов в области итало-австро-венгерского сотрудничества начать переговоры о возможной таможенной унии²⁴.

Как отмечал К. Каня в сообщении посланнику в Риме А. Хори (только для личного сведения), венгерское правительство приняло письмо Муссолини с некоторым опасением, поскольку в нем просматривалась тенденция, по которой он хотел бы сблизить Венгрию и Австрию с Малой Антантой и отдалить их от Германии. "Тон ответного письма премьер-министра предназначен в качестве противовеса этой тенденции"²⁵.

Однако Гёмбёш тут же понял, что путем переписки не удастся убедить Австрию и Италию в безобидности для них визита венгерского премьера в Берлин. Он предпринял срочные поездки в Вену и Рим, конечно, чтобы обсудить и предложения Муссолини.

Уже на третий день после ответа на письмо Муссолини Д. Гёмбёш отправился в Вену. В венгерском архиве сохранилась запись Д. Гёмбёша о переговорах с канцлером Австрии, которые проходили 9–10 июля, и об их результатах. В ней зафиксирована устная договоренность между Гёмбёшем и Дольфусом по следующим пунктам: 1) основным базисом является дружба с Италией; 2) общие устремления к установлению дружественных отношений с Германией; 3) общая защита против гегемонистских устремлений Малой Антанты²⁶.

Суть пожеланий Гёмбёша была отражена в третьем пункте. Но Дольфус колебался открыто идти на такую формулировку, поэтому в ходе переговоров он обещал, что не предпримет ничего противоречащего интересам Венгрии, но уклонялся от подтверждения этого в письменном виде. Венгерская дипломатия пошла на компромисс, и третий пункт был отредактирован в том смысле, что Дольфус соглашался "совместно с Венгрией бороться против гегемонистских устремлений Малой

Антанты”²⁷. Д. Гёмбёш остался доволен венскими переговорами, полагая, что ему удалось удержать Австрию от сближения с Францией и Малой Антантой. Он поручил венгерскому посланнику в Берлине довести это до сведения немецкого правительства. При встрече с заведующим отделом германского МИДа Кёпке Силард Маширевич подчеркнул, что удалось удержать Австрию от дальнейшего сближения с французской группировкой. Он передал пожелание венгерской стороны, чтобы Германия поддержала ее в этом стремлении, т. е. избегала бы всего, что могло бы толкнуть Австрию в объятия Франции. К тому же было передано неизменное мнение Гёмбёша о том, что Дольфус был и всегда останется другом Венгрии и Германии²⁸.

Полагая, что венгерский премьер имеет сильное влияние в Берлине, министр иностранных дел Венгрии Калман Кания дал указание посланнику в Берлине Силарду Маширевичу посетить Нейрата и сообщить ему: венгерское правительство ждет от Германии, что та не будет чинить препятствия венгерскому правительству в осуществлении этих планов и необдуманными шагами не толкнет Австрию в объятия Франции и малой Антанты²⁹. Это было более чем самонадеянное указание.

Вслед за этим перед венгерским премьером и дипломатами встала задача объяснить с итальянскими лидерами. Для предстоявшей поездки в Рим в венгерском МИДе было подготовлено много материалов, среди которых выделялась записка заведующего политическим отделом внешнеполитического ведомства Габора Апора, которая по своему характеру была теоретико-политическим обоснованием основной линии в политике хортистов после Трианона: вновь приобрести потерянные в войну территории, а пока протянуть в здравии до более подходящего момента, благоприятного для осуществления этого главного замысла, для чего надо временно сохранить хорошие отношения с Австрией и Италией, с которыми необходима политическая дружба, поэтому “пока” аншлюс необходимо не допустить. Если бы все же это случилось, то привело бы к усилению Малой Антанты, чему можно помешать только общими итало-венгеро-германскими усилиями. Причем, по Апору, нужно было римских собеседников убедить, что Франция не бросит на произвол судьбы Малую Антанту. Наоборот, постарается втянуть в ее орбиту и Венгрию, а это привело бы к окружению Италии с двух сторон.

Если бы Муссолини предложил профранцузское сближение, которое имело бы антигерманскую направленность, то Венгрии следовало выдвинуть ряд условий. Прежде всего, Франция должна была бы отказаться от сотрудничества с Югославией, а в обозримом будущем, по инициативе Италии и Венгрии, добиться распада Югославии. Даль-

нейшим условием, выдвинутым Апором, было требование, чтобы Франция не поддерживала два других государства Малой Антанты против венгров. Франция и Италия оказали бы помощь Венгрии в создании армии. И, наконец, эти государства оказали бы содействие Венгрии в экономической области и компенсировали ей потерю германского рынка.

Если бы все это не было гарантировано Венгрии, Апор допускал возможность подчиниться Малой Антанте, не тратить средства на вооружение и спокойно политически и экономически переждать до тех пор, пока возникнет возможность вновь начать борьбу за основную цель³⁰.

Однако в то же время, в августе 1933 г., у венгерского премьер-министра Дюлы Гёмбёша были другие, свои, взгляды на развитие событий. В беседе с руководителем венгерских немцев Якобом Блейером, о которой тот сообщил в германское посольство в Будапеште, Гёмбёш высказал мнение, что воспрепятствовать аншлюсу Австрии будет нельзя. "Не поможет здесь никакая политическая тактика, великие мировоззренческие силы проявятся здесь в интересах объединения тождественного народа, народа идентичной крови. И его (Гёмбёша. — *А. П.*) дети от первого брака — страстные свастиковцы в Австрии"³¹.

С такими взглядами отправился венгерский премьер-министр для переговоров с Муссолини.

Венгерская делегация находилась с визитом в Риме с 25 по 28 июля. Но основой переговоров стали не соображения Апора, а вполне приемлемые для Муссолини венгерские пожелания: осуществление на практике права Венгрии на вооружение; определение поведения в отношении национальных меньшинств; упразднение военных договоров, направленных против Венгрии; благоприятные для Венгрии экономические отношения; сохранение поддержки Италией признанных ранее ею венгерских территориальных претензий. На переговорах не было иных вариантов на случай, если бы венгерские пожелания, или часть их, были отклонены. Указывалось, в частности, что Венгрия не подпишет никакого соглашения, которое шло бы вразрез с требованием военного равноправия с соседними странами, даже и в том случае, если бы ей пришлось остаться совершенно одной³².

Переговоры для Д. Гёмбёша в Риме протекали весьма благоприятно. Муссолини совершенно абстрагировался от устного соглашения, которое он заключил с французским послом в Риме Луисом де Вином 11 июля, согласно которому стороны обязывались в следующем: ни Франция, ни Италия не желают никаких территориальных перемен в Центральной Европе; обе страны в одинаковой мере заинтересованы в

сохранении независимости Австрии и, наконец, оба государства на основе полного равноправия будут стремиться к развитию экономических связей в Дунайском бассейне и не станут участвовать в блоковой политике³³.

На этот раз (в июле 1933 г.) Д. Гёмбёша сопровождал в Рим К. Каня. На переговорах с Муссолини присутствовал и Сувич. Венгерский премьер-министр на первый план выдвинул венгерские территориальные претензии к своим соседям в Центральной и Юго-Восточной Европе, в связи с чем возник и вопрос об отношении Венгрии с Австрией и Германией. Муссолини, в свою очередь, заявил, что он не уклоняется от сотрудничества с Германией, и информировал Гёмбёша о состоянии дел в отношениях Италии с Францией. Для Венгрии этот вопрос был очень важным, поскольку противоречия между ними касались не только Средиземноморья, Африки, но и Юго-Восточной Европы. Венгрия претендовала на итальянскую поддержку именно в споре со странами Малой Антанты. Фашистская Италия в борьбе за вытеснение французского влияния из Дунайского бассейна рассчитывала на взаимопонимание Венгрии и Австрии. И хотя итало-австро-венгерский блок складывался прежде всего против Малой Антанты, но он несомненно был направлен и против политики Франции в названном регионе.

На переговорах обсуждались и экономические отношения между Италией, Австрией и Венгрией. Здесь собеседники достигли полного взаимопонимания. Это так растрогало Гёмбёша, что тот заявил о готовности установить и в "Венгрии режим, похожий на фашистский"³⁴. В ходе этой беседы обменялись мнениями и о венгеро-австрийских и итало-венгерских экономических и политических отношениях. На этих переговорах был составлен и секретный протокол в пяти пунктах, в котором стороны:

1) обязывались осуществить более тесное сближение Австрии и Венгрии, но без установления "персональной унии или реставрации Габсбургов";

2) проявили готовность в любое время установить между Римом, Веной и Будапештом таможенную унию, а если нет, то далее углублять существовавшие экономические связи на основе соглашения в Земмеринге путем их дополнения и расширения;

3) будут стремиться к установлению дружественных отношений с Германией, по мере того как будет проявляться смягчение в отношениях между Австрией и Германией. Договаривающиеся стороны заявили об обоюдном интересе нормализовать отношения между Австрией и Германией, естественно, путем учета и сохранения независимости авст-

рийского государства, а также отказа со стороны Германии от вмешательства во внутренние дела Австрии;

4) в отношении Малой Антанты Венгрия и Италия согласились отклонить план создания системы экономического сотрудничества пяти дунайских государств, поскольку он предложен Малой Антантой с целью оградить себя от всяких ревизионистских притязаний;

5) в отношении соглашения четырех великих государств (Италии, Франции, Англии и Германии) высказано мнение, что оно может представить преимущества Венгрии путем вовлечения в круг интересов нерешенный вопрос о разоружении, в котором Венгрия непосредственно заинтересована, а в подходящее время и вопрос о ревизии договоров, который, касательно Венгрии, и в дальнейшем сохранится среди основополагающих преимуществ итальянской внешней политики³⁵.

Переговоры в Риме вызывали интерес в дипломатических кругах, в первую очередь в германских. Немецкий посол в Риме Ульрих фон Хасселл предпринял немало усилий, чтобы информировать свое правительство о происходившем в столице Италии. Несмотря на полную секретность, ему удалось почти точно раскрыть суть этих переговоров. 28 июля он встретился в венгерском посольстве в Риме с участниками переговоров К. Каней и Д. Гёмбёшем, с каждым в отдельности. Хасселл в своем донесении в Берлин отметил беспокойство, с которым прибыла в столицу Италии венгерская делегация, вызванное наблюдавшимся охлаждением Италии и Германии и готовностью Италии сблизиться с Малой Антантой, к чему (к сближению с Малой Антантой) она стремится склонить и Венгрию. К. Кания и Д. Гёмбёш доложили о заверениях, полученных в Риме по этим проблемам, поскольку Муссолини заявил о намерении поддерживать дружбу с Германией. В рамках “пакта четырех” возможно сближение Франции с Германией, для чего следовало бы использовать и содействие Италии. Что касается Малой Антанты, то Муссолини придерживался прежней политики, т. е. соглашение невозможно без учета основных венгерских требований. То же самое относится и к Венгрии, по мнению Гёмбёша и Кани. Венгрия не допустит втянуть себя в “коалицию пяти”. Венгерские лидеры информировали, что они, как и Муссолини, желали бы австро-германского примирения, хотя чувствовалось, что Муссолини несколько разочарован слабостью Дольфуса, проявленной в отношениях с Парижем и Прагой, а также внутри страны – по отношению к марксизму. К. Кания, в поисках пути снятия австро-германского напряжения, интересовался, нет ли возможности соглашения на следующей основе: немцы признают независимость Австрии и отказываются от аншлюса, а австрийский национал-социализм проводит организационную работу независимо от Берлина, а позднее может быть создана антима́рк-

систская коалиция христианских социалистов с национал-социалистами³⁶.

В этой ситуации Хассел, считая главной задачей вытеснение влияния Франции из Юго-Восточной Европы, рекомендовал Берлину, точнее, предлагал Гитлеру с Муссолини проводить совместную политику в этом регионе, вплоть до принятия ранее сделанного предложения Муссолини о разделе сфер интересов Италии и Германии в Юго-Восточной Европе. По его мнению, германо-итальянская кооперация базировалась бы на следующем: 1) среди аграрных стран Юго-Восточной Европы в первую очередь следовало бы поддерживать Венгрию и Болгарию; 2) Италия и Германия не вели бы переговоров с блоками, в частности с Малой Антантой; 3) Германией и Италией не принимался бы во внимание план Тардье или подобные ему³⁷.

Однако германское правительство игнорировало рекомендации своего посла и продолжало антиавстрийскую политику, Муссолини же продолжал поддерживать Дольфуса в Австрии в его стремлении отстоять независимость страны. Венгрия же, в свою очередь, лавировала между Италией и Германией, стремясь остаться в стороне от австро-германских отношений.

Возвращаясь из Рима, министр иностранных дел Венгрии Калман Каня 17 августа 1933 г. остановился в Вене и имел беседу с австрийским канцлером Дольфусом, в ходе которой они затронули визит Гёмбёша к Гитлеру, римские переговоры Гёмбёша—Муссолини и отношения Австрии с Малой Антантой.

Во время беседы Дольфус заявил, что он принимал в Вене венгерского премьер-министра Гёмбёша с подчеркнутой любезностью, так как знал, что тому это будет приятно. Однако он искренне признавал, что разъяснения, данные ему венгерской стороной о визите премьера к Гитлеру, полностью его не успокоили. Он не мог поверить, несмотря на уверения венгерского посланника Нелки, что это посещение имело исключительно экономические цели.

В ответ на это Каня пытался убедить австрийского канцлера, что эта поездка была направлена исключительно против Малой Антанты, в частности против Чехословакии, которую Венгрия никак не могла бы одолеть, если бы в Праге сложилось впечатление, что между Будапештом и Берлином испортились хорошие отношения. Австрийский канцлер заверил венгерского министра о восстановлении полного доверия к Венгрии.

Хотя Дольфус был информирован Апором о переговорах в Риме, Каня считал нужным и на этот раз подчеркнуть, что австрийский канцлер и впредь может рассчитывать на полную поддержку Муссолини в вопросе аншлюса, и обратил внимание на то, что итальянский дуче

ждет от правительства Австрии реформы конституции и более решительного выступления против австрийских социалистов.

Ссылаясь на “серьезные источники” информации, Кая высказал опасение по поводу намерений Австрии сблизиться с Малой Антантой. Он оперировал и французской прессой, в которой отмечалось, что Малая Антанта, как и ее протектор Франция, самые решительные противники аншлуса, и поэтому, само собой разумеется, имеют общие интересы, которые в ближайшем будущем приобретут уже практическое значение. Дольфус удивился тому, что в Венгрии верят таким слухам, и убеждал министра, что в случае конфликта Венгрии с Малой Антантой он станет на сторону Венгрии. Он, в свою очередь, просил обеспечить ему тыл в его борьбе против нацистов. В ответ на эту просьбу Кая изложил точку зрения Венгрии по данному вопросу: поведение Венгрии сдержанно, и опасность нападения с тыла, со стороны Венгрии, ни при каких обстоятельствах не угрожает³⁸.

19 августа австрийский канцлер в сопровождении советника Теодора Хорнбостела встретился в Риччоне с Муссолини. После этого визита советник прибыл в Будапешт и информировал о ней венгерское правительство. По его словам, Муссолини одобрил политику Дольфуса и обещал и в дальнейшем оказывать ему помощь. Он придерживался мнения о целесообразности продолжения дружеских отношений и мягкого поведения с Германией и влияния на нее в том направлении, чтобы она прекратила нацистскую пропаганду в Австрии. Но если этот метод не поможет, Муссолини готов применить и более мощные средства. А если австрийский легион из Баварии вторгся бы в Австрию, то, возможно, и Муссолини применил бы силу, для чего, по словам Хорнбостела, итальянцами уже предприняты подготовительные меры в Южном Тироле. Но прежде, по мнению Муссолини, нужно использовать все средства для сохранения дружбы с Германией.

Муссолини критиковал внутренние порядки в Германии, в частности указывал, что там одновременно работают шесть министров иностранных дел, в результате чего происходит путаница в управлении.

Муссолини рекомендовал Дольфусу освободиться от партий, лучше использовать хаймвер, вести антисоциалистический курс и подготовить новую конституцию. Дольфус разъяснил, что пока вопрос о займе окончательно не решен в Париже, он не может выступить против “дома красных” и дать дополнительные посты министров хаймверу, но обещал опереться на единый патриотический фронт и провести выборы уже по новой конституции. Канцлер высказал возможность его примирения с нацистами, если германская империя не будет вмешиваться во внутренние дела Австрии. Муссолини и на этот раз подчерк-

нул необходимость экономического объединения Италии, Австрии и Венгрии, а позднее этот блок упорядочил бы свои экономические отношения и с Малой Антантой³⁹. Эта мысль и страшила венгерские правящие круги.

Временный поверенный в делах Венгрии в Вене советник барон Дьёрдь Бакач-Бешпеньеи 29 августа прислал донесение о беседе по этому вопросу с тем же Хорнбостелом с целью сопоставления этой беседы с рассказом Хорнбостела в Будапеште. Его донесение содержало три части: внешнеполитическую, внутривнутриполитическую и экономическую. В отношении внешней политики Дьёрдь Бешпеньеи подчеркивал обещания Муссолини “о далеко идущей поддержке Дольфуса против Германии”. Муссолини не потерпит ни аншлюса, ни “глайхшалтунга” в Австрии. В случае вторжения австрийской легии, организованной в Баварии, “может идти речь и об итальянском вооруженном вмешательстве”. События, имевшие место в Германии, вызвали у дуче разочарование. Он желает углубления итало-австро-венгерской политической дружбы⁴⁰.

Французский посол в Риме Луис Марти де Вин встретился с венгерским премьер-министром Д. Гёмбёшем в связи с событиями в Центральной и Юго-Восточной Европе и обсудил итало-австро-венгерские, германо-венгерские отношения а также отношения Малой Антанты с Венгрией. Он высказал мнение, что создание “пакта четырех” снимет напряжение между Италией и Францией, выразил “радость” по поводу итало-венгерской и венгеро-австрийской дружбы, но не считал бы подходящим превращение ее в блоковые образования, которые вызвали бы лишь недовольство других стран.

В отношении дунайских проблем французский посол выразил мысль, что если они направлены против германской гегемонии, то совпадают с венгерскими интересами. Французы, в то же время, не согласны поддерживать и иные гегемонистские устремления, в частности чешские. Французы желали бы установления хозяйственных основ благоденствия на основе двухсторонних соглашений. Посол спросил премьера, как тот представляет себе условия в отношении возможного конструктивного сотрудничества. Глава правительства ответил, что видит три условия: военное равноправие, под чем он понимает право венгров на такое вооружение (и даже уменьшенное на 10%), которое обеспечило бы им паритет с самым слабым государством Малой Антанты; справедливое решение вопроса меньшинств; определенные ревизионистские требования, которые со временем были бы детализированы на основе соображения гидрографических и этнографических данных.

Французский посол ответил, что по первому пункту можно бы вести переговоры, но лишь в рамках конференции о разоружении, и Венгрия не могла бы получить больше, чем признали бы за Германией. И по второму пункту можно бы беседовать, но третье условие соседи Венгрии сегодня обсуждать не расположены. Он заявил премьеру, что Франция в Праге или иных местах не может достичь всего путем простого нажима; хотя влияние у нее и есть, но навязать им такие планы она не может.

Венгерский премьер ответил, что если бы было достигнуто соглашение по первым двум пунктам, то он был бы готов вести переговоры об экономических делах, а затем можно было бы перейти и к обсуждению третьего условия⁴¹.

Таковы были взгляды основных заинтересованных сторон по решению проблем в Дунайском бассейне к концу лета 1933 г., когда произошло дальнейшее обострение германо-австрийских отношений. В связи с этим 1 сентября постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Шандор Куэн-Хедервари по поручению министра направил в Вену временному поверенному в делах Дьёрдо Бакач-Бешшенеи материалы для личной информации о том, какие указания получил посланник в Берлине, где позиция и опасения венгерского правительства изложены довольно откровенно. В документе отмечалось, что в связи с обострением германо-австрийских отношений министр иностранных дел Венгрии посчитал нужным дать указание посланнику в Берлине посетить Нейрата и сообщить ему, что венгерское правительство и в будущем не будет вмешиваться в спор двух стран. Однако все более обостряющееся положение заставляет его обратить внимание германского правительства на тот упадок настроения в итальянских правящих кругах, наблюдавшийся лично венгерским министром в Риме, который вызван, несмотря на предупреждение, продолжением этого спора.

К. Кания сообщил также, ссылаясь на достоверные источники, что Муссолини не остановится даже перед возможным разрывом с Германией, если его принудят к этому перегибы нацистской пропаганды, хотя это было бы ему и нелегко, учитывая то большое значение, которое он придает хорошим отношениям с Германией. В случае же вторжения австрийской легии (имелась в виду легия, созданная в Германии из австрийских беженцев. — *А. П.*), он помышляет и о военной интервенции и подготовился к ней.

Члены венгерской делегации в Риме решительно высказались за хорошие немецко-итальянские отношения; ухудшение этих отношений они считали бы губительным как для венгерских, так и для немецких

интересов. Кроме того, венгерское правительство попало бы в очень неудобное положение.

Как сообщал венгерский посланник Силард Маширевич, барон Нейрат поблагодарил за сказанное и заявил, что спор между двумя братскими нациями и ему причиняет немало забот и несколько раз он составлял содержание его обмена мнениями с Гитлером. В результате удалось достичь прекращения пропагандистских полетов над австрийской территорией и умерить тон передач радио. Он сказал, что для Германии становится тяжелой проблема увеличивающегося бегства австрийских нацистов. Но Гитлер не думает использовать их для путча в Австрии. Их собирают в лагере в Лехфельде с целью контроля за ними, чтобы исключить возможность их действий по собственной инициативе и собственному усмотрению.

Нейрат заявил, что руководство Германии пока не видит пути выхода из конфликта двух стран, Гитлер категорически против начала переговоров с Дольфусом, о чем он сообщил и Муссолини, который должен бы понять всю бесперспективность посредничества между двумя канцлерами.

Наконец, министр иностранных дел Германии сказал, что поскольку австрийский канцлер в ходе переговоров в Риччоне произвел на дуче менее хорошее впечатление, чем прежде, то сохраняется надежда найти выход из создавшегося тупика, пожертвовав личностью Дольфуса⁴².

Германский МИД имел возможность и другим путем зондировать позицию Венгрии. Так вскоре, в том же сентябре, немецкий посол во Франции Роланд Кёстер прислал в Берлин несколько телеграмм с сообщением о пребывании К. Кани в Париже 15—18 сентября 1933 г. В доверительной беседе с Кёстером К. Кани назвал свой визит в столицу Франции “визитом вежливости” в связи с пребыванием венгерских государственных деятелей в Риме и Берлине. Кани сообщил французским руководителям о невозможности проведения в жизнь плана Тардьё, а также о непринятии Венгрией предложения Э. Бенеша о мире в качестве предпосылки чехословацко-венгерского договора о торговле⁴³.

Кани имел беседу с Полем Бонкуром и Даладьё. Премьер Франции высказал пожелание французского правительства, чтобы Венгрия с пониманием отнеслась к замыслу Бенеша, имевшему целью установление многолетнего политического перемирия, так называемой *треуга деи*.*

* Речь идет о предложении чехословацкого премьера Эдварда Бенеша 1933 г. в Лондоне, согласно которому независимость Австрии может быть сохранена путем экономического объединения стран Средней Европы. Имелось в виду, что и Венгрия способствовала бы этому.

Если бы Венгрия согласилась с этим, то французское правительство готово было бы поддерживать определенные венгерские предложения перед странами малой Антанты, особенно перед Чехословакией, например, в отношении военных вопросов. Кания, по его сообщению Кёстеру, заявил Даладье, что у того не должно быть никаких сомнений относительно отклонения Венгрией принятия на себя таких обязательств, которые, хотя бы и на пару лет, привели бы к прекращению борьбы за ревизию границ и защиту венгерских меньшинств, проживавших на отторгнутых территориях.

Кёстер высказал предположение в донесении своему правительству, что оба государственных деятеля согласились с невозможностью осуществления на практике предложения Эдварда Бенеша и выполнения таким образом пожеланий Франции⁴⁴.

Спустя два дня эта же проблема (визит Кани в Париж) обсуждалась при первой встрече нового венгерского посланника в Берлине С. Маширевича (с 1925 по 1933 г. он был посланником в Праге) с Гитлером. Запись этой беседы сделал госсекретарь германского МИДа Бернхард Бюлов. По этому документу, целью визита венгерского министра иностранных дел в Париж было создать противовес влиянию Бенеша по вопросу Дунайского бассейна. Затем Маширевич перешел к набившей оскомину проблеме необходимости сотрудничества немецких партий с венгерскими в странах, образованных на развалинах Австро-Венгрии, в частности, выразил надежду на создание политического сотрудничества венгров и немцев в Чехословакии, с чем Гитлер соглашался.

Переходя к немецко-венгерским отношениям, Маширевич изложил, точнее повторил, те жалобы, о которых он говорил при встрече с Бюловым 9 сентября; смысл их состоял в критике немецкой периодической печати (он приводил конкретные факты), обвинявшей венгров в мадьяризации представителей немецкого меньшинства. Венгерская печать упрекала Германию в стремлении вернуть ранее мадьяризованных немцев в лоно германское. Гитлер на это не ответил⁴⁵.

11 января 1934 г. Силард Маширевич посетил госсекретаря МИДа Германии Бюлова, и, как обычно, выяснял ряд вопросов, в частности о ходе переговоров по разоружению, о положении в Саарской области и Мемеле, о русско-польских предложениях по проблемам Балтики и др.

Но это была не основная цель его визита. О ней он начал издалика, что кольцо вокруг Венгрии все более сжимается и Германия оказывает Венгрии ценную политическую помощь, но определенные венгерские политические деятели и партии из-за отсутствия конкретных соглашений не ценят ее в достаточной мере. Маширевич заявил, что он думает о более конкретных формах сотрудничества в виде устного со-

глашения или секретного обмена нотами, тем самым венгерскому правительству легче было бы сослаться на прочность и долговременность немецкой поддержки. Маширевич имел в виду заключить соглашение по двум пунктам: экономические связи и какой-либо консультативный пакт об отношениях с Малой Антантой или отдельными ее странами.

В своей записи по поводу этой встречи Бюлов отметил: “Он довольно открыто дал мне понять, что венгерское правительство путем заключения этого консультативного соглашения желает получить гарантии насчет того, что Германия не предоставит Малой Антанте или отдельным ее членам такие преимущества, которые были бы невыгодны Венгрии и не делает такие шаги, которые можно бы интерпретировать так, что Венгрия брошена на произвол судьбы”.

Венгерский посланник подчеркнул, что в последнее свое пребывание в Будапеште он обсудил этот вопрос с К. Каней, и тот в принципе с ним согласен. Но тут же отметил, что у него нет точных указаний правительства, чтобы вести об этом переговоры, но есть полномочия довести эти мысли до сведения⁴⁶.

Маширевич оставил по этому вопросу и памятную записку. В этом документе отмечалось: “По мнению венгерского правительства, это были бы те главные темы, которые составили бы полезную основу для немецко-венгерского сотрудничества”. Далее говорилось, что венгерская сторона считает срочным упорядочение “наших экономических связей” и предлагает как можно скорее начать по этому поводу переговоры. В интересах улучшения немецко-венгерских отношений было бы полезным основательно обсудить политические вопросы Германии и Венгрии в отношении Малой Антанты, особенно Чехословакии, и добиться согласия по ним⁴⁷.

Венгерский посланник просил ответа на эти вопросы через две недели. Но Бюлов тут же отреагировал, что Германия и в помыслах не имеет продолжать моду пактомании и подождет, пока те соглашения, которые сейчас совершаются другими группами стран, со временем, как обычно, потеряют свое значение⁴⁸.

Но Бюлов на этот раз не был искренним. Через несколько дней, 16 января, Германия подписала с Польшей договор о ненападении.

Правдоподобнее выглядит запись на этих документах заведующего отделом германского МИДа Кёпке: “Это нерациональное пожелание, мягко говоря, нахожу наивным! Консультативный пакт о проводимой политике с Малой Антантой приносил бы пользу только одной стороне, венгерской. К тому же желать чего-то такого в то время, когда нет даже перспективы удовлетворительного решения национального вопроса!” Но составленная Маширевичем записка была для гер-

манской дипломатии неудобной. “Отказ, – отмечал Кёпке, – был бы довольно неприятным”⁴⁹.

Не дожидаясь двух недель, 18 января 1934 г. С. Маширевич посетил министра иностранных дел Нейрата с длинным списком различных вопросов. Начал он с того, что те венгерские круги, которые желают перемен в пронемецкой политике венгерского правительства, свое требование базируют на факте отказа Германии от ревизионистской политики. С целью защиты от этих нападок венгерское правительство хотело бы знать, склонны ли германские правители и в будущем поддерживать венгерские ревизионистские устремления. Нейрат ответил, что совсем недавно Маширевич задавал этот вопрос и госсекретарю Бюлову, и он как министр иностранных дел может только повторить то же, т. е. Германия неизменно склонна оказывать венгерским ревизионистским устремлениям моральную помощь.

Выяснял Маширевич, ведет ли Германия переговоры, кроме Польши, со странами Малой Антанты о заключении договора о ненападении. Нейрат дал отрицательный ответ, разъясняя, что кроме общего заявления имперского канцлера (14 октября 1933 г. перед выходом Германии из Лиги наций) о готовности Германии заключить пакт о ненападении со всеми соседями, никакого продвижения в этом вопросе не было.

Затем Маширевич спросил у Нейрата, готова ли Германия регулировать венгеро-немецкие отношения отдельным договором. Нейрат ответил, что он не сторонник лишних пактов. Дружеские отношения, существующие между двумя странами, не могут быть лучше при наличии письменного договора. Эту дружбу, по Нейрату, временами омрачало отсутствие постановления правительства в защиту немецкого национального меньшинства в Венгрии. Маширевич сообщил о готовящемся Гёмбёшем письме Гитлеру по этому вопросу⁵⁰.

В результате имевших место контактов в скрытой борьбе Италии и Германии за гегемонию в Дунайском бассейне в Берлине сделали вывод о необходимости установления более тесных связей с Венгрией, которая не скрывала своего согласия на аншлюс Австрии и видела в ней слабое звено в сотрудничестве трех стран – Италии, Австрии, Венгрии.

Государственный секретарь итальянского МИДа Сувич посетил с 18 по 20 января 1934 г. Вену. По возвращении в Рим он принял венгерского временного поверенного в делах и высказал мнение об освещении его поездки в зарубежной печати, считая его извращавшим истину и не способствовавшим сохранению самостоятельности Австрии, о чем он известил и Париж и Лондон. Он сообщал Дьёрдио Киранди-Лукачу

об усилившейся в Австрии нацистской пропаганде, которая велась там на германские средства и даже германскими гражданами.

Положение канцлера Дольфуса Сувич считал тяжелым, но не безнадежным. Он полагал, что тот преодолеет кризис, если проявит волю как в отношении нацистов, так и красных. Сувич не скрывал неполного согласия итальянской стороны с Дольфусом из-за его недостаточно решительного выступления против красных (т. е. социал-демократов. — *А. П.*), вследствие чего националистически настроенное население ориентируется скорее на нацистов, в то время как, по мнению эмиссара дуче, в Австрии нужно целенаправленное, антианшлюское националистическое движение. В целях укрепления или сохранения влияния Италии в Австрии Сувич убеждал собеседника, что традиции, особое географическое положение и историческое призвание делают обоснованной государственную самостоятельность Австрии несмотря на то, что население там немецкое.

Итальянский представитель обещал Австрии не только полную моральную поддержку, но и дальнейшую экономическую помощь. В отношении таможенной унии, о которой речь шла выше, на этот раз Сувич высказался в том смысле, что в настоящее время в открытой форме осуществить ее невозможно из-за больших политических и экономических препятствий как со стороны Малой Антанты, так и Германии. Трехстороннее совещание по этим вопросам намечалось провести в феврале в Будапеште.

Что касается традиционного вопроса, который всегда интересовал венгерских дипломатов, каковы шансы на примирение Вены с Берлином, на этот раз Сувич считал отношения столь обостренными, что всякая попытка в этой области была бы напрасной, и в настоящий момент скорее вредной, чем полезной⁵¹.

29 января 1934 г. итальянский посланник в Будапеште Асканио Колонна передал венгерскому премьер-министру Д. Гёмбёшу приглашение Муссолини посетить Италию, поскольку после визита Сувича (имеется в виду его поездка 18–20 января в Вену. — *А. П.*) он считает нужной встречу глав правительств Италии, Венгрии и Австрии. К. Кания на следующий день ответил, что венгерский премьер с удовлетворением готов встретиться с названными главами правительств в течение марта и просит передать через посольство Венгрии в Риме подробную информацию о подлежащих обсуждению вопросах. На шифрованную телеграмму от 1 февраля ответил временный поверенный в делах Киранди-Лукач. В итальянском МИДе ему сообщили, что еще нет готового плана этой встречи. Кроме общих вопросов, в первую очередь предполагали обсудить пути заключения таможенной унии трех стран.

Сувич заявил, что он готов со своей стороны сделать решительный шаг вперед. Он высказался за необходимость пересмотра контингента аграрного импорта⁵² из Венгрии.

Италия предприняла в начале 1934 г. целый ряд мер для упрочения своей позиции в Юго-Восточной и отчасти в Центральной Европе до того, как в этом регионе появится Германия. Поездка Сувича в Австрию 18–20 января преследовала цель упрочить прежде всего позицию своих сторонников в Австрии — Хаймвера, склонить Дольфуса к разгрому самой мощной политической оппозиционной силы — социал-демократической партии и ее вооруженных отрядов — шуцбунда с расчетом, что после этого сторонники Дольфуса смогли бы легче справиться и с набиравшим силу в Австрии национал-социалистским движением.

Дольфус 6–7 февраля нанес визит в Будапешт и договорился с Гёмбёшем о готовности довести дела двух стран до таможенной унии, а также получил поддержку на решительный шаг, на который толкали его единственные партнеры на внешнеполитической арене.

12 февраля 1934 г. в Вене начались кровавые события: вооруженные бои. В связи с этим Д. Гёмбёш, выступая в этот день на заседании внешнеполитической комиссии верхней палаты венгерского парламента, заявил о своей готовности поддержать во всех отношениях австрийского канцлера против рабочих, дав почувствовать депутатам, что понимает под этим и вооруженную помощь. И действительно, венгерское правительство в срочном порядке поставило в Австрию боеприпасы для разгрома социал-демократического рабочего движения⁵³.

Этим Д. Гёмбёш думал продвинуть вперед вынашиваемые им планы создания германо-итало-венгеро-австрийского блока и одновременно уменьшить шансы на сближение Австрии с Францией и Малой Антантой, и прежде всего — с Чехословакией. Кроме того, венгерский премьер-министр одновременно полагал устранить одно из основных препятствий — СДПА, на которое наталкивались прежде попытки тайных поставок оружия из Италии в Венгрию (Сентготхард и Хиртенберг).

Еще не утихли бои на улицах Вены, как временный поверенный в делах Венгрии в Австрии барон Дьёрдь Бакач-Бешпеньеи получил указание из Будапешта посетить канцлера Дольфуса и передать ему просьбу Гёмбёша: после 1 марта выдать находившееся в Австрии венгерское оружие, так как после подавления марксистской революции и ожидаемого полного исчезновения влияния социалистов не может быть препятствия, которое можно было бы принимать во внимание⁵⁴.

В случае, если бы отправка оружия была обнаружена, Венгрия заняла бы позицию, что это оружие якобы одолжено австрийскому

правительству для ликвидации революции, что, по мнению Гёмбёша, после разоблачения поставок социалистам чешского оружия не могло вызвать возражений, которые стоило бы серьезно воспринимать.

Ответ Дольфуса был отрицательным. Он подчеркивал, что при данных обстоятельствах он не может передать Венгрии оружие, которое складировалось в Австрии, куда было переслано из Италии после скандала в Хиртенберге. В качестве довода он выдвинул ультиматум Хабихта, в связи с которым существовала возможность всеобщего наступления против него нацистов 28 февраля или в последующие дни, что могло привести к более или менее сильным беспорядкам.

Кроме того Дольфус обращал внимание на поиск всеми социалистами Европы и Америки материала, который можно было бы использовать против его правительства. Разгромленные, но не уничтоженные социалисты Австрии могли передать за рубеж сведения о перевозке оружия и использовать это для новой пропаганды против австрийского правительства. Дольфус считал, что если бы социалисты и не наткнулись на переправку оружия в Венгрию, то это обязательно сделали бы посольства Малой Антанты (особенно Чехии и Югославии), которые располагали отличной разведывательной службой, и обнародовали бы этот факт. В таком случае, полагал канцлер, он бы попал в очень неприятное положение в отношении английского и французского посольств, которым он постоянно заявлял, что военный материал, о котором идет речь, возвращен в Италию. К тому же Австрия продолжала в большой мере нуждаться в поддержке английского и французского правительств, а если бы была раскрыта перевозка оружия, то международный престиж Австрии был бы сильно подорван.

Дольфус отклонил и возможность в крайнем случае сослаться на возвращение оружия, якобы предоставленного австрийскому правительству для разгрома социал-демократов. После этого Бакач-Бешшеней, как он отмечал в своем донесении министру иностранных дел Венгрии К. Кане, "в очень вежливой, но решительной" форме сказал канцлеру, что, по его впечатлению, в Будапеште серьезно рассчитывают на то, что перевозка оружия начнется в обозримое время, и одновременно обратил его внимание на то обстоятельство, что боеприпасы через Хиртенберг беспрепятственно поступали не только сегодня, но даже и в самые критические дни прошлой недели и общественность об этом не узнала.

Дольфус вслед за этим перевел беседу в иную плоскость и сказал венгерскому представителю, что, насколько он помнит, есть договоренность с итальянцами ничего не предпринимать без предварительного обсуждения с ними по поводу перевозки оружия и предложил пе-

ренести этот вопрос на обсуждение при встрече трех глав правительств в Риме.

Бакач-Бешпенъеи в ходе этой беседы с Дольфусом сделал вывод, что несмотря на постоянные высказывания канцлера о глубоких дружеских чувствах по отношению к венгерскому премьеру и Венгрии и нажим с венгерской стороны в ближайшее время Венгрия без поддержки Италии не сможет получить оружие, поскольку приводимые Дольфусом обстоятельства, мешающие этому, могут сохраниться и через 6 недель, и через 6 месяцев⁵⁵.

В результате этот вопрос был перенесен на обсуждение трех глав правительств, встреча которых уже намечалась в Италии.

Но только во второй половине февраля Муссолини, несмотря на препятствия, решил твердо, что соглашение с Третьей империей возможно лишь после прекращения нацистской пропаганды в Австрии и отказа от аншлюса. К тому же правительство Муссолини произвело аресты среди находившихся в Италии немецких нацистов, а печать начала шумную антигерманскую кампанию.

В отчаянном положении Муссолини решил сколотить политический и экономический блок трех стран с явно антигерманской направленностью. Подготовить его были призваны и поездки Сувича в Вену и Будапешт. 21–23 февраля 1934 г. Фулвио Сувич прибыл в Будапешт и в этот же день начал переговоры с премьером Д. Гёмбёшем и министром иностранных дел К. Каней.

В венгерском МИДе основательно готовились к этой встрече. Были подобраны материалы к беседе по трем вопросам: положение в Австрии, положение на Балканах и отношения с Югославией.

В венгерских правящих кругах полагали, что после разгрома социалистов положение Дольфуса в Австрии значительно улучшилось. Если по их расчетам раньше он мог опереться на треть населения, то на этот раз уже можно было говорить и о большинстве (его поддержала бы часть социалистов, и в том числе евреи, которые не могли примкнуть к нацистам). Но нельзя было слишком оптимистически оценивать положение Дольфуса, ибо нацистское движение, великогерманская идеология были живы и надо было учитывать большую моральную и материальную силу, которую Германия использовала по отношению к маленькой Австрии. Правители Венгрии допускали наличие шансов у Дольфуса, если он будет опираться на хаймвер и его руководителей, на которых итальянское правительство может оказывать благотворное влияние.

Поражение, нанесенное социал-демократам в Австрии, в этом документе было расценено как большое преимущество для Италии и Венгрии. Для Малой Антанты это несомненное поражение, и перед ней

встал актуальный вопрос: “аншлос или австро-венгерское сближение”. Она решила его в пользу аншлоса и желала бы склонить к этому и Францию. Но Франция не стала в Вене агитировать за аншлос, а работала над своей новой комбинацией в Дунайском бассейне: совместно с Малой Антантой противостоять влиянию Италии и Венгрии и не допустить сближения Венгрии и Австрии.

В Вене и прежде было сильным влияние Франции, имевшее шансы еще более упрочиться, поскольку политика итальянского правительства против аншлоса проявлялась четко, и с точки зрения Франции и Малой Антанты не было опасно, если бы вынашиваемая в отношении их неприязнь могла бы убедить Италию отказаться от своей прежней позиции. От такого исхода как для Венгрии, так и для Италии можно было ждать только вредные последствия, пока не затихла бы германская пропаганда в Австрии. Основной опасностью в Будапеште все же считали возможную договоренность Малой Антанты с Германией по аншлосу, “если и недвусмысленно, то хотя бы в принципе”.

Проводя политику посредничества, направленную на сближение Италии и Германии, несмотря на Австрию как камень преткновения на этом пути, венгерское руководство пыталось убедить итальянского представителя, что германское правительство придает чрезвычайно большой вес дружбе с Италией, особенно в сегодняшнем своем положении. Венгерская сторона информировала о своем неоднократном предупреждении берлинского правительства, что безудержной нацистской пропагандой оно может толкнуть итальянцев в объятия французов и подготовить франко-итальянское соглашение. В ответ немцы в Берлине каждый раз подчеркивали, что они не хотят аншлоса, и убедили государственного секретаря Сувича в период его визита в Берлин, что вхождение Хабихта в венское правительство не означает аншлоса и не представляет никакой опасности для Италии.

Представители Будапешта высказывали предположение, что имеет место простое недоразумение, которое они рекомендовали рассеять “соответствующей прусскому менталитету грубой откровенностью”. И если итальянское правительство поставит берлинских руководителей перед выбором, тогда можно надеяться на прекращение немецкой пропаганды в Австрии; только таким способом будет возможно сломить в Вене угрозу усиления франко-чешского влияния⁵⁶. Венгрия, конечно, в своих интересах торопила Италию как можно скорее осуществить ее рекомендации.

Сувич начал свои консультации с венгерским премьер-министром Д. Гёмбёшем и министром иностранных дел К. Каней в Будапеште 21 февраля 1934 г. во второй половине дня, они длились два часа. Сувич сделал длинный доклад о том, как в Италии представляют себе

положение дел в Австрии. Он выразил огромное удовлетворение Муссолини по поводу того, что Дольфус “решительно выступил против марксизма”. Гёмбёш разделял эту радость, но вряд ли его обрадовало продолжение этой фразы о том, что это “позволяет теперь сконцентрировать все силы на борьбу с нацистами” и таким путем обеспечить Австрии независимость как фашистскому государственному образованию.

Сувич убеждал венгерских собеседников, что нацисты в Австрии слабее, чем пыталась изобразить их пропаганда, к тому же Дольфус лишил их того основного довода против него, что он якобы не осмеливается выступать против социалистов. И нацисты в этих условиях (не имея оружия) не рискнут попытаться совершить революцию. Он передал мнение Муссолини: вся агитация в Австрии управляется из Германии. Как бы ни развивались события, сообщал Сувич, Дольфус и в дальнейшем может рассчитывать на решительную поддержку Муссолини, которая не ограничится советами Вене, но будет продолжена в печати и дипломатическим путем. Она уже отражена в опубликованном заявлении трех великих держав – Италии, Франции и Англии о сохранении независимости Австрии.

Эта поддержка была особенно ценной в глазах Муссолини, тем более если учесть, что часть европейской печати резко выступала против Дольфуса за расправу над социал-демократами. Из-за этого пошатнулась позиция Дольфуса и в Лиге наций, и Муссолини не рекомендовал ему обращаться с жалобой на Германию в Женеву (Германия не член Лиги наций и не отреагирует, а приведенные в жалобе данные трудно будет доказать).

Гёмбёш в большей части согласился с представлением Сувича о положении в Австрии, но высказал мнение, что Дольфус, к сожалению, колеблющийся человек, от него нельзя ждать быстрых и решительных действий, и неизвестно, удастся ли ему немедленно и соответственно использовать достигнутый сейчас успех. В противоположность данным, которые представил ему МИД Венгрии, Гёмбёш говорил об организованности и постоянном росте численности сторонников нацистов в Австрии, составлявших уже 60% населения. И тут же подбросил Сувичу идею, что в таких условиях Дольфусу хорошо бы найти соглашение с Германией и обратить внимание на подготовку пока еще слабой армии.

К. Каня поддержал Гёмбёша и обратил внимание Сувича на то, что немецкая сторона постоянно говорит о необоснованности венгерских опасений о возможном конфликте между Римом и Берлином из-за австрийского вопроса. Да и консультации Сувича по Австрии в Берлине проходили в самой дружественной форме, и Гитлер якобы дал по-

нять Сувичу, что он из-за такой мелочи, как австрийский вопрос никогда не поставит на карту хорошие германо-итальянские отношения. В то же время, продолжал Кая, Венгрия располагает сведениями, что Италия готова на крайние меры с целью сохранения независимости Австрии, вплоть до введения туда войск. Италия якобы готова идти на помощь Дольфусу и в том случае, если бы в Австрию вторглась “австрийская легия”, организованная в Баварии, или же если бы нацисты устранили его от власти путем внутреннего переворота.

Кая просил изложить позицию Италии по этому вопросу. Одновременно он хотел выяснить, не было ли целесообразно и в Берлине не оставлять никакого сомнения относительно того, что Италия не намерена шутить в австрийском вопросе.

Сувич признал, что итальянское правительство предприняло военные меры в направлении некоторой концентрации войск на австрийской границе, для чего и было отдано распоряжение переместить центр расположения командования веронского корпуса в Больцано. Но одновременно, учитывая новую обстановку в Австрии, выразил надежду, что до применения силы дело не дойдет. Кая отметил возможность возникновения далеко идущих осложнений, если, как об этом ему было известно, и Югославия не сидела бы сложа руки, а вслед за итальянцами ввела бы в Австрию свои войска; аналогичные планы были и у Чехословакии. Сувич не ответил и предложил, чтобы этот сложный и важный вопрос обсуждали в Риме Гембеш и Муссолини.

Отвечая на вопросы К. Кани, Сувич с сожалением констатировал, что беседа с Гитлером по австрийскому вопросу проходила не совсем в таком дружеском настроении, как это изображают немцы. Как сказал Сувич, Гитлер в течение целого часа излагал ему свои взгляды на австрийский народ, который он (Гитлер) считал народом низшего сорта и в каждом слове выражал непоколебимость. По Гитлеру, в связи с постоянно усиливающимся национал-социалистским движением в Австрии, решение австрийского вопроса возможно, лишь если Дольфус немедленно введет в состав кабинета несколько национал-социалистских политиков или если будут назначены новые выборы, на основе результатов которых в Вене будет образован новый кабинет.

Можно себе представить реакцию Гитлера, когда Сувич заявил ему, что Муссолини не примет ни одно из этих двух решений. Теоретически Сувич допускал, что Гитлер прав, и что он (Сувич), если бы был гражданином Австрии, по всей вероятности, присоединился бы к нацистскому движению. Ведь и он сам в период войны был австрийским гражданином, но всегда считал себя сторонником присоединения к Италии. Он продолжал: следовательно, требования Гитлера, по всей вероятности, не противоправные; это, однако, не может изменить того

факта, что они находятся в противоречии с интересами Италии, поэтому он и заметил Гитлеру, что их нельзя решить на справедливой основе.

Сувич сказал также, что, по совершенно достоверным данным, германские нацисты поддерживают нацистское движение в Австрии, ежегодно расходуя на это примерно 4 млн марок⁵⁷.

22 февраля обсуждались отношения с Югославией. Сувич зондировал почву, как бы отнеслись в Будапеште, если бы Италия пошла на сближение с Югославией. Причем госсекретарь констатировал, что при помощи хорватской эмиграции не удалось революционизировать Югославию и следует ожидать упрочения югославского государства, и Италия желала бы создать более дружескую атмосферу в отношениях с Югославией с целью отторжения ее от Малой Антанты. Он учитывал прошлогоднюю готовность Югославии идти на сближение. Развал Малой Антанты был мечтой и хортистов, поэтому расчет Сувича на поддержку Будапешта был как будто беспроектным.

К. Каня считал отношения Венгрии с Югославией столь плохими, что дальше некуда из-за грубого отношения югославов к венгерским гражданам, имевшим земельные владения на югославской стороне; он информировал о замыслах Венгрии обратиться по этому вопросу с жалобой в Лигу наций и интересовался, может ли венгерское правительство рассчитывать на поддержку со стороны итальянского правительства. Сувич ответил положительно.

Гёмбёш же на вопрос Сувича выдвигал условия. Он отметил: центральной программой Венгрии является ревизия и стремление к территориальной интеграции. Он напомнил, что по секретному протоколу, подписанному в Риме в июле 1933 г., Италия взяла на себя обязательства, включив их даже в свою внешнеполитическую программу, поддерживать ревизионистские устремления Венгрии. Из этого вытекает, что Венгрия выдвинутую идею может одобрить лишь в том случае, если ее ревизионистские требования будут удовлетворены. По его мнению, Югославии пришлось бы дорого заплатить, если бы ее полное спокойствие было обеспечено со стороны непосредственно граничащей с ней великой державы — Италии, да и Венгрии. Гёмбёш на этот раз изложил полные территориальные требования в отношении Югославии (до того не было такого случая): вернуть территорию севернее реки Муры, треугольник Бараңя, территории севернее Дуная, между Тисой и Дунаем, а также на левом берегу Тисы, оставив для Югославии вокруг Белграда своего рода плацдарм.

В случае, если эти территории не вернут, Венгрия, напротив, должна вместе с Италией вести политику постоянного давления на Югославию. Правительство Италии не должно предоставлять каких бы

то ни было экономических преимуществ Югославии. К тому же, по его мнению, следовало бы продумать, какими последствиями, с точки зрения исторической перспективы, сопровождалось бы представление свободы действия Югославии на Балканах. Это означало бы, по мнению венгерского премьер-министра, усиление стремления Югославии достичь Салоник, усиление давления на Болгарию идеей создания славянского балканского блока, т. е. означало бы затруднение положения дружественных Венгрии Греции, Турции и Болгарии. Несмотря на все это, если бы Югославия решилась на удовлетворение венгерских территориальных притязаний, и только в таком случае, Венгрия не выдвигала бы возражений против осуществления поднятой идеи, но перейти к экономической или политической кооперации возможно только после достижения этих ревизионистских концессий.

Положение в Малой Антанте премьер-министр оценивал в целом как ослабление ее связей с Францией, чем вызвана большая нервность в Чехословакии и Румынии.

После того как Каня покинул совещание, обсуждались отношения с Болгарией. Сувич напомнил, что они советовали Болгарии не вступать в Балканский блок, ибо этим ее положение ни в коей мере не улучшилось бы. Ей пришлось бы открыто отказаться от мысли о ревизии, и, наряду с этим, она не смогла бы осуществить свою программу в области вооружения. По мнению госсекретаря, итальянское правительство считало ошибкой, что болгары уже давно не установили с турками более тесных отношений, в первую очередь потому, что армия якобы не позволяет отказаться от претензий на возвращение восточной Тракии.

Премьер-министр в ответ заявил, что и Венгрия не рада вхождению Болгарии в Балканский пакт, и он, находясь вместе с министром иностранных дел в Софии, настаивал на улучшении болгаро-турецких отношений. И в этом плане есть некоторые сдвиги. Во время пребывания в Софии венгерская делегация напомнила царю Борису и ведущим политическим деятелям, что территориальные требования Болгарии в четырех направлениях неадекватны соотношению сил и легко могут привести ее к окружению.

Д. Гёмбёш подвел итоги дискуссии, резюмируя внешнеполитическое положение Венгрии, выделив как самое актуальное окончательное выяснение положения Австрии с той точки зрения, чтобы она включалась как надежный и постоянный фактор во внешнеполитическую линию, проводимую Венгрией и Италией, и чтобы ее политика не содержала антинемецкую тенденцию⁵⁸.

Во второй половине дня в беседах участвовал также и К. Каня. В начале совещания выясняли позицию Италии в отношении конферен-

ции о разоружении, затем К. Каня вновь вернулся к Болгарии. Он обратил внимание итальянского собеседника на стойкое поведение болгарского премьера Н. Мушанова в борьбе вокруг Балканского пакта, причем этот разговор К. Каня завел с определенным замыслом, указывая, что болгарский премьер-министр занял благоприятную для Венгрии и Италии позицию благодаря ВМРО (Внутренняя македонская революционная организация), под влиянием которой Мушанов не отказался от территориальных требований. Венгерский министр доверительно сообщил Сувичу о материальной поддержке ВМРО со стороны Венгрии и просил Италию поступить так же. Сувич обещал горячо поддержать перед Муссолини эту просьбу⁵⁹.

Переговоры Сувича с венгерскими руководителями свидетельствовали о наличии, наряду с рядом совпадений, и глубоких противоречий во мнениях, которые предстояло выяснить и преодолеть. Но сама встреча и переговоры в Будапеште вызвали интерес в ряде стран. Об этом свидетельствует и тот факт, что 26 февраля венгерского министра иностранных дел К. Каню посетили швейцарский и шведский посланники и, в связи с визитом Сувича, интересовались целями, которые преследует венгерское правительство в отношениях с Италией.

К. Каня, конечно, не раскрыл перед ними карты, заявив, что Венгрия стремится поднять экономические и торговые отношения со всеми странами, в том числе соседними, до нормального уровня, а политику исключает. Этой цели противостоит концепция Франции, предполагающая осуществление Дунайской конфедерации. Венгрия готова поддержать и такой план, но только взамен территориальных концессий, но это условие соседи не желают принимать, и более того, осенью в Кошице Николае Титулеску не только от имени Румынии, но и всей Малой Антанты угрожал Венгрии войной из-за ее ревизионистских устремлений.

Итало-австро-венгерская таможенная уния — только теоретическое понятие. Но не исключено, что экономическая борьба Малой Антанты заставит Венгрию вступить в блок несмотря на то, что принципом и целью венгерского правительства неизменно и сегодня является защита и политика “свободных рук”.

Венгрии противостоит блок Малой Антанты, продолжал Каня, против которого она защищается путем поиска рынков.

Чехословакия ошибается, полагая, что экономическим давлением может поставить Венгрию на колени. Порвав четыре года тому назад торговые отношения с Венгрией, Чехословакия просчиталась. Венгрия заключила соглашение с Италией, а затем и с Австрией, постоянно развивает Земмерингское соглашение, и чешский рынок заменен другими договорами, в частности договором с Германией⁶⁰.

2-й дополнительный торговый протокол был подписан между Венгрией и Германией 21 февраля, т. е. в тот день, когда Фулвио Сувич прибыл в Будапешт для переговоров с Гёмбёшем. Договор был подписан на 3 года. Он имел оговорки и по поводу возможности досрочного его прекращения. По этому протоколу Германия принимала на себя обязательство размещать ежегодно на немецком рынке 50 тыс. т венгерской пшеницы⁶¹.

Конечно, у Германии были и свои цели, она не желала создания итало-австро-венгерской таможенной унии, сведения о планах создания которой фигурировали в дипломатических документах. Но самое главное, велась упорная борьба между Германией и Италией за влияние в Дунайском бассейне. 26 февраля германский посланник в Будапеште Ханс Георг Маккензен встретился с министром иностранных дел К. Каней (уже после отправки последним телеграммы о пребывании Сувича в Будапеште, в которой он оценил встречу как непосредственную предпосылку римского тройственного соглашения); в результате у Маккензена сложилось впечатление, что темой политической беседы Сувича было определение позиции Венгрии в германо-австрийском споре. Каня строго доверительно вновь заявил, что он, как и Гёмбёш, и на этот раз “выступил на нашей стороне”. Он подчеркивал абсолютный нейтралитет Венгрии в австрийском вопросе и открыто сказал Сувичу, что венгерское правительство нельзя склонить к такому соглашению, которое “каким-либо способом было бы направлено против Германии”⁶².

Каня особо подчеркнул: в том случае, если из-за немецко-австрийского вопроса возник бы открытый конфликт, венгерское правительство будет вынуждено, отложив все остальные решения в сторону, “проводить грубую венгерскую политику”, но что уж точно – в это время уже не он был бы министром иностранных дел⁶³.

Через два дня, 28 февраля, к выяснению отношений между Венгрией и Германией решил подключиться и сам регент Хорти. Незадолго до того Д. Гёмбёш написал письмо Гитлеру, в котором остановился на проблеме положения немецкого национального меньшинства в Венгрии. Вызвано оно было постоянными упреками с германской стороны в неудовлетворительном положении в Венгрии немецкого национального меньшинства. Гёмбёш просил Гитлера прекратить агитацию среди венгерских немцев и способствовать сотрудничеству венгерского и немецкого национальных меньшинств в странах, созданных на развалинах Австро-Венгерской монархии. Гёмбёш выразил готовность обеспечить немецкому национальному меньшинству права в области культуры и просвещения, но считал эту проблему внутренней. Кроме того, Гёмбёш счел нужным в письменном виде изложить претензии

венгерского правительства на восстановление руководящей роли венгров в Карпатском бассейне, для чего и ставил задачу возрождения венгерской империи в ее исторических границах, в чем должна быть заинтересована и Германия⁶⁴.

Регент Хорти в беседе с Маккензеном в самом начале подчеркнул, что до тех пор, пока он стоит во главе государства, основным направлением (как он выразился, “осью”) во внешней политике Венгрии “неизменно останутся дружественные отношения с Германией”.

В то же время регент назвал любые возможные политические узы с Австрией абсурдом. Образно он выразил это так: два тяжелобольные парализованные не станут более жизнеспособными, если объединяться. Абсолютной утопией, по его мнению, являлась также и надежда на восстановление некоторых частей распавшейся в свое время монархии. В интересах венгерского крестьянства нужно развивать торговлю с Италией и Австрией. Но для достижения этой цели нет необходимости устанавливать какие-либо тесные узы. “Если будет осуществлена планируемая встреча трех в Риме, то и там не будут заключены никакие подобные соглашения”.

Основную причину опасений Италии регент видел в страхе перед вечным желанием Германии расширяться в сторону Адриатики. Регент также предлагал посредничество по устройству встречи двух канцлеров – Гитлера и “хорошего немца” Дольфуса, поскольку соглашение между ними неизбежно.

Германский посланник Маккензен в своем донесении в Берлин сообщал, что регент имеет свое твердое мнение и умеет его навязать правительству. В качестве примера приводил проблему признания Советского Союза. Единственной причиной того, что признание его произошло только сейчас (6 февраля 1934 г.), а не 10 лет тому назад, посланник считал “решительность, с которой регент смог противостоять ему до тех пор, пока сам не убедился в его целесообразности”⁶⁵.

В ходе подготовки к встрече трех руководителей государств в печати и по дипломатическим каналам усиленно распространялась мысль, что встреча эта будет носить характер обсуждения экономических проблем. И действительно, в Риме собрались эксперты по экономическим вопросам, они вели переговоры, завершенные только в мае. Английский посланник в Будапеште Патрик Рамсей на запрос своего МИДа сообщал в Лондон 3 марта 1934 г., что встреча в Риме имеет целью прежде всего обсуждение экономических проблем. В качестве подтверждения своей точки зрения он обращал внимание, кроме опубликованных заявлений, и на то, что венгерский министр иностранных дел К. Каня даже не едет туда⁶⁶. Когда же германский посланник Курт Риг 6 марта попросил у Дольфуса информацию о целях перегово-

ров в Риме, тот дал успокаивающий Берлин ответ, подчеркнув, что у него нет намерения создавать таможенную унию, и более того, о заключении какого-либо политического соглашения в письменном виде и речи быть не может⁶⁷.

Здесь следует упомянуть еще об одном факте, а именно о том, что хотя и не сразу, но 1 марта министр иностранных дел Венгрии направил материалы о переговорах Сувича в Будапеште для информации руководителей некоторых своих дипломатических миссий за рубежом (в Риме, Париже, Лондоне, Берлине и Вене). Направляя эти материалы Д. Бакач-Бешпеньеи в Вену, министр разрешил ему (в отличие от других посланников, которым указывалось, что материалы направляются исключительно для их личной информации) обо всем, за исключением взятого в красные скобки, доверительно сообщить и австрийскому МИДу⁶⁸.

Временный поверенный в делах Венгрии в Вене Д. Бакач-Бешпеньеи ответил Калману Кане 7 марта. Он сообщал, что с содержанием документа ознакомил в австрийском МИДе Теодора Хорнбостела, на которого оно произвело большое впечатление, особенно заключительная часть, в которой говорится о плане Муссолини слить воедино уже существующие договоры о дружбе. Хорнбостел заявил, что Сувич в Вене об этом не говорил, и добавил: Австрия ни в коем случае не может дать согласие на это. Обосновал он свою позицию тем, что такая политическая комбинация, в которой участвуют великая держава и два малых государства (которых, к тому же, постоянно пытаются использовать друг против друга), не может привести к добру. Но он полагает (на основе новейших сообщений печати и прочей информации), что в Риме уже отказались от мысли политического договора, если таковая и имела место⁶⁹.

По всей вероятности, ни Австрия, ни Венгрия не восторгались идеей Муссолини сколотить политический блок в Центральной и Юго-Восточной Европе. Приведенные факты свидетельствуют, что руководители Австрии и Венгрии были в курсе замыслов Муссолини, но готовы были вопреки всему успокаивать и себя и других, кто того желал, что в Риме до этого не дойдет. К тому же венгерское руководство хотело сохранить хорошие отношения как с Италией, так и Германией. И Венгрии приходилось маневрировать больше своего западного соседа.

Этим и объясняется активность венгерской дипломатии в те дни в отношении Германии. 8 марта состоялась беседа германского посланника в Будапеште Маккензена с венгерским министром иностранных дел К. Каней. Последний подчеркивал, что встреча произошла по желанию регента Хорти. Венгерские руководители хотели довести до сведения гитлеровского правительства свою отрицательную позицию от-

носителем плана восстановления власти Габсбургов на австрийском или венгерском троне. Князь заверил германского представителя о своей осведомленности, что регент придает большое значение дружеским отношениям с Германией. И в этой встрече предпринималась попытка, направленная на примирение Австрии с Германией. Князь передал слова Дольфуса, согласно которым решение этих противоречий зависит от недвусмысленного заявления имперского правительства о сохранении неограниченной самостоятельности Австрии и обещания не вмешиваться в ее внутренние дела, особенно в формирование состава правительства. Дольфус добавил, что при наличии этих двух предпосылок установить “мир возможно в течение 48 часов”⁷⁰.

9 марта по поручению своего правительства венгерский посланник в Берлине С. Маширевич посетил заведующего отделом германского МИДа Кёпке с заданием сделать доверительное заявление по поводу предстоящей встречи трех в Риме. Маширевич письменно в памятной записке подтвердил, что инициатива встречи трех глав правительств исходила от Муссолини. И это была правда, если вспомнить, что в условиях мирового экономического кризиса планов решения проблем Дунайского региона было немало. Среди них выделялся план Тардье, который поддерживала и Англия. Против выступали Италия и Германия, считавшие Юго-Восточную Европу своей сферой влияния и в этом французском плане видевшие попытку уменьшить их влияние. В противовес и взамен плана Тардье они выдвинули идею создания системы двухсторонних договоров.

Следующим шагом Италии был ее меморандум осенью 1933 г., направленный Англии, Франции, Германии и шести странам Дунайского бассейна, в котором наряду с системой двухсторонних договоров она предлагала предоставить дунайским странам преференции без всяких компенсаций. Этим Италия пыталась уравновесить возрастающую экономическую и политическую активность Германии в этом регионе.

На этот раз, в ходе беседы Маширевича с Кёпке, венгерский посланник вновь заверял, что Будапешт уделяет большое внимание тому, чтобы никакие меры или соглашения не помешали старым дружеским связям с Германией. Но Маширевич был не совсем откровенным, когда заявлял, что предстоящая встреча в Риме будет ограничена обсуждением увеличения торговых отношений. Но тут же добавил (будто ему это не было известно!), что в случае, если итальянская сторона поднимет вопрос и о возможности политического соглашения, то усилия венгерского правительства будут сконцентрированы в том направлении, чтобы формулировки его предоставляли возможность присоединиться к нему и Германии⁷¹.

Поскольку немецкая печать к этому времени уже открыто выступала в защиту германских интересов, К. Каня просил оказать на нее влияние, чтобы усилия Венгрии были выделены и комментировались в доброжелательном духе.

Полученную информацию, как само собой разумеющуюся, Кёпке считал слишком мизерной. И вообще, Германия не видела целесообразности и необходимости в организации Италией тройственного пакта. И чем бы переговоры в Риме не кончились, мировое общественное мнение будет видеть в них антигерманскую направленность, подозревать в них недружественный акт по отношению к Германии; нелегко будет и в Третьем рейхе убедить печать в противном и в соответствии с венгерскими пожеланиями воспрепятствовать появлению недружественных комментариев⁷².

Как видно даже из приведенных фактов, архивные материалы сегодня позволяют восстановить и проанализировать не только предпосылки, цели, но и сам ход переговоров в Риме.

Чувствуя безуспешность своего маневрирования, Маширевич уже на следующий день сообщил Кёпке, что на будущей неделе он намерен вновь поднять вопрос о проекте консультативного пакта. Госсекретарь Бюлов оценил такое поведение венгерской дипломатии как свидетельство угрызений совести и поиска алиби. Пропозиция повторно была отклонена Бюловым, с чем согласился и Нейрат⁷³.

В такой ситуации отправился Д. Гёмбёш в Рим, но не одновременно с Дольфусом, которого он совместно с Муссолини отстаивал перед Гитлером. Прибытие Дольфуса в столицу Италии намечалось на 14 марта.

В полдень 11 марта 1934 г. с Восточного вокзала Будапешта в салон-вагоне, присоединенном к скорому поезду Будапешт—Сомбатхей—Грац—Венеция, Гёмбёш выехал в Рим. На этот раз он ехал не тайно и в одиночку, как в июне 1933 г. для встречи с Гитлером, а в сопровождении целой свиты экспертов и итальянского посланника в Венгрии герцога Асканио Колонны. Да и на вокзале собрались для проводов премьер-представители правительства и ряда министерств.

Освещением целей поездки занялся бывший премьер-министр Иштван Бетлен. В большой внешнеполитической статье, опубликованной в газете “Пешти напло”, он писал, что совещание Муссолини, Дольфуса и Гёмбёша должно сдвинуть Венгрию и Австрию с мертвой точки, где они оказались в результате экономического кризиса. Созвучны венгерской позиции были и правительственные заявления Австрии и Италии, в которых отмечалось, что в центре обсуждения будут

стоять экономические проблемы, в одинаковой мере затрагивающие интересы трех государств.

К этому времени некоторые страны еще не вышли из экономического кризиса. Прошло больше года после прихода Гитлера к власти, но вице-канцлер фон Папен уже успел заявить, что Германия вычеркнула из своего словаря слово пацифизм, а сам фюрер известил о выходе Германии из Лиги наций. В заключении договора с маршалом Пилсудским здравомыслящие политики в Европе видели явный шаг, направленный на обеспечение тыла для захвата Австрии. Мир трепетал от мысли о развязывании новой мировой войны.

Читатели газет и слушатели радиопередач не ждали ничего хорошего от встречи фашистского диктатора Италии Муссолини с канцлером Австрии Дольфусом, прозванным из-за малого роста “карманным канцлером” и “мини-Меттернихом”, и позировавшим в позе “вождя” венгерским премьером Д. Гёмбёшем.

В Венгрии в это время была страшная нищета. Дневной заработок в городах равнялся стоимости трамвайного билета на одну поездку. Налоги были высоки. В селах денег почти не было. В одном из них не могли собрать и 20 пенгё. Страну охватило политическое беспорядок. Часть представителей господствовавших классов, интеллигенции и трудящихся была обеспокоена устремлением гитлеровской Германии в юго-восточном направлении, угрожавшем не только Австрии, но и Венгрии потерей национальной самостоятельности.

Д. Гёмбёш прибыл в Рим вечером 12 марта и на следующий день провел с Муссолини предварительную длительную доверительную беседу. Прибытие венгерского премьера на два дня раньше Дольфуса, по крайней мере, обратило на себя внимание, точнее, становилось ясным намерение Гёмбёша предварительно договориться с Муссолини и поставить австрийского коллегу перед свершившимся фактом.

Запись о встрече с Муссолини 13 марта составил сам Гёмбёш. Согласно этой записи Гёмбёш сообщил Муссолини, что он из-за Австрии прибыл в Рим на день раньше, считая нужным согласовать с дуче позиции до прибытия Дольфуса. Гёмбёш предложил Муссолини обсудить на переговорах внешнеполитическую линию Австрии, поскольку, в основном под влиянием Хорнбостела, Дольфус желает оставить открытым и путь к Франции и Чехии, а “отношения с нами” намерен поддерживать “для вида”. Он высказал мнение, что данная “встреча трех” должна закончиться конкретными решениями, на основе которых можно будет спокойно строить политику на протяжении длительного времени.

Дуче (как, между прочим, он почти всегда поступал) одобрил высказанное Гёмбёшем, поинтересовался мнением венгерского премьера

относительно положения Дольфуса в Австрии (сам он считал его упрочившимся, а Гёмбёш уточнял: “до некоторой степени, да”). Гёмбёш добавил, что Дольфус не использовал шансов достигнутого успеха над красными, а нацисты допустили большую ошибку, когда не поспешили ему на помощь против красных. Но все же притягательная сила немцев сохранилась, тем более, поскольку не реализована победа над красными и не наполнена реальным экономическим содержанием деятельность Отечественного единого фронта. Муссолини ответил, что он постоянно снабжает Дольфуса советами.

Затем Гёмбёш поднял, как он записал, “ставший сейчас актуальным в Австрии Габсбургский вопрос” в качестве второй причины, почему он прибыл на день раньше, чтобы и его выяснить до приезда Дольфуса. Муссолини заявил о неизменности своей позиции, которую он изложил еще летом в согласии с великими державами: вопрос “не актуален”.

Когда же Гёмбёш сказал, что Дольфус не очень жаждет реставрации Габсбургов, движение же терпит в расчете на возможность использовать его в целях защиты, дуче, по мнению Гёмбёша, подтвердил это “очень правильной аргументацией”: поскольку венгры часто делают официальные заявления “о неактуальности”, тем самым, даже помимо воли, дают почву движению за реставрацию Габсбургов. Венгерский премьер принял доводы Муссолини и признался ему, что и сам он стоит на принципиальной позиции королевства, ибо в Святой короне видит силу, хотя правда и то, что из-за отсутствия подходящего кандидата в короли открытость этого вопроса создает опасную ситуацию в венгерской политике, но Венгрия, будучи довольна существующим положением, не хочет создавать иной обстановки.

В связи с этим дуче перешел к обсуждению отношений Венгрии с Германией, заявив, что “и для венгерской стороны самостоятельная Австрия – преимущество”, с чем премьер полностью согласился, но заявил: “Мы не можем выступить против Германии, ибо нуждаемся в активной дружбе с ней против Чехословакии” (ревизионистская борьба), и выразил уверенность, что “Германия и по внешнеполитическим причинам не будет форсировать аншлюс”.

После всех этих заявлений дуче решил припугнуть Гёмбёша с другой стороны. Он перевел разговор на германо-польские отношения, считая, что они содержат антироссийскую направленность, и обратил внимание Гёмбёша на опасность, исходящую из того, что “Германия вскоре будет проводить дружескую политику и в отношении Малой Антанты”.

В ходе дискуссии по этим вопросам венгерский премьер придерживался мнения, согласно которому германо-польское сближение “носит

оборонительный характер”, поскольку полгода тому назад положение Германии между двумя военными державами было весьма критическим. В германо-польском сближении Гёмбёш видел осуществление военного замысла.

Несмотря на то, что руководителям Венгрии очень хорошо было известно о напряженных отношениях в то время между Италией и Германией и ясны были цели Муссолини на этой встрече, Гёмбёш здесь же, на предварительной беседе, счел возможным и нужным вновь обратиться внимание на “преимущества политической и экономической концепции Берлин—Рим—Вена—Будапешт”, в которой Австрия играла бы только роль связующего звена между остальными тремя странами, “но так, чтобы ни с каким иным государством (находящимся за пределами интересов этого круга) она не могла бы поддерживать более глубокие политические и экономические отношения”.

В ходе этой беседы Гёмбёш как бы мимоходом изложил свои скромные цели: “Венгрия чувствует себя призванной проводить в Карпатском бассейне собственную политику, опираясь южнее Дуная на Италию, а на север от Дуная — на Германию”. В записи об этой беседе Гёмбёш отметил: “Дуче, как и Сувич в период его пребывания в Пеште, находится под сильным впечатлением экспансии немецкого колосса в южном направлении”.

Обсудили два премьеры и внутреннее положение в Венгрии, в частности реорганизацию правящей партии. Гёмбёш подчеркнул, что он представляет политику тех кругов, которые группируются вокруг регента Миклоша Хорти. И тут же перешел к важному вопросу о размещении на зарубежных рынках венгерской пшеницы. В связи с этим он отметил, что все вопросы, кроме Габсбургского, могут быть решены в Венгрии в зависимости от цены на пшеницу, о которой он сможет договориться на переговорах в Риме.

Гёмбёш считал невозможным положение, когда цена центнера пшеницы на внутреннем венгерском рынке равнялась 7—8 пенгё, а австрийское правительство продавало ее по 36 шиллингов и “получало 24 пенгё прибыли на центнер пшеницы, выращенной потом венгерских крестьян. Это безнравственно. Поскольку это вопрос быть или не быть, мне нужно упорно настаивать на повышении цены на пшеницу”.

Учитывая также отношения и в торговле Венгрии с Италией (в Риме уже находилась венгерская делегация во главе с Иштваном Винклером и обсуждала те же вопросы), Сувич затронул обмен предложениями сторон и рекомендовал разрешить их⁷⁴.

В тот же день вечером Д. Гёмбёш нанес визит и папе римскому. Тот интересовался, сможет ли Венгрия сотрудничать с Австрией, и

когда премьер спросил, понимает ли собеседник под этим Габсбургский вопрос, папа решительно запротестовал и сказал, что думает о реальном политическом сотрудничестве. Венгерский премьер сообщил о наличии тесной кооперации между двумя странами, и папа выразил свое глубокое удовлетворение этим фактом. Возвращаясь к проблеме королевства, подчеркивая ее неактуальность, папа заметил: “Важны народ и нация, и король существует для них. Поднимать этот вопрос нежелательно и из-за сегодняшнего европейского положения”.

В ходе обсуждения венгерского Национального плана труда (т. е. плана, предложенного Гёмбёшем), о котором папа оказался осведомленным, он высказал и свое отношение к демократии, ссылаясь на Льва XII, Пия X, отмечал, что последний даже не употреблял слова демократия. Пий XI объявил себя сторонником авторитарных систем, ибо “народы счастливы только тогда, если руководят ими сильной рукой”. Причиной тогдашнего трудного положения он считал то, что хотя в целом можно говорить о порядочности народов, этого нельзя сказать об их руководителях, которые ведут народы к гибели⁷⁵.

14 марта прибыл в Рим канцлер Австрии Дольфус, и на следующий день начались политические переговоры трех глав правительств – Италии, Австрии и Венгрии. На переговорах обсуждались следующие вопросы: политическое и экономическое сотрудничество трех стран, единая позиция по вопросу реставрации Габсбургов, выяснение вопроса отношений с Малой Антантой. В ходе дискуссии вновь много говорили об австро-германских отношениях. Но если Дольфус и Муссолини подчеркивали необходимость признания независимости Австрии, то Гёмбёш и на этот раз ставил акцент на важности сотрудничества с Германией с венгерской точки зрения⁷⁶.

В первый день переговоров трех, 15 марта, Гёмбёш и Дольфус получили в письменном виде, в качестве проекта, итальянские соображения о “тайном консультативном пакте трех”. В связи с этим (поскольку Гёмбёш приехал в Рим без министра иностранных дел) премьер-министр Венгрии в тот же день направил в Будапешт К. Кане телеграмму, где просил его высказать свои замечания и сообщил о намерении представить Муссолини венгерский вариант текста, подготовленный в МИДе, с тем чтобы договор мог быть опубликован. Он советовался, надо ли информировать Дольфуса о пакте Венгрии с Италией (заключенном в Риме в конце июля 1933 г.)⁷⁷ и стараться склонить его присоединиться в этому пакту.

В ответной телеграмме К. Каня сообщал Гёмбёшу, что, по его мнению, главным в консультативном пакте является не его открытость или секретность, а то, чтобы “договор был сформулирован по возможности соответственно нашему тексту, но в любом случае таким образом, что-

бы была обеспечена возможность Германии присоединиться к нему". Кая высказал сомнение относительно согласия Дольфуса примкнуть к итало-венгерскому соглашению, заключенному в Риме в июле 1933 г. Он высказал одновременно и уверенность, что "консультативный пакт трех провалится и в результате сопротивления австрийцев"⁷⁸, т. е. Гёмбёшу не следует открыто выступать против него.

В целях сглаживания антигерманской направленности в венгерском варианте соглашения в Риме (он назывался "Дружественный договор о единстве действий между Австрией, Венгрией и Италией") была предложена 4-я статья: "Высокие договаривающиеся стороны будут иметь возможность пригласить, по общему согласию, присоединиться к договору и другие державы"; была изложена и техническая сторона этого процесса⁷⁹. В результате дискуссии это положение было принято, но в несколько иной, более обобщенной форме, что вряд ли удовлетворило венгерскую сторону. Причем Муссолини удалось провести такую формулировку, которая давала ему возможность промолчать, если бы Венгрия обратилась к нему с просьбой пригласить Германию, и в то же время позволяла пытаться перетянуть на свою сторону страны Малой Антанты⁸⁰.

В первом Римском протоколе, подписанном тремя главами правительств, эта мысль сформулирована в следующем виде: "Взаимодействие трех правительств в этом направлении сможет создать объективные предварительные условия для более широкого сотрудничества с другими государствами"⁸¹.

Гёмбёш предвидел такую возможность и взялся составить протоколы хода переговоров (по политическим и экономическим вопросам). В венгерском архиве сохранились два варианта этой записки на немецком языке с припиской в конце на венгерском языке о том, что в последний день, 17 марта, он, Гёмбёш, согласовал с Муссолини и Дольфусом эти протоколы и оба заявили, что в них верно отражен ход переговоров; также отмечено, что, прощаясь, он вручил по экземпляру протоколов Муссолини и Дольфусу.

В этом протоколе записано, что в варианте для печати предложение, начинающееся словами "Реальные предпосылки и т. д.", необходимо интерпретировать так, что, во-первых, оно относится к Германии, а во-вторых, под "государствами" понимается Малая Антанта, "когда она выполнит венгерские ревизионистские требования"⁸².

В протоколе имеют место и пункты, которые не вошли в открытый договор, в частности относившиеся к проблемам передачи задержанного в Австрии итальянского оружия для Венгрии, о чем пойдет речь ниже.

Расчеты венгерской стороны в отношении того, что не стоит слишком рьяно спорить с Муссолини по вопросам, которые может провалить Австрия, частично оправдались. В первый день переговоров с трудом удалось склонить Дольфуса согласиться определить рамки будущих экономических соглашений, и в последний день переговоров тот уступил давлению и пошел на подписание консультативного пакта. Пакт был подписан (его антинемецкое острие притуплено), но не в форме договора, а в виде отдельных трех протоколов, на чем настаивал Гёмбёш. Под его влиянием в протоколы не была внесена формальная запись о гарантиях сохранения независимости Австрии⁸³.

На второй день переговоров обсуждались экономические отношения, в частности размещение на итальянском и австрийском рынках излишков венгерской пшеницы и других сельскохозяйственных продуктов, а также австрийских промышленных товаров в Италии и Венгрии. Главы правительств договорились стимулировать дальнейшие экономические связи и товарообмен, выступая “против нездорового направления на самообеспечение”, расширять существующие отношения, подписав не позднее 15 мая новые двухсторонние соглашения. Специально оговаривалось преодоление трудностей, связанных со сбытом венгерской пшеницы⁸⁴.

Третий протокол регулировал экономические и торговые отношения между Италией и Австрией и был подписан в тот же день, что и первые два – 17 марта 1934 г., но только Муссолини и Дольфусом.

В ходе переговоров глав трех правительств по предложению Д. Гёмбёша было достигнуто принципиальное соглашение, по которому Австрия должна покупать у Венгрии 2,5 млн ц пшеницы по цене 15 пенгё плюс 1,5 пенгё за перевозки до границы. Италия обещала ежегодно по той же цене плюс 2 пенгё за транспортировку покупать у Венгрии 1 млн ц пшеницы и дополнительно по опциону (привилегии) – 1,5 млн ц по заранее установленной цене при уплате определенной премии⁸⁵.

В конце этого документа, составленного на немецком языке, содержится приписка на венгерском, в которой Д. Гёмбёш между прочим отметил, что при прощании и дуче, и Дольфус заявили о своей поддержке венгерского сельскохозяйственного экспорта (в первую очередь пшеницы). “При последнем рукопожатии вновь самым решительным образом повторили свои прежние заявления, ибо прочувствовали их экономическое и политическое значение”⁸⁶.

Однако подписание договора по этим вопросам затянулось, и в результате только 8 мая договорились с австрийской стороной о цене в 20 шиллингов, а с итальянской – в 56 лир за центнер⁸⁷. Причем Авст-

рия обязалась импортировать 2,2 млн ц, а Италия — 1 млн ц плюс опцион на 1 млн ц, а если не воспользуется им — должна уплатить неустойку по 23 лиры за 1 ц⁸⁸.

В ходе переговоров в Риме были достигнуты и тайные соглашения, о которых нет упоминания в подписанных Римских протоколах.

20 марта 1934 г. министр иностранных дел Венгрии К. Каня сообщил временному поверенному в делах в Вене барону Дьёрдо Бакач-Бешшенеи, что запись о политическом соглашении от 15 марта, кроме доведенного до сведения посольства, содержит также пункт, о котором мог знать только посланник лично, а именно пятый пункт.

В этом пятом пункте сказано о достижении договоренности об отгрузке в Венгрию оружия из Австрии, задержавшегося там в связи с Хиртенбергским делом. В Австрии находилось 84400 винтовок и 980 пулеметов, поступивших из Италии, половину оружия решено было передать Венгрии, причем в течение года должна была состояться передача 25 тыс. винтовок и 490 пулеметов⁸⁹. Этим было достигнуто, наконец, соглашение, которое Гёмбёш форсировал через дипломатические каналы сразу после разгрузки в Австрии.

В целом подписание Римских протоколов означало, что Муссолини удалось провести свои замыслы, и итальянская печать не без основания писала в то время о большом внешнеполитическом успехе Италии.

Одновременно необходимо обратить внимание на факт разногласий, в частности по вопросу об отношении к Германии. Ведь позиция Гёмбёша явно не устраивала Муссолини, целью которого было сколотить блок против пытавшейся проникнуть в Юго-Восточную Европу Германии. Венгерский премьер-министр полагал, что намечавшийся союз нужен был прежде всего против Франции и Малой Антанты и должен был привести к сближению с Германией. И когда, еще до возвращения в Будапешт, в Риме Гёмбёш посетил германского посла в Италии Хассела и пытался убедить его в своей позиции, тот резонно заметил, что вряд ли так думает и Муссолини, и в результате этой беседы пришел к выводу, что Гёмбёш ни под каким видом не допустит настроить себя против Германии⁹⁰.

Германия сразу поняла, что Венгрия является слабым звеном в Римских протоколах. Через нее можно будет принятые на себя главами трех правительств обязательства превратить в пустую бумажку. Германия избрала тактику путем нападок на венгерское правительство склонить его к измене своему союзнику. Как показала история, этот шаг был верным, он оказал на хортистов нужное для гитлеровцев воздействие.

Эту тактику проводила в жизнь германская дипломатия, о чем свидетельствует и беседа германского посланника в Венгрии Маккензена с К. Каней 20 марта 1934 г. На беседе присутствовал начальник венгерского генштаба Вилмош Рёдер. Маккензен подчеркивал, что берлинские круги были поражены политическими решениями, принятыми в Риме. Экономические их не интересовали, беспокойство им причинила бы только таможенная уния, о которой до этой встречи было много заметок в печати. К. Каня оправдывался, обращал внимание на те оговорки, которые делала венгерская сторона в ходе переговоров в Риме, а затем отметил, что по этому соглашению Венгрия не приняла на себя новые обязательства, а договоренность о консультациях отнюдь не означает, что венгерское правительство в германо-австрийском споре или каком-либо ином должно занимать такую же позицию, как итальянское, или вести с ним единую политику⁹¹.

На следующий день венгерский посланник в Берлине С. Маширевич в беседе с министром иностранных дел Германии К. Нейратом также пытался убедить собеседника, что Римские протоколы нисколько не ограничивают свободу политического действия венгерского правительства. Нейрат заметил, что его смогут убедить только факты, а на предложение Маширевича, чтобы и Германия присоединилась к Римским протоколам, дал отрицательный ответ, поскольку подписавшие их стороны не желают, а Италия прямо возражает против этого⁹².

В связи с такой ситуацией в тот же день, 21 марта, и сам премьер Гёмбёш решил убедить нацистское правительство в верности венгерских правящих кругов. Он пригласил к себе германского посланника в Будапеште Маккензена, которому заявил, что он уже изложил в Риме немецкому послу Хасселу смысл Римских протоколов, и удивлен, что в Берлине имеются опасения в отношении этих протоколов. Он воспроизвел ход переговоров и вновь подтвердил, что он как Муссолини, так и Дольфусу сообщил мнение венгерского правительства, согласно которому упорядочение общих проблем Центральной Европы нельзя осуществить без участия Германии⁹³. Он также сказал, что считает Дунай естественной разделительной линией между немецкой и итальянской сферами интересов, а “Венгрия требует для себя руководящей роли только в Карпатском бассейне”, и излагал свои инициативы, которые отражены выше.

Но Маккензен заметил, что текст Римских протоколов отличается от изложенных Гёмбёшем взглядов. В этой ситуации Гёмбёш решился на то, что зачитал германскому посланнику места из протокола по проблемам, в которых тот сомневался (ведь протокол составлял сам Гёмбёш, может быть, и для того, чтобы иметь его как алиби перед гитлеровцами).

В действительности, венгерский премьер-министр как в ходе переговоров, так и позже открыто высказывал свою прогерманскую ориентацию, в связи с чем предпринимал попытки сгладить и антигерманскую направленность Римских протоколов. Интересы всех трех участников переговоров в отношении Франции и Малой Антанты совпадали, и Римские протоколы были направлены и против них. Но в то же время Италия и Австрия подписывали эти документы с целью сдерживания германской экспансии в юго-восточном направлении, и в этом плане интересы Италии совпадали с австрийскими, направленными на сохранение самостоятельности своей республики. Со стороны этих двух стран антигерманская направленность Римских протоколов не вызывает сомнения⁹⁴.

В беседах с французскими и английскими дипломатическими представителями итальянские лидеры пытались объяснить необходимость Римских протоколов как средства, при помощи которого можно удержать от германской гегемонии не только Австрию, но и Венгрию⁹⁵.

Германия, проводя в отношении Венгрии свою стратегическую линию, определенное время вообще не занималась венгеро-немецкими отношениями. Только в начале мая Маккензен написал Нейрату неофициальное письмо, где он охарактеризовал М. Хорти “далеко идущим лучшим другом” (Германии. — *А. П.*) в Венгрии, для которого дружеские связи с Берлином имеют приоритетное значение над связями с Римом⁹⁶.

Этот документ свидетельствовал о готовности Хорти содействовать Гитлеру в решении австрийского вопроса в соответствии с замыслом немецких нацистов, т. е. не принимая во внимание обязательства, взятые на себя Венгрией по Римским протоколам.

Но в это время у Гитлера уже созрело иное решение и он вел подготовку к свержению проитальянского режима Дольфуса.

Министр иностранных дел К. Каня не мог обойти вниманием Римские протоколы в выступлении в палате представителей венгерского парламента при обсуждении бюджета на внешнеполитические цели 16 мая 1934 г. несмотря на то, что до него вопрос затрагивал в своем выступлении и премьер-министр Д. Гёмбёш. Каня напомнил, как благодаря договору о дружбе Венгрии с Италией от 6 апреля 1927 г. Венгрия вышла из внешнеполитической изоляции и перед ней открылась широкая “возможность движения”. Вслед за этим улучшились и венгеро-австрийские отношения, и если в 1920 г. австрийский канцлер К. Реннер мог бахвалиться тем, “что Венгрия политически изолирована”, то канцлер Дольфус в свое последнее пребывание в Будапеште “мог уже охарактеризовать венгеро-австрийские отношения

как таковые, которые никогда ранее не были столь хорошими и тесными”.

И наконец, продолжал он, в середине марта этого года в Риме собралась конференция трех, “на которой в торжественной обстановке достигнуто действительное сближение и дружба венгерского, итальянского и австрийского народов”.

Римские протоколы вызвали, как и предполагалось, большой интерес общественного мнения по всей Европе и были подвергнуты иногда прямо противоположной критике. Министр подчеркивал, что оптимисты и пессимисты, интриганы и серьезные объективные политические деятели соревновались между собой в интерпретации духа и целей Римской конференции. Одни утверждали, что в Риме создана новая “группировка государств, которую следует воспринимать весьма серьезно”, поскольку она “еще больше усилит существующую напряженность”. Другие, в противоположность этому, писали в спокойном и примирительном тоне и, исходя из того обстоятельства, что ревизия в них не упомянута, хотели любой ценой сделать вывод, что согласие с этими протоколами со стороны Венгрии “означает отказ от прежних национальных устремлений”.

В отличие от этих явно тенденциозных сообщений, считал министр, ответственнейшие деятели, направлявшие общественное мнение в Европе, объективно оценили совещание в Риме и видели в нем “первый серьезный шаг, направленный на разрушение автаркических устремлений и создание экономического сотрудничества”.

По мнению же самого К. Кани, которое он высказывал перед парламентариями, “в действительности подписанные в Риме протоколы не означают никакого отклонения от прежней политики, проводившейся тремя странами”, которая и в будущем сохранится такой же. Явно стремясь ввести в заблуждение и депутатов парламента, и общественность, министр утверждал, что это якобы “искреннее сотрудничество трех суверенных государств, базирующееся на старых традициях единства интересов и обоюдных симпатий, которое вообще не имеет политического острия, направленного против других стран”⁹⁷.

Вопрос об открытости Римских протоколов, возможность присоединения к ним, К. Кани из политической области, как это было в действительности, в своем докладе перенес в область экономики, подчеркивая, что римские документы призваны на практике воплотить в жизнь принципы договоренности в Стресе, из чего ясно видно, что и для других стран открыта возможность сближения, если они к этому стремятся с “правильным сознанием общих интересов и в духе примиренчества”.

К. Каня при этом включил туда и Малую Антанту, но в ином смысле, как это понимал Муссолини. Он сказал, что Венгрия, как прежде, так и теперь, заявляет, что с ее стороны нет никаких препятствий в установлении нормальных экономических отношений, и даже наоборот, “мы этого искренне желаем, и если бы Малая Антанта хотела тесного экономического сотрудничества с нами, то ей нужно для этого создать реальные предпосылки”.

Он подчеркивал, что Венгрия не изменила давно уже занятой позиции, что такие торговые договоры должны заключаться на двухсторонней основе отдельно с каждой страной. “Только такая система отвечает духу, который господствовал на Римской конференции и который не может быть согласован ни с какой блоковой политикой”.

Затем министр отметил, что когда Венгрия стала на путь венгеро-итальяно-австрийской дружбы, она руководствовалась не чувством мести, хотя, несомненно, этому существенно способствовали постоянное сильное политическое давление и экономическая изоляция со стороны Малой Антанты. Теперь же, после достижения поставленных целей, Венгрия более свободна во внешней политике. А в экономической области после заключения соглашений с Италией, Австрией, Германией и Швейцарией она на деле стала независимой от рынка Малой Антанты, в частности от чехословацкого. Но Венгрия отнюдь не желает эту новую улучшенную позицию использовать для дальнейшего обострения положения в Европе. Более того, она охотно пошла бы на экономическое сближение с теми странами, у которых есть для этого добрая воля “без всякой задней мысли”.

В связи с выдвиганием тезиса наличия “доброй воли”, К. Каня разъяснял: этим он хочет сказать, что заранее не занимает отрицательную позицию, хотя и не может промолчать о наблюдавшихся в последнее время определенных явлениях, таких, как слишком воинственные заявления министров отдельных соседних стран, переговоры начальников генеральных штабов Малой Антанты и необузданность антиревизионистских движений, которые “вызывали во мне определенные сомнения в отношении искренности стран Малой Антанты. Эти мои сомнения усиливала та беспримерная беспощадность, с которой с определенного времени относятся эти страны к нашим кровным братьям, проживающим за рубежом”⁹⁸.

Материалов о положении венгерского национального меньшинства в Румынии, Чехословакии и Югославии в венгерских архивах было накоплено предостаточно. 19 марта 1934 г. МИД Венгрии доверительно разослал во многие свои зарубежные миссии Меморандум барона Белы Сентмиклоши, депутата румынского парламента, направленный премьер-министру Георге Татареску (одновременно, в тайне, и

временному поверенному в делах Венгрии в Бухаресте), в котором на 16 листах изложены жалобы на притеснения венгерского национального меньшинства в Румынии⁹⁹.

Быстро сменявшееся события в Европе весной и летом 1934 г. ставили венгерскую внешнюю политику перед целым рядом новых проблем.

¹ Dokumenten on German Foreign Policy. Serie C. V. I. P. 29; *Ránki György. A Római hármos egyezmény és a német külpolitika // Századok, 1960. 645–646.old.*

² OL. K-63. 1933. 21. 30.

³ *Berend T. Iván, Ránki György. Magyarország a fasiszta Németország "életterében" 1933–1939. Bp., 1960, 95–102.old.; Pritz Pál. Magyarország külpolitikája Gömbös Gyula miniszterelnöksége idején. 1932–1936. Bp., 1982. 150.old.*

⁴ OL. K-64. 1933. 20. 148. 178.

⁵ Ibid. 181.res. pol.

⁶ Ibid. 186. 16–18. l.

⁷ Ibid. 194. 13–15. l.

⁸ Ibid. 208. l.

⁹ Ibid. 8–10.l

¹⁰ Ibid. 235. 5–7. l.

¹¹ DGFP. S. C. V. I. 109.

¹² OL. K-63, 1933, 21. 8; *A Wilhelmstrasse és Magyarország. Bp., 1968, 45.old.*

¹³ *A Wilhelmstrasse és Magyarország... 46.old.*

¹⁴ OL. K-81. 1933. 8.főn. 1–3. l.

¹⁵ *Karsai Elek. Iratok a Gömbös – Hitler találkozó (1933 június 17–19) történetéhez Bp., 1962. 55.old.; Juhász Gyula. Magyarország külpolitikája. 1919/1945. Második, átdolgozott kiadás. Bp., 1975. 149–150.old.*

¹⁶ OL. K-81. 1933. 13.főn. 1–5. l.

¹⁷ OL. K-64. 1933. 20. 296.

¹⁸ DGFP. Second Series. Vol.V. 397; *Ránki György. Op. cit. 648.old.*

¹⁹ *Az 1931.évi július hó 18-ra hirdetett Országgyűlés Nyomtatványai. Képviselőházi Napló. XVII.k. Bp. 352–362. 426–428.old.*

²⁰ *Új Nemzedék. 1933. 20.VI.*

²¹ OL. K-81. 1933. 12.főn. 8–13.l.

²² DGFP. C. V.I. 615.

- ²³ OL.K-35. Gömbös Gyula iratai.
- ²⁴ OL. K-64. 1933. 343.
- ²⁵ Ibid. 23. 310.1–2.1. Поручение Кани Маширевичу от 11 июля 1933 г.
- ²⁶ Ibidem.
- ²⁷ OL. K-64.1933. 20/7. 1909; K-80. 1933. 18.főn. 1–2.1.
- ²⁸ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 52–53.old.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ OL. K-64. 1933. 23, 353.
- ³¹ OL. FT. 10926.d. 9722/E 683437. Deutsche Gesandtschaft/Budapest. P-24. Nationalitäten in Ungarn. 1935.
- ³² Ibid. 476.cs. Vegyes bizalmas Anyag 333–334.1.; K-64. 1933. 23. 353.
- ³³ DDF. I. 3, 438.sz.; *Petersen Jens*. Hitler–Mussolini. Die Entstehung der Achse Berlin–Rom 1933–1936. Tübingen, 1973. S. 220.
- ³⁴ OL. K-64. 1933. 23, 353.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 53–54.old.
- ³⁷ *Ránki György*. Op. cit. 654–655.old.
- ³⁸ OL. K-64.1933. 406.res.pol. 1–3.1.
- ³⁹ Ibid. 381. res. pol. 1–2.1.
- ⁴⁰ Ibid. 382. res. pol. 1–2.1.
- ⁴¹ Ibid. 11. 366, 1–3.1.
- ⁴² OL. K-81. 1933. 24.főn. 1–3.1.
- ⁴³ OL. FT. 10936.d. 5966/E 438464–438466.
- ⁴⁴ DGFP. C. V. I. 432.
- ⁴⁵ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 59–60.old.
- ⁴⁶ OL. FT. 10937.d. 2980/E 380495.
- ⁴⁷ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 62.old.
- ⁴⁸ OL. FT. 10937 d. 2980/E 380496.
- ⁴⁹ Ibid. E 460169.
- ⁵⁰ A Wilhelmstrasse és Magyarország. 63–64.old.
- ⁵¹ OL. K-81. 1934. 1.főn. 2–7.1.; OL. K-64. 1934. 34.23.
- ⁵² OL. K-64. 1934. 37.res.pol.; 46.res. pol. 1–11.1.
- ⁵³ PIA, 685.f. 39.d. 4.őe.
- ⁵⁴ OL. K-81, 1934. 3.főn. 8.1.
- ⁵⁵ Ibid. 1–4.1.
- ⁵⁶ Ibid. 64. 1934. 23. 81 (96). 18–20.1.
- ⁵⁷ Ibid. 96 (81). 2–10.1.
- ⁵⁸ Ibid. 13–15.1.

- ⁵⁹ Ibid. 16–17.l.
⁶⁰ OL. K-84. 1934. 116.biz. 1–3.l.
⁶¹ *Pritz Pál*. Op. cit. 160.old.
⁶² A Wilhelmstrasse és Magyarország... (5 p.) 70.old.
⁶³ Ibid. 71.old.
⁶⁴ Ibid. 67–71.old.
⁶⁵ Ibid. 71–73.old.
⁶⁶ DGFP. V. VI. 505.
⁶⁷ DGFP. C. V. II. 558.
⁶⁸ OL. K-64. 1934. 23. 81. 1–3.l.
⁶⁹ OL. K-81, 1934. 4.főn. 1.l.
⁷⁰ A Wilhelmstrasse és Magyarország... 77–80.old.
⁷¹ Ibid. 76.old.
⁷² Ibid. 77.old.
⁷³ DGFP. C. V.II. 580.
⁷⁴ OL. K-64, 1934, 23. 103, 12–16.l.
⁷⁵ Ibid. 17–18.l.
⁷⁶ Ibid. 29–30.l.
⁷⁷ *Ránki György*. Op. cit. 652–653.old.
⁷⁸ OL. K-58. B. 1934. 6.
⁷⁹ OL. K-64. 23. 103. 22–26.l.
⁸⁰ Ibid. 29–20.l.
⁸¹ Nemzetközi Szerződések 1918–1945. Összeál. Halmosy Dénes. Bp., 1966. 340–341.old.
⁸² OL. K-64, 1934. 23. 103. 29–30.l.
⁸³ Ibid. K-63. 1934. 21/1. 1971; 1934. 20/7. 6746.
⁸⁴ NSz. 342–343.old.
⁸⁵ Ibid. 344–345.old.
⁸⁶ OL. K-64. 1934. 23. 103. 38–40.l.
⁸⁷ OL. K-69. 1934. 9. 456.
⁸⁸ Ibid. 158.
⁸⁹ OL. K-64. 1934. 23. 103. 5–6.l.
⁹⁰ DGFP. C. V.II. 630.
⁹¹ Ibid. 646.
⁹² Ibid. 649.
⁹³ Ibid. 651.
⁹⁴ OL. K-64. 1934. 23. 125; 1934. 930.
⁹⁵ DGFP. S.II. V.VI. 565, 569.
⁹⁶ Ibid. 809.
⁹⁷ OL. K-84. 1934. 119.biz. 5–7.l.

⁹⁸ **Ibid.** 7–8.l.

⁹⁹ **Ibid.** 118.biz. 1–17.l.

Глава вторая

Европа и Венгрия во второй половине 1934 и начале 1935 г.

Период с середины 1934 до начала 1935 г. характеризовался выходом многих стран из мирового экономического кризиса, попыткой перегруппировки политических сил в Европе, стремлением малых государств к обретению полного суверенитета и усилению их экономической и политической независимости от великих держав.

Венгрия во внешней политике шла на тактические уступки, открыто подчеркивая стремление достижения своих ревизионистских целей мирным путем.

Венгерских дипломатов беспокоило заигрывание Германии с Югославией, что могло перечеркнуть ее расчеты на иностранную помощь в достижении территориальных претензий в отношении своего южного соседа. Любое двухстороннее соглашение Венгрии с Югославией могло бы ослабить союз Малой Антанты. Но здесь было одно "но". Страны Малой Антанты договорились вступать в переговоры с Венгрией только совместно. Сведения об этом тайном соглашении дошли и до венгерского МИДа.

Венгеро-югославские отношения до конца 1933 г. были тесно связаны с развивавшимися венгеро-итальянскими отношениями и заметно колебались в зависимости от пожеланий и интересов Италии в данном регионе Балкан. Основной стратегической целью внешней политики Венгрии было возвращение в состав своего государства ряда земель, которые после первой мировой войны перешли к Югославии. Территориальные требования хортистов к Югославии по сравнению с другими странами Малой Антанты были незначительны, поэтому они соглашались с настойчивой рекомендацией как Италии, так и Германии временно отодвинуть претензии к Румынии и Югославии на задний план и первоначально все усилия сосредоточить против Чехословакии. Хортисты в связи с создавшейся ситуацией предпринимали попытки примирения с югославским правительством, которые периодически

повторялись после известного выступления регента Хорти в Мохаче в 1926 г.

Но Венгрия продолжала поддерживать стремление Италии развалить югославское государство изнутри. Этим и объяснялось заигрывание с оппозиционными партиями и течениями в Югославии, а также с вынашивавшей сепаратистские планы экстремистской частью хорватской оппозиции, которая находила прибежище как в Италии, так и в Венгрии, а также в ряде других стран. Между тем, к 1934 г. положение на Балканах и в Дунайском бассейне значительно обострилось. Напряженность в отношениях между Италией и Югославией достигла высшей точки. Югославию больше всего беспокоила дипломатическая активность Италии в Центральной и Юго-Восточной Европе, направленная на создание блока, который бы обеспечил и усилил ее влияние в названном регионе. Вырисовывались контуры возможного тесного сотрудничества Италии с Венгрией и Австрией. Югославию раздражало и наметившееся после прихода к власти в Германии Гитлера итало-немецкое сближение, которое могло привести к их сотрудничеству в пересмотре границ, установленных в результате создания Версальской системы, хотя по некоторым вопросам в отношении Австрии намерения Германии и Югославии совпадали (отрицательное отношение к планам реставрации Габсбургов на австрийском троне, противодействие усилению влияния Италии в Австрии, в связи с чем Югославия склонялась к аншлусу). Германия понимала это и пыталась использовать для развала Малой Антанты и вытеснения французского влияния из этого региона.

Югославское правительство понимало и слабость Малой Антанты, и ненадежность попыток опереться на Германию, а поэтому искало дополнительных гарантий, активно включившись в создавшийся по инициативе Франции Балканский пакт.

Балканский союзный пакт рассматривался как региональная организация, созданная с целью сохранения статус-кво на Балканах. Важнейшими предпосылками его создания были договор о дружбе и нейтралитете между Грецией и Турцией, подписанный 30 октября 1930 г., и договор о сотрудничестве между этими двумя странами, заключенный 4 сентября 1933 г., по которому они взаимно гарантировали границы друг друга и положили конец вековой вражде между двумя странами, фактически продолжавшейся со времени падения Византии (1453 г.).

Кроме того, 21 марта 1928 г. был подписан договор о ненападении между Румынией и Грецией, а 27 марта 1929 г. — договор о дружбе и ненападении между Югославией и Грецией, а затем такие же дого-

вора: 18 октября 1933 г. — между Румынией и Турцией, 7 ноября 1933 г. — между Югославией и Турцией.

Окончательно замыслы Балканской Антанты были согласованы в первых числах февраля 1934 г. в Белграде. Министры иностранных дел Югославии, Румынии, Турции и Греции подготовили приемлемый текст и 9 февраля 1934 г. в Афинах был подписан документ об учреждении этой организации. Согласно ему названные страны брали на себя обязательства взаимно гарантировать безопасность всех их балканских границ, а также консультироваться о мерах, которые следовало предпринять в случае угрозы их интересам¹.

В преамбуле отмечалось, что участники пакта полны решимости честно выполнять обязательства по ранее подписанным договорам и обеспечить сохранение территориального статус-кво на Балканах.

Органической составной частью пакта был объявлен подписанный тогда же министрами иностранных дел названных стран протокол, в котором трактовалась сущность обязательств, взятых ими на себя. Он состоял из девяти пунктов. В самом начале определялось, кого следует считать агрессором (за основу определения была взята вторая статья Лондонского соглашения от 3—4 июля 1933 г.). Поскольку Балканский пакт — оборонительный союз, то вытекающие из него обязательства перестают существовать по отношению к стране-агрессору.

В протоколе заявлялось, что Балканский пакт не направлен против ни одной державы. Целью его является обеспечение безопасности балканских границ против нападения со стороны любого государства.

Если бы одна из высоких договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны небалканской державы и к этому нападению одновременно или позже присоединилось бы балканское государство, обязательства, вытекавшие из пакта, были бы направлены в полной мере и против этой балканской страны.

В протоколе подчеркивалось, что сохранение тогдашнего территориального размежевания на Балканах для договаривающихся стран окончательное. В нем фиксировалось, что взятые на себя обязательства сторон рассчитаны на два года или на период, установленный в течение этих двух лет (срок действия допускалось определить не менее, чем в пять лет). Специально оговаривалось, что в течение этих двух лет денонсировать пакт невозможно. Если в условленный период срок действия пакта определен не будет, то он устанавливался на пять лет после истечения двух лет, а затем автоматически продлился на пять последующих лет, если одна из входящих в него стран не откажется от него за год до истечения срока, но раньше этого годовичного срока выйти из пакта было невозможно².

Позже, 2 ноября 1934 г., в Анкаре на заседании Постоянного совета Балканского союза был принят его статут, с целью придания органической и постоянной основы дружеским и союзническим отношениям четырех балканских стран. В нем указывалось, что в качестве общего политического органа четырех государств Балканского союза создается Постоянный совет, состоящий из министров иностранных дел названных стран. Постоянный совет принимает решения единогласно. Кроме связи обычным дипломатическим путем, Постоянный совет в обязательном порядке проводит не менее двух заседаний в год. Обязательные заседания проводятся поочередно в странах союза, а внеочередные можно было созывать даже в Женеве. Председательствуют в Совете поочередно в течение года министры иностранных дел Греции, Румынии, Турции и Югославии. Сроком отсчета смены считается 9 февраля 1934 г.

В обязанность председателя Совета вменялось проявлять инициативу в назначении времени и определении места заседаний, повестки дня и подготовки намеченных постановлений.

Устанавливался принцип полного равноправия четырех государств при обсуждении всех вопросов, касались ли они взаимоотношений между собой или третьих стран.

По уставу учреждался экономический совет четырех государств (совещательный орган) в составе хозяйственных, торговых и финансовых специалистов, а также секретариат при Постоянном совете, с местом пребывания в столице председательствовавшего в каждом году³.

За Балканской, как и за Малой Антантой, стояла Франция. Основной их целью было сохранение в Центральной и Юго-Восточной Европе порядка, установленного Версальской системой. Они дополняли и перекрывали друг друга. Два государства Малой Антанты (Румыния и Югославия) вошли и в Балканский пакт. Если первая имела целью изолировать и держать под контролем Венгрию, то Балканская Анганта фактически пыталась окружить Болгарию. Как Венгрия, так и Болгария были заинтересованы изменить мирные договоры, навязанные им после поражения в первой мировой войне.

Венгрию беспокоило не только то, что Болгария, единственное государство на Балканах, с которым у нее были хорошие отношения, тоже стала ограничена в своих внешнеполитических действиях. Правящие круги Венгрии были озабочены тем, что в Балканском союзе оказалась и Турция, с которой у нее до того складывались весьма благоприятные отношения.

В материалах венгерского МИДа, подготовленных для Дюлы Гёмбёша и Калмана Кани по поводу встречи с госсекретарем итальянского

министерства иностранных дел Сувичем, состоявшейся в Будапеште 21–23 февраля 1934 г., т. е. почти непосредственно после подписания Балканского пакта, не обойден и этот сюжет.

Но сочинители этих материалов были не очень искренними и точными. Они утверждали, что создание Балканского пакта для венгерской стороны сопровождалось двумя последствиями. Во-первых, вывело Венгрию на путь в Москву (хотя переговоры о признании СССР и установлении с ним дипломатических отношений Венгрия вела уже с декабря 1933 г. — *А. П.*), поскольку стало ясно, что “только оттуда можно будет оказать влияние на Турцию и смягчить плохие результаты пакта”.

Во-вторых, политическое пробуждение Болгарии: болгарское правительство вело себя мужественно и оказалось на высоте. В интересах Венгрии надо было и в будущем поддерживать это состояние, для чего имелось много разных способов. Одним из них, наиболее действенным и неизбежным, было упрочение Македонского комитета (имеется в виду ВМРО. — *А. П.*). В материалах венгерского МИДа говорилось, что эта отличная и испытанная организация великолепно действует, но находится в тяжелом материальном положении в результате всеобщего обнищания; отсутствие двигателя дела тормозит ее активность, поэтому в последнее время и венгерское правительство оказывает ему материальную помощь, но этих скромных средств, естественно, недостаточно. Намечалось увеличить сумму помощи Македонскому комитету. “Уверенно можно сказать, что если Македонский комитет живет и процветает, мы можем спокойно спать, ибо в таком случае усилится болгарское национальное чувство и станет невозможным сербско-болгарское сплочение”⁴.

Немного позднее, в середине мая 1934 г., министр иностранных дел Венгрии уже в других условиях и другому адресату расставил иные акценты. Выступая в палате представителей парламента, т. е. на открытом форуме, при обсуждении госбюджета министерства иностранных дел он затронул и Балканский пакт. К. Кания напомнил парламентариям, что этот пакт был подвергнут строгой критике и в Венгрии, прежде всего за то, что он упрочил фронт, выступавший против венгерских национальных устремлений. Отмечалось и то, что в пакте участвуют две страны Малой Антанты, освободившиеся от опасности нападения с юга и востока и обеспечившие себе еще большую свободу акций против Венгрии.

Министр представил парламентариям Балканский пакт как действительную попытку “увековечить положение, созданное мирными договорами”. Для достижения этой цели, по мнению Кани, они стре-

мятся обеспечить себе дружбу Советского Союза и склонить его присоединиться к антиревизионистскому фронту. Он допускал, что целью его, может быть, является исключение влияния любой великой державы, в настоящее время и в будущем, как в Центральной Европе, так и на Балканах.

Венгерский министр иностранных дел считал, что исходной ошибкой пакта была ложная предпосылка его творцов, попытавшихся “организовать защиту от несуществующей опасности”, поэтому переоценивать его не следует. Он сообщал в парламенте о своем неверии, что Югославия якобы опасалась нападения со стороны Греции или Болгарии. Ведь сама Болгария во время переговоров вокруг Балканского пакта предложила подписать договор о ненападении, что ясно свидетельствовало, насколько она далека от всякого намерения о нападении. Причем Болгария выдвигала лишь одно условие, чтобы в договоре была снята дифиниция Политиса (вторая статья Лондонского соглашения) об агрессоре, которая в 1933 г. впервые была применена в договорах о ненападении России с ее соседями, а затем России со странами Малой Антанты, где агрессором считалось и то государство, которое не препятствовало организации на ее территории нерегулярных отрядов.

Поскольку, по-видимому, К. Каня не был знаком с текстом Балканского пакта, он утверждал, что якобы среди стран, подписавших этот договор, возникла неразбериха в связи с интерпретацией пакта Грецией, по которой обязательства пакта прекращают свое действие, если балканская страна подвергается нападению со стороны великой державы. Это, по мнению Кани, побудило Югославию заключить с Болгарией договор о ненападении.

Болгария тем, что не присоединилась к Балканскому пакту, вызвала в европейском общественном мнении интерес к болгарским ревизионистским требованиям. Престиж Болгарии возрос. Тогда К. Каня заявил, что с точки зрения венгерских интересов он вообще не видит вредного влияния пакта. Гарантии, данные друг другу договаривающимися сторонами, относятся исключительно к балканским границам, в результате чего никак не могут затрагивать те хорошие отношения, которые связывают Венгрию с Турцией, Болгарией и Грецией. И действительно, договор о нейтралитете с Турцией, заключенный несколько лет тому назад, недавно был продлен на 5 лет, а старые хорошие венгеро-болгарские отношения были подтверждены и подчеркнуты в период пребывания венгерского премьера и министра иностранных дел в Софии осенью 1933 г. и недавнего визита Н. Мушанова в Будапешт.

К. Каня в этом своем выступлении сделал вывод, что положение Венгрии после подписания Балканского пакта ни в чем не изменилось⁵.

Несмотря на такое оптимистическое заявление, все же эта проблема продолжала беспокоить руководителя внешнеполитического ведомства Венгрии. На заседании внешнеполитической комиссии палаты представителей (проводились они закрыто) К. Каня 8 июня 1934 г. дополнил сведения о Балканском пакте “некоторыми небезинтересными частностями”. В связи с опубликованной частью документов об учреждении этой организации министр считал, что пакт окончательно все еще не оформлен. И более того, становится источником новых осложнений. Он отметил, что Николае Титулеску при помощи этого пакта намерен упрочить свою позицию против Советской России. При помощи Франции в него вовлекли министра иностранных дел Турции Тевфик Рюштю Араса, который, “по моему скромному мнению”, сказал К. Каня, стремился и сегодня стремится обеспечить безопасность Турции от несуществующего болгаро-итальянского нападения. Из объединения этих двух интересов, утверждал К. Каня, возник Балканский пакт или, по-другому, замысел взаимных гарантий границ балканских государств, к которому присоединилась Греция, а затем и Югославия. Первым тормозом пакта стала Советская Россия, которая боялась отпадения от нее союзной с ней Турции.

Турецкое правительство под давлением России еще до подписания пакта 3 февраля 1934 г. просило в письменной форме и получило от балканских стран, подписавших пакт, гарантию, что пакт не сможет втянуть Турцию в войну против Советской России. Вслед за этим под давлением парламентской оппозиции, руководимой Эл. Венизелосом, Греция вынуждена была опубликовать одностороннее заявление, по которому пакт не может вовлечь ее в войну с Италией. После этих огорок, по мнению венгерского министра иностранных дел, пакт потерял цену для Югославии, которая с самого начала только весьма сдержанно и с сомнениями принимала участие в переговорах. Белградское правительство сначала не верило в греческую поддержку против Италии и боялось того, что за сомнительную помощь, по всей вероятности, толкнуло Болгарию на союз с Италией. Поэтому Югославия стремилась к соглашению с Болгарией в рамках приемлемого для Болгарии договора о ненападении. Естественно, что обособленные переговоры этих двух стран вызвали ревность Титулеску и Тевфик Рюштю Араса, и они вдвоем немедленно взялись за то, чтобы запланированный между Болгарией и Югославией двухсторонний договор о ненападении развить во всебалканский договор о ненападении и назвали его Супербалканским пактом.

К. Каня, как он заявил на заседании парламентской комиссии, не мог себе представить, чтобы страны-участницы Балканского пакта “могли сотрудничать в полной гармонии”⁶.

Вследствие как Балканского пакта, так и заключенных Римских протоколов в этот период резко ухудшились отношения Венгрии с Малой Антантой и особенно с Югославией. В печати с обеих сторон усилились выступления — в венгерской антиюгославские, в югославской антивенгерские. Еще при встрече Гёмбёша и Кани с Сувичем в Будапеште в феврале 1934 г. венгерская сторона информировала, что сербские пограничники уже длительное время делают жизнь пограничного населения невыносимой, пограничный оборот полностью невозможным. Бесчисленные венгерские протесты оставались без внимания, и венгерское правительство решило обратиться с жалобой в форме петиции в Лигу наций. В ходе этих переговоров Гёмбёш и Кани просили поддержки итальянского правительства как в главном секретариате, так и в Совете Лиги наций для положительного решения этой петиции⁷.

Обращение Венгрии в Лигу наций с жалобой на не прекращающиеся по вине югославских властей инциденты на венгеро-югославской границе последовало в мае 1934 г. Венгрия предлагала Совету Лиги наций послать международную комиссию для расследования пограничных инцидентов или просила найти иной способ восстановления спокойствия и порядка на венгеро-югославской границе.

Остановливаясь на истории этого вопроса, 8 июня 1934 г. К. Кани на закрытом заседании комиссии палаты представителей парламента по внешнеполитическим вопросам информировал ее членов, что югославские пограничные органы создали на венгеро-югославской границе такое невыносимое положение, которое “дальше наблюдать со сложенными руками стало невозможным”. Однако прежде, чем решиться прибегнуть к использованию Лиги наций, продолжал министр, “я все же вновь обратился к белградскому правительству с целью оздоровления обстановки”, но все обращения остались безрезультатными, а в большинстве случаев югославское правительство даже не отвечало на них. Именно поэтому еще 15 января он заявлял, что если эти нарушения на югославской границе не прекратятся, он будет вынужден обратиться в Лигу наций. То же самое повторил министр иностранных дел югославскому посланнику в Будапеште Александру Вукчевичу. Но с югославской стороны не последовало никаких конкретных шагов для улучшения положения.

В качестве последней попытки, по словам К. Кани, он направил в Белград во второй половине апреля еще одну “исчерпывающую и предупредительную ноту”, в которой изложил венгерские требования и удовлетворил некоторые пожелания югославского правительства, относившиеся к другим областям. Но и после передачи этой ноты министр иностранных дел Венгрии получал отчаянные телеграммы от

заинтересованных владельцев имений по обе стороны границы. И, наконец, после вручения ноты прозвучало заявление министра иностранных дел Югославии Божидара Пурича, в котором только подтверждалась позиция Белграда, что целью всех этих вечных мшений является окончательное упразднение системы двойного владения, т. е. эти беспокойства будут продолжаться до тех пор, пока обладателей имений по обе стороны государственной границы не вынудят продать свои владения. Министр убеждал членов парламентской комиссии, что в этих условиях у него не было иного выбора, как обратиться в Лигу наций.

По мнению К. Кани, подача этой жалобы привела сербов в явное замешательство, и, не имея лучших аргументов, они, с одной стороны, выразили удивление, что венгерское правительство обратилось в Лигу наций как раз в тот период, когда "между нами начался дружественный обмен мнениями", а с другой, связывали венгерский шаг с различными политическими целями. В ответ на это К. Каня заявил, что этим шагом Венгрия хотела не допустить, чтобы этот фактически административный вопрос вылился в политический.

Югославские представители пытались уговорить венгерскую сторону отозвать свою жалобу. К. Каня на это не пошел и со своей стороны предложил начать прямые переговоры, назвал три блока своих претензий. Но югославская сторона склонялась к непосредственным переговорам только после отзыва жалобы из Лиги наций.

Вслед за этим дело попало в Совет Лиги наций, где уже не венгры, а Лига наций предложила прямые югославо-венгерские переговоры, но в такой форме, чтобы венгерская жалоба окончательно была снята с повестки дня Совета. Тогда представитель Венгрии в Женеве Тибор Экхардт и министр иностранных дел К. Каня повели переговоры с генеральным секретарем Лиги наций Джозефом Авенолом, который официальным письмом известил Экхардта о том, что венгерская сторона может в любое время изъяснить свое желание и жалоба будет поставлена в повестку дня следующего заседания Совета⁸.

К. Каня был доволен результатами, поскольку, как он отметил, югославское правительство, которое всегда решительно уклонялось от венгерских требований, теперь проявило готовность провести непосредственные переговоры с целью разрешения создавшегося положения⁹.

Югославское правительство, со своей стороны, направило 4 июня в Совет Лиги наций обширный меморандум, в котором, кроме инцидентов на границе, приводились факты попустительства и поддержки венгерскими властями террористической деятельности усташей. Особое внимание было уделено хорватскому лагерю на хуторе Янкапушта.

С целью подрыва внутреннего единства Югославии МИД Венгрии еще в 20-е годы занимался поддержкой оппозиционных Хорватской крестьянской партии и Партии права, а затем и еще не окрепшей в то время организации усташей. Венгерские руководители знали цену этим силам. Так, осенью 1932 г., когда глава правительства Италии Муссолини ввел Гёмбёша в курс своих планов, направленных на скорый развал Югославии, венгерский премьер-министр, который был лучше информирован о внутреннем положении в Югославии, хотя и соглашался, но отнюдь не восторгался этими планами. В марте 1933 г. венгерский министр иностранных дел К. Каня прямо предостерегал итальянского диктатора от авантюры использования военной силы против Югославии. С тех пор итальянские планы в отношении Югославии отошли на второй план. Но несмотря на это Италия оставалась центром сосредоточения усташей. В то же время продолжал существовать созданный в 1931 г. на территории Венгрии лагерь усташей в Янкапусте¹⁰.

В обострении противоречий и в спорах между Венгрией и Югославией в те годы не последнюю роль играла и поддержка венгерскими официальными кругами хорватской эмиграции. В исследуемые годы в Венгрии проживали от 800 до 1000 хорватских эмигрантов. Среди них, хотя точное число их не установлено, значительную часть составляли хорватские усташи¹¹.

Еще в первой половине октября 1933 г. в югославской газете "Новости" была опубликована серия статей (через месяц вышедшая в виде брошюры) Елки Погорелец, любовницы одного из руководителей усташей Густава Перчеча, арендатора владения Янкапуста, в которой была обнародована жизнь усташей на этом хуторе, расположенном недалеко от югославской границы. Эта публикация не давала ничего нового ни югославской, ни венгерской полиции, но осложнила жизнь как скрывающимся в Янкапусте хорватским эмигрантам, так и венгерским властям, особенно тем, которые должны были по долгу службы курировать, следить, охранять обитель, являвшуюся по сути усташской. Югославский МИД 21 декабря 1933 г. направил венгерскому МИДу названную брошюру, но тот высокомерно отклонил этот "памфлет"¹². Однако брошюра Е. Погорелец стала хорошим материалом для обвинения венгерского правительства в причастности к связям с усташами¹³.

Эта проблема заинтересовала и венгерское правительство. С его точки зрения представляла интерес обобщающая докладная записка специалиста по усташам полковника Гаттаи, которую тот направил по линии военного министерства. Он обобщил весь венгеро-югославский спор в январе 1934 г. и 1 февраля написал письмо барону Габору

Апору, в то время заведовавшему политическим отделом венгерского МИДа.

Из этих материалов видно, что Густав Перчеч появился в Венгрии еще в 1931 г. (после его высылки из Австрии) и собирался организовать лагерь где-то в окрестности Шопрона из рассеянных в Задунайском крае усташей. Но он так и не нашел подходящего места и, наконец, случайно арендовал для этих целей хутор Янкапуста, расположенный близко к югославской границе, что дало повод для разговоров и обвинений в подготовке там хорватских террористов против Югославии. И в этом что-то было. Там давали убежище поначалу всем, а потом только специально отобранным. Были случаи, когда из лагеря посылали людей с различными заданиями за пределы Венгрии, в основном с пропагандистскими целями¹⁴.

Как отмечал венгерский историк Пал Приц, официальные венгерские власти были заинтересованы в сосредоточении проживавших в Венгрии хорватских усташей в одном месте, рассчитывая более легким путем получать информацию об их целях, намерениях¹⁵. С этим можно согласиться, если учесть, что усташа стремились вести свою работу в тайне и от венгерских властей.

Именно в это время в венгерских правящих кругах созрела мысль о целесообразности ликвидации лагеря хорватских усташей. С жизни на хуторе Янкапуста в документах, да и в исторической литературе, содержатся противоречивые данные. Но из всех источников можно заключить, что одновременно там находилось около 20 человек; они были в униформе и вооружены пистолетами. Лагерь старательно охранялся венгерскими властями от проникновения на хутор непосвященных. Обитатели хутора занимались сельским хозяйством, проводили военную подготовку. В лагере была установлена военная дисциплина, проживавшие могли покидать хутор только по разрешению и возвращаться точно в назначенный срок. Существовали строгие дисциплинарные взыскания. Как отмечал Таттаи, лагерь Янкапуста был органической частью движения усташей.

Хутор Янкапуста причинял венгерскому МИДу много неприятностей. Достаточно сказать, что по поводу усташей в Венгрии Будапешт получил поток нот из Белграда: в 1931 г. — 5, в 1932 г. — 2, а в 1933 г. — 11. Были ноты с указанием местонахождения хорватских террористов и требованием выдать их¹⁶. Фактом является то, что в июле 1934 г., как доносил К. Кане венгерский посланник из Белграда, в ходе беседы с заведующим политическим отделом югославского МИДа Мартинацем тот заявил ему: «Югославское правительство располагает важнейшими данными обо всех поступках хорватских эмигрантов,

потому что среди них имеются информаторы". Кроме того, он заметил, что эмигранты в переписке между собой применяют очень примитивный, устаревший ключ, и "расшифровка ее не представляет никакой трудности"¹⁷.

И в меморандуме в Лигу наций от 4 июня 1934 г. югославское правительство обратило внимание на хутор Янкапушта и констатировало, что такие действия направлены против целостности и общественного порядка в Югославии¹⁸.

На следующий день Совет Лиги наций дал рекомендации двум сторонам провести прямые переговоры о налаживании добрососедских отношений и пожелал, чтобы они начались как можно скорее¹⁹.

Острый обмен мнениями длился целый месяц, и 21 июля было подписано соглашение, состоявшее из трех документов. Хотя и не все проблемы были решены, но в результате были зафиксированы обязательства со стороны Югославии предоставить венграм, проживавшим на границе и имевшим землевладения на югославской стороне, различного рода льготы. В отношении инцидентов на границе было сказано, что в случаях, сопровождающихся ранениями или смертельным исходом, официальные лица могут переходить на полосу до 500 м на сторону другого государства для расследования события на месте. Венгерская сторона считала это своей победой.

Кроме того, в секретном документе было записано, что венгерская сторона доверяла югославской принимать необходимые меры во избежание конфликтов на границе со смертельным исходом, а югославская сторона, в свою очередь, передала на венгерское усмотрение принятие нужных мер для ограничения хорватской эмиграции²⁰.

Переговоры начались в Белграде 20 июня. Сохранилось донесение о беседе главы югославской делегации советника МИДа Станое Симича с членом венгерской делегации, советником венгерской миссии в Белграде Лайошем Д. Боллой. Последний высказался по ряду вопросов, которые возникали на проходивших прямых венгеро-югославских переговорах. По его мнению, в белградском протоколе 1929 г. не предусматривалась ликвидация собственности граждан соседних государств по обе стороны границы. Это соглашение он считал слишком либеральным. Если в других соглашениях двойным владением считалось лишь такое, которое действительно распространялось по две стороны государственной границы, то белградский протокол провозглашал двойным владением и другие земли в пограничной зоне, т. е. двойным владением считалось имение в более широком толковании. Следовательно, этот протокол не предполагал ликвидации двойных владений.

Позднее, по мнению Симича, когда начались диверсионные нападения хорватских эмигрантов и в ходе судебных разбирательств было установлено, что нити террористических актов вели в Венгрию, поскольку в нескольких случаях с поличным были схвачены хорватские эмигранты, которые контрабандным путем ввозили в Югославию оружие, взрывчатку, пропагандистские печатные материалы “Независимое хорватское государство” и др., югославские власти вынуждены были дать самые строгие распоряжения пограничным службам. Тогда же возникла мысль о целесообразности ликвидации и на венгерской границе двойных владений, как это было сделано против комитатчиков на югославо-болгарской границе. Положение настолько обострилось, что в Югославии всерьез задумывались о денонсировании торгового соглашения с Венгрией и прекращении с ней любых экономических связей.

На вопрос Боллы, почему югославское правительство, если оно располагало данными о деятельности хорватских эмигрантов на территории Венгрии, не оповестило венгерские власти, чтобы можно было расследовать каждый отдельный случай, Симич только цинично заметил, что трудно даже себе представить неинформированность об этом столь отличной венгерской полиции.

В ходе венгеро-югославских переговоров, как отмечал Симич, югославская сторона долго думала над ответом венграм по поводу их просьбы продлить таможенные льготы венгерским гражданам при перевозке через границу урожая с их участков, находившихся на югославской стороне. Министр иностранных дел Бошко Евтич (Ефтич) готов был еще на некоторое время продлить эти льготы, но в ходе переговоров из Венгрии поступили сведения о собрании хорватских эмигрантов в Надьканиже, на котором присутствовали и венгерские активные офицеры, где было решено, что “пока” не будет предприниматься никаких новых акций. Эти и другие новости заставили Евтича отказаться от плана продления льгот на пошлины, которые только поощряли контрабанду оружия, и принять предложение об увеличении числа таможенных пропускных пунктов, что способствовало бы более эффективному контролю на границе²¹.

Достигнутые югославо-венгерские соглашения, как сообщал 30 июля венгерский посланник из Рима, дуче “считал значительным успехом венгерского правительства”²². Глава югославской делегации Симич полагал, что и после этого судьба пограничного товарооборота и владельцев имений по обе стороны границы будет зависеть от взаимной доброй воли двух сторон. Если югославская сторона будет удовлетворена, то она готова предоставить льготы и сверх договоренностей. А если в вопросе хорватских эмигрантов с венгерской стороны не

происойдут перемены, то и достигнутые соглашения не смогут воспрепятствовать усложнению отношений между двумя странами²³.

Речь шла о хорватских эмигрантах вообще. Полковник Таттаи, в обязанность которого входило курировать хорватских эмигрантов, хорошо знал, что обитатели хутора Янкапусте не замешаны в трех случаях контрабанды оружия, которые были разоблачены на границе Венгрии и Югославии. Но несмотря на это уже весной 1934 г. в Венгрии возникли предложения о ликвидации хорватского лагеря в Янкапусте. Таттаи придерживался иного мнения. Он считал, что подозрительных эмигрантов из этого хутора нужно куда-нибудь перевести и скрыть. Он так и поступил. К 24 апреля из 19 эмигрантов, находившихся в Янкапусте, 17 переселили в разные части страны, а на хуторе были оставлены только два хорвата, которым нельзя было предъявить никакой компрометирующий материал²⁴. Следовательно, лагерь полностью ликвидирован не был, что позже объяснили условиями аренды, по которым нужно было довести до конца сельскохозяйственный год, убрать урожай.

Таковы были венгеро-югославские отношения к лету 1934 г., когда на международной арене произошли события, которые не могли не оказать влияние на состояние дел в венгерском министерстве иностранных дел.

Одной из основных внешнеполитических целей венгерского премьер-министра Д. Гёмбёша было добиться сближения Италии и Германии и тем самым приблизить возможность осуществления основных внешнеполитических замыслов всего хортистского режима — ревизии Трианонского мирного договора. Но до середины июня германо-итальянские отношения оставались неопределенными.

Впервые после прихода к власти Гитлер встретился с Муссолини в Венеции 14–15 июля 1934 г. В правящих кругах многих стран эта встреча вызвала интерес, вселив в одних ужас, в других надежду. Венгерский МИД с вниманием следил за просачивавшимися сведениями о ходе этой встречи. Уже к 16 июля в венгерском МИДе было составлено обобщающее донесение об этой встрече. В нем отмечалось, что в связи с тем, что встречи в большей своей части происходили с глазу на глаз, вначале поступали самые противоречивые сведения о содержании бесед. Так и официальное сообщение германского посланника в Будапеште содержало неверную информацию о том, что среди обсуждавшихся вопросов была и Дунайская проблема. Аналогичное сообщение сделал и германский посланник в Софии. Из этого в венгерском внешнеполитическом ведомстве делали вывод, что германский МИД послал циркуляр такого содержания всем своим зарубежным представитель-

вам. В противоположность этому, венгерский посланник в Берлине в своем донесении от 24 июня, на основе беседы с Нейратом, сообщал, что Дунайская проблема, как и Римские протоколы, не была предметом обсуждения в Венеции, а в германо-австрийском вопросе после этой встречи наступит смягчение. Это обнадеживавшее предположение германского министра иностранных дел совпало с оптимистической оценкой встречи в итальянской газете "Журнал де Италия" от 17 июля, но в статье содержалось вводившее в заблуждение сообщение, что два государственных деятеля договорились по австрийскому вопросу "о перемирии на 10 лет". Поскольку эта статья принадлежала близкому к правящим кругам Италии журналисту В. Гайде, то даже в Дворце Киджи считали это сообщение правдивым, пока не возвратился из Венеции Джино Бути и не заявил, что в данном вопросе названная статья не соответствует действительности. Об этом он говорил и венгерскому поверенному в делах в Риме. Это подтверждалось и донесением из Вены поверенного в делах Венгрии, которое основывалось на личном письме, посланном Сувичем австрийскому канцлеру.

Эти два посольских донесения полностью согласовались с тем сообщением, которое, при соблюдении полной конфиденциальности, итальянский посланник в Будапеште Асканио Колонна по поручению Муссолини передал премьер-министру Гёмбёшу. Согласно этой информации, встреча не носила официального характера, не ставила перед собой решения каких-либо конкретных вопросов, а предполагала "лишь установление личных контактов, обмен мнениями двух вождей, создавших на основе новых идей похожие движения".

Гитлер изложил свое мировоззрение, не обсуждая теоретические или конкретные вопросы. По австрийской проблеме фюрер выдвинул следующие условия: Германия не желает осуществления аншлюса и признает независимость Австрии; сам он не питает никакой ненависти к австрийскому канцлеру, но желает для австрийского народа свободных, без террора выборов и участия австрийских национал-социалистов в правительстве в соответствии с пропорцией полученных на выборах голосов. И наконец, Гитлер высказал пожелание решить австрийский вопрос по договоренности с Италией.

Позиция Муссолини заключалась в следующем: он защищал канцлера Дольфуса и считал, что дискуссии по австрийскому вопросу и его решения не может быть до тех пор, пока не воцарится спокойствие, ибо ни от какого главы правительства нельзя ожидать участия в переговорах, пока на него осуществляется давление извне. Муссолини тоже высказал свое отрицательное отношение к террору.

Гитлер утверждал, что не имеет влияния на террористические акции, и Нейрат отрицал наличие контактов с нацистскими отрядами. На

это Муссолини ответил, что при их организации можно и нужно оказывать на них влияние.

В качестве резюме в информации, переданной от имени Муссолини, отмечалось: позиция Гитлера ни в чем не изменилась, а Муссолини настаивает на необходимости независимости Австрии.

Между прочим, Гитлер информировал главу итальянского правительства о своей уже известной прежде позиции о разоружении. Предпосылкой возвращения Германии в Лигу наций он выдвигал полное равноправие. Оба главы правительства не одобряли тенденции преобразования региональных договоров в группировки государств²⁵.

Это сообщение итальянского правительства премьер-министр Гёмбёш передал К. Кане для личного пользования с условием, чтобы о том, насколько подробной информацией о встрече в Венеции обладает венгерская сторона, не узнали ни итальянский, ни германский посланники²⁶.

6 июля 1934 г. венгерский посланник в Италии посетил Муссолини и обсудил с ним встречу в Венеции и другие вопросы. Дуче полагал, что внешняя сторона приема и красота Венеции явно оказали на Гитлера влияние. Германский фюрер произвел на итальянского дуче впечатление, что он "положительный" человек, с которым можно беседовать. Муссолини считал, что обмен мнениями с Гитлером был сердечным.

Хорошее впечатление, произведенное фюрером на дуче в Венеции, было основательно поколеблено поведением германского канцлера, проявленным в связи с событиями 30 июня²⁷, когда он расправился со своими внутренними противниками. Действия фюрера вызвали бурную реакцию во всем мире и растерянность в правящих кругах Германии, что нашло отражение и в дневниках А. Розенберга²⁸.

Муссолини в беседе с венгерским посланником в Риме отметил, что он никогда не решился бы в качестве главы правительства прибегнуть к полицейским действиям и даже самому арестовывать виновников. Гитлер не только сделал это, но в довершение этой безвкусицы распорядился казнить уже обезвреженных заговорщиков без судебного разбирательства. Дуче изложил, по его мнению, правильный ход (хотя знал, что все происшедшее было совершенным беззаконием): предание арестованных суду, публичный процесс и отсрочка казни на несколько месяцев.

По мнению Муссолини, та поспешность и насилие, которые применил германский фюрер, позволили сделать вывод, что он не верил ни в себя, ни в своих сторонников, боялся пробуждавшегося общественно-го мнения и хотел справиться с ним при помощи террора.

Как считал дуче, фюрер совершил роковую ошибку и тогда, когда назвал больными Рёма и его сторонников даже после их умерщвления (имеется в виду обвинение в гомосексуализме). Этим он замарал тех своих сподвижников, которые годами сражались бок о бок с ним и кому он должен быть благодарен за приход к власти. Моральные их изьяны давно уже знал весь мир, да и сам Гитлер.

Достаточно было одного факта убийства жены Курта Шлайхера для того, чтобы дискредитировать режим, особенно в англо-саксонских странах, где тотчас сделали из жертвы “героиню”.

Муссолини заявил венгерскому посланнику, что ему известно о прекращении дальнейшего кровопролития благодаря вмешательству руководства райхсвера, а если Гитлеру пришлось склониться перед чужой волей, значит, “он уже не полновластный диктатор”.

Далее Муссолини заметил, что важнейшим фактором в Германии является армия и Гитлер сможет удержаться только до тех пор, пока пользуется ее поддержкой. В то же время райхсвер, по мнению дуче, – гарантия того, что левые тенденции переворота не смогут быть осуществлены несмотря на массовую нищету. Муссолини надеялся на здоровое руководство райхсвера, на смягчение в австро-германских отношениях и на то, что австрийские нацисты во внутренних акциях не смогут надеяться на участие, моральную и материальную поддержку извне, которые должны прекратиться или хотя бы уменьшиться.

Муссолини свой страстный монолог закончил тем, что он изумляется немцам, но не понимает их и считает способными на все²⁹.

Приведенные факты не способствовали сближению Италии с Германией, а следовательно, не отвечали замыслам венгерского премьер-министра Гёмбёша.

6 сентября 1934 г. австрийский посланник в Будапеште Леопольд Хеннет посетил венгерский МИД и рассказал А. Хори о том приеме, который оказал ему регент Хорти в связи с вручением ему военной медали, в ходе которого регент выразил недовольство поведением Германии в последние месяцы, особенно осудил поведение Германа Гёринга³⁰.

Ухудшение отношений Венгрии с гитлеровской Германией до некоторой степени было обусловлено и обострением итало-германских отношений. 26 сентября 1934 г. начальник генерального штаба венгерской армии Вилмош Рёдер встретился с немецким военным атташе в Риме, который высказался за “обязательную необходимость” восстановления нормальных отношений с Италией, на пути которого стоит австрийский вопрос. Военный атташе считал, что военное командование, по инициативе которого в июле закрыли границу, отвели и распустили австрийскую легию, стремится сгладить австрийский вопрос и

остаться в стороне от австрийского национал-социалистского движения. Первую трудность он видел в личности фюрера. Но события ведут к осознанию того, что (если не учитывать даже несвоевременность аншлюса) сегодня невозможно требовать плебисцита в Австрии и участия в правительстве национал-социалистов, не позволяя этого и новая словесная конституция.

Первой задачей Германии в ближайшее время он считал восстановление прежних отношений с Италией, надо было убедить ее в том, что Германия не намерена организовать волнения в Австрии, и атташе просил венгров, как и прежде, посредничать в этом направлении.

По мнению военного атташе, интересы Германии в Италии были только экономическими, а политическое сближение носило конъюнктурный характер.

Политику же в отношении Малой Антанты в целом немецкий представитель охарактеризовал как не изменившуюся относительно того, что в июне о ней сообщил Вернер Бломберг, т. е. в Югославии и Румынии у Германии нет других интересов, кроме экономических, а с Чехословакией продолжают сохраняться противоречия³¹.

Венгеро-германские и германо-итальянские отношения с Австрией нашли широкое отражение в венгерских архивах. По сохранившейся записи беседы от 28 сентября 1934 г. австрийский посланник Хеннет интересовался у Андраша Хори в МИДе Венгрии, правда ли, что германский посланник в Австрии Папен посетил Венгрию. Хори подтвердил факт его приглашения, но по поводу срока всячески выкручивался и говорил, что тот явился в столицу Венгрии без ведома премьера, о чем последний узнал лишь после его прибытия и пригласил на ужин в Тетень вместе с посланником Маккензенем. Но посланник прибыл позднее, и беседа велась сначала с глазу на глаз.

Премьер Венгрии по сохранившимся документам заявил Папену “с полной откровенностью”, что даже одна видимость стремления к аншлюсу уже усложняет положение Германии. Поэтому он за то, чтобы с немецкой стороны заявили о невмешательстве в дела Австрии. Далее Гёмбёш развил идею, что если будет упразднен немецкий нажим и австрийцы останутся сами по себе, то они скоро заметят, что в тени борьбы с империей в Австрии создан диктаторский режим, который по существу не имеет почвы для существования, начнут против него борьбу и сделают многое для австро-германского объединения. Затем премьер заверил, что Венгрия ни в какой форме не будет вмешиваться в спор двух братских наций уже хотя бы потому, что рано или поздно все равно наступит примирение между Австрией и Германией и он не хочет, чтобы “нас могли обвинить в непрошенном посредничестве”.

Наконец, премьер заявил, что Венгрия нуждается в дружбе с Германией уже хотя бы “учитывая наши ревизионистские устремления”. Папен ответил, что немецкая сторона все сделала в интересах примирения и она далека от мысли о вмешательстве. Всякое же иное толкование – тенденциозная клевета. Папен считал, что присоединение Германии к Римскому политическому протоколу было бы выходом из создавшегося положения, и рекомендовал Гёмбёшу прозондировать в этом направлении Рим. На вопрос премьер-министра, переговорил ли Папен об этом с Гитлером, посланник ответил положительно.

В связи с этим в записи о данной беседе представитель МИДа отметил, что Маккензен, с которым он по затронутому предмету беседовал отдельно, считал невероятным, чтобы Гитлер решился на упомянутый выше шаг. По его мнению, с итальянцами по этому поводу невозможно трезво разговаривать и зондаж в Риме был бы напрасным, но это не исключено в будущем. Маккензен вообще не верил в возможность достижения итало-французского соглашения в ближайшее время из-за наличия огромного количества препятствий.

В этом же документе обращено внимание на огорчение итальянской стороны тем, что несмотря на ее поддержку Германии в Женеве во всех интересующих ее делах (за исключением одного случая), она благодарности от Берлина за это не получила³².

Об ухудшении отношений между Германией и Италией свидетельствует и письмо депутата венгерского парламента Андраша Мечера (доверенного лица Гёмбёша), направленное премьер-министру, о беседе с Папеном. В нем отмечалось, что Папен получил указание от Гитлера вступать в контакт с Муссолини только через венгерского премьера Гёмбёша. Посольства к переговорам не подключать, известия передавать только через Папена, а он, если будет нужно, приедет и в Будапешт. Папен просил Гёмбёша оказать дружеское влияние на Вену в том смысле, чтобы внутреннюю борьбу и войну ликвидировать как можно скорее. Мечер в письме высказал свое предположение, что Папен большую надежду возлагает на содействие Гёмбёша и в австрийском вопросе.

Мечер сообщал Гёмбёшу, что Гитлер решительно запретил немецкое вмешательство в австрийские дела. “Тебе он не хотел сказать, но мне через Чиршки доверительно сообщил, что Геббельс внедрил в ряды хаймвера пять немецких террористов с заданием чинить беспорядки. Они получили также указание в подходящий момент застрелить Папена, чтобы этим путем сделать хаймвер бездейственным и одновременно сорвать мирное австро-германское развитее”. Он просил не информировать об этом австрийцев, дабы их не напугать.

Мечер отмечал единственную возможность сближения Папена с Римом только через Гёмбёша и был озабочен формой вступления в Римский пакт. Папен принимал в расчет тщеславие Муссолини, который вступление Германии в политический пакт мог счесть своей победой, потому надеялся, что оно пройдет гладко. В то же время Папен не хотел, чтобы дело было преподнесено как немецкое поражение. Способ избежать этого он еще не нашел³³.

7 октября 1934 г. бывший вице-канцлер, посланник в Вене Папен нанес прощальный визит Гёмбёшу. Он спросил мнение премьер-министра, каким способом можно было бы осуществить сближение между Германией и Австрией. Последний ответил, что по его личному мнению, Германии нужно проявить полную незаинтересованность по отношению к Австрии и прекратить всякие акции против нее³⁴.

Еще в беседе с Мечером Папен предложил Венгрии свои услуги в налаживании отношений с Югославией³⁵, а на этот раз он спросил у премьер-министра, не склонны ли венгры помириться с сербами. Гёмбёш ответил, что он не против, но лишь при следующих условиях: установление венгеро-югославской границы по линии Дунай—Драва—Мура; венгерская сторона уступает сербам плацдарм у Белграда.

Когда премьер-министр сообщил это посланнику Хори, последний обратил внимание на то, что при оценке сказанного Папеном нужно проявлять большую осторожность. В качестве примера привел факт, что хотя Папен в свое время в беседе с венгерским временным поверенным в делах в Вене говорил о возможности присоединения Германии к Римским протоколам, но когда через посланника в Берлине Маширевича проверили это заявление, был получен отрицательный ответ. Маккензен ничего не знал о таком намерении немецкого правительства, и более того, с полной решительностью заявил, что когда на межведомственном совещании основательно обсудили вопрос о присоединении, от него отказались как от несвоевременного.

Премьер-министр по этому поводу заявил, что он не преувеличивает ценность заявления Папена, но считает возможным, что эти вопросы были предметом обсуждения между Гитлером и Папеном (т. е. в обход МИДа)³⁶.

В венгерском архиве сохранился еще один документ, затрагивающий целый ряд отношений на Балканах. Речь идет о донесении венгерского посланника в Белграде Валдемара Алта об открытии 15 декабря моста через Саву на шоссе Белград—Зимонь. В речах ораторов на открытии, как и на банкете по этому случаю, отмечалось, что мост соединил югославские народы, о чем мечтали столетиями, и его строительство является реальным продуктом франко-германского сотрудни-

чества на территории Югославии. Металлические конструкции моста были поставлены Германией еще в счет репараций, а затем две фирмы — французская и немецкая — осуществили его строительство³⁷.

События в то время, наоборот, продолжали развиваться в направлении обострения итало-германских отношений и лихорадили внешнеполитическое ведомство Венгрии. Одним из таких событий была попытка австрийских нацистов совершить вооруженный переворот, однако она была подавлена прежде всего хаймвером, опиравшимся на Италию и Венгрию. Но в ходе этого нацистского выступления 25 июля 1934 г. погиб канцлер Австрии Дольфус. События в Австрии усилили напряженность в итало-югославских, а также итало-германских отношениях, что было вызвано частичным передвижением итальянских войск к австрийской границе. Это ясно указывало на то, что Муссолини готов силой оружия защищать оплачиваемых им сторонников хаймвера. Югославия решительно выступила против таких планов, причем информировала об этом Германию, основного инспиратора выступления австрийских нацистов против существовавшего в Австрии режима. Югославский посланник в Вене Настасиевич по поручению своего правительства довел до сведения не только МИДа Австрии, но и представителей Англии и Франции, что Югославия не оставит без ответа ввод итальянских войск в Австрию³⁸ (имелась в виду угроза ввода югославских войск в Каринтию).

Аналогичной позиции придерживались и другие страны Малой Антанты, а также Франция, которая информировала о своей позиции и английского посла в Париже: “Если Италия пошлет войска в Каринтию, ничто не сможет удержать Югославию от подобных же действий, чтобы не допустить установления прямой связи Италии с Венгрией”. Чехословакия также была готова провести мобилизацию при первых же передвижениях итальянских войск³⁹.

Венгерское правительство, которое и раньше с сомнением относилось к возможности без затруднений развалить Югославию, на этот раз явно забеспокоилось после информации о намерениях Муссолини в отношении Австрии. Венгерский премьер-министр до некоторой степени обрадовался полученным из Рима известиям. 27 июля 1934 г. Д. Гёмбёш дал указание венгерскому посланнику в Риме Фридьешу Виллани немедленно сообщить дуче, что венгерский премьер-министр разделяет итальянскую точку зрения, согласно которой не потребуются вмешательства. По его убеждению, австрийцы способны ликвидировать попытку переворота самостоятельно, пусть это и займет много времени.

В противоречие с итальянским мнением, венгерский премьер, основываясь на доверительной информации, был убежден в том, что в случае итальянского вмешательства югославы обязательно и немедленно

также выступят⁴⁰. Это его убеждение основывалось на донесении из Белграда поверенного в делах Яноша Вёрнле, в котором сообщалось, что заместитель министра иностранных дел Божидар Пурич считает австрийское восстание законченным. “Он не придаст большого значения заранее принятому решению и уже предпринятому сосредоточению итальянских войск. Рим, Лондон и Париж не могут ничего предпринять за пределами Лиги наций. Но если итальянцы все же вошли бы в Австрию, то и сербы немедленно двинутся”⁴¹.

Сообщая об этом посланнику в Риме Виллани, министр иностранных дел К. Каня, видимо, от себя добавил: “И это повлекло бы за собой ввод в Австрию войск и других стран”⁴².

Эти сведения были переданы Муссолини. Дуче в связи с этим заявил барону Виллани, что он “серьезно и не думал активно вмешиваться в австрийские дела”. Он готов был это сделать только по просьбе австрийского правительства. Эту сдержанность Муссолини объяснил тем, что он лобой ценой хотел избежать подозрения в наличии у него захватнических намерений в отношении Австрии. Дуче был убежден, что если бы итальянцы вышли на территорию Австрии, югославы немедленно перешли бы границу с целью помешать итало-венгерскому взаимодействию. Но он верит, что гитлеровцы пообещали каринтийскую зону Югославии. Муссолини также сообщил, что не намерен направить демарш Германской империи. Он высказал уверенность в наступлении спокойствия в Австрии и постепенном затухании германской пропаганды. Глава итальянского правительства информировал о своем совете поверенному в делах Австрии в Риме занять позицию выжидания и не спешить принимать рекомендации Третьей империи⁴³. Удивительно, насколько эта беседа перекликалась с позицией Франции, о которой речь шла выше.

Обострению обстановки на Балканах, югославо-итальянских и итало-германских отношений в значительной мере способствовала печать. Однако через два–три месяца после событий в Австрии произошло сближение позиций между Италией и Францией, между странами Малой Антанты в отношении приглашения Советского Союза в Лигу наций и необходимости сохранения самостоятельности Австрии.

Одной из целей визита югославского короля Александра в Париж было улучшение отношений Югославии с Италией. По замыслу Александра, он отправился во Францию морем до Марселя, а оттуда наметал добраться поездом в Париж. Но 9 октября 1934 г. король Александр и прибывший встретить его в Марсель министр иностранных дел Франции Луи Барту были убиты выстрелами террориста.

Окончательно точка в деле об организаторах и исполнителях покушения не поставлена до сих пор, хотя имеется целая гора литературы

по данному вопросу. В Венгрии собралось большое количество архивных материалов, поскольку Югославия в обращении в Лигу наций основную вину за убийство в Марселе возлагала на Венгрию.

Архивные документы, как и историческая литература, дают возможность частично реконструировать предпосылки, ход и результаты покушения в Марселе. Среди венгерских историков этому вопросу больше других внимание уделила Мария Ормош, опубликовавшая отдельную книгу “Покушение в Марселе”⁴⁴. Югославский историк Вук Винавер в своей книге о югославо-венгерских отношениях посвятил параграф марсельскому покушению и обострению в результате его отношений двух соседних стран⁴⁵.

В Москве вышла книга В. К. Волкова, посвященная исследованию этой проблемы⁴⁶, а также глава под тем же названием в другой его книге⁴⁷. Взгляды В. К. Волкова отличаются от взглядов венгерских и югославских исследователей прежде всего тем, что он разделяет мнение о причастности к этому покушению и правящих кругов Германии. Если М. Ормош вступила с ним в дискуссию по этому вопросу, то такой знаток венгерских архивов, как Элек Каршай придерживается идентичной с В. К. Волковым точки зрения.

В книге “Это произошло во дворце Шандора в Буде” Э. Каршай писал: «Тогда, в 1934 г., ни югославские, ни французские следственные органы даже не думали о роли германской тайной службы, так что открыто, в печати, и в ходе доверительных дипломатических бесед речь шла только об ответственности венгерских и итальянских фашистов. Но с тех пор на основе увидевших свет документов доказано — о чем подготовлен и фильм “Акция Тевтонский меч”, — что в марсельском покушении замешана и рука немецких секретных служб, отдельных членов германского посольства в Париже, в частности военного атташе Ханса Шпейделя»⁴⁸.

Каршай предполагает, что в 1934 г. об этом, может быть, не знало и правительство Гёмбёша, ибо в противном случае обязательно использовало бы помощь Германии хотя бы в тайных дипломатических переговорах.

В последнее время обнаружен в архиве МИДа Российской Федерации интересный документ. Речь идет о записи беседы советского посланника в Будапеште А. А. Бекзаяна в июле 1936 г. с югославским делегатом на межпарламентском конгрессе Димитриевичем, который в 1918 г. в Петрограде, после отъезда Спалайковича, работал в сербском посольстве в качестве первого секретаря.

Судя по записи Бекзаяна в политкалендаре, Димитриевич выдвинул новую версию о покушении в Марселе. Он сообщил: “Немало-

важную роль в покушении на короля Александра играл болгарский царь Борис, ревниво реагировавший на рост популярности короля Александра и на его роман с Барту, и убийцей Александра был никто иной как бывший его шофер (неясно чей, Бориса или Александра. — *А П.*), подготовивший покушение здесь, в Венгрии, откуда он неоднократно и беспрепятственно выезжал в Югославию и обратно⁴⁹.

И действительно, на месте убийства у покушавшегося нашли паспорт на имя Петера Келемена, якобы гражданина Чехословакии, но эта фальшивка была выдана чехословацким консульством в Загребе⁵⁰. В. К. Волков в своем исследовании установил, что Келемен, Черноземски, Влад Георгиев и “Владошофер” — одно лицо⁵¹.

Как дальше развивались события? Не прошло и двух с половиной месяцев после убийства 25 июля 1934 г. в канцлерской палате в Вене австрийскими нацистами, поддержанными Германией, австрийского канцлера Дольфуса, как мировое общественное мнение было потрясено новым убийством в Марселе. Покушавшийся был убит на месте и по татуировке на руке узнали о его принадлежности к македонской организации ВМРО, о финансовой поддержке которой с венгерской и итальянской стороны речь шла выше. Три его соучастника были арестованы и преданы суду. Было выяснено, что все они принадлежали к хорватской организации усташей, созданной в 1922 г. В апреле 1933 г. и в Венгрии была создана хорватская организация усташей. Учредительное собрание было проведено в Будапеште в здании центра ирредентистских организаций — Союза общественных организаций. На нем присутствовали глава СОО профессор Енё Сонтаг (он являлся председателем), хранитель короны барон Жигмонд Перени, военный министр и несколько ответственных работников венгерского МИДа. Усташа в Венгрии издавали свои газеты, в которых открыто подстрекали к убийству Александра и членов правительства, и пересылали их нелегально через границу в Югославию. В Янкапусте члены этой организации носили униформу.

В ходе следствия было установлено, что в памятной записке, переданной 1 августа 1933 г. югославским посольством венгерскому правительству, числился и Мийо Краль, один из арестованных в Марселе за покушение на Александра, которого югославы просили задержать. Ответ был просто отпиской, что он якобы был на территории Венгрии лишь с февраля по апрель, а последующее место его нахождения неизвестно. Было также установлено, что один из руководителей усташей Густав Перечеч находился в тесной связи с венгерской полицией. Террористов среди хорватских эмигрантов вербовали Анте Павелич и Перечеч. Последний и арендовал хутор Янкапушта, под вымышленной

фамилией Эмила Хорвата. Отобранные Перчечем хорваты сначала допрашивались венгерскими властями в Чуроге, затем их переправляли в будапештскую пересыльную тюрьму и, наконец, их допрашивали венгерский офицер Клар вместе с Перчечем, после чего Перчеч присваивал им псевдонимы и лично препровождал на хутор Янкапусту, который находился под охраной венгерских жандармов⁵².

Тяжелым обвинением венгерскому правительству было также и свидетельство перед французскими властями Мийо Краля. Он сообщил, что 15 террористов из Янкапусты собрались в Надьканиже в доме № 23 по улице Миклоша Хорти, где по жребию выбрали тех троих, которые должны были участвовать в покушении на Александра. Кроме Краля, жребий выпал Звономиру Поспишилу и Ивану Раичу. Они с венгерскими паспортами на полученные из Будапешта деньги выехали в конце сентября 1934 г. во Францию на место покушения⁵³.

Власти хортистской Венгрии основательно готовились к обороне против возможного обвинения. Как только в Будапешт дошло известие о покушении в Марселе, министерство иностранных дел направило во все свои представительства за рубежом указания (на второй день после убийства), в которых отмечалось: "Можно предвидеть, что с определенной стороны предпримут попытку сделать Венгрию перед мировым общественным мнением козлом отпущения за покушение, поэтому посольствам немедленно телеграфом сообщать о каждом антивенгерском признаке и немедленно опровергать возможные инсинуации, подозрения..."⁵⁴.

Не слишком ли рано МИД направил эти указания? Нервничавшее правительство допускало один промах за другим⁵⁵.

В обвинении Югославии против Венгрии, поданном в Лигу наций, был назван ряд венгерских офицеров, которые поддерживали связь с хорватскими эмигрантами. Как и следовало ожидать, они отрицали политический характер этих связей⁵⁶.

Через две недели после выстрелов в Марселе, как отметил в своем дневнике руководитель Венгерского телеграфного агентства Миклош Козма, он получил от своего сотрудника доверительную записку, в которой отмечалось, что главный редактор газеты "Пестер Ллойд", депутат верхней палаты венгерского парламента Йозеф Веси несколько дней тому был с продолжительным докладом у регента М. Хорти и премьер-министра Д. Гёмбеша по поводу событий в Марселе. По его словам, ушел он оттуда успокоенным, веря, что "ничего против нас невозможно доказать, ибо мы невиновны"⁵⁷.

Однако не все в венгерских правящих кругах были столь спокойны, как Й. Веси. Ференц Керестеш-Фишер, министр внутренних дел, в беседе с католическим священником Миклошем Григером, парламента-

рием от Христианской социальной хозяйственной партии, когда тот настаивал на оглашении внесенной им в палату представителей интерпретации по поводу запрета газеты "Маляршаг", сказал: "Только очень осторожно, дорогой Миклош, ибо мы никогда раньше не сидели в такой луже, как сейчас"⁵⁸.

И действительно, внешнеполитическое положение Венгрии было незавидным.

22 ноября 1934 г. югославский представитель Евтич по поручению своего правительства вручил секретариату Лиги наций в Женеве объемистую памятную записку, в которой просил Совет Лиги наций "вернуть веру в международную справедливость и нравственность, которую серьезно подорвали трагические марсельские события". В этой ноте югославское правительство открыто обвиняло венгерские власти в оказании поддержки террористам, в предоставлении им убежища и даже в прямом пособничестве террористическим актам. Тон ноты не оставлял никакого сомнения в том, что югославское правительство и присоединившиеся к данному документу правительства Чехословакии и Румынии намерены посадить венгерское руководство на скамью подсудимых в Женеве и заклеить его в международной организации.

Венгерское правительство очутилось в такой растерянности, что поручило своему представителю в Женеве Тибору Экхардту добиваться быстрого рассмотрения дела. Он не требовал снятия обвинения с повестки дня Лиги наций.

На скамью подсудимых попала Венгрия. Но мировая печать подчеркивала, что вина за события в Марселе лежит не только на ней. Лагерь террористов имелся во многих странах мира.

Проблема становилась международной, а Венгрия в Женеве не была одинокой. Югославская жалоба попала в Женеву в самый неподходящий для Франции и Италии момент. Беспощадные нападки стран Малой Антанты на Венгрию, находившуюся в милости у Италии, затрудняли франко-итальянское сближение. Париж настаивал в Белграде на смягчении тона в антивенгерских выступлениях. В щепетильном положении оказались Бенеш и Титулеску, желавшие помочь Белграду, но не хотевшие идти против воли Парижа и Лондона, которые пытались разрешить дело без особого шума. Как и Италия, власти Франции и Англии стремились свести случай в Марселе к общей проблеме борьбы с терроризмом⁵⁹.

Тут же следует отметить, что в личном архиве Веси сохранилась подготовленная для Хорти записка, связанная с покушением в Марселе. Она без подписи, но венгерские архивисты Миклош Синаи и Ласло Сюч полагают, что она принадлежит перу Веси и озаглавлена "Памятная записка в связи с югославским демаршем". В ней указывалось,

что из-за совместного выступления Малой Антанты и внутреннего положения в Югославии дело обострилось до такой степени, что надеяться на его благоприятный исход можно лишь при смене венгерского правительства. Общественное мнение было направлено прежде всего против Д. Гёмбёша и особенно К. Кани, и население требовало их ухода, а вместе с ними и правительства. А поскольку правительство не могло подать в отставку в связи с этим событием, автор записки предлагал найти для его ухода повод, не связанный с убийством в Марселе, например, проект закона о выборах, против которого выступила бы Партия единства, и таким образом правительство ушло бы достойно, даже с видом победителя.

Новое правительство еще в большей мере обеспечило бы дружбу и поддержку Италии. Германия, по мнению автора записки, в данном вопросе не станет на сторону Венгрии, поскольку из-за экономических интересов и стремления к аншлосу она политически заинтересована в союзе с Югославией. В период своего пребывания в Белграде Барту зондировал почву в беседе с королем Александром по поводу возможности создания новой военной Балканской конфедерации. Король заявил, что он сохранит союз с Францией, но для его страны важное экономическое значение имеет сближение с Германией. Он высказал мнение, что франко-германской войны в ближайшее время (да и вообще до тех пор, пока Англия не захочет) не будет; в настоящее время у Англии очень хорошие отношения с Францией. Следовательно, не могут быть обострены и югославо-итальянские противоречия, поскольку с вошной точки зрения Италия зависит от Англии, у которой свои проблемы в Индии, Египте, Японии, и она не захочет усложнять свою жизнь еще и в Европе.

В результате, полагал автор памятной записки для Хорти, покушение в Марселе неизмеримо повредило венгерским ревизионистским устремлениям⁶⁰.

Правительство Д. Гёмбёша, как свидетельствуют и эти материалы, было связано с подготовкой покушения в Марселе, но все же удержалось у власти. Значительную помощь оказало ему итальянское правительство, прежде всего в Лиге наций в Женеве при рассмотрении поданного против Венгрии обвинения Югославии. Италия в то время нуждалась в венгерском правительстве в связи с обострением ее отношений с Германией из-за намечавшегося аншлуса Австрии и политики на Балканах. Италия и другие великие державы в Лиге наций взялись путем закулисной дипломатии сгладить это дело, спустить его на тормозах.

4 ноября 1934 г. венгерское министерство иностранных дел подготовило для премьера Д. Гёмбёша памятную записку на 8 страницах о

покушении в Марселе, где было открыто заявлено: Франция и страны Малой Антанты знают, что венгерские власти поддерживали акцию, что обещанный в апреле 1934 г. роспуск лагеря в Янкапусте не был осуществлен, а хорватскую эмиграцию не поставили под строгий контроль, что в Венгрии не только терпели, но и поддерживали деятельность хорватской эмиграции, хотя в их руках и нег достаточно доказательств, чтобы осудить Венгрию обычным дипломатическим путем или с помощью Лиги наций. В этом документе указывалось, что в случае обострения дискуссии в Женеве ответственность в первую очередь пала бы на Италию, где находился центр усташей и где продолжал пребывать Павелич и другие их руководители. Автор памятной записки отмечал, что поскольку со времени путча в Австрии Франция желала бы использовать охлаждение в отношениях между Римом и Берлином для итало-французского сближения, которое невозможно, пока существует итало-югославское напряжение, и поэтому французская дипломатия будет воздерживаться от прощупывания ответственности Италии. Он рекомендовал сообщить в Рим, что Венгрия желает по поводу югославского обвинения обратиться за защитой в Лигу наций, предполагая, что это не будет приемлемым для главы итальянского правительства и он вынужден будет заступиться за Венгрию в Лондоне и Париже⁶¹.

Расчет венгерского МИДа оказался безошибочным и 6–7 ноября 1934 г. венгерский премьер-министр Дюла Гёмбёш провел переговоры в Риме с Муссолини⁶².

Гёмбёш возвратился из Рима спокойным и довольным. Муссолини пообещал поддержать Венгрию⁶³. Английская “Таймс” в связи с переговорами в Риме отмечала, что Муссолини не пожертвует Венгрией в интересах улучшения итало-югославских отношений. Следовательно, дуче намерен защищать правительство Гёмбёша от югославских обвинений. Римский корреспондент французской газеты “Матэн” сообщал, что переговоры Муссолини–Гёмбёша будут означать всеобщее потепление и Венгрия сможет присоединиться к усилиям, направленным на итало-французское и итало-югославское сближение.

В день завершения переговоров в Риме МИД Венгрии направил во все венгерские представительства за рубежом “Заметки по хорватскому вопросу”, составленные директором Венгерского телеграфного агентства Миклошем Козмой. В них кратко излагалась тысячелетняя история Хорватии, ее вхождение в состав Венгрии на правах автономии и то, как она потеряла все свои права после вхождения в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. М. Козма останавливался и на борьбе хорватов с сербами в 30-е годы XX в., писал о хорватах,

ставших жертвами террора. “Хорватский народ смелый, сильного характера, и мужчины его умеют умирать. Хорватский народ не балканский, у него только одно балканское свойство: неумение прощать и мстительность. За последние 15 лет он сильно развил эту балканскую черту”.

Убийство короля в Марселе, заключал М. Козма, это результат 15-летней плохой сербской политики и сербского господства⁶⁴.

20 ноября 1934 г. министр иностранных дел К. Каня информировал заседание совета министров о положении, возникшем вследствие поданной Югославией в Лигу наций жалобы на Венгрию в связи с убийством в Марселе. Члены правительства с облегчением восприняли его заявление, согласно которому три великие державы — Англия, Франция и Италия поддерживают в этом вопросе Венгрию⁶⁵.

24 ноября 1934 г. венгерский посланник в Риме Виллани посетил Муссолини и передал ему просьбу венгерского правительства поддержать в Женеве Венгрию, а также сообщил о намерении обратиться и в Лондон и изложил те доводы, которые обосновали бы венгерскую просьбу срочно обсудить югославский меморандум. Как сообщал посланник, дуче полностью разделял позицию Венгрии. По мнению Муссолини, Венгрии нечего тянуть, ибо “имеются только две возможности”: сейчас обсудить меморандум и похоронить его или обсудить в январе и тоже похоронить.

На замечание Виллани, что, зная процедуру прохождения дел в Лиге наций, он не верит в быстрое решение вопроса, Муссолини ответил, что и он не верит, но считает вероятным, что в январе в Женеве будут заниматься не исключительно Венгрией, а длительное время будут обсуждать проблему защиты против террористических актов, а также вопрос об эмигрантах, пока и эти обсуждения не будут оплошлены.

Муссолини допускал также, что сербы могут расширить объект нападок, включают и Италию, чего до сих пор не делали из-за отсутствия смелости и уступая французам. Но он из-за этой возможности не будет отсиживаться в тылу, а открыто выступит в поддержку интересов Венгрии. “Передайте Гёмбёшу, — записал Виллани, — что я его поддерживаю во всем и, если понадобится, то и мобилизацию проведу. У меня только одно слово и я всегда его сдержу”.

Дуче информировал посланника и о просьбе Франции сделать в какой-либо форме дружественное заявление в адрес Югославии, на которую он ответил, что этого сделать не сможет, пока дело меморандума не будет решено так, чтобы не причинить вреда Венгрии. По словам итальянского диктатора, он сообщил также французскому послу в

Риме, что апелляционный суд в Турине отказал в выдаче Анте Павелича и Славко Кватерника, и выразил надежду, что во Франции это поймут. По мнению Муссолини, судя по реакции французской печати, это решение приняты спокойно, и он сделал заключение, что "все еще верят в итало-французское сближение и не хотят ставить под угрозу его возможность"⁶⁶.

Наконец, Виллани отметил, что никогда еще не видел Муссолини в столь хорошем настроении.

Об этой встрече с Муссолини Виллани прислал еще одно донесение, в котором отмечал, что после обсуждения сербского меморандума, поданного в Женеву, дуче перешел к взаимодействию Италии, Венгрии и Австрии. Он подчеркивал, что названные три страны вместе взятые составляют 60-миллионный блок, с которым Европе приходится серьезно считаться.

Слабым звеном этой группы государств итальянский премьер-министр считал Австрию, которая противостоит могучему соседу, угрожающему ей потерей независимости. А поскольку армия ее слабее даже венгерской, дуче считал нужным срочно упрочить австрийскую армию в интересах двух других государств, поэтому он решил оказать Австрии помощь материалами с расчетом, чтобы Австрия могла выставить 300 тыс. солдат. Несколько самолетов, сообщил он, Австрия уже получила от Италии, да и еще получит.

Виллани полагал, что, по всей видимости, после плебисцита и решения Саарского вопроса, Германия захочет осуществить аншлюс Австрии, и Муссолини желал бы иметь в Австрии армию, которая задержала бы германские войска до подхода итальянских сил.

Но зная, что вооружение Австрии шло в ущерб вооружению Венгрии, ибо Австрия получила бы предназначавшееся Венгрии оружие, Виллани "осторожно", как он писал, заметил, что военная ценность венгерского людского материала далеко превосходит австрийскую, и что Венгрия была бы способна выставить 1 млн солдат, если бы имела оружие и обмундирование⁶⁷. С этим донесением министр иностранных дел ознакомил премьер-министра, а посланнику в Риме Кая ответил, что прочел его с интересом и одобрил все им сказанное по этому поводу⁶⁸.

Вопрос об оружии возник в донесении Виллани также в связи с посещением Рима австрийским канцлером Куртом Шушнигом, в связи с чем Сувич сказал венгерскому посланнику о необходимости повышения боеспособности австрийской армии. Финансовое положение не дает возможности Италии предоставить кредит Австрии, но она может дать оружие.

Из этой беседы с Сувичем Виллани делал вывод, что Италия в будущем в первую очередь, может быть исключительно, обратит внимание на вооружение Австрии⁶⁹.

Когда венгерский посланник в Вене ознакомился с этими материалами, он заявил, что канцлер Шушниг сказал ему о намерении итальянцев обеспечить оружием не только Австрию, но и Венгрию, просто поделив между ними имевшееся в распоряжении Италии для этой цели оружие⁷⁰. Эта проблема не на шутку встревожила венгерские правящие круги.

Покушение в Марселе вновь обсуждалось 4 декабря 1934 г. на заседании венгерского правительства. На этот раз К. Каня сообщил, что начинающееся 5 декабря обсуждение этого вопроса в Лиге наций не приведет к окончательному его разрешению между прочим и потому, что Англия за перенесение его на более поздний срок. Югославия же из-за внутривластного положения хочет покушение держать на повестке дня и поэтому требует послать комиссию для расследования на месте (в Венгрию). Венгерское правительство склонно согласиться на это только в том случае, если такие комиссии вышлют во все те страны, где жили и живут хорватские эмигранты (следовательно, и в Италию)⁷¹.

Это средство подействовало. Уже на следующий день главный делегат Венгрии в Лиге наций Тибор Экхардт прислал из Женевы в МИД Венгрии шифрованную телеграмму: представитель Италии барон Помпео Алоизи сообщил ему, что по югославскому делу достигнуто соглашение, которое состоит в том, что в Совете Лиги наций не будет его обсуждения по существу, Совет не примет порицательного решения, не даст указания о проведении проверки; единственным последствием будет заключение международного соглашения против терроризма вообще. Заслуга достижения этого соглашения, подчеркивал Т. Экхардт в своей телеграмме, принадлежит в первую очередь барону Алоизи, а во вторую — министру иностранных дел Франции Пьеру Лаваллю, который оказал решительное влияние на югославов. Барон Алоизи лично беседовал с министром иностранных дел Югославии, который согласился с таким решением. Экхардт подчеркивал: "Это соглашение тайное, прессе нельзя даже предположить о нем, чтобы не осложнить положение югославов дома; внешне все идет дальше так, как будто бы соглашения и не было"⁷².

Уже после этого сообщения из Женевы пришла шифрованная телеграмма, а вслед за ней и донесение венгерского посланника Виллани из Рима о беседе с Муссолини по поводу венгеро-югославских отношений, состоявшейся 9 декабря 1934 г. в связи с намеченным на 10 декабря

обсуждением жалобы Югославии. Во время беседы речь шла и о плане Папена.

Муссолини принял венгерского посланника в присутствии Сувича и высказал мнение, что положение сложное, придется выдержать в Женеве трехдневную трудную борьбу. Но он не допускал того, что Югославия решится на применение силы. А если бы это произошло, в таком случае лучше пообещал мобилизовать армию, испросить у Вены разрешение на пропуск войск через ее территорию и оказать Венгрии военную помощь. Франция не решится оказать помощь Югославии, т. е. напасть на Италию. И если это все же случится, Венгрии надо добиваться того, чтобы Польша сковала часть чехословацких войск и не позволила бы им всей силой ударить по Венгрии.

Итальянский премьер считал, что нервы в Югославии взвинчены, о чем свидетельствует просьба трех офицеров разрешить им бомбить Будапешт. Муссолини сообщал также, что Титулеску собирался поднять в Лиге наций вопрос о покушениях, организованных “нами” против Фердинанда и короля Михая, от чего его отговорил барон Алоизи⁷³. МИД в тот же день ознакомил с этой телеграммой генштаб.

6 декабря 1934 г. венгерский посланник Маширевич сообщал из Берлина о состоявшемся у него завтраке с Папеном, на котором были подняты австрийский вопрос, проблемы немецко-итальянских отношений и, в связи с этим, Земмерингское послание Гёмбёша, о котором Папен ничего не знал. Папен считал самым сложным в австрийском вопросе то, что вообще неизвестно, с кем там можно компетентно вести переговоры, и считал полностью безосновательными слухи, что после плебисцита в Саарской области в Австрии возобновится национал-социалистская пропаганда.

Он считал, что и Австрии, в свою очередь, нужно бы прекратить преследование национал-социалистов, объявить им амнистию, и тогда ему легче было бы перед Гитлером настаивать на упорядочении ухудшившихся из-за Австрии германо-итальянских отношений. В целом же, у него сложилось впечатление, что в этих отношениях уже наступило потепление, прекращена кампания в печати, где теперь с признательностью пишут о заслугах Алоизи в упорядочении Саарского вопроса.

В отношении венгеро-югославских связей Папен тоже придерживался мнения, что венгерские ревизионистские претензии вряд ли осуществимы одновременно во всех трех направлениях — к Чехословакии, Румынии и Югославии. Нужно, по его мнению, начинать с одной страны, и это должна быть Чехословакия. В таком случае возможна кооперация Венгрии с Германией. В то же время Папен спросил, нельзя ли после сглаживания имеющих место венгеро-югославских противоречий

поставить на обсуждение сближение Венгрии с Югославией в такой форме, чтобы ревизию (по германо-польскому примеру) снять с повестки на определенное число лет. Маширевич высказал Папену личное мнение, согласно которому он не полагает, что имелись бы принципиальные препятствия, если “нас не поставят” перед дилеммой выбора между Римом и Берлином. Но, по его мнению, предпосылкой сближения должно быть восстановление дружеских отношений между Римом и Берлином, “которые являются краеугольным камнем наших внешнеполитических замыслов”. Папен просил венгерских правителей “подумать об этом”⁷⁴.

В ходе встречи с Муссолини 3 декабря посланник Виллани, по поручению венгерского МИДа, просил ответить на интересовавшие Венгрию вопросы об обеспечении независимости и суверенитета Австрии и о невмешательстве в ее внутренние дела. По первой части итальянский премьер-министр высказался положительно, а вторую он предложил отредактировать так, чтобы исключить всякую возможность недоразумения или произвольной интерпретации. Ибо Германия считала бы нарушением суверенитета Австрии даже то, если бы в Австрии открыли итальянский научно-исследовательский институт. И более того, она могла бы это сделать, если бы итальянскому правительству пришлось просить у венгерского правительства разрешение на пропуск итальянских войск в случае венгеро-югославской конфронтации в соответствии с обязательствами Римского пакта в отношении двух остальных дружественных стран. Хотя это и не составило бы нарушения суверенитета в случае согласия правительства, но злонамеренно это можно было бы интерпретировать и по-другому.

В отношении переговоров в Женеве дуче выразил свое удовлетворение особенно безупречным поведением англичан и заслуживавшей признательность позицией Пьера Лавалья.

В этом донесении Виллани подробнее, чем в шифротелеграмме изложил мнение Муссолини о неблагоприятной обстановке для Югославии попытаться силой добиться сатисфакции. Повторив все доводы с подробной их интерпретацией, венгерский посланник изложил свою позицию: недооценивать противника не следует, хотя дух румынской армии не на высоте и вооружение ее недостаточно, но “их много и они значительно лучше оснащены, чем мы”. Он приводил и другие доводы против войны, а Муссолини в конце беседы (как при всех предыдущих встречах) еще раз заверил Венгрию “в полной поддержке”⁷⁵.

В те дни встречи в Риме участвовали. 13 декабря Муссолини информировал Виллани о франко-итальянских переговорах о достижении соглашения по колониальному вопросу, но “по более важной проблеме”, по Центральной Европе, договориться не удалось. До Виллани у

Муссолини на приеме были послы Англии и Франции, которым он заявил, что ни в коем случае не свернет с политики, проводимой в отношении Австрии и Венгрии. В то же время он также не требует от Франции отвернуться от своих союзников по Малой Антанте. Он “желает сближения с Парижем не через Белград” и не намерен делать дружеский жест в отношении Югославии, но с удовольствием может заявить, что у него нет мыслей о нападении. Но поскольку это заявление Франция не считает удовлетворительным, то “визит Лавала не имел бы никакого смысла”.

Дуче высказался за необходимость упрочения слабого звена в треугольнике — Австрии. Это нужно и для сдерживания Югославии, и если бы последняя напала на Венгрию, то теперешнее положение в Европе было бы самым подходящим для ее развала. Виллиани с ним не согласился, полагая, что нападение Югославии могло бы привести к варварской оккупации Венгрии, потере сотен тысяч жизней и жертве большей части национального достояния.

Затем Виллиани поинтересовался у дуче, как вести себя в случае, если бы Венгрию хотели склонить к заключению политического перемирия. От этого, как и от договоров о ненападении, по мнению итальянского премьера, следовало уклоняться. Если же будут конкретные предложения, то нужно совместно взвесить, содержат ли они такие преимущества (экономические, в области защиты национальных меньшинств и т. д.), которые стоили бы приносимой Венгрией политической жертвы.

Прощаясь, Муссолини дважды подчеркнул, что без войны Венгрия не получит обратно ни пяди земли. Но несмотря на это “всегда нужно говорить, что мы мирными средствами боремся за ревизию”, хотя эта борьба полностью бесперспективна.

У венгерского посланника от этой беседы сложилось впечатление, что дуче считается с возможностью катастрофы в ближайшее время ⁷⁶.

Такое мнение распространилось не только в печати, но и в дипломатических кругах. Так, 8 декабря 1934 г., посланник США в Будапеште посетил исполнявшего обязанности министра иностранных дел А. Хори и, ссылаясь на поручение своего правительства, полученное срочной телеграммой, поинтересовался: 1) считают ли в Венгрии положение столь серьезным, что допускают возможность военного выступления Югославии; 2) имеют ли венгры обещания со стороны Италии оказать в случае войны вооруженную помощь.

На первый вопрос Хори ответил, что возможно предположить любой необдуманный шаг со стороны сербов, но, по его убеждению, спор будет решен мирным путем.

На второй вопрос ответил, что с Италией у Венгрии нет никакого соглашения.

Американский посланник предложил второй вопрос довести до сведения министра иностранных дел Кани и попросить его ответить для информации Вашингтона⁷⁷.

9 декабря на запрос Хори пришла шифротелеграмма из венгерского представительства за подписями Кани и Ласло Тахи, в которой содержалась просьба сообщить посланнику США, что союзнического или военного договора между Италией и Венгрией нет и, как известно, обе страны до сих пор выступали против образования блоков. Однако провокационные действия Югославии и двух других стран Малой Антанты в связи с марсельским делом привели к еще более тесному сотрудничеству между ними.

Авторы телеграммы просили в очень осторожной форме узнать у посланника США, какую позицию займет американское правительство в случае опасности войны⁷⁸.

На следующее утро посланник США посетил Хори с целью получить ответ на заданные вопросы. Он подчеркивал, что, по-видимому, сообщения в прессе вызвали у его правительства опасения возможности возникновения войны⁷⁹.

К этому времени венгерский министр иностранных дел получил еще одно донесение из Рима, на этот раз от посланника при Ватикане Дьёрдя Барци, о беседе с итальянским послом при Ватикане графом де Векки, который в качестве "квадровира" входил в состав доверенных лиц Муссолини. По мнению посла, белградское правительство стремилось использовать убийство короля в Марселе для сбора компромата против патриотического и ревизионистского движения в Венгрии, которое уже давно беспокоило Малую Антанту, а также для того, чтобы отвлечь мировое общественное мнение от положения в самой Югославии. Муссолини заявил своему послу в Ватикане, что хотя он будет прикладывать максимальные усилия, чтобы избежать взрыва в напряженных венгеро-югославских отношениях, но если югославы прибегнут к провокации или насилию, он открыто и решительно выступит на стороне венгров, и если будет нужно, готов применить крайние средства. Если Югославия хочет войны, то пусть будет война.

Граф Векки заявил, что Муссолини больше всего беспокоит и огорчает двойная игра германского правительства. С приходом Гитлера к власти в Германии Муссолини, который полностью был согласен со всеми "великими целями" германского национал-социализма, надеялся, что новый немецкий режим станет исходным пунктом теснейшего итало-германского сотрудничества. В этом Муссолини сильно разочаровался еще перед встречей в Венеции и после нее понял, что

создание тесной кооперации между Римом, Берлином, Будапештом и Веной из-за поведения Германии стало невозможным.

Шаги, предпринятые германским правительством для разрешения югославо-венгерского конфликта, посол считал недостаточными. Оно заигрывало с югославами и пыталось прикрыться экономическими интересами, в период сербской кампании против Венгрии вело себя не так, как по праву можно было ждать от сторонника Венгрии. Да и сообщения немецкой печати были слишком туманными и осторожными. Поведение германского правительства произвело на Муссолини неблагоприятное впечатление, и дуче по этому поводу заметил послу, что немцы там, где нужна дипломатическая вежливость, грубы и напористы, а когда нужно проявить решительность и занять твердую позицию, они ведут дипломатическую игру⁸⁰.

Поскольку в правящих кругах Венгрии также, как и в Италии, считались с возможностью венгеро-югославской войны, то в Рим в середине декабря был отправлен представитель генерального штаба венгерской армии начальник второго отдела (военная разведка) полковник Густав Хеннхей, заметки которого об этой поездке были направлены и министру иностранных дел. В заметках особое место уделено положению, связанному с убийством в Марселе. Он подчеркивал, что дуче был готов, если бы венгеро-югославский вопрос в Женеве не был решен соответствующим образом и отношения между Венгрией и Югославией обострились, вместе со своей армией безоговорочно стать на сторону Венгрии. Но дальше говорится, чего же стоят обещания Муссолини. Хеннхей писал: “Но конкретных военных распоряжений со стороны Италии не последовало”. По замыслу военного руководства предполагалось в случае итало-югославской войны моторизованные части провести через австрийскую территорию. С этой целью полковник Ротга еще осенью объехал намеченную для использования в этих целях австрийскую территорию. Хеннхей сообщал своему руководству, что Италия не рассчитывает на перерастание конфликта в европейскую войну, выражая уверенность, что война будет локализована между Венгрией и Италией, с одной стороны, и странами Малой Антанты – с другой. Он также писал о полученных в Риме сведениях, согласно которым дуче не считал правильным югославо-венгерское соглашение в Женеве, так как был упущен случай использовать существовавшее военное преимущество. Венгерский представитель в этом сомневался, заметив, если бы дуче желал войны, ему было очень просто направить переговоры в Женеве в этом направлении, поскольку о ходе их он постоянно получал информацию.

На основе бесед с итальянскими военными, а также с германским послом и военным атташе в Риме он пришел к выводу о продолжав-

шемся напряжении в итало-германских отношениях при сохранении тесных связей между генеральными штабами по военной линии, что, по мнению немецкого посла в Риме, могло привести к восстановлению хороших отношений и по политической линии. Такого же мнения придерживались его собеседники и с итальянской стороны.

В итало-французских отношениях хотя и происходило некоторое сближение, но до подписания пакта было далеко. Причина же заключалась в том, что Франция хотела сближения Италии с Малой Антантой, а это было возможно лишь за счет Венгрии.

В австрийском вопросе наступило улучшение, Германия прекратила пропаганду, а Франция была готова уступить сферу влияния в этом регионе Италии при условии обеспечения последней независимости Австрии. В названном документе предпринята также попытка анализа отношений Италии с рядом Балканских стран, Малой Антантой и ее политики в Абиссинии⁸¹.

Как же складывались в это время венгеро-германские отношения?

Напряженность, которая наметилась между германским и венгерским МИДа, продолжалась, а после посещения Гёрингом Белграда (присутствие на похоронах Александра) даже еще обострилась. Министр иностранных дел Германии в своей записи о визите к нему венгерского посланника Маширевича 25 октября 1934 г. отметил, что в центре вопросов, которые задавал ему посланник, была попытка выяснить, не начинается ли с посещения Гёрингом Белграда антивенгерская политика. Нейрат полагал, что он успокоил Маширевича, и заявил, что тот может сообщить в Будапешт: появление Гёринга на похоронах в Белграде ничего не меняет в отношении Германии к Венгрии, а улучшение отношений Германии с Югославией может дать Венгрии только преимущества. Министр отметил, что на ряд вопросов посланника отвечать отказался, считая их абсурдными, и просил Маширевича хотя бы "не считать нас полными идиотами".

Маширевич жаловался на позицию германской печати в югославо-венгерском споре⁸².

Венгерской стороне стало известно, что румынский посланник в Берлине Николае Петреску-Комнен 30 октября сообщал Бернхардту Бюлову, госсекретарю германского МИДа, о беседе с Гёрингом, прусским премьером, который и от имени Гитлера решительно заявил об отсутствии у Германии каких-либо обязательств в отношении ревизионистской политики Венгрии; Германия в ней вовсе не заинтересована и никогда не обсуждала с Венгрией эти ее проекты⁸³.

В беседе с советником германского посольства в Будапеште Карлом Шнурре 1 ноября 1934 г. венгерский премьер-министр Д. Гёмбёш жаловался на поведение Германии в отношении Югославии, особенно

из-за высказываний Гёринга по поводу положения немецкого национального меньшинства в Югославии и Венгрии в период его последнего пребывания в Белграде.

Суть их: Германия — не ревизионистская страна, ее не интересуют венгерские территориальные притязания, немецкое же национальное меньшинство в Югославии и Румынии пользуется теперь значительно большими свободами, чем раньше, когда находилось под властью венгров, и они “будут всеми средствами противиться их возвращению под венгерский режим”. Гёринг не скрывал, что Германия придает большее значение дружбе с Югославией и Румынией, чем связям с Венгрией. Шнурре в беседе с Гёмбёшем, а затем, 17 ноября, и с Маширевичем отрицал достоверность этих сведений о заявлении Гёринга⁸⁴.

Эти и другие подобные сведения беспокоили венгерские правящие круги. Нейрат убеждал К. Каню, что не следует слишком активно реагировать на заявления видных деятелей национал-социалистов. Мало ли что они говорят. Нейрат заверил его, что политика Германии в отношении Венгрии не претерпела никакого изменения. Каня обращал внимание своего посланника в Берлине и на то, что и перед ним, т. е. посланником, немецкие официальные власти делали аналогичные заявления и обещали моральную поддержку Венгрии в осуществлении ее внешнеполитических целей.

Министр иностранных дел Венгрии просил сказать барону Нейрату, что Венгрия никогда не рассчитывала на активную поддержку Германии в ревизионистском вопросе, но не была готова к тому, что немецкое правительство прямо выступит против ее важнейшего политического устремления. Он просил обратить внимание германского министра иностранных дел на то обстоятельство, что в тот момент, когда в связи с покушением в Марселе страны Малой Антанты ведут мощную кампанию против Венгрии, заявление Гёринга в высшей мере поощряет Югославию к агрессивности и необдуманному действию.

Каня в пылу озлобления утверждал, что внешняя политика Германии в большой мере похожа на политику, проводившуюся Густавом Штресманом. Он также просил сказать, что если Венгрии не придется рассчитывать на обещанную Германией моральную поддержку, то долго она не сможет продолжать свою несогласительскую политику и рано или поздно вынуждена будет в какой-либо форме включиться в пропагандируемую Бенешем Дунайскую комбинацию, в которую, естественно, войдет и Австрия. “Мы не верим, — продолжал он, — что развитие Средней Европы в таком направлении, которое всю эту территорию втянуло бы в французскую сферу влияния, могло бы дать преимущество Германии”.

Затем К. Кания просил посланника как можно скорее и подробнее информировать о впечатлениях от беседы с германским министром иностранных дел⁸⁵.

Беседу с Нейратом 17 ноября на эту тему Маширевич посчитал не самой удачной. Начало памятной записки Нейрат воспринял одобрительно, но от того, что шло после первого абзаца, германский министр покраснел, сказал, что источник ему известен (Петреску-Комнен – румынский посланник в Берлине). Гитлер, сказал Нейрат, лично не давал Гёрингу полномочий на такие заявления. Канцлер перед иностранными делегатами никогда подобных заявлений не делал. Нейрат утверждал, что он такого не слышал, а без него Гитлер не принимал иностранных дипломатов.

Затем Нейрат подтвердил, что Германия не может активно поддерживать венгерскую ревизию, но дружеская моральная поддержка, как и заявления немецкой стороны о неизменности политики Германии по отношению к Венгрии, остаются в силе, добавить к этому что-либо еще он не желает и тут же перешел в наступление, выразив удивление, что несмотря на несколько раз повторенные им заявления, “мы делаем перед ним такие шаги” на основе фантастических слухов, распространяемых “некими балканскими дипломатами”, которые вызывают впечатление, якобы “мы (венгры. – А. П.) не верим в искренность сказанных им слов”.

Далее, продолжая в том же духе, Нейрат начал шантажировать Маширевича, что будет, если его вынудят доложить об этом Гитлеру. На Маширевича угрозы подействовали и он стал убеждать Нейрата не делать этого. Дело дошло до того, что посланник не выполнил всю инструкцию Кани, “дабы дальше не огорчать германского министра”.

После такого поворота событий Нейрат вернулся к своему излюбленному тезису, согласно которому поддержание германо-югославских отношений может принести пользу и Венгрии. Уже прощаясь Нейрат сказал, что он еще подумает, давать ли на этот демарш письменный ответ. Маширевич его отговаривал⁸⁶.

Запись этой беседы, уже, по крайней мере, дважды опубликованная, сохранилась и в германском МИДе. Она в значительной мере отличается от донесения Маширевича и поэтому некоторые места из нее стоит привести.

В ней подчеркивалось, что Маширевич, как всегда, явился с длинным списком вопросов, зачитал министру иностранных дел взволнованную жалобу, как он сказал, по поручению своего правительства, по поводу поездки Гёринга в Белград и из-за его высказываний там.

Из этой записи следует, что Нейрат довольно грубо принял Маширевича, сообщая, что если ему мало разъяснения германского МИДа (Кёпке, Бюлов и он) по поводу смысла высказываний Гёринга о ревизии и он “осмеливается приходить с жалобой”, то министр в будущем постарается вообще ничего ему не сообщать. Нейрат опроверг сведения, что Гёринг выступал по личному поручению Гитлера.

Министра вывел из себя и вопрос Маширевича, заключила ли Германия политическое соглашение с Югославией или намерена это сделать. Нейрат не стал на него отвечать, только повторил, что Венгрия в высшей степени должна быть заинтересована в хороших отношениях Германии и Югославии. Затем Маширевич из своих записей зачитал примерно следующее: если Германия в ближайшее время не закончит с дружескими отношениями с Югославией, то Венгрия объединится в Дунайском союзе с Чехословакией и Австрией “и закроет от нас Дунайский бассейн”. На это Нейрат заявил, что угрозы на него вообще не действуют, и решительно отверг попытки венгерского правительства делать “предписания в отношении нашей политики”. В этой записи зафиксировано и заявление Маширевича, согласно которому, если Германия поведет себя по-иному, то Венгрия откажется от своей посреднической роли между Италией и Германией. Министр же парировал, что не имел бы ничего против, если бы Венгрия прекратила посредничество, которое и прежде было только в тягость Германии⁸⁷.

Эти моменты и тон беседы Маширевич даже не решился сообщить своему министру иностранных дел К. Кане.

20 ноября К. Каня направил Маширевичу в Берлин шифротелеграмму, в которой полностью разделял мнение посланника: нужно избежать письменного ответа Нейрата⁸⁸. Через день министр иностранных дел направил ему с курьером послание, где повторил изложенное в телеграмме. В целом же Каня одобрил как форму, так и содержание сообщения Нейрату. Но в первоначальном варианте этого краткого письма содержалась еще одна фраза: “Можно надеяться, что немцы в будущем будут избегать таких лишних и неприятных для нас демонстраций, как организованные Гёрингом в Белграде и др.”⁸⁹.

В конце года, 22 декабря 1934 г., Маширевич в письме Кане изложил свое видение развития германо-венгерских отношений. Он отметил, что поведение немцев в связи с выселением венгров из Югославии побудило его изложить взгляды на, как ему представляется, сегодняшние венгеро-германские отношения. Он подчеркивал “сегодняшние”, утверждая, что никогда нельзя знать о завтрашнем дне немцев. Он ответил, что по поручению Бюлова Цецил Ренте-Финк сообщил Маширевичу дополнительно: нота по поводу выселения венгров из Югославии и содержавшаяся в ней просьба венгров о помощи основатель-

но изучались. Но в Берлине пришли к решению: поскольку Германия не представлена в Лиге наций и не принимает участие в подготовке решения, имеющего целью упорядочить венгеро-югославский спор об убийстве в Марселе, немецкому МИДу трудно было бы официально обратиться к Белграду. В то же время Ренте-Финк просил, чтобы Маширевич официально об этом не докладывал; он несколько раз подчеркнул, что в Берлине способ действия югославских властей полностью не одобряют и доверили посланнику Виктору Хеерену на месте (в Белграде) поступать в зависимости от обстоятельств по собственному усмотрению. Маширевич ответил Ренте-Финку: позиция Германии, если рассматривать ее с чисто формальной точки зрения, может быть, и уместна, но он считает, что в Будапеште произведет странное впечатление, если он получит негативный ответ на просьбу о поддержке, которая относится скорее к гуманной, чем к политической области. В ответ последовала просьба, чтобы и эта часть не стала предметом официального донесения.

“Как бы я не смотрел на это дело, к сожалению, мне нужно констатировать, что из-за симптомов, наблюдавшихся в последние недели, на первый план в развитии германо-югославских отношений можно выдвинуть предположение, согласно которому заявления Гёринга, отрицаемые Нейратом или приписываемые болтливости балканских дипломатов, стали обретать реальную форму”. Маширевич отмечал, что в первые дни марсельского спора германские газеты использовали только белградский источник, перемена произошла лишь после вмешательства венгерского посольства. Посланник приводил данные об истории сербско-немецкого сотрудничества. По его мнению, в Берлине с любовью проводят параллели между сербами и пруссаками. Приводит он эту фразу на немецком языке: “Как пруссы в Германии, так и сербы среди южных славян являются сильнейшими и расой, призванной руководить”.

По мнению Маширевича, после подписания Римских протоколов (несмотря на противоположные публичные утверждения официальных кругов) произошли определенные изменения венгеро-немецких отношений из-за Югославии и Австрии. Он считал, что “по мере того, как будет набирать все более реальную форму сотрудничество Рим—Будапешт—Вена, тем более сносным будет становиться наше положение в Берлине”. Немцы пытаются доставлять неприятности итальянцам, используя югославов, и это им удается, но и только. Маширевич разделял мнение французского посла в Берлине Андре Франсуа-Понсе, что Германия не получает при этом никаких позитивных и ощутимых результатов. Венгерский посланник перечислил немецкие внешнеполити-

ческие установки по шести направлениям (с Польшей, Францией, Англией, Советским Союзом, Австрией, Югославией), которые повисли в воздухе.

Подводя итоги, венгерский посланник сообщал: “В настоящее время во внешней политике здесь такое дилетантство, что делать позитивную работу на этом сыпучем песке едва ли возможно”.

Может быть, можно рассчитывать на военное сотрудничество с Германией против чехов, но не против Югославии и Румынии. Даже вера в моральную поддержку немного поколеблена поведением Берлина в связи с выселением венгров из Югославии.

Но несмотря на изложенные в письме неблагоприятные впечатления Маширевич не мог предожить запутавшемуся в сетях Италии и Германии правительству Венгрии ничего иного, как затаить обиду и спокойно ждать дальнейшего развития событий, ориентируясь на немец и отстаивая общие интересы⁹⁰.

Получив письмо из Берлина, министр иностранных дел Венгрии К. Каня решил поддержать разочаровавшегося друга и приказал отправить ответ с курьером 29 декабря. Он сообщал, что полностью разделяет его выводы. Каня особо выделил его мнение, что влияние “клики Гёринга на внешнюю политику Германии усилилось”, а заявления Нейрата, приуменьшающие это влияние, не соответствуют фактам. Министр подчеркивал, что этим письмом Маширевич подкрепляет впечатление: отношение Гитлера к Нейрату не столь хорошее, как это утверждают немецкое посольство в Будапеште и Вильгельмштрассе, и что Гитлер, без всякого сомнения, не слишком рассчитывает на работоспособность Вильгельмштрассе. Как становится ясным из приложенного донесения, фон Хеерен, представитель Вильгельмштрассе, говорит о немецко-сербских отношениях в таком духе, который более соответствует представлениям Гёринга, чем взглядам, которые высказал венгерскому министру иностранных дел Нейрат в период визита к нему в августе, когда просил не придавать заигрыванию с Белградом большого значения, ибо оно имеет чисто экономические причины и ни при каких обстоятельствах не означает политических перемен в отношении Венгрии. “В лучшем случае, – писал Каня, – могу интерпретировать немецкую внешнюю политику только так, что она не находится под единым руководством, и где Гёринг, а где Нейрат берет верх”.

К. Каня разделял и взгляды Маширевича, что в таких обстоятельствах нельзя возлагать большие надежды на Германию, в крайнем случае можно рассчитывать на ее поддержку против чехов, да и то, уточнял министр, только при определенных условиях, если бы прежде Венгрией были достигнуты соглашения сначала с Югославией, а затем

и с Румынией, в результате чего, по расчетам немцев, ценность Венгрии как союзника значительно возрастет.

В конце письма Каня согласился и с мыслью о том, что лучше всего не показывать обиды, а сохранять с Германией хорошие отношения до тех пор, пока только можно⁹¹.

Такими напряженными были германо-венгерские отношения в конце 1934 г., когда в Лиге наций продолжалась закулисная возня вокруг проблемы убийства в Марселе. На заседании Совета Лиги наций было принято решение по поводу обвинения Югославией Венгрии. Совет постановил поручить венгерскому правительству самому разобраться с деятельностью хорватских эмигрантов в Венгрии, в частности с их пребыванием в Янкапусте, и наказать виновных в самой Венгрии.

Кроме того, Совет Лиги наций решил запросить у Венгрии материалы по этому вопросу. В 20-х числах декабря французская сторона через посланника в Женеве предложила ускорить предоставление Венгрийей мнения по поводу жалобы Югославии.

11 января 1935 г. министр иностранных дел Венгрии К. Каня передал в Женеве Антони Идену, как докладчику по этому вопросу в Совете Лиги, позицию венгерской стороны с приложениями. Вечером в тот же день Иден просил К. Канию опустить в полученном документе последние три абзаца, в которых речь шла о выселении венгров из Югославии, ибо в противном случае нельзя было бы избежать дискуссии в Совете Лиги наций. Венгерский министр мотивировал включение в записку этого материала тем, что выселение венгров продолжалось и после 10 декабря, но "во имя мира" он согласился снять эти абзацы.

12 января Тибор Экхардт, представитель Венгрии в Совете ЛН, передал исправленный вариант венгерской записки генеральному секретарю Дж. Авенолу. По просьбе последнего, в тот же день один экземпляр материалов был передан постоянному представителю Югославии в Женеве Фотичу.

15 января Иден посетил Канию в отеле и сообщил, что Лаваль, барон Алоизи и он пришли к единому мнению, что в Совете надо избежать дискуссии в югославо-венгерском споре. Но в то же время нельзя требовать от югославской стороны, чтобы она в течение нескольких дней высказала свое отношение к обширному материалу, предоставленному венгерской стороной. Поэтому они предложили следующее решение: Иден сообщит Совету о поступивших от Венгрии материалах и предложит Совету принять это к сведению. Югославия, по-видимому, будет просит время для их изучения, после чего сообщит свои замечания докладчику Идену, который еще до майской сессии Лиги наций подготовит свой доклад. Он обещал не предлагать включения дела в

повестку дня, если такое пожелание не выскажут югославы, и посулил оказать давление на Югославию с тем, чтобы она согласилась с такой процедурой. Он выразил надежду закрыть дело без дискуссии еще до майской сессии Лиги наций.

Каня тут же попытался нажать на представителей великих держав тем, что если не удастся закрыть дело до майской сессии, он резервирует за собой право дополнить представленные материалы жалобами на положение венгерского национального меньшинства в Югославии. 14 января Иден вновь встретился с Каней и сообщил, что вряд ли возможно будет завершить дело в текущей сессии, ибо теперь нельзя избежать дискуссии, но выражал уверенность, что проблему можно будет завершить без дискуссии в майскую сессию.

В ответ Каня поинтересовался, зачем же была нужна спешка. Если по техническим причинам нельзя будет полностью разобраться с этой проблемой в январскую сессию и с противоположной стороны будут выдвигать препятствия, то он решил отозвать венгерское сообщение и обратиться в Совет Лиги наций в подходящее "для нас время" с расширенным меморандумом, в котором найдет отражение проблема выселения венгров из Югославии и будут раскрыты закулисные махинации относительно действительных причин марсельского дела, от чего Венгрия отказывалась до сих пор в интересах мира и по настоянию великих держав; будут также изложены жалобы на положение национальных меньшинств в Югославии. Кроме того, министр заявил, что в отсутствие завершения дела он не вступит в переговоры по соглашению о невмешательстве.

В тот же день вечером переговоры по тем же проблемам вели Каня, Иден и Авенол. Последний разъяснял, что югославам необходимо определенное время для забвения горьких марсельских событий, а также для изучения увесистого венгерского меморандума и приложений к нему. Поэтому завершить дело в январскую сессию Лиги наций будет невозможно. Иден выразил предположение, что в майскую сессию его доклад будет принят без дискуссии.

По мнению венгерского министра ситуация в мае будет еще сложнее, учитывая продление кампании в печати и подстрекательства против Венгрии.

Каня после этой встречи информировал Алоизи о ее ходе. Последний признал положение тяжелым.

Иден продолжал лавировать. 16 января он посетил Каню и сообщил, что он узнал через английского посланника в Белграде о намерении Евтича не настаивать на дискуссии в югославо-венгерском споре. 17 января ждали приезда Евтича в Женеву, и Иден собирался сообщить ему, что не будет просить включать названное дело в повестку

дня, это может сделать только Югославия, а венгерское правительство ждет югославские замечания не позднее конца февраля.

В записи беседы министра иностранных дел Венгрии К. Кани с министром иностранных дел Франции, состоявшейся 17 января 1935 г. в Женеве, отмечается, что Кания передал просьбу венгерского правительства поскорее закрыть дело. Когда Лаваль ознакомился с переданной ему на французском языке запиской, в которой ответственность за то, что еще не удалось завершить дело Янкапусты, возлагалась на Югославию, он заявил, что пообещал югославам не завершать дела на данной сессии. “С привычным цинизмом он искренне признался, что был тем, кто рекомендовал югославам в своем нападении ограничиться Венгрией, особое внимание уделяя Янкапусте”.

В упомянутой записке Кани говорилось, что венгерское правительство строго наказало виновных чиновников, без всяких колебаний взяло на себя роль единственного обвиняемого перед Лигой наций и сделало все для удовлетворения великих держав, Совета Лиги наций и югославов. В связи с этим Лаваль заметил, что, как видно, Венгрия “хочет обеспечить марсельскому делу первоклассные похороны в нашу пользу”.

В то же время Лаваль заявил о своем решительном неодобрении сербских намерений подождать результата судебного разбирательства в Марселе и порекомендовал им в течение 3–4 недель дать свой ответ. Но когда Кания вновь прибыл через несколько часов и спросил Лаваль, передал ли он сербам свое пожелание в отношении срока ответа, тот ответил: “Я не хотел сказать сербам все сразу”.

В ходе беседы Лаваль упомянул и о ходатайстве перед ним Алоизи, который от имени Муссолини просил завершить дело быстрее, ссылаясь на то вредное влияние, которое отсутствие соглашения может оказывать на применение Римского пакта, и иронически добавил: “Мне не жалко”. Но как отмечено в документе, в ходе дальнейшего обмена мнениями Лаваль вновь и вновь просил не угрожать саботажем римского итало-французского соглашения, ибо это чрезмерно затруднило бы положение министра иностранных дел Югославии.

О Венгрии Лаваль высказался следующим шуточным образом: “Вы странный малый остров в Центральной Европе, но, к сожалению, очень симпатичный”. Он с циничным юмором заметил, что находится в том неприятном положении, когда вынужден врать как Кане, так и Евтичу, ибо только таким способом надеется сблизить их друг с другом.

Лаваль утверждал, что это он внес в текст Римского пакта предложение, которое означает, что Венгрия может и впредь вести ревизионистскую пропаганду, но выражал надежду, что в будущем она будет менее шумной.

В конце записи отмечено: “Между прочим, в ходе всей нашей беседы по поводу венгеро-югославского конфликта Лаваль вел себя цинично и часто шутил, так что трудно установить, какое значение можно придавать его заявлениям”⁹².

В последующие дни Иден выяснял позицию Евтича, информировал о ней К. Каню и излагал план своих действий: если министр иностранных дел Югославии не потребует обсуждения вопроса в Совете Лиги наций, тогда он в кратком заявлении в Совете закроет дело окончательно. А если произойдет обратное и югославское правительство будет настаивать на дискуссии в Совете, то и венгры смогут высказать все свои аргументы, от которых прежде воздерживались.

На этот раз, в конце 1934 и в начале 1935 г., интересы великих держав – Англии, Италии и Франции – требовали того, чтобы в тайных закулисных переговорах постараться не допустить пролить свет на убийство в Марселе. И венгерское правительство согласилось пойти на это, “что спасло его от провала”.

Прежде всего мощную поддержку Венгрии при обсуждении в Лиге наций оказала Италия, поскольку она нуждалась в Венгрии при проведении своей балканской и средневропейской политики в связи с обострением отношений Италии с Германией из-за плана аншлюса Австрии. Учитывая эти интересы Италии, и другие великие державы – Англия и Франция – пытались за кулисами в Лиге наций сгладить это дело. Как мы видели, особую активность в этом направлении проявили министры иностранных дел Англии и Франции – Иден и Лаваль.

Регент Венгрии Хорти выделил этот момент в своих воспоминаниях. Он писал: «Как раз в это время Лаваль собирался с визитом в Рим и поэтому воздерживался от всего, что могло бы быть неприятным для Италии. Он подготовил проект заключительного сообщения, содержащий завершение дела, и показал его Кане, но тот полностью отверг его, ибо увидел в нем намек на то, что венгерское правительство что-то знало о плане покушения.

Через час Лаваль принес новый текст, он уже был более мягким, но Каня и этот вариант не считал приемлемым и заявил, что вечерним поездом покинет Женеву. Наконец, Лаваль вручил третий текст; Каня внимательно прочитал его и возвратил со следующими словами: “Этого я не понимаю”. Лаваль на это замечание широко улыбнулся и сказал: “Ведь это как раз то, что надо!” Он сознательно отредактировал текст так, чтобы никто ничего в нем не понял. Затем по предложению Идена Совет Лиги наций 25 мая 1935 г. окончательно прекратил разбирательство»⁹³.

Хорти, конечно, изобразил дело так, будто Венгрия вообще не была причастна к убийству в Марселе.

Само разбирательство в Женеве повредило престижу внешней политики Венгрии, и расплачиваться за него пришлось сотням венгерских семей, которых югославские власти в наказание за Марсель изгнали из насиженных мест и выселили в Венгрию.

В связи с обсуждением в Лиге наций Венгрия из-за возмущения мирового общественного мнения на время оказалась почти в полной внешнеполитической изоляции. Но эта беда имела для правительства Гёмбёша и положительный момент, она действовала на часть оппозиции, ставшей на точку зрения необходимости создания внутреннего единства. Сложным положением Венгрии на внешнеполитической арене воспользовалась Германия, идя на сотрудничество с Югославией и во всем отказывая Венгрии.

В этом положении Венгрии удалось заполучить некоторую поддержку в Польше. 19 октября 1934 г. в Варшаву прибыл Дюла Гёмбёш, премьер-министр Венгрии. Отношение Венгрии к Польше в 20-е – начале 30-х годов можно отнести к сфере несбыточных мечтаний. В этот период очень много говорилось о дружбе, базируясь на прошлом, но ничего не делалось на практике. И это и не удивительно. Оба государства очутились в Версальской системе. Но Польша – в стане победителей, восстановила свою независимость и была заинтересована в сохранении статус-кво. Венгрия же вышла из первой мировой войны побежденной, потерявшей две трети своей территории. Около трех с половиной миллионов венгров, проживающих компактно в пограничных районах, оказались в составе новых государств на правах национальных меньшинств. Поэтому венгерские правящие круги в основу своей внешнеполитической деятельности ставили реванш, а затем ревизию границ, установленных Трианонским мирным договором, правда, маскируя свои намерения разговорами – добиться своих целей мирными средствами.

В современной венгерской исторической науке мы даже встречаем с утверждением, что якобы в Венгрии в период “между двумя мировыми войнами не было настоящей альтернативы ревизионистской политике”⁹⁴.

И у Венгрии, и у Польши в этот период были общие интересы: антисоветизм, антикоммунизм и ненависть к Чехословакии. Но этого было мало, чтобы сгладить существенные различия между двумя странами. Кроме вышеупомянутого, существовал тот факт, что страны Малой Антанты объединились в антивенгерский фронт и хотели втянуть туда и Польшу, а одно из общих устремлений – антисоветизм

привел к тому, что между Польшей и Румынией был подписан договор и установлены хорошие отношения, а для Венгрии Румыния оставалась противником номер один. Не способствовали углублению польско-венгерской дружбы и дружественные отношения Польши с Югославией.

Польшу угнетало непризнание Германией восточных границ, а Венгрия возлагала свои надежды в ревизии Трианона на поддержку Германии. Польша была многонациональным государством и стремилась освободиться от обязательств предоставления национальным меньшинствам широких прав, а Венгрия пыталась добиться для венгерского национального меньшинства в соседних странах равноправия.

Поэтому понятно, что когда после прихода к власти в Германии Гитлера начался процесс германо-польского сближения, в венгерских политических кругах возлагали на него большие надежды, а затем и подписание 26 января 1934 г. декларации о ненападении между Польшей и Германией в Венгрии восприняли с восторгом.

Но в мае в Женеве Луи Барту и М. М. Литвинов обсуждали план создания Восточного пакта, по замыслу которого подписавшие его стороны оказывали бы друг другу помощь в случае нападения третьей стороны (план региональной помощи) и не поддерживали бы агрессора. Обсуждали там и план союза Франции с СССР. Целая система пактов должна была защитить восточноевропейские страны от германской агрессии. В региональных пактах предполагалось участие Польши, Германии, Чехословакии, Франции, Финляндии и трех прибалтийских государств. Они взаимно гарантировали бы друг другу территориальную целостность. На переговорах не затрагивались Румыния и Венгрия.

Но этот план восточной безопасности натолкнулся на сопротивление Германии и Польши.

Барту еще до того посетил Варшаву и Прагу с намерением узнать их позицию по вышеизложенному замыслу своих союзников. Но в ходе переговоров в Варшаве Барту с Юзефом Пилсудским выявились серьезные расхождения, в том числе и в отношении Восточного пакта. Уже одно намечавшееся участие в пакте Советского Союза вызывало сопротивление Польши. Пилсудский не собирался углублять отношения с СССР. Кульминацией он считал договор о ненападении 1932 г. Не добился успеха Барту и в попытке сближения Польши с Чехословакией.

В Праге Барту встретил полное взаимопонимание. Там надеялись при помощи Восточного пакта обезопасить себя как с германской, так и с венгерской стороны.

В отношении позиции Германии ни у одного из правительств иллюзий не было. Было ясно, что Берлин не согласится с идеей Восточного Локарно. На переговорах в Берлине 7 июня Юзефа Бека с Нейратом выяснилось, что оба государства решительно выступают против пакта безопасности. К этому времени аналогичной позиции придерживались Италия и Венгрия, а в Венгрии и Польше взгляды совпадали в отношении отдельных стран Малой Антанты.

В конце июля 1934 г. польский посланник в Будапеште Станислав Лепковский передал Д. Гёмбёшу приглашение посетить Варшаву “примерно в середине октября”. Говоря о венгеро-польских отношениях, еще необходимо заметить, что у польского правительства имелись противоречия и с Италией по вопросу аншлюса Австрии. Польшу аншлюс устраивал больше, чем сохранение независимости Австрии, так как она делала надежду направить агрессию гитлеровской Германии в юго-восточном направлении и обезопасить себя с запада. Германия 8 сентября, а Польша 27 сентября официально заявили о своем отрицательном отношении к Восточному пакту.

Продолжавшиеся в Риме переговоры Италии с Францией до некоторой степени расстроились из-за возможности возникновения германо-польско-венгерского блока. Чтобы помешать этому, правительство Италии пыталось пригласить в Рим Гёмбёша еще до его поездки в Варшаву. Не желая выглядеть зависимым от Италии, он не отказался от приглашения (не соглашаясь, однако, с тем, что это была якобы его инициатива), но перенес время визита на более поздний срок⁹⁵. В середине сентября была уточнена дата – 9 октября – начала визита Гёмбёша в Варшаву. Однако из-за событий в Марселе поездка венгерского премьера была отложена, и состоялась несколько позже, 19 октября.

Как при любых заранее планируемых визитах, и на этот раз в венгерском МИДе был собран обширный подготовительный материал. В этих материалах можно прочесть и о целях поездки, и об общем определении взаимоотношений, базирующихся на положении в Европе и в мире в целом и, в частности, в значительной мере приспособленных к польско-чехословацким отношениям, и о перспективах польско-венгерских связей, которые виделись зависимыми от состояния первых. Составитель материалов причину этого видел в геополитическом значении Закарпатья и присоединения его к Чехословакии. “Следовательно, в данном пункте общий венгеро-польский интерес теперь и, более того, в отдаленное время сулит возможность далеко идущего сотрудничества”⁹⁶. В документе отмечалось, что хотя оптимальным было бы установление общей венгеро-польской границы, но в данной обстановке это неосуществимо. В качестве вполне реального высказывалось пред-

ложение ослабить положение чехов на отторгнутых от Венгрии территориях без территориальных изменений⁹⁷.

Эти планы устраивали венгров, учитывая циркулировавшие в националистических кругах Польши претензии на Словакию, вызывавшие в Будапеште подозрения о возможности причастности к ним правящих кругов Польши. Но учитывая деликатность этого вопроса, рекомендовалось с венгерской стороны при встрече в Варшаве не ставить вопрос напрямую, а сначала узнать реакцию польского руководства на предложение добиться кооперации античешских действий в Словакии и Закарпатье. Условия этого сотрудничества в Словакии и Закарпатье были неодинаковыми. Что касается Словакии, то там пока надо бы удовлетвориться уведомлением словацких автономистов о тесном венгеро-польском сотрудничестве с тем, чтобы они стали более активными.

В Закарпатье же, где польские и венгерские устремления вполне очевидно нейтрализовали друг друга, перед венграми стояла задача добиться сотрудничества полонофильских групп с венгерофильскими местными русинскими элементами в интересах достижения автономии как окончательной цели. Естественно, говорилось в документах, эти рекомендации пригодны только в том случае, «если атмосфера в Варшаве будет подходящей для постановки столь доверительных и далеко идущих проблем»⁹⁸.

Хотя в начале третьей декады октября (после убийства в Марселе) в Варшаве ситуация была не такой, но для венгерского правительства положительным был уже и сам факт приема Гёмбёша в столице Польши.

В венгерской прессе не было недостатка в предположениях относительно целей поездки Гёмбёша. Сам же Гёмбёш в своем выступлении по радио целью варшавского визита определил упрочение мира в Центральной Европе и способствование развитию духовных и культурных связей. В таком же духе он информировал и венгерские зарубежные представительства⁹⁹. Следовательно, нельзя было придавать большое значение тем газетным рассуждениям, которые твердили о предстоящем политическом повороте. Ближе к правде были те корреспонденты, которые не ждали многого от поездки Гёмбёша.

Варшавское руководство согласилось на прием Гёмбёша, пошло на демонстрацию дружбы в то время, когда значительная часть мировой печати вела сильные нападки на Венгрию из-за поддержки ею хорватских сепаратистов. Но Варшава настаивала на том, чтобы вопрос о политическом соглашении не ставился. Польское правительство было заинтересовано в приезде Гёмбёша. Венгерский посланник в Варшаве Петер Матушка в одном из своих донесений указывал на

ослабление польско-французских связей из-за выступления Польши против Восточного пакта, усиливалось охлаждение польско-советских отношений, а польско-чехословацкие отношения были просто плохими¹⁰⁰.

Регент Венгрии Миклош Хорти, воспользовавшись случаем, передал маршалу Пилсудскому личное послание, датированное 10-м октября 1934 г. В нем он выразил надежду, что визит Гёмбёша «вновь сблизит наши нации». В этой ситуации Хорти пытался убедить поляков в нужности прогерманской ориентации. Он выражал «бесконечную радость» по поводу значительного улучшения польско-германских отношений. Этим актом, отмечал регент, свидетельствующим о государственной мудрости, одним ударом «Польша выбирается из трагического положения между двух огромных мельничных жерновов». Польша получила поддержку с той стороны, которая по духовному складу, культуре и религии значительно ближе к ней, чем Восток. Россия, в любом облике, «с ее восточным деспотизмом» всегда «будет угрожать существованию или спокойствию Польши». Вместе с раньше или позже возрожденной национальной Россией будут пробуждены к новой жизни старые великие религиозные и национальные цели. Ее давление в направлении Запада сильнее всего проявится тогда, когда Япония вытеснит ее с Дальнего Востока.

Хорти рекомендовал упрочить сотрудничество с Германией даже ценой незначительных территориальных уступок, которые с лихвой будут вознаграждены на севере, востоке и юго-западе, т. е. за счет Советского Союза и Чехословакии. Он и в этом письме развивал свою старую идею крестового похода европейских и азиатских стран против СССР и его раздела¹⁰¹.

В конце письма Хорти отметил, что был бы очень рад, если бы «настоящие переговоры привели к конкретным результатам»¹⁰².

Гёмбёш передал письмо Хорти Пилсудскому 20 октября.

Однако результаты визита Гёмбёша в Варшаву оказались весьма скромными. Были подписаны соглашение о духовном сближении двух сторон, а также экономические, туристские и консульские договоренности.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек сформулировал политику в отношении Венгрии следующим образом: Польша, не выступив гарантом нерушимости венгеро-чехословацкой границы, не присоединилась к антивенгерской политике Малой Антанты и тем самым «прямо принесла пользу Венгрии», и будет впредь поддерживать с ней добрососедские отношения.

В распоряжении Гёмбёша к этому времени были агентурные данные, сообщенные венгерским консулом из Братиславы, согласно кото-

рым у Польши не было никаких территориальных требований к Словакии и Закарпатыю¹⁰³. И когда Гёмбёш попытался несколько раз окольными путями подойти к этой проблеме, заявляя, что “в Карпатском бассейне может осуществляться только венгерская историческая воля”, министр иностранных дел Польши не поддавался на эти провокации.

Когда речь зашла об австро-германских отношениях, на вопрос Пилсудского, содержащий предположение, что первой жертвой гитлеровской Германии все же будет Австрия, а не Чехословакия, Гёмбёш попытался туманно что-то ответить и кончил тем, что “теперь аншлюс неактуален”. В ходе этой беседы Пилсудский, обсуждая политические события в Европе, высказал мнение, что немцы своей внешней политикой вызовут создание оси Италия—Франция—Югославия. Гёмбёш с этим не согласился, он более вероятной считал, как с политической, так и с военной точек зрения линию Рим—Берлин—Варшава—Вена—Будапешт¹⁰⁴.

Обобщая результаты своей поездки в Варшаву, Д. Гёмбёш считал, что это начало совместной венгеро-польской политики, направленной против Чехословакии. Он рекомендовал своим дипломатам использовать любой жест со стороны Польши для создания предпосылок хороших отношений, а также установить более тесные связи между армиями двух стран. Кроме того, из бесед в Варшаве он делал вывод, что Венгрии необходимо ускорить вооружение из-за политической обстановки в мире и особенно в Европе.

И все же венгерское правительство, заручившись поддержкой Варшавы, в частности в сглаживании в Лиге наций марсельского инцидента, находило ряд конкретных положительных моментов в этом визите. Как отмечалось, общность интересов двух правительств еще до встречи проявилась в противодействии Восточному пакту. И в будущем, т. е. весной 1935 г., полностью в зависимости от Будапешта ставилось отношение к Дунайскому пакту.

Но эти конкретные результаты не переоценивал министр иностранных дел Венгрии К. Каня. В информации для руководства венгерских представительств за рубежом он отмечал, что Польша, после того, как упорядочила свои отношения с Германией и Россией, обратила внимание на Центральную Европу, в том числе и на Венгрию. Настроение в Польше в отношении Венгрии самое дружественное, и уже “в ближайшее время откроется возможность более интенсивного сотрудничества”. Он дал указание посланникам повсюду устанавливать тесные связи с польскими посольствами.

В то время положение Венгрии на международной арене было незавидным. В югославской и чехословацкой печати продолжались острые нападки на венгерское правительство. Для него не было секретом, что в данной ситуации оно может надеяться на существенную поддержку только у своих союзников по Римским протоколам.

4 ноября Гёмбёш отправился в Рим через Вену. В австрийской столице на вопрос журналистов, не является ли целью поездки в Рим, сразу после визита в Варшаву, создание польско-итало-венгерского блока, Гёмбёш ответил, что визит в Польшу был только дружеским актом, а создание политических блоков не входит в интересы Венгрии.

В действительности же в Риме обсуждались два основных вопроса: расширение Римских протоколов и марсельское дело. После завершения переговоров Гёмбёш сделал заявление, в котором в качестве условия сотрудничества с Германией выделили необходимость сохранения независимости Австрии, чего он раньше публично не делал.

8 ноября в Земмеринге венгерский премьер-министр встретился с австрийским канцлером Куртом Шушнигом, пообещав ему полную солидарность со стороны Венгрии, взамен попросил стать на сторону Венгрии против нападков Малой Антанты по поводу убийства в Марселе¹⁰⁵.

Муссолини, в свою очередь, обещал поддержать ревизионистские требования Венгрии во всех отношениях и в случае продолжения нападений на нее в Женеве настаивать на полном расследовании дела.

12 ноября 1934 г. на заседании руководства правящей Партии национального единства Гёмбёш ознакомил присутствовавших с политической линией правительства. Журналисты выделили в этой речи два пункта: ревизию Трианонского мирного договора и Римский пакт. В отношении Центральной Европы Гёмбёш заявил, что она должна "остаться территорией с собственными целями", тем самым дав повод к различным толкованиям его высказываний¹⁰⁶.

В конце 1934 г. возобновились прерванные марсельскими событиями итало-французские переговоры. Ход переговоров и возможные их результаты интересовали Венгрию в первую очередь в связи с угрозой потери единственного сторонника, открыто поддерживавшего в то время ее территориальные претензии к соседним странам.

В декабре 1934 г. венгерский премьер-министр Д. Гёмбёш направил два письма Б. Муссолини, в которых излагал венгерскую точку зрения с целью довести ее до сведения французского министра иностранных дел Лавалля. В них он давал свое толкование территориальной ревизии и напомнил о ранее доставленной карте Муссолини с обозначенными на ней территориями, на которые претендовала Венгрия. Он приводил конкретные численные данные о венгерских национальных

меньшинствах в Чехословакии, Румынии и Югославии и обосновывал свою позицию в отношении необходимости предоставления Венгрии равноправия на вооружение¹⁰⁷.

Муссолини ответил на одно из них 29 декабря 1934 г. Дуче отмечал, что вновь, как и обещано, информирует Гёмбёша о ходе переговоров с Францией, особо обращая его внимание на стремление раз и навсегда снять ряд чисто итало-французских вопросов довоенного и военного периода, на страстное желание со стороны Германии достичь прямого соглашения с Францией и на трудные отношения Италии с Абиссинией.

Муссолини еще раз заверил Гёмбёша, что в ходе переговоров венгерские интересы всегда на виду и будут учитываться в случае достижения соглашения¹⁰⁸.

Заигрывание главы итальянского правительства с Францией в конце 1934 г. привело к подготовке конкретного проекта внешнеполитического соглашения – Римского пакта. В начале января 1935 г. министр иностранных дел Венгрии К. Каня получил часть этого проекта, относившуюся к Центральной Европе. В нем подчеркивалась (на основе итальянского и французского анализа положения в Центральной Европе и особенно Австрии) необходимость заключить между заинтересованными странами такие соглашения в рамках Лиги наций, которые обязали бы их не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не проводить пропаганду, “направленную против территориальной целостности другого государства или на насильственное изменение его политического и общественного строя”¹⁰⁹.

По плану договор должны были подписать Австрия, Чехословакия, Венгрия, Германия, Югославия и Италия, к ним могли присоединиться Англия, Франция, Польша, Румыния, а позднее, по мере необходимости, и другие страны. Как видно из текста проекта, он не представлял преимущества Венгрии, поскольку содержал не только гарантии независимости Австрии, о чем первоначально шла речь, но и предполагал невмешательство во внутренние дела друг друга, а также обязывал подписавшие его страны уважать территориальную целостность заинтересованных государств.

Каня уже 3 января сообщил в Рим, что венгерское правительство приняло бы положение соглашения о невмешательстве и запрещении насильственной пропаганды только в том случае, если бы были получены соответствующие гарантии по поводу выполнения договоров о национальных меньшинствах, и готово присоединиться к пакту лишь вместе с Германией.

Но еще до того, на следующий день после получения информации от Муссолини о намеченном пакте (26 декабря 1934 г.), Гёмбёш в спо-

койном тоне, но по существу выступил против итало-французского соглашения, подчеркивая, что Франция дешево хотела бы распространить свое влияние в Дунайском бассейне. Гёмбёш тогда еще не мог знать полного текста проекта, и только знакомство с ним свидетельствовало, что Лаваль сполна оплатил Италии уступками в Африке, в частности в Абиссинии¹¹⁰.

Ознакомившись только с той частью проекта итало-французского соглашения, которая относилась к Центральной Европе, Гёмбёш 4 января 1935 г. в письме Муссолини подробно изложил причины, по которым независимость Австрии должны гарантировать только великие державы, в том числе Германия, просил Муссолини исключить из проекта малые страны, поскольку Венгрия не может подписать документ, признающий целостность стран Малой Антанты. И это оказало бы, писал он, пагубное влияние на авторитет Римских протоколов трех стран¹¹¹.

Венгерское правительство смущало и включение в договор запрета насильственного изменения границ заинтересованных государств, а также оно высказывало сомнение относительно возможности своего участия в консультативном пакте. Политический директор итальянского МИДа Джино Бути пытался развеять эти сомнения, подчеркивая, что это необходимо, ибо помогло бы и Германии принять участие в гарантии независимости Австрии¹¹².

5 января 1935 г. в Будапеште была получена телеграмма из Рима от венгерского посланника о выполнении им поручения по выяснению ряда сомнительных формулировок в проекте итало-французского соглашения. Бути отметил, что нежелание Венгрии участвовать в консультативном пакте приняли к сведению, но вновь подчеркнул, что Германия в какой-либо форме могла бы обеспечить независимость Австрии¹¹³.

В тот же день поступила от Виллани в МИД Венгрии еще одна телеграмма (о которой К. Каня информировал и премьер-министра) о беседе посланника с государственным секретарем МИДа Италии Сувичем, который утверждал, что Муссолини не предал венгерские интересы и держался на стороне венгров несмотря на попытку Малой Антанты нажить капитал на встрече Муссолини-Лавалья.

По Сувичу, консультативный пакт пока будет создан только в составе Италии, Франции и Австрии, и только после этого будут направлены приглашения другим странам присоединиться к нему. Прежде всего намерены пригласить Германию, придавая ее участию большое значение.

Сувич считал, что присоединение Венгрии к пакту не означало коллаборацию с Малой Антантой, поскольку консультационный спо-

соб состоял бы в том, что итальянское и французское правительства сначала вместе с Австрией определили бы что делать, а затем сообщили это другим странам-сигнаторам наряду с определением предназначенных им задач.

Сувич вновь попытался убедить венгерского собеседника, что проект соглашения, его положения в пункте "А" не оскорбительны для Венгрии, ибо выражение "насильственный" перевешивает "в нашу пользу"¹¹⁴. В этот же день, зная что и Германии итало-французское соглашение будет не по вкусу, министерство иностранных дел Венгрии дало указание своему посланнику посетить Бюлова и проинформировать его о развитии событий. Такой шаг был связан и с тем, что Гёмбёш на рождество (в конце 1934 г.) направил письмо военному министру Германии Бломбергу, в котором подчеркивалась важность венгеро-германского сотрудничества в делах "севернее Дуная". Он высказал пожелания обсудить в Берлине дальнейшее развитие немецко-венгерского сотрудничества. С венгерской стороны для участия в этих переговорах он предлагал себя или регента Хорти.

В первых числах января 1935 г. Каня дал указание Маширевичу ознакомить немецкое правительство с имевшейся у венгерской стороны частью проекта итало-французского соглашения и обратить его внимание не только на текст, но и на мнение, точнее, убеждение венгерского правительства, что проект соглашения "очевидно направлен против Германии". Закинув эту приманку, К. Каня тут же высказал свою точку зрения, согласно которой это соглашение было бы лишним, если бы Германия публично заявила о своем уважении к независимости Австрии¹¹⁵.

Поскольку Нейрата в Берлине не было, Маширевич выполнил указание и информировал госсекретаря Бюлова. Тот прежде всего поблагодарил посланника за такую точную информацию об итало-французских переговорах, какую он не получил ни от кого, включая и послов Италии и Франции в Берлине. Заместитель министра отметил, что он не хочет предвосхищать официальный ответ, но может предположить, что если острие итало-французского соглашения будет направлено против Германии, то последняя не сможет принять в нем участие. И вообще, до получения официального текста о Римских соглашениях германское правительство не сможет ответить, да и спешить не будет. Но если бы не было этой антигерманской направленности, то Германия присоединилась бы к соглашению, которое заявляет только о невмешательстве во внутренние дела. Но и в этом случае многое зависело бы от стиля изложения, например, от того, как определяется фактическое вмешательство во внутренние дела. Является ли таковым, например, влияние Италии на хаймвер?

Бюлов считал нужным выяснить и ту часть проекта соглашения, согласно которой оно было бы осуществлено в рамках Лиги наций, ибо Германия видит в нем попытку окольными путями заставить ее вновь войти в Лигу наций.

Для Германии важным был бы и состав участников, ибо если кроме Франции туда войдут Румыния и Польша, то Франция во всей этой системе имела бы большинство, из-за чего Германия и ушла из Лиги наций.

Италия и Франция хотели бы в отношении Австрии осуществить консультативное соглашение. По этому вопросу Германия высказываться не желает, ибо помешать ему все равно не сможет.

По мнению Бюлова, итало-французское соглашение по Дунайскому вопросу тесно связано с разоружением и Восточным пактом, не может быть отделено от них и решаться они будут вместе¹⁶.

Но несмотря на эти венгерские инициативы, венгеро-германские отношения продолжали быть небезоблачными. Хотя оба государства и были заинтересованы в срыве подписания Дунайского пакта, совместного их выступления по этому поводу не произошло.

В этой ситуации венгерская дипломатия, как бы ей этого и не хотелось делать, вынуждена была скрепя сердце идти вместе со своими союзниками по Римским протоколам. Предметом их дискуссии были условия, выдвинутые венгерской стороной в качестве предпосылок ее участия в переговорах.

Муссолини в это время уже не интересовала позиция Гёмбёша. Он полностью был поглощен предстоящими колониальными завоеваниями в Африке и, надеясь на поддержку Франции, дуче 7 января 1935 г. фактически без изменений подписал итало-французское соглашение, содержащее в себе и проект Дунайского пакта или, как его еще называют, Среднеевропейского пакта. И более того, он пытался и Гёмбёша склонить пойти на уступки. Постоянный представитель Италии в Лиге наций Алоизи 11 января 1935 г. в Женеве упрекал министра иностранных дел Венгрии Каню в нелояльности за отказ Венгрии присоединиться к пакту после стараний Италии сгладить марсельское дело. Затем он пытался убедить венгерского собеседника, что Франция в будущем из-за более важного союзника – Италии постепенно отойдет от Малой Антанты и для Венгрии откроются более широкие возможности. Каня усомнился в возможности развития событий в таком направлении и подтвердил уже известную позицию венгерского правительства, что оно присоединится к названному пакту только после признания за Венгрией равноправия в вопросе вооружения и предоставления далеко идущих уступок венгерским национальным меньшинствам в странах Малой Антанты.

Попытки Италии усыпить бдительность не прекращались. 9 января 1935 г. заместитель министра иностранных дел Сувич старался уверить венгерского посланника в Риме, что венгры смогут в качестве равноправного партнера участвовать в переговорах и изложить там свои пожелания¹¹⁷. Выкручиваясь и притворяясь не совсем осведомленным, Муссолини никак не мог найти способ убедить венгерских государственных деятелей в том, что это не отход от прежней политики поддержки Венгрии. Он обратился к Вишлани с вопросом, нет ли возможности на основе девятнадцатого параграфа устава Лиги наций официально поставить на этом форуме ревизионистские притязания Венгрии, но, видя нелепость своего предложения, тут же рекомендовал Венгрии подождать, не спешить¹¹⁸.

И действительно, Венгрия колебалась. Она чувствовала, что испаряются мечты о пересмотре Трианона. Ведь речь шла не только об Италии. Против Дунайского пакта решительно высказалась Германия. Румыния, хотя не выступала против подписания пакта, но настойчиво воздерживалась. Югославия, считаясь с усилением позиции Италии, выдвигала свои условия, а по существу занимала негативную позицию. Чехословакия в принципе была за подписание Дунайского пакта, но ей хотелось сначала довести до конца дело в отношении Восточного пакта, который она подписала еще 10 декабря 1934 г.

В министерстве иностранных дел Польши, где главной задачей считали провал Восточного пакта, план Муссолини–Лавалья произвел неплохое впечатление. Ю. Бек заявил послу в Германии Юзефу Липскому, что Римский план учитывает ограниченные возможности в Европе лучше, чем Восточный. Польша не исключила своего участия в Дунайском пакте, если и Венгрия подпишет его¹¹⁹. В таком же смысле Бек информировал Каню, Идена, Лавалья и итальянского представителя в Женеве Алоизи. Кане он сообщал, что если раньше Польша проявляла незаинтересованность в дунайских вопросах, то на этот раз необходимо повернуть ее политику в сторону Дунайского бассейна, что может быть полезным для Венгрии. В Римском (Дунайском) пакте Бек видел важное начало, могущее привести к созданию итало-франко-английской линии, которую нужно будет дополнить линией Рим–Будапешт–Варшава, а позже – и соглашением Варшава–Париж¹²⁰. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае Польша не выдвигала в качестве условия подписания пакта о невмешательстве участие в нем Германии.

В Венгрии в отношении Дунайского пакта не было единства взглядов. И. Бетлен, Г. Грац и их сторонники считали ревизию Трианона в тот момент несвоевременной и предлагали поиск сближения с

соседними странами, абстрагируясь от планов пересмотра границ, а находившиеся у власти Д. Гёмбёш, К. Каня и их сторонники предполагали, что соглашение Муссолини—Лавалья может решить Дунайскую проблему таким образом, что в ней не окажется места для ревизии и в новом положении к руководящей роли может прийти Чехословакия.

Когда итальянское и французское правительства ознакомили венгерские дипломатические круги с подписанным в Риме 7 января 1935 г. итало-французским протоколом, который составлял основу Дунайского пакта, венгерское правительство сообщило, что оно с удовлетворением приняло к сведению, что римский протокол обеспечил Венгрии продолжение пропаганды, направленной на возвращение территорий мирными средствами, и поэтому выразило готовность, при определенных условиях, принять участие в переговорах, имеющих целью создание Дунайского пакта.

Условия венгерского правительства, сообщенные в Рим, состояли в следующем:

- 1) признание за Венгрией полного равноправия;
- 2) улучшение судьбы венгерского национального меньшинства на отторгнутых территориях;
- 3) точное и подробное определение понятия “вмешательство”;
- 4) окончательное закрытие в Совете Лиги наций дела о марсельском покушении.

По поводу первого пункта отмечалось, что имеется в виду прежде всего равноправие в военном отношении, которое стало особенно актуальным после 16 марта 1934 г., когда немецкое правительство восстановило всеобщую воинскую повинность. Полное равноправие венгерской стороной толковалось так: она свободно определяет численность армии, ее вооружение и т. п. и пойдет только на такие ограничения, на которые пойдут и страны Малой Антанты. Далее разъяснялось, что суверенитет Венгрии, до известной степени, ограничен и в других областях. Так, 15 ноября 1921 г. министр иностранных дел Венгрии граф Даниел Банффи направил письмо конференции послов, фактически заявление правительства, в котором содержалось обязательство до постановки вопроса о выборах короля запросить мнение великих держав и без их согласия не предпринимать никаких действий.

Венгерская сторона также обращала внимание своих сторонников на два момента. Во-первых, Венгрия не принимала на себя никаких обязательств (они относились только к великим державам, имевшим своих представителей в Совете послов) в отношении стран Малой Антанты по поводу престолонаследования и, исходя из этого, Венгрия, в ходе переговоров о Дунайском пакте, ни в коем случае не может согласиться с обеспечением какого-либо права Малой Антанты вмеша-

ваться в это дело. Во-вторых, если венгерское правительство и не считает актуальным, чтобы королевский трон не пустовал, все же, с точки зрения принципа полного равноправия, оно желало бы освободиться и от этого ограничения.

Римское соглашение Муссолини—Лавалья служило основой для согласия Венгрии участвовать в переговорах по Дунайскому пакту, но со временем в дискуссию были втянуты такие проблемы, упоминания о которых в названном соглашении не было. Отчасти под влиянием Франции и Малой Антанты, отчасти по желанию Австрии, искавшей влиятельной защиты против национал-социалистской опасности, на повестку дня был поставлен план заключения договора о ненападении и взаимопомощи.

Венгерская сторона считала, что запрет на насильственное изменение территориальной целостности стран по существу содержит в себе понятие о ненападении, и поэтому нет необходимости включать в пакт специальный раздел. Но в данном вопросе эксперты рекомендовали правительству идти на определенные уступки так, чтобы военные статьи в договоре Малой Антанты, направленные против Венгрии, могли бы быть осуществлены только в ограниченных рамках пакта Лиги наций.

В то же время вопрос “взаимопомощи” считался для Венгрии полностью неприемлемым, ибо даже в случае получения полного равноправия в военной области она еще долгое время не была бы способна защищать даже собственные границы, не говоря уже о границах других государств. Кроме того, по моральным и политическим соображениям она не могла бы защищать от третьей страны границы таких государств, которые были созданы в значительной мере на отторгнутых у Венгрии землях. По тем же соображениям Венгрия отвергала и предложение Италии заключить соглашение о взаимопомощи хотя бы с Австрией (и к ней у Венгрии были территориальные претензии)¹²¹.

Как в римском итало-французском протоколе от 7 января 1935 г., так и в последующих итальянских и французских проектах возникла идея консультаций. Специалисты в венгерском МИДе считали, что в том случае, если бы в Дунайском пакте приняли участие Германия и Польша, то консультации не представляли бы особой опасности для Венгрии. Другое дело, если бы в пакте участвовали только Франция, Италия, Австрия, страны Малой Антанты и Венгрия, тогда последняя в случае консультационного совещания легко могла оказаться в меньшинстве^{122*}

* На полях документа составлен подсчет: Франция и страны Малой Антанты = 4; Италия, Австрия и Венгрия = 3, и сделан вывод, что с точки зрения интересов Венгрии нужно обяза-

На основе консультаций и обмена мнениями с руководителями Италии – Муссолини, Сувичем и др. – венгерский МИД пришел к выводу, что по замыслу Италии консультативный пакт носит лишь временный характер, до подписания договора о невмешательстве, после чего он потеряет свою силу¹²³.

Консультативный пакт, в который была вовлечена и Австрия, фактически был подписан Италией и Францией. Отношение к нему к началу весны 1935 г. было, судя по документам МИДа Венгрии, противоречивым. В донесении от 13 февраля из Рима подчеркивалось, что Италию уже больше не интересует консультативный пакт, поскольку первоначальный ее замысел после подписания договора о консультациях между Италией, Францией и Австрией выполнен¹²⁴.

Из проблем, включенных в договор о консультациях, итальянскую сторону в первую очередь интересовали независимость Австрии, присоединение Германии к пакту и формула о ненападении.

Заявление о готовности подписать пакт о ненападении явилось предпосылкой присоединения к консультативному пакту; с подписанием пакта о ненападении консультативный пакт потерял свою силу.

Отношение Германии к итало-французской инициативе отражено в примечаниях, переданных 30 января 1935 г. в Париж, Рим и Вену. Немецкое правительство прежде всего заметило, что невмешательство и запрет пропаганды насилия относятся к само собой разумеющимся принципам международного права, и заявило о своей готовности обменяться с заинтересованными государствами мнениями с целью заключения такого рода соглашения. Но одновременно оно просило более строго разработать следующее: 1) чтобы принцип невмешательства в Центральной Европе распространялся не как прежде, на отдельные фактические положения, а на основе полного равноправия на всех участников; 2) возможность отдельных соглашений договаривающихся сторон нужно поставить в зависимость от согласия всех договаривающихся сторон; 3) приглашение Швейцарии и, прежде всего, Англии присоединиться к договору; 4) будет ли прекращено действие итало-французского консультативного пакта после создания пакта о невмешательстве; 5) в связи с выходом Германии из Лиги наций, немецкое правительство считало нужным выяснить, что подразумевается под выражением о необходимости заключить пакт о невмешательстве в рамках Лиги наций, и какую роль желают отвести Совету Лиги наций в отношении особых договоров¹²⁵.

тельное участие Германии и Польши, ибо в таком случае при голосовании перевес был бы на стороне Венгрии.

Позиция Англии отражена в коммюнике от 3 февраля о лондонских соглашениях, согласно которому Великобритания подтвердила свои декларации от 17 февраля и 27 сентября 1934 г. о независимости Австрии и заявила, что стоит на стороне тех государств, которые в духе римского соглашения будут консультироваться, если независимость и целостность Австрии окажутся в опасности.

Австрийское правительство, в основном посвященное в ход переговоров, предшествовавших римскому соглашению, естественно, с большой радостью приветствовало протоколы от 7 января. Но, исходя из опыта прошлого, оно считало весьма желательным точное определение понятия невмешательства и даже подготовило меморандум по этому поводу. Оно настаивало на том, чтобы и после подписания соглашения о невмешательстве пакт о консультациях оставался в силе.

Из стран Малой Антанты только Чехословакия проявила готовность присоединиться к Дунайскому пакту, а Югославия и Румыния заняли выжидательную позицию, выдвигая свои условия, среди них и неприятные для Венгрии — об отношении к возможности реставрации Габсбургов на австрийском и венгерском троне. Югославия настаивала включить в пакт о невмешательстве и Балканскую Антанту¹²⁶.

Лаваль в этих условиях вынашивал план втиснуть в формулу об особых соглашениях принцип коллективной взаимопомощи. Эти сведения так всполошили венгерское правительство, что барон Виллани получил указание спросить Сувича, какой информацией по этой проблеме располагает он, ибо этот пункт имеет очень большое значение для позиции Венгрии.

Дело в том, что к тому времени венгерское правительство склонилось в рамках Дунайского пакта принять положения о невмешательстве, о ненападении и, при определенных условиях, и о консультациях, но положение о взаимопомощи считало нужным отклонить в любом случае. В МИДе Венгрии считались с возможностью давления на нее с двух сторон, которое привело бы к обострению отношений со странами Малой Антанты и к отказу Италии в обещанной помощи. Составитель записки в связи с этим рекомендовал не допустить вытеснения Венгрии в целом из Дунайского пакта и заключить соглашения с отдельными странами о невмешательстве и ненападении, а может быть, и о консультациях. Прежде всего необходимо заключить соглашение с Австрией, поскольку главной целью договора в целом является обеспечение будущего Австрии¹²⁷. Но Венгрия не соглашалась подписывать договор о взаимопомощи даже с союзником по Римским протоколам 1934 г. — с Австрией.

Трения в отношениях между Венгрией и Италией усилились в связи с попытками Италии пойти под давлением Франции на сближение с Югославией. Венгерский посланник в Риме Виллани 27 февраля 1934 г. информировал своего министра иностранных дел о предстоящем назначении Кампалто Виолы новым итальянским посланником в Белграде. После прибытия в столицу Югославии ему поручено сделать следующее заявление непосредственно от главы правительства: “Я призван начать позитивное сближение между двумя странами. Италия не испытывает враждебных чувств по отношению к Югославии и не намерена мешать ее развитию или территориальной целостности. Италия стремится к дружескому сотрудничеству, к политическому и экономическому согласию”.

На замечание Виллани, что этот пассаж означает отступление от ревизионистской политики, Сувич ответил, что он может быть отнесен к хорватской сепаратистской акции. Действительным намерением Италии является установление хороших отношений с Югославией, но это не окажет влияния на существующую дружбу с Венгрией, и в этом он может заверить посланника от имени Муссолини.

В том случае, продолжал Сувич, если бы высказывания Виолы вызвали в печати неблагоприятные для Венгрии интерпретации, то итальянская сторона опубликует заявление, исправляющее такое положение. А пока не будет закончен процесс в Марселе, заявление Виолы останется “мертвой буквой”. Переговоры начнутся только после процесса, но венгры будут заранее информированы о каждом шаге, Италия будет параллельно стремиться улучшать венгеро-югославские отношения, что для Венгрии может иметь только преимущества, поскольку у нее меньше противоречий с Югославией, чем с остальными двумя странами Малой Антанты, и это облегчит ее борьбу на двух других фронтах. Он отметил также, что у Италии уже был договор о дружбе с Югославией, а какой договор заключат на этот раз, он пока не знает¹²⁸.

К. Каня на следующий день обратился к Виллани и предложил просить приема у Муссолини, на котором сообщить ему, что сказанное Сувичем приняли к сведению с благодарностью, и выразить сожаление по поводу того, что на основе существующего между двумя странами соглашения о консультациях Венгрии предварительно не сообщили о намерении сближения с Югославией. Венгерское правительство уже давно готово было проводить дружественную политику по отношению к Югославии, но трудности всегда выдвигались с югославской стороны, которая и в последнее время в связи с Марселем обратилась с обвинением исключительно против Венгрии. Но несмотря на все это венгерское правительство в принципе и сегодня готово идти на сближение,

хотя ему ясно, что теперь, когда и Италия вслед за Германией и Болгарией желает сближения с Югославией, добиться этого будет очень трудно. Венгрия с сожалением наблюдает, что в то время как Италия в духе январского соглашения старается наладить отношения с союзниками Франции, со стороны Франции нет и намёка на сближение с Венгрией. Учитывая, что речь Виолы произведет в Венгрии плохое впечатление, посланнику предлагалось просить Муссолини, нельзя ли вместе с публикацией речи придать гласности и планируемое успокоительное заявление. Виллани должен выразить надежду, что Муссолини, в дружбу которого в Венгрии верят, и в будущем будет оказывать ей помощь, даже в случае подписания югославо-итальянского договора о дружбе¹²⁹.

1 марта 1935 г. Каня послал Виллани еще одну телеграмму, уже по поручению премьер-министра Гёмбёша, где просил Муссолини (из-за возможных внутривнутриполитических затруднений в Венгрии) внести изменения в ту часть речи Виолы, где говорится об интеграции (Югославии)¹³⁰.

2 марта Виллани рапортовал о выполнении поручения Гёмбёша. Он был принят Муссолини в присутствии Сувича, но успеха не добился. Ему было заявлено, что изменение части речи Виолы об интеграции невозможно. Но Муссолини разъяснил, что это относится не к ревизии, а к хорватской акции. Дуче сообщил, что он готов одновременно с речью Виолы опубликовать в итальянской печати официальное заявление примерного содержания: “С радостью можно констатировать улучшение итало-югославских отношений, но основным принципом итальянской политики, который сохранится и впредь, является убеждение, что в Европе не может быть мира и сотрудничества без справедливой мирной ревизии — особенно в отношении Венгрии”.

Далее дуче разъяснял, что до окончательного решения марсельского дела заявление Виолы останется “мертвой буквой”, после чего с венграмми обсудят все шаги и только затем может идти речь о венгеро-югославском сближении, на чем, между прочим, Муссолини не настаивал и оставлял это венграм на их усмотрение. Муссолини обещал, что только после заявления Виолы в Париже будут предприниматься шаги к франко-венгерскому сближению. Вручение верительных грамот Виолой намечалось после 7 марта¹³¹.

Об этой беседе с Муссолини Виллани направил и специальное донесение (кроме телеграммы), в котором приводил доводы Муссолини, почему нельзя ничего исправить в проекте заявления Виолы: на этом варианте настаивали Лаваль и Джон Саймон, которых регент Павел пытался убедить, что Италия поддержкой подрывной деятельности усташей серьезно угрожает Югославии, а через это — и миру в Европе.

Следовательно, понятие интеграции в его заявлении будет означать, что теперь Италия не будет мешать внутреннему миру и территориальной целостности соседнего государства, но его нельзя интерпретировать так, будто официальная политика Италии отказывается от ревизионизма. Но о тексте заявления, подготовленного Сувичем, надо еще подумывать.

В отношении двух остальных стран Малой антанты — Румынии и Чехословакии — Муссолини не намерен был делать заявления аналогичного белградскому. Он вновь заверил, что считает Румынию страной, “потерявшей ценность”, а о Чехословакии прямо сказал, что это, «“похожему на крокодила”, уроду нужно исчезнуть с карты». Тогда “мы бы смогли получить северные земли, а вместе с тем общую границу с Польшей”¹³², — писал венгерский посланник.

Дуче вновь и вновь заверял в готовности поддерживать Венгрию и сообщил о заявлении английскому послу, что у него нет намерений напасть на Югославию, но если бы сербская армия перешла венгерскую границу, то он, дуче, рассматривал бы это как повод для объявления войны и немедленно провел бы мобилизацию.

Муссолини информировал, что ни одна из стран Малой Антанты не заявила о своем присоединении к пакту о невмешательстве, а с Малой Антантой как единым целым он не стал бы и разговаривать. Он не желал бы вовлечь в этот пакт ни Грецию, ни Турцию, что усложнило бы его структуру.

Насчет информации Муссолини слово сдержал, но этого нельзя было сказать о других обещаниях. В шифрограмме от 15 марта Виллани извещал МИД Венгрии, что в тот день по поручению Муссолини его принял Сувич и информировал о предстоящем (16 марта) вручении Виолой верительных грамот в Белграде. Но тут же добавил, что обещанной правительством корректировки или разъяснения сказанного в Белграде не будет, мотивируя это тем, что за прошедшее время венгерское правительство окрепло и такой необходимости теперь нет.

Виллани, ссылаясь на предстоящие выборы, предлагал в интересах как Италии, так и Венгрии выбить из рук оппозиции такой козырь, как речь нового итальянского посланника в Белграде.

В тот же день Сувич вновь встретился с Виллани после того, как доложил Муссолини о характере состоявшейся беседы. Сувич начал неуверенно объяснять, что предпринята попытка убедить югославское правительство заменить слова “территориальная целостность” словом “единство”, но ничего не вышло¹³³.

Чтобы выбраться из создавшегося положения, Муссолини просил прислать 17 марта телеграмму по случаю годовщины подписания Рим-

ских протоколов, а в ответе он коснется и речи посланника в Белграде. К. Кане не оставалось ничего другого, как только просить Виллани уговорить Сувича повлиять на Муссолини, чтобы ответ полностью соответствовал венгерским интересам как с внутри-, так и внешнеполитической точек зрения¹³⁴.

Казалось, после этих объяснений все улеглось. Но нет. Граф Виола дал интервью корреспонденту белградской газеты "Правда" (8 апреля), где привел похвалы Муссолини в адрес Югославии и Малой Антанты как удачного и жизнеспособного международного союза и добавил, что Италия всегда была против насильственной ревизии. И на этот раз Венгрии пришлось удовлетвориться объяснением, что газета якобы искажила смысл высказывания Виолы¹³⁵. Венгерская дипломатия проглотила и эту пилюлю.

Когда правительству Советского Союза стало ясно, что Восточный пакт будет трудно осуществить, а новая затея министра иностранных дел (после убийства Барту) Лавалля организовать вместо него своего рода Центральноевропейский блок, известный в истории как Дунайский пакт, была ему не по душе, оно одобрило совместную англо-французскую декларацию от 3 февраля 1935 г. по поводу проекта Дунайского пакта. В беседе с польским посланником Юлиусом Лукасевичем нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов подчеркивал, что инициатива Восточного пакта принадлежит Полю Бонкуру, который первым заговорил с ним об этом. Но тогда речь шла только об советско-французском соглашении. "Мы на это ответили предложением о коллективном пакте с участием Прибалтики, Польши и Чехословакии". Пакт имел совершенно определенную задачу, по мнению Литвинова, — обеспечить мир на Востоке Европы и дать одинаковые гарантии всем его участникам¹³⁶.

В беседе с итальянским послом в Москве Бернардо Аттолико (5 мая) Литвинов отметил, что СССР в свое время одобрил Лондонское соглашение от 3 февраля 1935 г., а тем самым также и намечавшийся Дунайский пакт. "Мы искренне стремились к тому, чтобы этот пакт осуществился", — отмечал нарком. Литвинов в Женеве не скрывал от Титулеску и Бенеша своего недовольства по поводу тех препятствий, которые ставились этому пакту со стороны обеих Антант¹³⁷.

Но как показывают вышеприведенные факты, становилось все более ясно, что и Дунайский пакт, который предполагалось образовать уже без участия СССР, как и Восточный, скорее всего подписан не будет.

В связи с введением, в противоречии с предписаниями Версальского договора, 16 марта 1935 г. всеобщей воинской повинности в Германии, вызвавшей беспокойство в целом ряде стран, представители Ан-

глии, Франции и Италии собрались 11 апреля 1935 г. в Стресе, обменялись мнениями по этому поводу и согласились продолжить консультации о создании системы коллективной безопасности. Там обсудили и возможность вооружения Венгрии, Австрии и Болгарии¹³⁸.

В Стресе было также принято решение созвать в последней декаде мая 1935 г. в Риме конференцию по Дунайскому пакту.

До конференции участники Римских протоколов – Италия, Венгрия и Австрия – встретились в Венеции 4–6 мая 1935 г. для выработки единой платформы. Венгрия могла принять участие в конференции, так как дело о покушении в Марселе было окончательно закрыто, что же касается условий, выдвинутых Венгрией, Сувич пообещал, что вопрос о национальном меньшинстве можно включить в повестку дня, понятие “невмешательство” будет уточнено в ходе переговоров, а равноправие на вооружение будет решаться вместе с заключением пакта, поскольку этот вопрос зафиксирован в шестом пункте итогового документа конференции в Стресе¹³⁹.

На упомянутом совещании в Венеции между министром иностранных дел Венгрии К. Каней и госсекретарем итальянского МИДа С. Сувичем произошла беседа с глазу на глаз, в ходе которой Сувич по поручению Муссолини доверительно сообщил: Венгрия до сих пор строила свою политику на итало-германской оси, но в последнее время произошли серьезные расхождения во взглядах между Римом и Берлином, и в изменившихся условиях Италия стала более ориентироваться на Францию. От этой ориентации, по мнению Муссолини, будет польза и Венгрии, поскольку Франция в будущем может рассчитывать на помощь Италии в решении многих принципиальных вопросов, а значит, меньшее значение будет придавать Малой Антанте, в результате чего будет ослабевать связь Франции с этой группой государств. Вследствие возникших между Италией и Германией трудностей, отношения между ними стали нестабильными. Германия в результате собственных ошибок совершенно изолирована. Сувич заметил, что в случае возникновения войны и победы в ней Германии, она захватит Австрию и Венгрию, а если она потерпит поражение, то ее более мелкие союзники исчезнут с карты Европы.

В отношении реставрации Габсбургов Сувич заявил, что, в принципе, Муссолини и теперь против, но он хотел бы сохранить за собой возможность использовать этот вопрос в качестве политического оружия против Германии и спросил мнение Венгрии по этому поводу: согласилась бы она на реставрацию и на установление союзнических отношений с Австрией.

Отвечая на поставленные вопросы, К. Каня сказал: “Мне придется с сожалением констатировать”, что надежда Муссолини на ослабление связей Франции и Малой Антанты вследствие итало-французского сближения в общем не осуществилась, даже наоборот, изо дня в день “наблюдаю то, что стало ясным из поведения Лавалья в Стрезе”: Франция больше чем когда-либо зависит от этой группы стран и без всяких ограничений поддерживает их безумные требования.

По второму вопросу Каня заявил: в общем известно, что премьер-министр Дюла Гёмбеш против реставрации, а он, Каня, приспосабливается к его указаниям, поэтому более подробный ответ на заданный ему вопрос считает излишним. Но добавил, что венгерское правительство не обрадовалось бы, естественно, и реставрации в Вене, ибо в таком случае усилилось бы легитимистское движение и агитация стала бы более острой.

У Венгрии с Австрией самые дружественные и самые тесные отношения. Но венгерское правительство не намерено устанавливать союзнические отношения и, по его убеждению, и Австрия не желает вступать в такие связи с Венгрией.

Однако венгерская сторона проявила готовность заключить военное джентльменское соглашение. Этой цели был посвящен визит начальника генерального штаба в Рим и Вену и переговоры, которые он вел там с представителями военных кругов. Но говоря об этом, К. Каня обратил внимание Сувича, что возможный военный австро-германский конфликт был бы катастрофическим для Австрии, поскольку большая часть австрийской армии сразу же перешла бы на германскую сторону. Поэтому эту возможность нужно исключить из любой разумной комбинации. Причем это может произойти и в случае, если бы в Австрии попытались насильственным путем осуществить реставрацию. Тогда общие интересы могли бы объединить Германию с Малой Антантой.

По мнению Кани, такая ситуация могла бы возникнуть и тогда, если бы, например, Венгрия взяла на себя по отношению к другим странам далеко идущие военные обязательства¹⁴⁰.

В обстановке усиленной подготовки Италии к колониальной войне в Эфиопии, она пошла на совещании в Венеции на ряд уступок Венгрии и Австрии, в том числе и о трактовке понятия “реставрация” как внутреннего дела этих стран, а не международной проблемы. Но за этим скрывались и попытки Муссолини решить данный вопрос тайно с венгерской стороной в свою пользу. Эти решения вызвали противодействие в странах Малой Антанты. Совещание по Дунайскому пакту несколько откладывалось.

Предполагаемые участники пакта, каждый со своей стороны, под видом условий чинили препятствия его принятию. И Венгрия не была исключением¹⁴¹. Она помимо уже всем известных условий также решительно выступала против принципа коллективной безопасности. Следовательно, если и не прямо, то при помощи условий Венгрия тянула и пыталась уклониться от присоединения к пакту.

Официальная позиция Венгрии была сформулирована 2 марта 1935 г. Она заключалась в том, что если планируемый в Риме пакт примет только консультативный характер, в таком случае Венгрия будет поддерживать Варшаву. Она присоединится к Дунайскому пакту, только если он не будет содержать санкций и других неприемлемых условий¹⁴². И в последующие месяцы позиция венгерского правительства в этом вопросе не менялась, несмотря на то, что все яснее становилась невозможность осуществления этого плана на практике. У него была одна забота: не допустить ухудшения положения Венгрии на международной арене.

Дипломатия Венгрии начала проявлять активность в отношении с Советским Союзом. Дело в том, что хотя в феврале 1934 г. и были установлены дипломатические отношения между СССР и Венгрией, целый год прошел в поисках подходящих зданий для миссий в двух столицах. Кроме того, было условлено, что прямые дипломатические отношения устанавливаются лишь после начала нового финансового года (т. е. со второй половины 1934 г.) в Венгрии. Юнгерт, посланник Венгрии в СССР, по-прежнему оставался в Анкаре, хотя и наезжал в Москву, а Советский Союз поручил пока вести дела в Будапеште своему полпреду в Вене А. М. Петровскому. Он вручил М. Хорти свои верительные грамоты 9 апреля 1934 г., нанес официальные визиты венгерским и иностранным дипломатам и возвратился в Вену.

Первым постоянным советским посланником в Будапеште был назначен А. А. Бекзаян, который и вручил верительные грамоты регенту Венгрии Хорти 23 декабря 1934 г.

В своем выступлении он особо отметил значение восстановления отношений между СССР и Венгрией и подчеркнул, что для внешней политики СССР главной задачей является дело всеобщего мира. В ответной речи регент выразил особое удовлетворение по поводу этого заявления полпреда и приветствовал его как первого постоянного представителя Советского Союза в Венгрии¹⁴³.

17 января 1935 г. заместитель наркома НКВД СССР Н. Н. Крестинский, курировавший связи с Венгрией, направил А. А. Бекзаяну в Будапешт сердитое письмо, упрекая полпреда за его молчание с конца октября 1934 г. и другие недоработки, которые назвал "первой не

вполне удачной” страницей истории советского полпредства в Венгрии¹⁴⁴.

Первая беседа Бекзадяна с министром иностранных дел К. Каней состоялась 20 декабря 1934 г. Заявление Кани о том, что он был чуть ли не первым сторонником сближения с СССР и инициатором признания Советского Союза в 1924 г., договор о котором не был ратифицирован венгерским парламентом, его собеседник, судя по тону его донесения, воспринял довольно скептически, хотя это и соответствовало действительности.

К. Каня поинтересовался отношением СССР к ревизии договоров, “благодаря которым Венгрия зажата в тиски”. Полпред сослался на декларацию, сделанную по этому поводу в свое время наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым, заявил о неизменности этой позиции и сказал, что лишь невероятно сгустившаяся политическая атмосфера в Европе заставляет “нас, как серьезных сторонников мира”, предостерегать против всего, что может сыграть роль зажженной спички, брошенной в пороховой погреб лихорадящей Европы.

Естественно, после такой тирады К. Каня не смог выложить собеседнику свои истинные намерения, а также, как и посланник, говорил, что Венгрия добивается ревизии только мирным путем и отнюдь не связывает ее с войной, которую, кстати сказать, ей и не под силу было бы вести.

Бекзадян в этом первом послании дал довольно оригинальную характеристику тем лицам из правящих кругов Венгрии, с которыми он встречался. Хорти произвел на него впечатление “морского волка под маской любезности, хищного и волевого, тоскующего по потерянном море и флоте”, готового, однако, в крайнем случае, удовлетвориться Дунайской торговой флотилией. К. Кано Бекзадян характеризовал как типичного старого дипломата “без особых взлетов мысли и без порывов”, но с полагающейся дозой трафаретной дипломатической честности. В премьер-министре Дюле Гёмбёше он видел “коренастого сытого кулака”, не лишённого ума и хитрости и, “при всей яркости своей фашистской расцветки”, готового, когда понадобится, петь дифирамбы “государственному гению Ленина” и “восхищаться твердостью воли Сталина” в его борьбе против Троцкого, Зиновьева и Каменева. И Гёмбёш, как и Каня, уверял Бекзадяна, что он всегда был за признание советской власти и лишь “психологическая отрыжка и живая память” о тяжелом смутном времени (периode советской власти в Венгрии в 1919 г. — *А. П.*) мешали осуществлению его давнишней мечты¹⁴⁵.

Эти характеристики политических и государственных деятелей А. А. Бекзадян черпал из бесед, которые он имел с ними. Так, Д. Гём-

бёш не только восхвалял Ленина как гения, предопределившего судьбу мира еще во время войны и сумевшего из хаоса построить новое мощное государство, но и заявил, что у него дома имеется маленькая ленинская библиотека, которой он занимается в свободные часы. Но свой рассказ Гёмбёш повернул в таком направлении, чтобы доказать родство Ленина с венграми: у него есть татарская кровь, как и у мадьяр.

Излияния по адресу Сталина и его твердой руки в проведении плана и устранении с пути всех помех Гёмбёш продолжил тем, что хотя убийство С. М. Кирова и дало повод для новых разговоров о неустойчивости в СССР, он глубоко уверен, что ни Зиновьев, ни даже Троцкий, которого он расценивает как крупного и даровитого противника, не имеют никаких шансов на успешную борьбу против Сталина.

Венгерский премьер-министр не забыл и о “жизненной необходимости для Венгрии расширить свои границы”¹⁴⁶. А. А. Бекзаян в связи с этим отметил, что в Венгрии вообще отношение к дипломатическим представителям зависит от их позиции к ревизии. Так, на рождественскую охоту не получили приглашение представители Румынии, Югославии, Чехословакии, а поляки, итальянцы, австрияк и германец были фаворитами. Вопрос же о границах Венгрии — это открытая зияющая рана для всех. “Тем, чем для армянского дашнака в 20–21 гг. являлся Карс, отошедший к Турции, тем для современного венгра является Трансильвания и прочие районы Венгрии, отошедшие по Трианонскому договору к Румынии, Югославии и Чехословакии”, — продолжал он и отметил, что даже у Рустема Вамбери, адвоката Матяша Ракоши, появляются слезы на глазах при одном только упоминании Трансильвании.

Советский полпред полагал, что регент Хорти и венгерское правительство Гёмбёша лозунгом “мирной” ревизии и равноправия на вооружение пытаются отвлечь народ, находящийся в ужасающей нищете. В этом он видел и тайну того ореола, которым были окружены в Венгрии в то время имена Муссолини и Гитлера.

В выступлении Д. Гёмбёша в Солноке, в его большой политической речи полпред подчеркнул моменты, относящиеся к внешнеполитическим целям: “мирная ревизия границ, равноправие вообще, и в вооружениях в частности”¹⁴⁷.

Он отметил и начавшееся сближение Венгрии с Германией. Гёмбёш не раз, особенно после Саарского плебисцита, открыто высказывал свои симпатии режиму Третьего рейха.

Известный холодок, имевший место во время обсуждения югославского меморандума в Лиге наций, когда в Будапеште обвиняли гер-

манскую прессу в недостаточной поддержке венгерской позиции, совершенно исчез, особенно после римского соглашения Лавала—Муссолини. Венгрия выражала готовность присоединиться к Среднеевропейскому (Дунайскому) пакту, если к нему примкнет и Германия. Бекзадян отметил, что в этом явно сказывается противопоставление Венгрии Среднеевропейского пакта Восточному, причем, не без злорадства, венгерская пресса отмечала проблематичность заключения Восточного пакта, одобряя отрицательную позицию Польши и Германии и отказ Лавала от политики Барту “окружения” Германии.

Поднятые Бекзадяном в первом донесении из Будапешта вопросы, их понимание и интерпретация свидетельствовали о том, что он за довольно короткое время пребывания в столице схватил не только суть, но и тонкости венгерской внешней политики, отметив “усиление германского влияния”, прогерманской ориентации и старания Венгрии стать связующим звеном между Германией и Италией¹⁴⁸.

В донесении Н. Н. Крестинскому из Будапешта от 7 марта 1935 г. А. А. Бекзадян вновь обращал внимание на позиции Венгрии к Восточному пакту. Из прилагаемых бюллетеней прессы, в связи с Лондонским протоколом и предполагаемым турне Джона Саймона, “Вы усмотрите явную неприязнь венгерской политики в отношении Восточного пакта”¹⁴⁹, — писал он.

Как Хорти 23 февраля, так и Каня 7 марта пытался выяснить у Бекзадяна, почему Советский Союз настаивал на Восточном пакте и, в частности, спросил, почему вопреки неоднократным заверениям Гитлера в СССР думают, что немцы зарятся на Украину. Посланник ответил, что это основано на книге Гитлера “Майн кампф” и фактах, содержащихся в выступлении В. М. Молотова на VII съезде Советов и в статьях К. Б. Радека и, в частности, в статье Н. И. Бухарина в “Известиях” за 3 марта; на мирной политике СССР и “нашей специфике”; что это вытекает из агрессии Японии и германофильской политики Польши. Этим Бекзадян объяснял недостаточность договоров о ненападении, устарелость для СССР Рапалло и “домогательство наше вместе с Францией добиться реальной гарантии мира в виде Восточного пакта”.

К. Каня, в свою очередь, отметил, что нельзя требовать от малой Венгрии, чтобы она подписала пакт о взаимопомощи, скажем, с Чехословакией или Румынией. Он назвал это неразумным и неосушаемым риском. Против этого у советского посланника возражений не было и он лишь заверил венгерского министра иностранных дел в “нашем благожелательстве в отношении Венгрии, поскольку она не будет ввязываться во враждебные делу мира комбинации”¹⁵⁰.

Через три дня после приезда в Москву, 10 апреля, венгерский посланник Михай Юнгерт-Арноти нанес первый визит Н. Н. Крестинскому. В ходе беседы Юнгерт заговорил об отношениях СССР со странами Малой Антанты. Крестинский отметил, что добрые отношения СССР с Чехословакией и Румынией не препятствуют установлению таких же и с Венгрией. Юнгерт, в таком случае, поинтересовался приездом Лаваля в Москву, и спросил, не связан ли этот визит с состоянием переговоров о Восточном пакте. Крестинский информировал Юнгерта, что визит намечен на 25–26 апреля, но он не связан с Восточным пактом¹⁵¹.

Постепенно венгерской дипломатии стало ясно, что в основном замысле установления дипломатических отношений Венгрии с СССР все будет не так просто. Заручиться поддержкой Советского Союза в территориальных претензиях к своим соседям, бряцая оружием, будет невозможно.

В первые месяцы 1935 г. и в других отношениях у венгерского правительства не все складывалось так, как бы ему этого хотелось. Как свидетельствуют вышеприведенные факты, Венгрии, несмотря на все усилия, в этот период не удалось ни сблизиться с Германией, ни сколько-нибудь удачно выступить посредником между Италией и Германией. Связано это было до некоторой степени и с борьбой за власть внутри страны.

Советский Союз, убедившись в невозможности договориться о Восточном пакте из-за сопротивления Германии и Польши, понимая смысл возни вокруг Дунайского пакта, разобравшись в намерениях гитлеровской Германии и реально оценив обстановку, заключил с Францией в Париже 2 мая 1935 г. двухсторонний договор о взаимопомощи. Вслед за этим 16 мая 1935 г. в Праге был подписан аналогичный советско-чехословацкий договор. Намечались контуры новой расстановки сил в Европе.

¹ Nsz. 331–332.old.

² Ibid. 332–334.old.

³ Ibid. 334–335.old.

⁴ OL. K-64. 1934. 23, 81(90). 21.l.

⁵ Ibid. 119.biz. 9–12.l.

⁶ Ibid. 126.biz. 9–11.l.

⁷ Ibid. 23, 81(90). 44.l.

⁸ Ibid., 126.biz., 6–10.l.

⁹ Ibid. 9.l.

¹⁰ *Ormos Mária*. Merénylet Marseilleben. Bp., 1968.

- 64–83.old.; OL. K-64. 1933. 29. 99; *Nándori Pál. A marseille – i gyilkosság nemzetközi jogi vonatkozásai. Bp., 1972. 41–50.old.*
- 11 Pritz Pál. Op. cit. 169.old.
- 12 HÍL. Vkf.2. 1933. 123591.elő.; OL. K-63. 1934. 16/7.1. 6267.
- 13 Pritz Pál. Op. cit. 170.old.
- 14 Ormos Mária. Op. cit. 75. 82.old.
- 15 Pritz Pál. Op. cit., 170.old.
- 16 Ormos Mária. Op. cit. 92–93.old.
- 17 OL. K-64. 1934. 346. res. pol. 6.l.
- 18 *Волков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М., 1966. С. 43–44.*
- 19 Там же. С. 44.
- 20 Pritz Pál. Op. cit. 174.old.
- 21 OL. K-64. 1934. 346.res.pol. 3–6.l.
- 22 Ibid. 369.res. pol. 1.l.
- 23 Ibid. 346.res. pol. 6.l.
- 24 Pritz Pál. Op. cit. 172.old.
- 25 OL. K-64. 1934. 320.res. pol. 101–106.l.
- 26 OL. K-63. 1934. 21/27. 1855. 103–104.l.
- 27 OL. K-64. 1934. 23. 334. 107–109.l.
- 28 *Волков В. К. Германо-югославские отношения.... С. 66.*
- 29 OL. K-64. 1934. 23. 334. 107–109.l.
- 30 OL. K-64. 1934. 458. 1.l.
- 31 Ibid. 525. 1–5.l.
- 32 Ibid. 498. 2–5.l.
- 33 Ibid. 505. 1–3.l.
- 34 Ibid. 529. 6–8.l.
- 35 Ibid. 505. 3. l.
- 36 Ibid. 529. 7.l.
- 37 Ibid. 10–11.l.
- 38 Цит. по: *Волков В. К. Германо-югославские отношения.... С. 53.*
- 39 Там же. С. 54.
- 40 OL. K-63. 1934. 369.res. 7–8.l.
- 41 Ibid. 13–14.l.
- 42 Ibid. 6.l.
- 43 Ibid. 2–3.l.
- 44 Ormos Mária. Op. cit.
- 45 *Vinaver Vuk. Jugoslavija i Mađarska 1933–1941. Beograd, 1977. S. 83–91.*

- 46 Волков В. К. Операция “Тевтонский меч”. М., 1966.
- 47 Волков В. К. Германо-югославские отношения... С. 58–64.
- 48 *Karsai Elek*. A budai Sándor-palotában történt. 1919–1941. Vp., 1964. 258.old.
- 49 АВП РФ. Ф.05. Оп. 16. Д 40. П. 118. Ф. 117–118.
- 50 *Ormos Mária*. Op. cit. 43.old.
- 51 Волков В. К. Германо-югославские отношения... С. 70.
- 52 Horthy Miklós titkos iratai. Vp., 1963. 148–149.old.
- 53 *Ibid.* 150.old.
- 54 OL. K-64. 1934. 16. Kristoffy feljegyzése.
- 55 *Ibidem*.
- 56 *Ibidem*.
- 57 OL. Kozma Miklós. Adatgyűjtemény. 1934. II. 233–234, 276–277.I.
- 58 *Ibid.* 305.I.
- 59 *Ormos Mária*. Op. cit. 180–190.old.
- 60 Horthy Miklós titkos iratai. 147–149.old.
- 61 OL. K-64. 1934. 16. 598.
- 62 *Ibid.* 567, 113–118.I.; 501. 117–120.I.
- 63 *Ibid.* 598.I.
- 64 OL. K-89. 1934.37051/3. 16. 1–15.I.
- 65 OL. K-27. ME, MT jkv. 1934 nov. 20. 74.I.
- 66 OL. K-64. 1934. 681 (191.főn.) 130–134.I.
- 67 *Ibid.* 682.138–141.I.
- 68 *Ibid.* 137.I.
- 69 *Ibid.* 653 (185.főn.) 146.I.
- 70 *Ibid.* 676 (24.főn.) 143.I.
- 71 OL. K-27. 1934 dec. 4, 49.I.
- 72 OL. K-64. 1934. 16a. 680.
- 73 *Ibid.* 690. 113.I.
- 74 *Ibid.* 1–3.I.
- 75 *Ibid.* K-64. 1934. 704. 156–157.I.
- 76 *Ibid.* 705 (207.főn.) 163–164.I.
- 77 OL. K-63. 1934. 6830. 407.I.
- 78 OL. K-64. 1934. 691. 406.I.
- 79 *Ibid.* ad 6830. 408.I.
- 80 *Ibid.* 708 (106.pol.) 172–173.I.
- 81 *Ibid.* 725, 181–190.I.
- 82 A Wilhelmstrasse és Magyarország. 83–84.old.
- 83 *Ibid.* 85.old.
- 84 *Ibid.* 87–89.I.

- ⁸⁵ Ibid. 584. 8–10.l.
⁸⁶ Ibid. 648. 4–8.l.
⁸⁷ DGFP. C. V.III. 333; A Wilhelmstrasse és Magyarország. 88–89.old.
⁸⁸ OL. K-64. 1934. 648, 3.l.
⁸⁹ Ibid. 1–2.l.
⁹⁰ OL. K-64. 1934. 720, 4–9.l.
⁹¹ Ibid. 11, 2–3.l.
⁹² OL. K-64. 1935. 16/a. 109, 1–32.l.
⁹³ *Horthy Miklós. Emlékirataim. Buenos Aires, 1953. 163.old.*
⁹⁴ *Pritz Pál. Op. cit. 184. old.*
⁹⁵ OL. K-63. 1934. 17/7. 365 (2767); 3058 (3165, 3191).
⁹⁶ Ibid. 365 (3031); K-64. 1934. 41. 192; 17. 436.
⁹⁷ OL. K-64. 1934. 17. 573.
⁹⁸ Ibid. 436.
⁹⁹ OL. K-63. 1934. 17/7. 365.
¹⁰⁰ Ibidem.
¹⁰¹ *Horthy Miklós titkos iratai. 144–146.old.*
¹⁰² OL. K-64. 1934. 17. 573.
¹⁰³ Ibidem.
¹⁰⁴ Ibidem.
¹⁰⁵ *Juhász Gyula. Op. cit. 161.old.*
¹⁰⁶ *Pesti Hírlap. 1934. 13. XI.*
¹⁰⁷ OL. K-64. 1935. 23. 7. Római paktum. 27–30.l.
¹⁰⁸ Ibid. 30–31.old.
¹⁰⁹ NSz. 353.old.
¹¹⁰ OL. K-64. 1935. 23.9; K-64. 1934. 17. 573 (730).
¹¹¹ *Juhász Gyula. Op. cit. 162. old.; OL. K-64. 1935. 23. 9. 24–25.l.*
¹¹² OL. K-64. 1935. 23. 11. 9.l.
¹¹³ Ibid. 10–11.l.
¹¹⁴ Ibid. 23. 12. 3–4.l.
¹¹⁵ ADAP. C. III/2.B 410. sz.; *Pritz Pál. Op. cit. 192.old.; Juhász Gyula. Op. cit. 163.old.; Ol. K-64. 1935. 23. 10. 12–17.l.*
¹¹⁶ OL. K-64. 1935. 23. 10. 12–20.l.
¹¹⁷ OL. K-74. 1935. 35; K-64. 1935. 23. 43.
¹¹⁸ *Juhász Gyula. Op. cit. 193.old.*
¹¹⁹ *Kuźmiński T. Polska, Francja, Niemcy 1933–1935. Warszawa, 1963. S. 221.*
¹²⁰ OL. K-63. 1935. 17/7. sz. n.
¹²¹ OL. K-64. 1935. 23. Római paktum. 33–37.l.

- 122 Ibid. 37.1.
123 Ibid. 95.1.
124 Ibid. 101.1.
125 Ibid. 102–103.1.
126 Ibid. 104–105.1.
127 Ibid. 37–38.1.
128 Ibid. К-64. 1935. 23. 142. 39–40.1.
129 Ibid. 37–38.1.
130 Ibid. 32–33.1.
131 Ibid. 28–29.1.
132 OL. К-64. 1935. 23. 241 (159). 20–23.1.
133 Ibid. 176, 18.1.
134 Ibid. 15–16.1.
135 Ibid 241, 1.1.
136 АВП РФ. Ф.05. Оп. 15. Д. 1. П. 103. Л. 7.
137 Там же. Л. 69.
138 Правда. 1935. 16 апреля.
139 OL. К-64. 1935. 23. Római paktum. 100.1.
140 Ibid. 295, 1–3.1.
141 Kovács Endre. Op. cit. 249. old.
142 OL. К-67, 1935. 17/7. sz. n.
143 АВП РФ. Ф. 77. 1934. Оп. 10. Д. 5, П. 4. Л. 5.
144 Там же. Ф. 05. Оп. 15. Д. 28. П. 106. Л. 1–7.
145 Там же. Д. 29. Л. 1–3.
146 Там же. Л. 4.
147 Там же. Л. 5–6.
148 Там же. Л. 9–10.
149 Там же. Л. 21.
150 Там же. Л. 27.
151 Там же. Л. 33.

Глава третья

В тени формировавшейся оси Берлин – Рим

Внутриполитическое положение Венгрии в первые месяцы 1935 г. значительно обострилось. Борьба за власть между сторонниками Бетлена и Гёмбёша на первом этапе закончилась оттеснением с политической арены лидера Независимой партии мелких сельских хозяев Тибора Эххардта, который в период становления хортистского режима поддерживал так называемую группу сегедцев и Партию расы, а на этот раз заключил тайное соглашение с Гёмбёшем против Бетлена.

Выяснение отношений между Гёмбёшем и Бетленом было перенесено во дворец регента М. Хорти. В результате закулисного торга Гёмбёш остался главой правительства, а Бетлен сохранил свое влияние в правящей Партии единства.

В середине февраля в печати сообщалось о примирении Гёмбёша с Бетленом и было заявлено об их полном единомыслии по основным вопросам политики, а в начале марта Гёмбёш уже расправился с Бетленом: он добился согласия Хорти (в отсутствие Бетлена) на формирование нового правительства и роспуск парламента, даже не спросив мнения руководства правящей партии.

И. Бетлен прибыл в Будапешт в день роспуска парламента, не смог добиться у регента никаких изменений, вышел из партии и перешел в оппозицию. Гёмбёш же провел изменения в правительстве в свою пользу и на апрель объявил выборы, имея безраздельную власть в своих руках.

Единственной целью выборов в парламент Гёмбёш ставил избавление от сторонников Бетлена в законодательном органе, что было заранее ясно для противоборствующих сторон, учитывая избрание подавляющего числа депутатов палаты представителей путем открытого голосования*.

* Из членов парламента 199 избирались открытым голосованием, остальные 46 – тайным (из них 30 избирались в Будапеште, а остальные 16 в 7-и крупных городах) (АВПРФ. Ф. 77. Оп. 11. Д. 5. П. 4. Л. 17–18).

В распущенном 5 марта парламенте Национальная партия единства (партия Гёмбёша—Бетлена) имела 148 мандатов, Партия мелких сельских хозяев (партия Экхардта) — 23, Христианско-хозяйственная партия (партия Кароя Волфа) — 23, Социал-демократическая партия — 14, Либеральная партия (партия Кароя Рашпай) — 7, Христианская оппозиционная партия (партия Иштавана Фридриха) — 2; остальные 29 мандатов принадлежали различным мелким партиям и беспартийным депутатам¹.

Следовательно, оппозиция правящей партии в палате представителей была незначительной. Д. Гёмбёш стремился вытеснить как из парламента, так и из Национальной партии единства сторонников И. Бетлена, несомненно пользовавшихся симпатией у правящих кругов страны, и упрочить свое положение.

4 марта Гёмбёш провел перестановки в правительстве. Министр внутренних дел Ф. Керестеш-Фишер был заменен сторонником Гёмбёша Миклошем Козмой. Министром торговли был назначен Г. Борнемисса². Начало предвыборной кампании было положено обращением Гёмбёша по радио к нации, в котором он пытался объяснить причину роспуска парламента: его нужно было распустить в “духе конституции и парламентаризма”, ибо неосуществленные намерения и реформы могут привести к революции, а цель предполагаемых реформ как раз и заключается в “избежании революции”³. Конечно, в этом выступлении не было и намека на истинные намерения премьер-министра.

В марте 1935 г. И. Бетлен порвал с Д. Гёмбёшем, вышел из Национальной партии единства и выдвинул свою кандидатуру на выборах в парламент в качестве независимого кандидата. Но у него могли быть и другие планы, если учесть, что 6 марта на совещании группы сторонников он призвал не разрушать Национальную партию единства⁴. В тот же день Д. Гёмбёш в речи, произнесенной на ужине в Национальной партии единства, свои амбициозные цели попытался прикрыть планами новой “политики наступления”⁵.

Д. Гёмбёш считал своим долгом отвечать на публиковавшиеся статьи Бетлена о внешней политике, о новых возможностях в бассейне Дуная и франко-итальянских отношениях, о возможности осуществления венгерских территориальных претензий, уточняя при этом нюансы своего отношения к этим проблемам⁶.

В интервью корреспонденту газеты “Корриера де ла Сер” Бетлен подчеркивал, что он не по всем вопросам выступает против правительства Гёмбёша и одобрял общее направление его внешней политики, основой которой является дружба с Италией, и он без всяких оговорок

присоединился бы к Пакту трех, т. е. к Римским протоколам, поскольку считает Муссолини искренним другом Венгрии⁷.

Предвыборный марафон был очень коротким, всего месяц (они состоялись 31 марта – 6 апреля), и все партии, особенно оппозиционные, лихорадочно стремились завоевать избирателей, хотя это было трудно при существовавшем режиме. В своей предвыборной речи легитимист патер Миклош Григер не скрывал, что его окружение – сторонники реставрации Габсбургов на венгерском троне. Он считал, что в Венгрии нет демократии, но и диктатура не настоящая, он называл ее кучей⁸. Оппозиция же образовала радикальный избирательный блок.

В предвыборной речи в Сегеде 17 марта Д. Гёмбёш пытался объяснить ситуацию, сложившуюся в правящих кругах, оправдать свое решение о роспуске парламента, перечислял “успехи” в области проводимых им реформ и заявил о ликвидации Социал-демократической партии. Может быть, говоря о задачах внутренней политики, он хотел предложить свой путь создания венгерского бесклассового общества, придерживаясь взглядов “прогрессивного консерватизма”⁹.

В последней предвыборной речи 25 марта Д. Гёмбёш выразил надежду, что при помощи и поддержке итальянских друзей и “всех тех, которые до сих пор были нашими друзьями”, Венгрия поставит перед Лигой наций и “вопросы хозяйственно-политического порядка”.

В этой речи свое стремление осуществить ревизию, восстановить Великую Венгрию он выразил следующим образом: “Нам божественное поручило историческую миссию в долине Карпат и мы эту миссию выполним”¹⁰.

И. Бетлен во всех своих выступлениях критиковал правительство Гёмбёша за отсутствие у него программы. Последней остановкой в предвыборном турне у него был город Надьканижа. В своей речи там он подчеркивал, что основой внешней политики является венгеро-итальянская дружба и он за тесное таможенное сближение Венгрии, Италии и Австрии и за систему преференций (т. е. предоставление друг другу особых льгот в торговле) с Германией, Швейцарией и, может быть, с Чехословакией.

По мнению И. Бетлена, многие опасались, что в результате недавнего итало-французского соглашения Венгрия попадет в группу государств Малой Антанты и вынуждена будет занять определенную позицию в пользу той или иной державы. Он призывал прочнее опираться на Италию, чтобы еще сильнее противиться созданию в Центральной Европе гегемонии пангерманизма или поддерживаемого Францией панславизма.

В разгар внутривластной борьбы между сторонниками Д. Гёмбёша и И. Бетлена министр иностранных дел К. Каня, который по своим взглядам был ближе к Бетлену, чем к Гёмбёшу, сделал информационные сообщения на заседаниях комиссии по иностранным делам венгерского парламента, где поднял ряд международных проблем, среди них и итало-французское соглашение от 7 января 1935 г. По его мнению, в этом соглашении среди прочих задач было и упорядочение австрийского вопроса, а затем и проблемы Центральной Европы в целом. На закрытых заседаниях он напомнил парламентариям об упомянутом соглашении, "о котором много говорят" и которое комментируют то положительно, то отрицательно.

Правительства Италии и Франции рекомендовали заинтересованным государствам заключить в рамках Лиги наций соглашение, в котором взаимно обязались бы не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не поддерживать такую пропаганду или попытку вмешательства, которая была бы направлена на изменение насильственным путем территориальной целостности, политического строя другого договаривающегося государства.

До заключения этого соглашения Италия, Франция и Австрия подписали между собой консультативный пакт. Италия и Франция намеревались распространить его действие на все те государства, которые проявили бы готовность подписать пакт о ненападении. Венгерский министр предвидел острую борьбу между приверженцами статус-кво и сторонниками мирной эволюции.

Каня мимоходом отметил наличие таких признаков, которые показывали, что Франция и это соглашение желала поставить на службу ортодоксального статус-кво. Он информировал парламентариев, что многие считали итало-французский протокол не чем иным, как звеном в той цепи пактов, часть из которых Франция заключила или планировала заключить. Особую активность Франция проявляла после прихода Гитлера к власти в Германии. Следствием было сближение Франции с Россией, которая в течение долгого времени на основе договора в Рапалло находила взаимопонимание с Германией.

К инспирированным Францией пактам были отнесены созданная Балканская Антанга, планировавшееся Восточное Локарно, а также Римское соглашение Лавалья-Муссолини и задуманный Среднеевропейский пакт. Этот последний вызывал, с венгерской точки зрения, определенные опасения. Как ни старалась Франция, она не смогла убедить, что он не имел намерений окружать кого-либо, однако у многих в Европе укоренилось представление, согласно которому Франция выдвигала две цели: окружение Германии и запрещение венгерской пропаганды.

Этим объяснялось, что и многие серьезные политики, опасавшиеся за будущее страны, с тревогой наблюдали за франко-итальянским сближением. Они считали, что это соглашение может произойти за счет интересов Венгрии. Однако эти опасения оказались необоснованными. Противоречия удалось уравновесить без того, чтобы как Франции, так и Италии пришлось жертвовать своими друзьями. Договор запрещал только пропаганду или вмешательство “насильственным путем”, следовательно “не противоречил прежней мирной политике венгерского правительства”.

К. Каня Римский пакт считал только первым шагом мирного урегулирования в Центральной Европе и надеялся, что главным в нем будет не буква, а его дух. Поэтому “Венгрия уверенно может смотреть в будущее, ибо она имеет совершенно верных друзей, с помощью которых воспрепятствует тому, чтобы предстоящие переговоры приняли такой поворот, острие которого могло быть повернуто против нашей страны”.

Венгерский МИД тогда определил свою позицию так: с одной стороны, мы с радостью и удовлетворением принимаем сближение двух латинских государств как новую сильную гарантию европейского мира, а с другой стороны, готовы принять участие в переговорах, намеченных в Римском протоколе от 7 января 1935 г. с целью подписания соглашения о невмешательстве. Но подготовительные переговоры, предположительно, должны были занять длительное время, поскольку у сторон были свои условия, без удовлетворения которых договор не мог быть подписан. Такие условия, и очень серьезные, имелись и у Венгрии. Министр иностранных дел их перечислил и заявил, что от отношения соседей к этим условиям будет зависеть, смогут ли быть осуществлены на практике возрожденные Римским пактом надежды.

Как итальянский, так и французский посланники в Будапеште передали текст Римского протокола с просьбой изучить его. Затем, говорил К. Каня, по всей вероятности спросят, “есть ли у нас замечания и склонны ли мы присоединиться к нему”.

Министр иностранных дел доложил парламентариям, в каком духе МИД намерен ответить на поставленные вопросы. Положение было очень запутанным. Малая Антанга и на этот раз преподносила Римское соглашение как поражение Венгрии и говорила о разрушении венгеро-итальянской дружбы. Малая Антанга поступала так, зная, что ее значение в случае заключения пакта может понизиться. Препятствия договору ставили, отмечал Каня, не вошедшие в Римский пакт Турция и Россия. Это были взгляды К. Кани, и как можно установить, на этот раз он избегал упоминания Германии.

Некоторые нюансы во внешнюю политику вносила оппозиция. В частности, И. Бетлен в своем предвыборном выступлении в Надьканиже, говоря о необходимости противостояния как панславизму, так и пангерманизму, отмечал, что с этой точки зрения пакт о ненападении, который согласно рекомендации Римского договора "нам следовало бы заключить с нашими соседями", может быть принят со следующими условиями: 1) умиротворение в Центральной Европе, участие Германии в этом пакте; 2) прекращение преследования венгерских национальных меньшинств; 3) отказ от военной угрозы; 4) с возникновением вопроса о ревизии, уничтожение неравноправия в военной области¹¹.

Следовательно, и в этих условиях взгляды И. Бетлена по проблемам внешней политики мало чем отличались от политики правительства. Разве что он открыто выступил с призывом борьбы не только против панславизма, о чем он постоянно твердил, но и против пангерманизма. Причем социал-демократическая газета "Непсава" писала о консолидации легитимистских сил якобы на основе договоренности между Бетленом и Рацшан¹². Ряд газет в ходе предвыборной кампании писали о том, что в Задунайском крае велась сильная пангерманская пропаганда, а агитаторы получали деньги от Германии¹³.

В связи с этим министр внутренних дел Миклош Козма выступил в Боньхаде перед немецким населением с призывом укреплять венгеро-германскую дружбу и не идти по сепаратному пути.

Среди лидеров легитимистов самую большую активность проявлял патер Григер. В одном из своих выступлений он говорил: "Если Венгрия согласится на личную унию с Австрией, то она неизбежно станет во главе большого движения реорганизации в Дунайском бассейне". Если она не воспользуется подходящим моментом, то Трианонский договор может стать вечным. Он утверждал, что когда избиратели голосуют за его партию, то они тем самым участвуют в демонстрации против правительства, подготавливающего закон о дестронизации, и наносят удар, который будет чувствоваться и в Праге, Белграде и Бухаресте¹⁴.

Планы восстановления Габсбургов на венгерском троне не пользовались симпатиями населения. Под этим лозунгом попал в парламент только один депутат. Не набрали достаточного количества голосов ни маркграф Д. Паллавичини, ни патер Григер, несмотря на то, что эти легитимисты прошли десятипроцентный барьер рекомендательных подписей, установленный для допуска партии к участию в выборах.

Что касается сбора подписей (10%), нужных для допуска партий к выборам, то в северном районе Будапешта всеми партиями было со-

брано более 120 тыс. голосов, хотя в районе было зарегистрировано только 116 тыс. человек с правом голоса. Так было и в других местах. В округе Сечени собрано рекомендательных подписей 18 тыс., а зарегистрированных избирателей было 11 тыс.¹⁵

Избирательные округа были определены так, что для избрания депутатом парламента необходимо было собрать неодинаковое количество голосов. Так, правящая Национальная партия единства собрала 908 тыс. голосов и получила 170 мандатов (из 245), а за оппозиционную Партию мелких сельских хозяев проголосовало 400 тыс. избирателей, но ей достались только 24 мандата¹⁶.

На выборах произошел и такой курьез. В округе Тарна под именем Миклош Кеньереш с антисемитской свастикавой программой в парламент вошел официальный кандидат правящей партии, который оказался сыном раввина, носившим имя Мойши Кауфмана. Оппозиция опубликовала анекдот, как еврейский бог послал в дар венгерскому парламенту “младенца — Моисея в корзине”¹⁷.

И после выборов (в палате представителей сторонников И. Бетлена осталось 35—40 человек) споры между Бетленом и Гёмбешем по внешнеполитическим вопросам продолжались. 3 апреля 1935 г. в печати И. Бетлен, определяя позицию Венгрии на предстоящих переговорах по проблемам Центральной Европы, рекомендовал пока оставить в стороне территориальную ревизию и сосредоточить внимание на защите интересов национальных меньшинств в странах Малой Антанты, равноправии Венгрии в области вооружений и предложил, что он ранее не делал, дополнительно добавить “свободы в вопросе реставрации монархии”¹⁸. Под этим довольно завуалированным предложением он имел в виду освобождение от обязательств, данных государствам, представленным в 1921 г. на Конференции послов. И. Бетлен в этой статье высказался за присоединение Германии, а затем и Польши к Римским протоколам.

Отвечая на статью И. Бетлена, премьер-министр Д. Гёмбеш через корреспондента Венгерского телеграфного агентства напомнил, что, он ясно изложил точку зрения венгерского правительства в выступлении в Солноке; он является сторонником мирного сосуществования со странами Малой Антанты, “но мы не считаем возможным, чтобы только одна Венгрия приносила жертвы”.

Он обратил внимание на позицию правительства, которое предлагало обсудить мирные возможности решения ревизии, эффективную защиту прав национальных меньшинств и применение полного равноправия¹⁹.

Ревизия как теоретический и практический вопрос интересовала не только правящие круги, но и некоторые слои интеллигенции. Еще в ходе предвыборной кампании профессор университета Йозеф Байза сделал доклад в Обществе св. Иштвана на тему “Возможна ли новая Дунайская великая держава”, в котором он рассуждал о ревизии и Средней Европе. Он утверждал, что ни у кого, по существу, нет ясного представления о ревизии. Сначала говорили только об интеграции, позже перешедшей в понятие ревизия, которую необходимо понимать как воссоединение с Венгрией заселенных венграми территорий в чужих странах. Но никогда не продумывали до конца, чего фактически хотят от ревизии. В этом докладе отстаивалась точка зрения, которой стала придерживаться часть правящих кругов, что не следует требовать “обратно все”, т. е. и территории, входившие в состав Венгрии, но заселенные другими народами. Ведь лозунг восстановления Великой Венгрии требовал именно этого.

Докладчик придерживался мнения, согласно которому потерпевшие поражение в войне страны фактически отказались от ревизии, и высказал свое убеждение: ревизия возможна только в результате войны, поэтому настаивать на ней рано²⁰.

Социал-демократическая газета “Непсава” в мае обратила внимание на то, что и премьер-министр уже не провозглашает политику “свободных рук”, выражала сожаление, что основой внешней политики правительства является так называемый тройственный пакт и предлагала держаться в стороне от всякого политического обязательства²¹.

Это было реакцией на выступление Д. Гёмбёша в парламенте. В нем премьер заявил, что Венгрия не может принять участия в таких переговорах, которые имеют целью сохранение несправедливого мира (т. е. Трианонского мирного договора. — *А. П.*). Он повторил все требования в качестве предварительного условия и сделал новый реверанс в сторону гитлеровской Германии. Ее заслугой он назвал остановку распространения большевизма на Запад. Он высказался за создание оси, как защитной линии, которая проходила бы через Варшаву, Будапешт, Вену, Рим и Берлин²².

Гёмбёш не переставал поддерживать Германию, под любым видом хотел примирить с ней Италию и опереться на эти две страны в достижении своих внешнеполитических целей. Но венгеро-германские отношения оставались сложными. Это было связано с тем, что в германском МИДе складывались довольно неприятные отношения с венгерским посланником С. Маширевичем. Подлил масло в огонь и регент Венгрии Хорти, когда, послав письмо Гитлеру, попросил посланника передать его германскому канцлеру, но без копии для посланника, так что Маширевич оказался в довольно неприятном положении. Послан-

ник не стерпел и обратился к своему министру Кане за разъяснением, но получил ответ со ссылкой на Гёмбёша, что изложенное в письме Хорти предназначено только для сведения фюрера²³.

Вскоре после этого посланнику пришлось выяснить вопрос, почему в Берлине выделяют нюансы в прогерманских отношениях Гёмбёша и Бетлена, и сообщить, что в официальных правящих кругах не разделяют точку зрения любителей-международников, согласно которым Бетлен является представителем антигерманской политики. На Вильгельмштрассе венгерского посланника уверяли, что для них Венгрия "есть и останется прочным фактором в системе немецкой дружбы"²⁴.

Эти моменты выяснялись в связи с беседой министра иностранных дел Венгрии К. Кани с посланником США в Будапеште Д. Ф. Монтомери, который строго доверительно сообщал премьеру о сведениях, полученных из немецкого источника, что в Германии с большим вниманием следят за внутривнутриполитической борьбой в Венгрии. Германская империя могла бы поддерживать венгерское правительство только во главе с Гёмбёшем. Бетлен в борьбе против Гёмбёша "опирается на евреев и является кандидатом в премьер-министры от Италии и Франции". Если бы в Венгрии главой правительства стал Бетлен, то Германия не могла бы продолжить германо-венгерскую дружбу и пошла бы на еще большее сближение с Югославией. Не продлила бы она и торговое соглашение, столь благоприятное для Венгрии²⁵.

Это подтвердил беседовавший с американским посланником будапештский представитель ДНБ (Дойчес нахрихтен бюро).

Такие сообщения шли по дипломатической линии, хотя в действительности Бетлен в силу сложившихся внутри- и внешнеполитических обстоятельств вынужден был отойти от идеи союза с гитлеровской Германией.

Германский посланник в Будапеште Ханс Г. Маккензен в письме заведующему отделом германского МИДа Фридриху Штиве сообщал о том напутствии, которое в свое время дал ему лично фюрер и имперский канцлер: вопрос немецкого национального меньшинства в Венгрии ни в коем случае не должен мешать общим германо-венгерским отношениям. Этот вопрос беспокоил многих, он поднимался как в печати, так и в беседах, и Гёмбёш еще в 1934 г. направил по этому поводу письмо Гитлеру, но ответа не получил. Когда посланник Германии из Будапешта напомнил своему МИДу, что следовало бы организовать или дать на подпись подготовленный вариант, ему ответили, что пока не время.

В ходе предвыборной кампании в немецкой печати была поднята шумиха вокруг немецкого национального меньшинства. Немецкие корреспонденты из Венгрии писали о притеснениях, терроре против

кандидатов-немцев. В действительности получилось так, что руководители немецкого национального меньшинства в Венгрии (составлявшем около полумиллиона) не были избраны в парламент.

Маккензен в своем письме в адрес Штиве выражал надежду, что при Гёмбёше удастся так или иначе решить проблему немецкого национального меньшинства в Венгрии. Он разъяснил, что "наш интерес — поддерживать курс премьер-министра и радоваться его успехам".

Гёмбёш незадолго до того заявил Маккензену, что он сторонник хортистского режима, представил себя государственным деятелем, который в полном взаимопонимании с регентом никогда не будет проводить такой политики, которая оставила бы без внимания дружеские связи с Германией. В этом ничего не меняет и тот факт, что Венгрии сегодня нужно еще в большей мере учитывать интересы Италии. Как регент, так и премьер-министр, писал Маккензен, в дружбе с Италией видят не больше, чем вытекающую из неизбежных для венгров обстоятельств ситуацию, которая не продлится на вечные времена.

Германский посланник в Венгрии был полностью на стороне Гёмбёша, осуждал немецких журналистов, пытавшихся использовать вопрос национального меньшинства в Венгрии для ухудшения отношений с Венгрией. Он выразил твердую уверенность, что значение Венгрии для Германии будет существенно возрастать²⁶.

Такова была позиция немецкого посланника в Будапеште.

Что же касается венгерского внешнеполитического ведомства, то картина выглядела немного по-иному. Калман Каня дал указание посланнику в Берлине Маширевичу, и тот 7 апреля 1935 г. официально выразил протест в МИДе Германии против тона немецкой печати в связи с выборами в Венгрии. Начальник отдела печати Готфрид Ашман пообещал оказать влияние на печать. Советник МИДа Цецил Ренте-Финк на следующий день повторил то же, и добавил: естественно, что немецкая общественность и немецкая печать интересуются судьбой своих "родственников", проживающих в Венгрии. По этому поводу венгерский посланник заметил, что этот "интерес к родственникам", по всей вероятности, в последнее время из Германии "понемному искусственно будоражат". Германия, продолжал Маширевич, столетиями не интересовалась проживающими в Венгрии немцами, и не делала она этого и в эпоху Бисмарка, когда Германия находилась на вершине славы и в виде шутки добавил: "Что сказали бы немцы, если, например, теперь вдруг вспомнили бы о своем французском происхождении эмигрировавшие сюда столетия тому назад французские гугеноты и получали бы указания из Парижа"²⁷.

12 апреля 1935 г. венгерский посланник информировал из Берлина Калмана Канию об ухудшении отношений между Германией и Италией.

Он обращал внимание министра на то, что позиция Италии изменилась в связи с введением в Германии всеобщей воинской повинности. Итальянский посол в Германии Витторио Церутти говорил об этом также отрицательно, как и французский посол в Берлине Андрэ Франсуа-Понсэ. Германская сторона встретила итальянскую позицию с большой неприязнью.

Государственный секретарь Бернхардт Бюлов с некоторым презрением упоминал о том, что борющаяся с экономическими и финансовыми трудностями Италия ответила частичной мобилизацией на введение Германией всеобщей воинской повинности. Бюлов предполагал, что за отношением Муссолини к Германии по существу стоит абиссинская экспедиция. Он считал, что это предприятие чрезвычайно непопулярно в итальянском общественном мнении. По его утверждению, Муссолини преувеличил и раздул германскую опасность, с тем чтобы затем «победно отвергнуть ее и тем самым заставить итальянскую общественность принять меньшую опасность — абиссинское предприятие.

По Бюлову, абиссинская экспедиция, которая рано или поздно окажет влияние на вес Италии в Европе, требует таких материальных жертв, которые были бы не под силу Италии без помощи Франции.

В связи с абиссинской акцией предполагалось укомплектовать экспедиционный корпус в основном южнотирольскими немцами, что несомненно было бы направлено против немецкого национального меньшинства. Маширевич констатировал, что со временем итальянцы могут стать для Германии противником номер один²⁸.

Тогда же военный министр Германии Вернер Бломберг имел беседу с венгерским военным атташе в Берлине Б. Миклошем, запись о которой была переслана не только начальнику генерального штаба, но и в министерство иностранных дел. В ней речь шла о германо-итальянских отношениях и их влиянии на немецко-венгерскую дружбу.

Бломберг критиковал поведение Италии в отношении Германии. В Берлине считали антинемецкой демонстрацией и даже вызовом увеличение численности итальянской армии накануне встречи в Стресе, «теперь, когда Германия добивается равноправия». И как было принято в правящих кругах гитлеровской Германии, готовившейся к войне, постоянно заверять в своей преданности миру, так поступал и Бломберг, утверждая, что, наверно, не Германия или проводящие политику здравого смысла Польша и Венгрия угрожают миру, а до зубов вооруженные государства, со страху усиливающие вооружение и за свое соревнование в вооружении желающие выставить Германию в качестве козла отпущения. Гитлер заявлял о желании сохранить независимость Австрии и о незаинтересованности Германии южнее Бреннера, а так как Италия нарушает независимость Австрии, вмешиваясь в ее внут-

рение дела, то; по его словам, Италии нечего делать севернее Бренера.

Наконец, Бломберг выразил опасение из-за поведения Италии и угрозы войны с ее стороны, в результате чего итало-германские отношения сильно обострились. Хотя немцы видят вынужденное положение Венгрии в отношении итальянской ориентации, все же со временем оно "может иметь вредные последствия для германо-венгерской дружбы".

Венгерский атташе не считал нужным спорить с Бломбергом. Он информировал только о поездке начальника венгерского генерального штаба в Рим. Но немецкие военные обо всем знали, и уже состоялась дискуссия особенно по поводу того, что этот визит совпал по времени с воинственными антигерманскими заявлениями и действиями итальянских властей.

В заключение венгерский военный атташе выделил в качестве особого пункта рост в руководящих военных кругах Германии анти-итальянских настроений²⁹.

В мае 1935 г. продолжалось обострение и германо-венгерских отношений. Масло в огонь было подлит и Г. Гёрингом в связи с его свадебным путешествием по столицам стран Юго-Восточной Европы. Первой остановкой был Будапешт, хотя его, как пишет П. Приц, никто не приглашал. 22 мая Маширевич в Берлине встретился с премьер-министром Пруссии. Беседа была строго секретной, как подавал ее Гёринг. Между ними состоялась еще одна беседа утром в день отъезда Гёринга; т. е. 24 мая. Об этой беседе Маширевич сообщал по телефону шифрограммой в МИД Венгрии, а также написал специальное письмо постоянному заместителю министра иностранных дел Габору Апору.

Из беседы 22 мая у посланника сложилось впечатление, что Гёринг едет в Будапешт со специальной миссией по поручению Гитлера. Она заключалась в следующем: получить ясную картину о состоянии венгеро-итальянской дружбы в связи с испортившимися германо-итальянскими отношениями; дать венграм "доброжелательный дружеский совет", как вести себя по отношению к отдельным странам Малой Антанты.

Посланник заметил некоторые различия во взглядах Гёринга, высказанных 22 и 24 мая. В первом случае он говорил, что хорошо бы было примириться с сербами, самыми сильными соседями венгров, к которым у Венгрии меньше территориальных претензий, и сконцентрировать свои требования сначала на Чехословакии, а затем — Румынии. Гёринг высказал убеждение, что рано или поздно Словакия и Трансильвания будут возвращены Венгрии.

С. Маширевич отмечал, что если в ходе первой беседы Гёринг говорил только о венгеро-югославском сближении, то во время второй он и Румынию включил в эту категорию. “Наши отношения, — сказал он, — очень хороши с Югославией и неплохие с Румынией”, следовательно, остается Чехословакия, по отношению к которой “мы можем рассчитывать на помощь Германии в наших ревизионистских устремлениях”. Но и это нельзя понимать так, разъяснил прусский премьер, что у Германии есть намерения или возможности выступить против Чехословакии в интересах достижения венгерских целей. Посланник заметил, что на это Венгрия и не рассчитывала, она надеялась только на моральную поддержку, как это и отметил Гитлер в своем последнем выступлении в рейхстаге.

Далее Гёринг сказал, что Чехословакия, заключив с Москвой договор о взаимопомощи, пошла по опасному пути. В настоящее время среди западных и средневропейских государств, полагал он, ни одно государство серьезно не думает нападать на другое. Но роль и намерения России непредсказуемы. Вероятнее всего предположение, что Россия в своих интересах мировой революции зажжет огонь на востоке, пламя распространится дальше, Польша и Германия в целях самозащиты возьмутся за оружие, а Франция и вместе с ней Чехословакия ввяжутся в конфликт из-за заключенного с Москвой договора о взаимопомощи. Это был тот случай, когда “наши друзья (Германия и Польша) могли бы оказать помощь Венгрии”.

В конце беседы Гёринг добавил, что еще в прошлом году хотел пригласить к себе Маширевича и объяснить свое дружественное отношение к Югославии, которое вызвало в Венгрии такую тревогу и недовольство, но это тогда не удалось. Он хотел развеять распространенное в Венгрии мнение, что Гёринг недруг венгров, что он якобы ценность дружбы с сербами и румынами ставит выше венгерской. Он никогда не скрывал от сербов и румын, что Германия делает упор на сохранение с Венгрией традиционной исторической дружбы, да и сейчас не будет делать из этого секрета.

После отлета Гёринга в Будапешт Маширевич посетил Бюлова и информировал его о содержании этих бесед. Госсекретарь решительно заявил ему, что Гитлер не использует Гёринга для выполнения конкретных и важных политических миссий, а посылает его лишь на репрезентативные встречи. Гёринга как внешнеполитического деятеля нельзя принимать всерьез. Бюлов заверил Маширевича, что и на этот раз Гёринг не получал от фюрера никакого специального поручения. Он настаивал, чтобы Гитлер хотя бы сообщил ему о политическом отношении к тем странам, куда он теперь едет, и ему только в общих чер-

тах обрисовали одну основную линию немецкой внешней политики: Германия в очень хороших отношениях с Югославией, а с Румынией – в довольно хороших и, исходя из этого, Германия в интересах политики, направленной на ослабление Малой Антанты, была бы рада, если бы Венгрия наладила сносные отношения с Югославией и Румынией³⁰.

В Будапеште Гёринг был принят премьер-министром Гёмбёшем, которому пожаловался на Маширевича, что тот якобы сразу после его проводов побежал к итальянскому послу и информировал его о доверительной беседе с ним, а также рассказал о ней английскому послу в Берлине.

Это вызвало в Будапеште переполох, и 25 мая Маширевичу была послана шифровка с просьбой срочно ответить, беседовал ли он с названными двумя послами, и если да, то о чем. Маширевич выкручивался, оправдывался. Что касается итальянского посла в Берлине Витторио Церутти или английского – Э. Фиппса, то, по словам Маширевича, на заданные ими вопросы он не мог молчать и сообщил им, что он с Гёрингом якобы еще раз обсудил позицию венгерской печати, боясь, что журналисты могут не к месту вспомнить прошлогодние высказывания прусского премьер-министра в Белграде и испортить визит Гёринга в Будапешт.

7 июня Маширевич направил другу, барону Габору Апору, постоянному заместителю министра иностранных дел еще одно письмо, в котором сообщил, что в отношении его уже давно возникло подозрение, будто он все, что услышит в официальной форме, немедленно сообщает итальянскому послу в Берлине. По этому поводу, писал Маширевич, у него нет слов. Подозрительность – это субъективное дело Гёринга, оправдываться он считал ниже своего достоинства. “Я не шпион, и у меня нет, как у Гёринга, отлично действующей тайной государственной полиции”. Между прочим, отмечал он, если он давно на подозрении, очень удивительно, что Гёринг в ходе беседы с ним довольно недружественно говорил об Италии, и как видно, он все же не сообщил об этом Церутти. Маширевич еще раз изложил всю эту историю, чтобы подчеркнуть, что утверждение Гёринге, якобы он прямо от него направился к итальянскому послу, “просто вранье”.

Маширевич сообщал о своем давнишнем наблюдении, что не только Церутти, но и другие дипломаты знали о желании немцев примирить венгров с сербами и румынами, после чего легче будет работать против Чехословакии. Отрицать все это и держать в большой тайне от Церутти визит Гёринга в Будапешт “я не считал целесообразным ни в наших интересах, ни в интересах Германии”. Посланник отмечал, что с тех пор, как он в Берлине, ему только приходилось защищать венгер-

ские связи с Германией от нападок венгерской печати, а в беседах с Церутти сглаживать итало-германские противоречия.

В отношении доверительных сообщений, утверждал Маширевич, он их от Гитлера не слышал, а что касается Нейрата, то он не осмеливается иметь иное, отличное от Гитлера и Гёринга, мнение.

Маширевич в этом письме высказал и свое предположение, откуда возникло все это дело: не иначе как из чрезмерного самолюбия Гёринга. Он признавал, что в прошлом году после высказываний Гёринга в Белграде он нескольким немецким государственным деятелям открыто заявлял: “У нас очень трудно поддерживать пронемецкий курс тогда, когда Гёринг делает такие заявления”. Маширевич считал это своим долгом, он в Берлине не для того, чтобы молчать или оберегать самолюбие нетерпящего критики Гёринга.

В приписке Маширевич добавил: нельзя исключить, что у немцев нечиста совесть из-за ослабших или испортившихся венгеро-германских отношений (не по нашей вине) в течение последних двух лет, и “сейчас меня за это хотят сделать козлом отпущения и требуют моей головы”³¹.

Он просил Апора передать своему начальнику благодарность за его согласие “выслушать и другую сторону” и сообщить, что он ждет решения, каковым бы оно ни было.

Но венгерское правительство и венгерский МИД тогда еще оргвыводов не сделали, и на несколько месяцев С. Маширевич, правда формально, остался венгерским посланником в Берлине. Венгерские историки считают его самым умным, достойным и выдающимся дипломатом Венгрии тех лет.

В беседе с Хорти Гёринг жаловался на Гёмбёша, Каню и Маширевича, требуя его смещения. Маширевич в своих донесениях хотя и отмечал сращивание государственного аппарата с НСРПГ, но не смог понять роль Гёринга в формировании внешнеполитических целей Германии. Конечно, и в Венгрии были смелые люди, которые предупреждали правительство, что оно вновь, как и в первую мировую войну, не того партнера выбирает³².

На Балканах и в Центральной Европе, по мнению корреспондента английской газеты “Таймс”, считали поездку Гёринга шагом, направленным против советско-французского и советско-чехословацкого договоров. Газета предсказывала, что Венгрия и Болгария в скором времени попадут в германскую сферу влияния³³.

Но все это только предположения. Записей о встречах и переговорах Гёринга в Будапеште не сохранилось. Хорти в своих воспоминаниях тоже промолчал. Регент вообще не оставил для истории следов о

своих встречах с руководителями правительств и государств за весь период своего четвертьвекового правления.

Гёмбёш в то время настойчиво проводил политику сближения с Германией, не противился этому и министр иностранных дел К. Каня, но, как отмечал Хорти, скорее не по своей воле: он не находился в хороших отношениях с премьер-министром³⁴.

Возвратившись из Женевы, Каня еще некоторое время защищал своего верного друга Маширевича, но после того, как Нейрат через своего зятя, посланника в Будапеште Маккензена, потребовал отозвать Маширевича из Берлина, а затем в грубой форме лично ему заявил, что дальнейшая работа посланника в Берлине невозможна, Каня уступил. Маширевич ушел в отпуск и больше на место работы не возвратился³⁵. Формально он был уволен только 10 декабря 1935 г.

Именно в этот период появилась формулировка, наравне с проповедовавшейся идеей общей “венгеро-германской судьбы” (на основе разработанной в германском МИДе установки), согласно которой в германо-венгерских отношениях всегда должно учитываться превосходство немцев в силе, а отсюда — и обеспечиваться примат Германии над Венгрией.

У Гёмбёша была идея вновь поехать в Германию и все обсудить с Гитлером, наметить пути дальнейших отношений с Германией. Он, правда, располагал материалами, согласно которым германская сторона решительно отклоняла все предложения Венгрии о более тесном сотрудничестве, в том числе и заключение политического соглашения в какой-либо форме. Когда Гитлеру доложили о намерении Гёмбёша нанести визит в Германию, фюрер сообщил, что он может ехать, но только по линии министерства иностранных дел. Гёмбёшу пришлось осознать, что прошло время его первого посещения Берлина в качестве премьера, когда Гитлер нуждался в международном признании, искал выхода из внешнеполитической изоляции, хотя бы и с помощью маленькой Венгрии.

Еще один вопрос, который не упускали из виду венгерские правители — это итало-венгерские отношения. К началу лета, когда обострились итало-эфиопские отношения, Муссолини нуждался в обеспечении тыла в Европе для осуществления задуманной колониальной войны в Африке. Ему удалось заручиться поддержкой Франции, но расчеты на Англию не оправдались.

В очередном выступлении в рейхстаге 21 мая Гитлер, с целью ввести в заблуждение общественное мнение, заверил в своей преданности миру и открыто заявил об отсутствии у Германии намерения вмешиваться в австрийские дела, аннексировать или присоединить к себе

Австрию; он выразил сожаление, что из-за этой проблемы ухудшились германо-итальянские отношения. И хотя Муссолини прореагировал на это выступление весьма сдержанно, но все же между двумя странами было подписано несколько соглашений, в том числе и о прекращении в органах печати нападок друг на друга.

В руководящих кругах Германии, прежде всего в дипломатических и военных, реакция была неоднозначной: одна часть приветствовала, другая осуждала сближение с Италией³⁶. В результате названных событий на протяжении лета темпы венгеро-германского сближения значительно снизились.

Имевшие место закулисные внешнеполитические комбинации нашли свое отражение в позициях разных политических направлений в Венгрии.

Точку зрения правящей партии, как правило, провозглашал ее “везер” – вождь Д. Гёмбёш. Выступая в верхней палате парламента в последней декаде июня 1935 г., он повторил требование о предоставлении Венгрии равноправия на вооружение и претензии на территориальную ревизию. Он выразил убеждение, что мир вскоре признает призвание Венгрии в Карпатском бассейне и Восточной Европе, ибо в Дунайском бассейне ничего нельзя решить без Венгрии. Он с апломбом утверждал, что либерализм, его идеи похоронены навечно, осталось вырвать рабочих из рук марксистского социализма, для чего надо запретить социал-демократическую партию, профсоюзы и забастовки³⁷.

Социал-демократическая газета “Непсава” отреагировала на это выступление довольно спокойно: Гёмбёш в верхней палате обнаружил, что “не любит нас”³⁸.

И позже, в августе, на конференции правящей Национальной партии единства Гёмбёш подчеркивал, что внешняя политика неизменна, ее прочной основой являются дружба с Италией и Римские протоколы (Италия, Австрия, Венгрия). В экономическом отношении для Венгрии выгоднее постоянная поддержка связей с Австрией. “В отношении наших дружественных связей с Германией, – продолжал он, – мы придерживаемся того же направления”³⁹.

И. Бетлен в интервью газете высказал мнение: влияние Германии и России на политику Венгрии, также, как и на политику соседних стран, будет расти. Ревизию договоров он считал безотлагательной проблемой, если Европа не хочет, чтобы “вновь повторилась история 300-летней гегемонии России и Германии над рядом народов”⁴⁰. В этих условиях он допускал даже возможность реставрации Габсбургов, если за Австрией последует и Венгрия.

Незадолго до того стоявшая тогда на легитимистских позициях газета “Мадяршаг” утверждала, что реставрация Габсбургов более не имеет противников. Австрийское правительство поддерживал Муссолини, который понял, что единственная возможность бороться с пангерманизмом — это реставрация. Франция якобы придерживалась того же мнения. Не возражал и СССР (статья Радека в “Известиях”). Для Бенеша приятнее реставрация, чем аншлюс...⁴¹. Комментируя интервью И. Бетлена, газета отметила: “Бетлен, который вел в последнее время самостоятельную политику и находился в совершенном одиночестве, отныне полностью перешел на позиции, вытекающие из политического завещания его старого противника графа Дюлы Андраши”⁴².

К видным оппозиционным политическим деятелям принадлежал и Эндре Байчи-Жилински, который побывал в различных политических партиях — от Партии расы до ПМСХ. В 1935 г. он представлял Национальных радикалов. В интервью газете “Эсти курир” он заявил, что когда говорят о выборе между Россией и Германией, то это неверно, ибо ориентироваться нельзя ни на ту, ни на другую. В подобной ориентации он видел скрытую большую опасность, против которой “необходимо решительно бороться”⁴³.

Эта газета и сама выступила с критикой внешнеполитического курса Венгрии, ее ориентации на Германию и односторонней ориентации на Италию и спрашивала: не было бы лучше для Венгрии пойти немного на уступки Франции, а также Малой Антанте⁴⁴.

Легитимисты летом 1935 г. развернули активную деятельность. Аббат Миклош Григер, после того, как в Австрии был принят закон о возвращении имущества семьи Габсбургов, навестил находившегося в эмиграции претендента на трон Отто, который высказался в том смысле, что решения Австрии это только первый шаг. Григер поведал и о том, что по поручению Габсбургской семьи Антал Шиграй является верховным политическим руководителем венгерского легитимизма. Газеты сообщали и о посещении Миклошем Григером и Густавом Грацем премьер-министра Дюлы Гёмбеша⁴⁵.

Газета легитимистов “Мадяршаг” в передовой статье этот момент назвала самым благоприятным для возобновления венгеро-австрийской унии, так как западноевропейские державы еще достаточно сильны, чтобы предотвратить захват Третьей империей австрийской территории. Это для Венгрии жизненно важно. Высказывалось опасение, что Германская империя после присоединения Австрии может заключить конфедерацию с “маленькими славяно-румынскими странами”.

В дискуссии вокруг этой проблемы резко выступила против планов реставрации Габсбургов правительственная газета "Фюгтетленшег". Она отметила, что Венгрия в течение четырех столетий истекала кровью под режимом Габсбургов. Газета назвала "трогательным и красивым" заявление эрц-герцога Отто, что "народное социальное королевство" является единственной надеждой народа, который долго терпел, и напомнила ему другое его недавнее выступление, в котором эрц-герцог наиболее приемлемой формой правления считал корпоративную, диктаторскую. Это суждение, по мнению газеты, произвело очень плохое впечатление в Венгрии⁴⁶.

В разгар лета венгерская печать обсуждала и переговоры, которые велись в европейских столицах по вопросу о Дунайском пакте. Полуофициоз, особенно близко стоявший к МИДу, издававшийся на немецком языке "Пестер ллойд" 1 августа в передовой высказался за их завершение. В ней обращалось внимание на то, что инициатива по возобновлению переговоров принадлежала Франции, а документ, подготовленный совместно Францией и Италией, передан другим заинтересованным государствам. Венгрия ответит на этот документ, подчеркивалось в передовой, в духе действий государств Римских протоколов, которые достигли соглашения по основным вопросам Дунайского пакта еще в мае 1935 г. на встрече в Венеции министров иностранных дел трех государств. А поскольку без Венгрии нельзя достичь урегулирования в Дунайском бассейне, она готова принять участие в переговорах, направленных на достижение этой цели, но лишь как полностью равноправный партнер, для чего нужно прежде осуществить принцип военного равноправия односторонне разоруженных стран, содержащийся в декларации пяти держав от 12 декабря 1932 г. и в решениях в Стресе от 14 апреля 1935 г.

Советский полпред в Будапеште Александр Артемьевич Бекзаян еще в конце весны считал вероятным, что на предстоящей Дунайской конференции Венгрия будет действовать в отношении Австрии по линии не Италии, а Германии. Базировал он свой вывод на основе того, что в Венгрии последняя речь Гитлера была воспринята чуть ли не как декларация мира, "а братание с Гитлером в Будапеште слишком бросается в глаза". Наряду с гитлерофильской политикой Гёмбёша, по его мнению, явно наблюдалось охлаждение Венгрии к Италии, начавшееся с подписания франко-итальянского протокола. Открыто об этом не говорили и не писали, так как патронат Муссолини, впервые высказавшегося за ревизию границ Венгрии, очень силен в общественном мнении.

В то же время в отношении к Советскому Союзу венгерская политика оставалась "последовательно и упорно" недружелюбной. Пресса

принципиально писала об СССР “лишь неблагоприятно, очевидно, следуя данной ей свыше установке”. Пресса подчеркнуто показывала свое враждебное отношение к советско-французскому и советско-чехословацкому пактам⁴⁷.

Бекзадян и позже, в частности 14 августа 1935 г. в своем донесении Н. Н. Крестинскому, останавливался на Дунайском пакте. На этот раз он упоминал о том, что позиции Италии и стран Малой Антанты сблизились и Венгрия склоняется к присоединению к этому пакту. Он ссылаясь на материалы из газеты “Мадяршаг”, по которым Лаваль готов был пожертвовать Восточным пактом для того, чтобы сговориться с Германией, если та готова подписать Дунайский пакт⁴⁸.

Венгерский посланник Юнгерт-Арноти много сообщал в Будапешт о беседах с М. М. Литвиновым. Есть и такие (от 15 июня, 4 и 21 ноября 1935 г.), о которых нет упоминаний в дневниках наркома иностранных дел.

Среди шифрованных телеграмм, посланных Юнгертом из Москвы в Будапешт в первой половине 1935 г., была серия посланий о беседе с Литвиновым 7 мая. В этой беседе венгерский посланник выделил Восточный пакт, который Советский Союз готов заключить без Германии и Польши и без подписания которого Россия была против создания Дунайского пакта. Но как только будет подписан Восточный пакт, Литвинов принимает Лондонское коммюнике. Румыния просилась в Восточный пакт, но ее не брали, поскольку она не граничила с Германией, Малую же Антангу, как таковую, в этот пакт приглашать и не собирались.

Отношение СССР к Венгрии не изменилось. Советский Союз не имел ничего против мирной ревизии, если этим не спровоцируют войну⁴⁹. Сотрудничество с Венгрией в Центральной Европе будет возможно, пока она не присоединится к германо-польской политике.

В отношении аншлюса интересы Советского Союза и Венгрии, как выяснили собеседники, совпадали — оба государства были против него. Литвинов уточнял позицию своей страны, которая прежде вообще была против монархий, но после того, как стало ясно, что и республиканская форма правления может причинять неприятности, отказалась от этого. В то время наиболее верным препятствием аншлюсу Литвинов считал возвращение Габсбургов в Австрию⁵⁰.

Эти мысли выражены и в шифрограмме Юнгерта от 17 июня 1935 г. В телеграмме за № 32 от 9 июня Юнгерт обобщил результаты бесед с ведущими советскими деятелями. Он писал: “Я установил, что советско-чехословацкое соглашение о взаимопомощи распространяется лишь на те страны, которые первоначально должны были войти в Вос-

точный пакт, и не касается возможного венгеро-чехословацкого конфликта, и поэтому, — добавил он, — Титулеску сник”⁵¹.

В публичных выступлениях премьер-министр Венгрии Дюла Гёмбёш продолжал провозглашать принцип равноправия, заявлял о Римских соглашениях (Италия, Австрия, Венгрия) как оси венгерской внешней политики. Некоторые газеты даже упрекали его за упоминание дружественной Польши, с которой Венгрию соединяли вековые узы. В одном из выступлений он подчеркивал, что венгерская политика повернута лицом не только к Риму, но и к Берлину.

Лето, как правило, является затишьем в дипломатической деятельности. Но и в это время интерес к взаимоотношениям Будапешта и Берлина не уменьшался. Сохранилась запись беседы от 6 июля 1935 г. между министром иностранных дел Венгрии К. Каней, начальником генерального штаба венгерской армии генералом Йожефом Шомкути, с одной стороны, и военным министром Третьего рейха генералом Валтером фон Райхенау.

В начале записи последнему дана характеристика: хитрый, образованный, очень самоуверенный человек; свысока судит о живых и мертвых; любит цитировать произведения выдающихся немецких и особенно латинских авторов, которые для незнающих латыни переводит на немецкий язык, не вызывает доверия.

Райхенау проявил некоторое понимание уверенности венгров в необходимости итало-германского сближения и определенной осторожности по отношению к Белграду. Он заявил, что не исключает возможности постепенно склонить к этой позиции и Гитлера. О Гёринге же он сказал, что канцлер его очень любит как старого и преданного партийца, но “не всегда принимает всерьез”. В выводах Каня и Шомкути отразили свое мнение: Райхенау для виду одобрял венгерскую внешнеполитическую линию, но его поведение не дает полной гарантии, что он будет серьезно форсировать перед Гитлером ее одобрение. И Райхенау, как лобой немец, по мнению его венгерских собеседников, придавал большое значение германо-английскому соглашению о флоте и рассчитывал, что в будущем Англия не всегда будет на стороне Франции.

Он не скрывал неприязнь Германии к Чехословакии и раздел ее считал неизбежной необходимостью; более того, рискнул даже заметить, что может быть удастся получить предварительное согласие на этот раздел, и в таком случае всю акцию можно будет провести без больших осложнений в Европе.

В отношении Югославии Райхенау разделял мнение, согласно которому не следует переоценивать политическое значение этой страны. Он сообщал, что Гитлер “сейчас вообще не думает” закабалить Авст-

рию или поддерживать там материально или морально нацистское движение, и выразил надежду: “через определенное время Австрия в качестве зрелого фрукта сама упадет в объятия Германии”.

Райхенау допускал возможность соглашения Германии с Италией по австрийскому вопросу на переходный период, но в то же время беспощадно критиковал Италию за ее полную неблагонадежность. К тому же, по мнению немецкого генерала, германо-итальянское сближение усложняло — учитывая англо-итальянское напряжение — стремление Германии завоевать дружбу Англии. Италия демонстративно продолжала итало-французское сближение, будто она и на деле собиралась осуществить тот план, о котором Алоизи сообщил К. Кане в январе в Женеве: изменить комбинацию Венгрия–Италия–Австрия–Германия, заменив Германию Францией⁵².

Когда в венгерском МИДе подготовили копию этого документа для венгерского посланника в Берлине, референт политического отдела МИДа Андор Хертеленди первоначально на сопроводительке адресовал ее Машировичу, но затем зачеркнул и написал фамилию Арно Бобрика, советника венгерского посольства в Германии, ставшего временным поверенным в делах. В одном из своих первых донесений от 2 августа А. Бобрик обратил внимание на полемику в газетах “Германия” и “Фелкшпер Беобахтер” по поводу статьи, опубликованной в “Пестер ллойд” о пангерманской агитации в Венгрии. Германская сторона отстаивала право венгерских немцев получать указания из Берлина, поскольку они подпадают под понятия “фольксдойче” и существующее национал-социалистское “фолькштурм”. О Гитлере германская газета говорила, что он является “фюрером немцев”, т. е. не только проживающих в Германии.

«Если учесть, — завершал Бобрик, — что “Фелкшпер Беобахтер” — официальная газета национал-социалистской партии, главой которой всегда является глава государства и правительства Германской империи, то статье, о которой идет речь, нужно придать особое значение»⁵³.

Поверенный в делах в Берлине А. Бобрик 16 августа пытался выяснить позицию МИДа Германии в отношении Дунайского пакта. В МИДе ему Ц. Ренте-Финк ответил, что она еще не определена, и вряд ли ею будут заниматься ранее октября, поскольку Нейрата нет на месте. Но одновременно Ц. Ренте-Финк заметил, что даже в новом проекте оставлены открытыми два из заданных Германией вопросов, а именно: более конкретное определение понятия о невмешательстве и двухсторонние договоры о взаимопомощи. Отсутствие упоминания последних в новом проекте еще не означает удовлетворительного их решения с

немецкой точки зрения. Из всего сказанного Бобрик делал вывод: немецкое правительство не согласится и с новым проектом⁵⁴.

Эту же проблему К. Каня обсуждал 25 августа на курорте Фюзфё (Балатон) с министром иностранных дел Австрии бароном Эгоном Бергером-Валденегом. К. Каня подтвердил незаинтересованность Венгрии в подписании Дунайского пакта; но, учитывая позицию Италии и Австрии, Венгрия с самого начала заявила о готовности принять участие в Дунайской конференции, но с тем непременным условием, что подписание Дунайского пакта не вызовет ухудшения политического положения Венгрии. Поэтому она настаивала на сохранении в будущем возможности мирно пропагандировать ревизию и интересоваться судьбой венгерского национального меньшинства. Венгрия, продолжал Каня, не могла брать на себя новые обязательства, поэтому отклонила подписание договоров о взаимопомощи. Но Венгрия, кроме этого, должна была наблюдать, чтобы другие участники Дунайской конференции не заключили между собой договоров о взаимопомощи, острие которых было бы направлено против нее (имелись в виду Италия или Австрия, которые могли заключать договор со странами Малой Антанты, уже имевшими такие соглашения между собой). К. Каня требовал гарантий этого.

Бергер-Валденег также изложил позицию австрийского правительства: без предоставления равноправия оно не намерено подписать Дунайский пакт. Он высказал мнение, которое излагал уже 4 мая в Венеции, что подписанием Дунайского пакта были бы выполнены условия, выдвигавшиеся великими державами в декабре 1932 г. для предоставления равноправия⁵⁵.

Проблема предоставления равного права потерпевшим в войну поражение странам продолжала оставаться и после того, как Германия явочным порядком ввела всеобщую воинскую повинность. Венгрия настаивала на признании за ней этого права мирным путем, путем переговоров. И на этот раз она выдвигала его в качестве условия подписания Дунайского пакта и выражала готовность вступить в переговоры с заинтересованными странами до 1 января 1936 г.

К странам, потерпевшим поражение в войну, относилась и Болгария. Ее посланник в Москве Димитр Михальчев на приеме у Литвинова задал вопрос наркому, как относится СССР к довооружению. Литвинов ответил ему примерно то же, что и венгерскому посланнику Юнгерту-Арноти: он свою точку зрения изложил в Женеве при обсуждении нарушения Германией Версальского договора. "Каждое государство, по нашему мнению, — продолжал Литвинов, — имеет право на вооружение в качестве оборонительных средств". Когда, однако, государство открыто заявляет о своих стремлениях к насильственной экспансии и

завоеваниям, то оно теряет право на одобрение его довооружения. Это относится как к Германии, так и к другим странам, сказал нарком⁵⁶.

В Фюзфё два министра обсуждали также и проблему договоров о взаимопомощи. Если Кая отклонял их, то Бергер при любых обстоятельствах на них настаивал, а до их подписания высказался за сохранение в силе итало-франко-австрийского соглашения о консультациях. Австрия, сообщил ее министр, не собирается подписывать договор о взаимопомощи с Румынией, но надеется на таковой с Югославией, о чем он поведет переговоры с М. Стоядиновичем в Женеве. С Чехословакией Австрия не планирует заключить договор, для этого предварительно нужно создать условия, улучшить венгеро-чехословацкие отношения как в области экономики, так и политики. Этот вопрос он предложил предварительно обсудить между Италией, Венгрией и Австрией.

Были затронуты и австро-германские отношения, в которых, по мнению Бергера, намечился некоторый прогресс. Посланник Папен обещал, как и Бергер, рекомендовать своему правительству прекратить взаимные нападки в печати. Австрийский министр полагал, что поездка К. Шомкути в Берлин завершится военным соглашением с Германией против Чехословакии, и просил не спешить расправляться с ней, хотя и сам он считает ее приговоренным к смерти государством⁵⁷.

По поводу реставрации Габсбургов стороны заняли отрицательную позицию, но договорились пресекать любое вмешательство в этот вопрос со стороны Малой Антанты, о чем был извещен и Лаваль.

К. Кая в конце встречи информировал Бергера о том, что присланный из Рима проект Дунайского пакта содержит пункт, который гласит, что пакт ни в коем случае не затрагивает права и обязанности, вытекающие из ранее подписанных соглашений. Поскольку, по видимому, под этим понимается военная конвенция стран Малой Антанты, направленная против Венгрии, то, естественно, Венгрия будет настаивать на том, чтобы этот пункт вычеркнули. Бергер заверил, что Австрия по этому поводу не будет чинить никаких препятствий⁵⁸.

В сентябре 1935 г. К. Кая имел несколько встреч с Бергером-Валденегом. В ходе одной из них австрийский министр иностранных дел выразил опасение по поводу возможного военного похода Италии в Абиссинию, в результате чего Италия значительно ослабнет и положение Австрии может стать критическим. Он торопил подписание Дунайского пакта как гарантии для обеспечения безопасности Австрии. Бергер надеялся, что пакт будет подписан к середине октября. Он информировал о переговорах с Э. Бенешем, где выяснил, что Чехословакия искренне желает присоединиться к Дунайскому пакту. Да и сама Австрия готова (в отличие от правительства Дольфуса) заключить с

Венгрий таможенный союз, к которому затем присоединились бы Чехословакия и Италия. У Бенеша руки свободны, а остальные две страны Малой Антанты связаны с Балканским пактом, по которому они могут подписать международный договор только с согласия Турции.

Упомянул он и о своих упреках в адрес чехословацкого коллеги за подписание чехословацко-советского договора, на которые Бенеш ответил: к этому его принудило заигрывание Венгрии с Германией. Он заметил, что этот договор стал бы актуальным лишь в том случае, если бы Франции пришлось в силу Локарнского соглашения с оружием в руках выступить против Германии.

Заверяя Бергера в доброжелательности Венгрии, К. Каня не упустил случая заметить, что он “в сегодняшних условиях венгеро-чехословацкое сближение не считает возможным”⁵⁹.

Но уже 10 сентября 1935 г. К. Каня посетил Бергера совсем в ином настроении. Он упрекнул министра иностранных дел Австрии за то, что сказанное им стало известно Бенешу и может произойти то, чего он опасался: Бенеш переговоры с Австрией непременно попытается использовать для того, чтобы вбить клин в отношения между Венгрией и Австрией. Каня просил Бергера впредь на переговорах с Бенешем вообще не упоминать Венгрию. Вызвано это было заявлениями представителя чехословацкой прессы в Женеве, родственника Бенеша, о том, что Венгрия только декларирует дружбу с Австрией, в то время как чехословацкий министр иностранных дел Э. Бенеш согласовал с Австрией все вопросы о Дунайском пакте⁶⁰.

Как же складывались отношения между Германией и Италией к осени 1935 г., когда Италия усиленно готовилась к войне с Абиссинией, а венгерский премьер-министр Д. Гёмбёш — к поездке в Германию?

В одном из своих донесений (от 5 сентября) А. Бобрик, глядя из Берлина, считал, что самым удачным определением их состояния было заявление Ф. Сувича, высказанное венгерскому посланнику в Риме Ф. Виллани: “Они ни хорошие и ни плохие, они никакие”. А от себя он добавил, что в последние месяцы по сравнению с прежней напряженностью наблюдается определенное смягчение⁶¹.

Он обратил внимание на сохранившиеся связи военных, на присутствовавшую германскую группу офицеров на маневрах в Италии и на то, что в абиссинском вопросе немецкая печать не занимала открытую антиитальянскую позицию, но с удовольствием подчеркивала неблагоприятные для итальянцев моменты, изо дня в день вызывая в широких кругах общественности симпатии к Абиссинии⁶².

Но была и другая оценка этих отношений. В частности, Пал Приц утверждал, что в течение лета “немецко-итальянское сближение сильно замедлилось”⁶³. Самым важным успехом Гитлера в то время он считал

то, что фюрер добился отзыва итальянцами из Берлина неугодного для нацистов посла Витторио Церутти. Он был заменен переведенным из Москвы Бернардо Аттолико, который получил от Муссолини задание – подогреть отношения между двумя странами⁶⁴.

Аттолико в речи 8 сентября при вручении верительных грамот Гитлеру выражал сомнение в возможности доверительных отношений между Италией и Англией; в ней предлагалось сближение с Германией, что не могло не вызвать подозрения в Лондоне и Париже.

В такой ситуации Д. Гёмбёш отправился с визитом в Германию.

Во многих трудах историков так или иначе затронута проблема поездки Д. Гёмбёша в Берлин. Остановливались на ней И. Беренд и Д. Ранки, М. Адам, Э. Ковач и Д. Юхас, П. Приц. Можно прочитать о ней и в объемной вступительной статье к публикации документов германского МИДа об отношениях с Венгрией⁶⁵.

Сохранились очень скудные сведения об этой поездке, да и те часто из вторых рук. Поэтому и неудивительно, что в них часто содержатся допуски, предположения или просто гадания.

Венгерский премьер-министр отправился на охоту по приглашению Гёринга на присланном за ним из Германии самолете 26 сентября. Пригласил его премьер Пруссии еще в мае: когда он на два дня останавливался в Будапеште во время своей “свадебной поездки”. Каких только предположений и догадок ни печатали в те дни венгерская и мировая печать. Некоторые из журналистов в своих статьях были недалеки от истины, когда нащупывали цели венгеро-германского сближения.

Министерства иностранных дел двух стран готовились к этой встрече основательно и подобрали солидные материалы к переговорам по целому ряду возможных вопросов. В Будапеште детально были разработаны рекомендации, как вести себя делегатам при возникновении в разговорах вопросов о венгеро-югославском и венгеро-румынском сближении⁶⁶. Но как видно из сохранившихся материалов, этой проблеме особого значения не придавали.

Более солидная разработка сохранилась с немецкой стороны, она опубликована в многотомном издании из германских архивов⁶⁷. Первый раздел этого документа был посвящен внешнеполитической ориентации Венгрии, в нем заключалось представление германского МИДа о положении Венгрии на международной арене. Также документ отражал тревогу правящих кругов Венгрии, что из-за конфликта Италии с Эфиопией и невозможностью в связи с этим заниматься интересующими Венгрию проблемами, Венгрии придется искать поддержки у более мощного государства – Германии. Документ был составлен в те дни, когда Гёмбёш уже “охотился” в Восточной Пруссии, и в нем отме-

чено, что от переговоров венгерского премьера с Гёриномг зависит, захочет ли Венгрия менять свою ориентацию”.

Немецкая сторона полагала, что в ходе переговоров венгры попытаются предпринять очередную попытку склонить Германию взять на себя определенные обязательства. В отношении будущего, предупреждали авторы записки, следует не упускать из виду несомненный примат немецкого руководства при политическом сотрудничестве с Венгрией. Высказывалось мнение, что при естественных общих интересах двух стран даже не будет необходимости брать на себя такие обязательства, которые ограничивали бы “свободу наших политических действий; их лучше избежать”. У этого предположения Нейрат сделал пометку: “Вообще об этом не может быть и речи”⁶⁹.

Дружественные отношения с Венгрией ставились в зависимость от ее поведения, так как Венгрия не может желать, чтобы ее интересы учитывались, если сама не будет принимать во внимание интересы Германии. Предполагалось, что поездка Гёмбёша вызовет большой шум в печати, которая будет писать о германских и венгерских агрессивных планах, а венгерская печать, придавая визиту большое политическое значение, свяжет его с планами тесного сотрудничества Германии, Италии, Польши, Венгрии и Австрии в Центральной Европе. Поэтому особое внимание нужно обратить на мирный характер переговоров.

МИД Германии информировал высшее государственное и партийное руководство и о проекте Дунайского пакта, а именно о том, что, в противоположность Германии, Венгрия уже дала Италии ответ, приняв проект за основу переговоров с известными условиями (мирное стремление к ревизии, права нацменьшинств и равноправие на вооружение). В этой области интересы Венгрии и Австрии тесно связаны. Но со странами Малой Антанты, несмотря на поддержку Италии, соглашение в этой области не достигнуто, и, наоборот, даже поставлено в

* Документов о переговорах Гёмбёша с Гёриномг 26–28 сентября почти не сохранилось. Но Беренд и Ранки в своем совместном труде утверждали, ссылаясь на дневники министра внутренних дел М. Козмы, что на них было достигнуто соглашение, точнее, получено обещание Гёмбёша, что он в течение двух лет введет в Венгрии тотальную диктатуру по германскому образцу. Запись Козмы звучит следующим образом: “Я установил, что Гёмбёш и Гёриномг заключили более далеко идущее венгеро-германское соглашение, чем об этом кто-нибудь, включая и Каню, в Венгрии знает. Это соглашение затрагивало политическую систему, тотальный, еврейский и католический вопросы”⁶⁸. В документе констатировалось, что в венгеро-югославских отношениях уже наступило определенное потепление, но еще неизвестно, готово ли венгерское правительство идти на определенные жертвы ради установления хороших отношений с Югославией. Но венгры скептически относились к такой возможности без согласия двух других стран Малой Антанты, зная условия их соглашения по этой проблеме.

зависимость от договоров о взаимопомощи. “Но такого рода пакты венгры, также как и мы, в принципе отвергают”⁷⁰.

По отношению реставрации Габсбургов отмечалось, что несмотря на тесное политическое сотрудничество Будапешта и Вены нет даже видимости готовности Гёмбёша поддержать австрийское правительство в стремлении к реставрации Габсбургов на троне в Австрии. У германского МИДа были сведения о мнении Гёмбёша, что Габсбурги не смогли бы удержаться только в Австрии и реставрация перекинулась бы и на Венгрию.

Пожелания венгерской стороны относительно немецкого национального меньшинства были отражены более-менее достоверно, а именно: а) чтобы имперские организации по национальным меньшинствам (ФДА) и партийные организации непосредственно не вмешивались, не оказывали на него влияние; б) чтобы немецкие национальные меньшинства в странах, образованных на развалинах Австро-Венгерской монархии, действовали совместно с венгерским национальным меньшинством, поддерживая венгерские ревизионистские требования. Однако в документе отмечалось, что оба эти пункта противоречат интересам гитлеровской Германии и не следует связывать ими себе руки; нужно уклоняться от разговоров на эти темы, ссылаясь на необходимость подождать результатов переговоров комиссии двух стран по этой проблеме, которая соберется 7 октября в Будапеште.

Излагалось и состояние экономических отношений с довольно уравновешенным балансом, для достижения которого приходилось постоянно давить на венгров с целью заставить их увеличивать закупки продукции германской промышленности.

Секретно обсуждался вопрос о поставках фирмой Райнметалл вооружения Венгрии (а попутно и возможность предоставить ей для этих целей заем в 100 млн немецких марок). МИД рекомендовал ставить этот вопрос не только в зависимости от загрузки военной промышленности и занятости в ней рабочих, но и от того, “насколько Венгрия готова согласовать свою позицию с немецкой политикой”⁷¹.

Д. Гёмбёш “охотился”, находясь в Восточной Пруссии, с 26 по 28 сентября; о сущности бесед венгерского премьера с Гёрингом в архивах следов не обнаружено. 29–30 сентября Д. Гёмбёш имел беседы с Гитлером, дважды с Нейратом и с министром экономики Хиалмаром Шахтом. О беседе с Гитлером записи не сохранились ни с венгерской, ни с германской стороны. Судить о ней можно только по сообщению Д. Гёмбёша на заседании венгерского правительства 5 октября. Но не из протокола заседания совета министров в этот день, в нем зафиксирован только сам факт такой информации⁷². Один из министров, при-

существовавший (исследователи полагают, что это был Козма) на нем, сделал запись и передал ее германскому посланнику Маккензену, а тот переправил ее в МИД Германии. Этот документ опубликован⁷³. В сопроводительном письме немецкий посланник просил (учитывая источник – его доверенное лицо, министра) хранить его строго в тайне⁷⁴. С этой записью Нейрат ознакомил Гитлера. Судя по записи на нем Ханса Ламмерса (начальника канцелярии канцлера), мнение имперского канцлера было: “третий раздел приложенных заметок – полностью извращенное представление”.

В этом третьем пункте говорилось, что Гёмбёш поднимал вопрос о национальном меньшинстве во всех беседах в Берлине, включая и разговор с Гитлером. У венгерского премьера из этих бесед сложилось общее впечатление, что немецкая сторона начинает терять интерес к этому вопросу, что подтвердило и публичное заявление посла Иохима Риббентропа. Гёмбёш заявил о своей решимости в будущем принять более строгие меры против немецких агитаторов⁷⁵.

Это и не удивительно, что через третьих лиц некоторые вопросы дошли до участников переговоров в искаженном виде. Но тот факт, что по остальным частям заметок о выступлении Гёмбёша на закрытом заседании правительства Гитлер не возражал, значит, что они более-менее точно отразили ход переговоров.

Начал Гёмбёш с того, что на вопрос Гитлера о природе итало-венгерских связей ответил: Венгрия не принимала на себя в отношении Италии никаких военных обязательств, между ними нет военного договора, следовательно, Венгрия не обязана оказывать помощь Италии в случае европейского конфликта.

По поводу германо-итальянских отношений и связанного с ними австрийского вопроса фюрер подчеркивал: его личное чувство глубокого уважения к Муссолини нисколько не изменилось. По основательным причинам Германия вообще не заинтересована в столкновении с итальянским фашизмом. Наоборот, Германия заинтересована в сохранении правых режимов в европейских государствах.

Гитлер заявил о своей незаинтересованности в австрийском вопросе, но добавил, что не понимает политические булавочные уколы Италии (Гитлер здесь имел в виду военные маневры в Болцано) и не думает, что они могут служить созданию лучшей атмосферы между двумя странами. “Во всяком случае, он не принимает чрезмерно серьезно несколько мелочные методы, которые относятся к политике Ф. Сувича”.

Гёмбёш из этой беседы сделал вывод, что в немецких правящих кругах наблюдается определенная тенденция, свидетельствующая о

намерении примирения с Италией и готовности достичь соглашения двух стран по австрийскому вопросу. Гёмбёш в своем выступлении на заседании совета министров давал характеристику и тем немецким государственным деятелям, с которыми он встречался. В отношении фюрера высказал свое изумление и подчеркивал, что с точки зрения международной политики "Германия сейчас находится в лучшем положении, чем когда-либо в прошлые десятилетия"⁷⁶.

В немецком архиве сохранилась запись двух бесед Гёмбёша с германским министром иностранных дел К. Нейратом. Венгерский премьер согласился с известными ему доводами, ранее изложенными как Италией, так и Германией, что у Венгрии меньше всего территориальных претензий к Югославии, и выразил готовность пойти на примирение с ней. Однако это было бы возможно, только если бы удалось отделить Югославию от остальных стран Малой Антанты.

Затем Гёмбёш доложил о состоянии отношений Венгрии с Италией и изложил свою любимую идею — сотрудничество Италии, Германии, Австрии, Венгрии с возможным вовлечением в эту группу Польши. Он убеждал Нейрата, что в ходе Римских соглашений он всегда подчеркивал: Венгрия никогда не проводит антигерманской политики и не может позволить втянуть себя в антинемецкие комбинации. Он передал заявление Муссолини, сделанное еще в 1934 г., согласно которому франко-итальянские противоречия никогда не могут быть преодолены. Муссолини использует французов, если они смогут что-нибудь дать ему, но никогда не попадет в зависимость от них. Гёмбёш придерживался мнения, что после окончания абиссинского предприятия, об опасности которого с военной точки зрения он, между прочим, предупреждал Муссолини, франко-итальянские противоречия вновь проявятся в первоначальном виде.

Венгерский премьер высказал сожаление по поводу направления германо-австрийских связей, поскольку он видит в Австрии естественный мост между Германией и Венгрией как в экономическом, так и в политическом отношении. Самостоятельную Австрию, поддерживающую в одинаковой мере хорошие отношения с Германией, Венгрией и Италией, он считает удачным политическим творением, но сознает и естественную потребность присоединения Австрии к Германии. В Габсбургском вопросе Гёмбёш подтвердил известную свою позицию: он против всякой реставрации.

В отношении Дунайского пакта венгерского премьера больше устроило бы, если никакой пакт не был заключен, а тем более такой, в котором участвовали бы страны Малой Антанты и Франция. Он высказался за сотрудничество в Дунайском бассейне Германии, Австрии,

Италии, Венгрии и, по возможности, Польши, но оно должно отличаться от имевшихся тогда проектов пактов.

В ходе беседы Гёмбёш вновь и вновь высказывал свою неприязнь к Чехословакии, и особенно к ее министру иностранных дел Бенешу, и выражал такое же недоверие и к министру иностранных дел Румынии Н. Титулеску.

В эту первую встречу из-за недостатка времени не обсуждали национальный вопрос. Его подняли во второй половине дня 29 сентября, уже после беседы с Гитлером, с которым ему тоже не удалось обсудить его. Премьер заявил, что проблемы немецкого меньшинства в Венгрии близки его сердцу. По материнской линии он происходит из семьи немецких колонистов, да и жена у него немка, но правительство не может терпеть немецких агитаторов, которые подстрекают крестьян против венгров, и его правительство намерено принять против них самые решительные меры. Он просил германское правительство сдерживать агитаторов. Нейрат ответил, что и они сами самым решительным образом не одобряют всякого рода политическую агитацию среди немцев в Венгрии. Но в то же время венгерские шовинистические круги постоянно предпринимают попытки принудить немецких колонистов отказаться от родного языка, обычаев. Эти попытки вызывают недовольство в Германии. Положение улучшилось бы путем предоставления им культурных прав в соответствии с их пожеланиями. Нейрат рекомендовал поднять этот вопрос на намечавшихся еще в этот день встречах Гёмбёша с Йозефом Геббельсом⁷⁷.

В письме немецкого посланника Маккензена министру иностранных дел Нейрату от 10 сентября 1935 г. содержится упоминание о встрече Гёмбёша с заместителем фюрера по партии Рудольфом Гессом, где поднимался вопрос о немецком национальном меньшинстве в Венгрии. Гесс упрекал Гёмбёша в том, что в Венгрии все должны мадьяризировать свои фамилии, если только не хотят быть арестованными. Гёмбёш опровергал это тем, что его мать и сегодня носит имя Анне Марие Вайтзел⁷⁸.

После возвращения из поездки Гёмбёш делился своими впечатлениями на заседаниях правительства, в германском посольстве в Будапеште (где сообщал о том влиянии, которое оказали на него военный министр Вернер Бломберг, Геббельс, директор банка Хиалмар Шахт; восхищался Гёрингом как человеком, с которым ему удалось сблизиться), на партконференции и других собраниях. Он везде подчеркивал, что не ожидал, чтобы Германия политически стала столь консолидированным государством, умилялся стилем руководства Гитлера. На засе-

дании правящей Национальной партии единства он также подчеркивал стабильное состояние Германии.

На этом заседании Гёмбёш, заявивший в немецком посольстве, что только после беседы с Геббельсом он понял, что может значить пропаганда⁷⁹, попытался применить ее в условиях Венгрии. Он, как и Гитлер, говорил о мире. Во внешней политике следует "активно бороться за мир". Он заявил: "Мы сторонники мирной эволюции", "справедливость восторжествует". После этого он остановился и на венгеро-германских отношениях, опровергал "ворох пересудов о его путешествии в Германию", утверждая, что не вел там никаких переговоров, но Венгрия должна проводить прогерманскую и проитальянскую политику и в то же время поддерживать дружественные отношения с Польшей и Австрией⁸⁰.

Сенсационные сообщения европейской печати о поездке Гёмбёша продолжались недолго. Они были вытеснены известием о нападении 3 октября фашистской Италии на Эфиопию. На основе Римского пакта от 7 января 1935 г. между Италией и Францией (соглашение Муссолини—Лавалья) Франция уступала Италии часть своих африканских колониальных владений (около 155 тыс. кв. км), а Италия отказывалась от притязаний на подступы к озеру Чад и обязывалась прекратить антифранцузскую деятельность в Тунисе. Стороны высказались против аншлюса, признав независимость Австрии необходимым условием сохранения мира в Европе. Предусматривалось заключение Дунайского пакта как гарантии независимости Австрии. Римский пакт не разрешил противоречий между его участниками, не предотвратил итало-германское сближение, на что рассчитывала Франция, но способствовал подготовке итальянской агрессии против Эфиопии. Лаваль впоследствии признавал, что он фактически "подарил" Эфиопию Муссолини.

В связи с началом итало-эфиопской войны 7 октября Лига наций признала Италию агрессором и вскоре приняла решение о введении против нее экономических и финансовых санкций, которые, однако, носили половинчатый характер.

На заседании совета министров Венгрии не было единства по поводу санкций. К. Каня колебался из-за возможной позиции Англии. Спор в правительстве вынесли на решение регента Хорти. Каня угрожал отставкой. Хорти решил: пусть Каня остается на своем посту, а против санкций нужно голосовать⁸¹. Гёмбёш дал указание представителю Венгрии в Лиге наций Ласло Величу выступить в поддержку Италии⁸², который так и сделал, но неудачно.

На конференции Национальной партии единства Гёмбёш заявил, что накануне представитель Венгрии в Женеве на собрании Лиги

наций высказался против санкций, направленных против Италии. “Мы голосовали по моральным соображениям, — заявил он, — Италия наш друг. Но Венгрия не может отказаться от итальянской дружбы и по экономическим соображениям”⁸³.

Позиция Венгрии в Женеве по поводу санкций, как и неожиданная поездка премьер-министра в Берлин, а также германофильский курс Гёмбёша вызвали заметное недовольство в некоторых кругах венгерского общества.

Либеральная и легитимистская оппозиция критиковала в печати внешнюю политику Гёмбёша. Рашшан резко выступил против речи Гёмбёша на партконференции по поводу позиции в Женеве относительно санкций и против его отношения к Германии. Он подчеркивал, что аншлюс не совместим с интересами Италии и Австрии⁸⁴. Через день, уже на предвыборном митинге (вторичные выборы), он повторил критику, считая, что во внешнеполитическом отношении Венгрия никогда не была столь изолированной.

Граф Шиграи тоже выступил против внешней политики Гёмбёша. Офицеры “Фюгтетленшер”, “Будапешти хирлап” защищали премьера от нападок Шиграи⁸⁵.

Страсти накалились до того, что министр иностранных дел К. Кани, отвечая в парламенте на запрос графа Морица Эстерхази, был вынужден защищать позицию Венгрии в Женеве в отношении санкций. Ференц Райниш тут же откликнулся на выступление Кани и упрекнул правительство за то, что оно в Женеве противопоставило себя линии 51 нации⁸⁶.

Официальная проправительственная печать продолжала одобрять действия правительства. “Будапешти хирлап” обратила внимание на то, что позиция Венгрии в Лиге наций была воспринята Италией как “идеальное выражение верности”⁸⁷. “Уй Мадяршаг” восклицала: “Пусть весь мир знает, что позиция Венгрии была продиктована не только экономическими соображениями”⁸⁸. В другой правительственной газете в оправдание правящих кругов говорилось, что если бы Венгрия заняла другую позицию, то потеряла бы свой престиж. “Мы имели полное основание полагать, — продолжала она, — что как Англия, так и Италия выскажутся официально за ревизию Трианонского договора”⁸⁹. А теперь все повисло в воздухе.

Венгерское правительство в этой новой ситуации серьезно беспокоило то, что Италия из-за колониальных войн может погрязнуть в Африке, в результате чего она в перспективе может быть вытеснена из Юго-Восточной Европы и ее место там займет Германия. Непосредственно оно опасалось того, что вследствие стремления Англии воспре-

пятствовать колониальным захватам в Африке Венгрия может оказаться перед отнюдь не желательным выбором⁹⁰.

Между тем, в промежутке от 5 до 9 октября шел торг о том, какую позицию займет Венгрия при голосовании в Лиге наций. Кания уступал постепенно. Сначала занял нейтральную позицию, затем заявил представителям Италии, что ни в коем случае не поддержит санкции. Еще и при голосовании в Лиге наций 9 октября против санкций выступила одна Италия, а Албания, Австрия и Венгрия воздержались. Но переговоры продолжались, и итальянские дипломаты добивались от Венгрии голосования против санкций, а также они хотели, чтобы Венгрия убедила Польшу, члена Совета Лиги наций, не голосовать в этом органе за санкции, но Кания в этом посредничестве успеха не добился⁹¹.

Упорство К. Кани, направленное на то, чтобы не голосовать против санкций, не могло иметь успеха, если глава государства и председатель совета министров придерживались иного мнения. Д. Гёмбёш еще до начала войны с Абиссинией поручил военному атташе в Риме Ласло Сабо, чтобы тот, как только итальянские войска пересекут Эфиопскую границу, посетил Муссолини и передал ему “нашу солидарность и наше товарищеское сочувствие”⁹². Сабо выполнил поручение главы правительства. Дуче поблагодарил и просил передать Гёмбёшу, что дружеские пожелания, особенно в эту решающую минуту, он высоко ценит.

Сообщая об этом в МИД Венгрии, Гёмбёш подчеркивал, что на дуче его послание произвело глубокое впечатление, и заявил: “Италия никогда не может оказаться в таком положении, чтобы не сделать все для Венгрии”. Это он написал 5 октября и, несомненно, он хотел этим склонить на свою сторону усомнившегося и заколебавшегося министра иностранных дел К. Канию.

Об этой встрече с Муссолини Л. Сабо направил донесение, подготовленное 11 октября, начальнику генерального штаба венгерской армии, экземпляр которого тот переслал в МИД Венгрии 19 октября.

В донесении нет тех выражений, о которых информировал МИД Венгрии Д. Гёмбёш. Однако этот документ содержит ряд выдержек из высказываний Муссолини в ходе беседы, свидетельствующих о наличии у лидера итальянских фашистов намерений, направленных на завоевание новых территорий. Муссолини сказал Сабо, что он уже 13 лет “просит, умоляет, угрожает” обеспечить законным путем место для населения Италии. Он намерен обеспечить его хлебом, чтобы оно не было вынуждено работать за рубежом за голодный паек. “Хочу, чтобы эта бедная масса людей хоть один раз в день, но хорошо ела. И сейчас едят раз в день, но плохо”, – говорил дуче. Итальянцам не дают

работу ни в Тунисе, ни во Франции, ни в Америке. Из итальянской земли вытянули все, что могли, а колонии Италии при огромных капиталовложениях могли бы дать прибыль только через 15–20 лет. “Нам нужна территория, ибо иначе взорвемся. Следовательно, тогда, когда я получил от Лавая свободу действий, я взорвался. Остановки нет”, — констатировал Муссолини.

Нападение на Эфиопию он считал первым действительно историческим шагом Италии после первой мировой войны. “Этим шагом и вы, венгры, вновь приблизитесь к своей цели, ибо Европа, хочет этого или нет, вынуждена будет идти другими, здоровыми путями. Вы должны почувствовать, что во мне всегда найдете опору. Для вас открываются новые горизонты”, — здесь дуче в своем стиле, с пафосом, давал венграм обещания. Это было ему не трудно, тем более, что они носили не конкретный характер.

Рассказал дуче и о военных планах на тот случай, если бы Англия вмешалась в войну, и, прощаясь, заверил собеседника, что из этой войны и Венгрия извлечет пользу. Л. Сабо в этот же день посетил военных руководителей Италии Байстроки и Альберто Париани, и из всех трех визитов он вынес убеждение, что венгерский дружественный жест не пройдет бесследно⁹³.

Поддержка Гёмбёшем итальянской колониальной войны вызвала отрицательное отношение у венгерских оппозиционных кругов. Депутат парламента Режё Руперт пытался внести в парламент запрос, состоявший из пяти вопросов, среди которых был и такой: знает ли Гёмбёш, что венгерский народ никогда за свою историю, да и сегодня тоже, не принимал в качестве повода к войне перенаселение государства-агрессора или его такое представление о себе. Спрашивал он также, готов ли Гёмбёш заявить, во избежание международного недоразумения, что когда венгерский представитель в Женеве свое поведение обосновывал благородным жестом, вытекающим из верности договору, тот не понимал под этим некий договор, как-то обязывающий Венгрию на военное сотрудничество. Но этот запрос остался в архиве, огласить его Руперту не позволили⁹⁴.

Известия из Лондона также были неблагоприятными для правительства Гёмбёша. Временный поверенный в делах Венгрии в Лондоне Дьёрдь Киралли-Лукач отмечал, что поведение Австрии и Венгрии в Женеве вызвало глубокое негодование. В донесении он приводил угрозы британского правительства, высказанные министром иностранных дел Сэмюэлом Хором, будто англичане взяли на заметку тех друзей, “которые сомневались в нас и препятствовали нашим намерениям”⁹⁵. Однако последующее развитие событий не привело к дальнейшим ос-

ложнениям англо-венгерских отношений. Великие державы шли на уступки Италии, и она весной 1936 г. покорила Эфиопию.

В отношении венгеро-австрийских связей в этот период можно констатировать, что, поскольку из-за подготовки к военным действиям против Абиссинии влияние Италии в Дунайском бассейне уменьшалось, Австрия судорожно пыталась действовать самостоятельно. Об этом свидетельствовала и беседа Бергера-Валденега с К. Каней в Балатонфюзфё, о чем шла речь выше. Австрия цеплялась за консультативный пакт и, во имя своего спасения как за последнюю соломинку, за идею договора о взаимопомощи. Венгрия же эту идею отвергала.

Австрия, начиная с 1934 г., понимала, что Римских протоколов недостаточно, чтобы отвести германскую угрозу, и искала пути спасения, в частности через соглашения с Чехословакией. Особенно правительство Австрии забеспокоилось после начала войны в Эфиопии. Правда, Австрия, желая привлечь на свою сторону Венгрию и в то же время хорошо понимая трудности преодоления препятствий в чехословацко-венгерских отношениях, пыталась посредничать между Бенешем и Каней, но это ни к чему не привело, а только раздражало К. Каню, который потребовал от Бергера при переговорах в Праге даже не упоминать Венгрию. В то же время венгерский министр иностранных дел продолжал зорко следить за событиями, связанными со сближением Австрии с Чехословакией, временами вызывавшими у него неуверенность⁹⁶.

Война в Эфиопии вновь подтолкнула Австрию к сближению с Чехословакией. Венгерский посланник в Вене Лайош Руднай информировал 5 ноября 1935 г. министра иностранных дел К. Каню о той сложности, которая возникла с поставками Австрией военной продукции Италии. Осуществлялись они владельцем хиртенбергского патронного завода Манделем совместно с Манфредом Вайсом из Будапешта. Хотя ни Венгрия, ни Австрия не поддержали санкций Лиги наций против Италии, все же канцлер Австрии Шушниг придерживался мнения: лучше запретить военные поставки в Италию, поскольку Австрия по мирному договору не имела право на экспорт военных материалов. Он выражал опасения о возможном восстановлении в Австрии военного или иного контроля⁹⁷. Заведующий политическим отделом Австрийского МИДа Теодор Хорнбостел в беседе с Лайошем Руднай отметил, что в Риме поняли поступок Австрии, но владельцы заводов готовы при помощи денег добиться от Рима требования на продолжение поставок⁹⁸.

Позиция австрийского правительства относительно поставок оружия (продолжавшихся тайно) выяснилась в беседе Руднай с министром иностранных дел Бергером-Валденегом, состоявшейся 6 ноября. Министр сообщил о своем заявлении английскому посланнику в Вене:

он не наложит эмбарго на транзит военных материалов через Австрию, ибо “это противоречило бы мирным договорам”, однако он сделал бы это с большим удовольствием в том случае, если бы было объявлено, что “мирные договора для Австрии уже не обязательны”. А венгерскому посланнику он сказал, что после 18 ноября воспрепятствует военным поставкам в Италию, а может быть и в Абиссинию. На шуточное замечание Руднаи, а что скажет по этому поводу Мандел, Бергер ответил: пусть он осуществляет поставки, если желает, в другую страну, например, в Парагвай, а куда затем отправят военные материалы – это австрийское правительство не заботит⁹⁹. Такими обходными путями решался этот вопрос.

28 ноября 1935 г. в венгерской прессе появились сообщения о предстоявшем визите венгерского премьер-министра Д. Гёмбёша и министра иностранных дел К. Кани в Вену как об ответном визите за прошлогоднее посещение Венгрии руководителями Австрии. На следующий день “Мадярорсаг” и ряд других газет писали о дружественных отношениях и обмене мнениями между руководителями Венгрии и Австрии. “Пешти хирлап” утверждала, что на встрече обсуждали не только экономические и культурные, но и политические вопросы в связи с ухудшением англо-итальянских отношений, а также вопросы, касавшиеся и санкций. Корреспондент этой газеты узнал от министра иностранных дел Австрии Бергера-Валденега о намерении обсудить и отношения Австрии с Германией. В связи с этим газета отмечала: “На долю Венгрии выпала благородная задача содействовать смягчению австро-германских взаимоотношений”.

В последний день ноября газета “Будапешти хирлап” и другие сообщали о возвращении делегации из Вены в Будапешт, поместили заявление Кани, что он очень доволен результатами переговоров как по экономическим, так и по политическим вопросам. Но все эти газетные сообщения носили общий характер. Так официоз “Будапешти хирлап” писала: “Было достигнуто полное единодушие взглядов в духе Римских протоколов”. О полном единодушии по внешнеполитическим вопросам писали и “Фюгтетленгер”, и “Пешти хирлап”, а также “Уйшаг”, “Мадяр хирлап”, “Пешти наplo”, социал-демократическая “Непсава” подчеркивала, что вопросы европейской политики были главным объектом переговоров. В передовой статье национально-христианской газеты “Уй немзедек” сообщалось, что Австрия и Венгрия не могут существовать без дружбы, а “Мадяр хирлап” вещала, что венгерские руководители действуют в духе политической терпимости, соглашаясь на сотрудничество с Австрийской республикой.

О чем же не узнала или замалчивала пресса?

В дни пребывания венгерского премьера Гёмбёша и министра Кани в Вене их информировали о намерении канцлера Шушнига посетить Прагу. Для успокоения венгерских гостей им сообщили, что поездка не будет носить официального политического характера, только экономического, и “не планируется установление более тесного сотрудничества между двумя странами”¹⁰⁰.

Вызвана эта поездка была, прежде всего, боязнью аншлюса. У правителей Австрии сложилось впечатление, что все договоренности с посланником Германии в Вене Папеном являются его личной инициативой и не находят одобрения в Берлине, откуда требуют от Австрии “глайхшалта”, т. е. согласованности действий. На это австрийский МИД жаловался Руднаи, и тот решил переговорить с Папеном об австро-германских отношениях. Папен в ходе беседы подчеркивал, что в Берлине склонны к соглашению с Австрией. Руднаи предложил Папену сделать краткое недвусмысленное заявление одновременно австрийскому правительству в Вене и австрийскому посланнику в Берлине, что Германия не стремится к аншлюсу, не собирается вмешиваться во внутренние дела Австрии и не желает “глайхшалта”¹⁰¹.

В действительности же Германия как раз этого и хотела, а австрийское правительство цеплялось за любую соломинку для спасения независимости. Но это было непонятно венгерскому представителю в Вене.

Визит австрийского канцлера в Прагу состоялся 16–17 января 1936 г. Вокруг этой поездки печать стран Малой Антанты, Франции и Австрии подняла такой шум, который отнюдь не отвечал содержанию переговоров.

К. Каня спокойно наблюдал за визитом австрийского канцлера, он был уверен, что Шушниг не позволит втянуть себя ни в какую антивенгерскую акцию. О том, что он верит в добропорядочность Шушнига, венгерский министр заявил и германскому посланнику в Будапеште Маккензену. Как в Будапеште, так и в Риме знали, что австрийского канцлера на поездку в Прагу подтолкнула боязнь аншлюса. В венгерском МИДе располагали информацией о том, что в подготовке этого визита активное участие принимал и французский посланник в Вене, желая придать ему политический характер, а именно, дополнить истекший в мае договор об арбитраже абзацем о дружбе. В связи с этим К. Каня допускал, что Австрия может попасть в такое положение, несмотря на позицию канцлера, которое в конечном счете будет направлено против Венгрии.

22 января 1936 г. Руднаи был принят канцлером Австрии и получил информацию из первых рук о переговорах в Праге. Ранее он уже беседовал с министром иностранных дел Бергером. Сведения, которые

тот ему предоставил, после сопоставления их с информацией, полученной от канцлера, Руднаи считал поверхностными, неточными и противоречащими Шушнигу. Если Бергер заявлял, что Габсбургский вопрос и не упоминался, то по утверждению Шушнига чехословацкий премьер-министр Милан Годжа все таки его затрагивал. По экономическим вопросам чехословацкая сторона готова была уладить отношения двух сторон к общему согласию. Шушниг, по его словам (что не подтвердилось информацией Бергера), заявил Годже, что если экономические вопросы не будут соответствующим образом решены, то он не сможет продлить договор об арбитраже. Годжа высказал мнение, что дунайским странам нужно бы заключить двухсторонние соглашения. На замечание канцлера, согласно которому Вену с экономической точки зрения меньше интересуют Белград и Бухарест, чем Будапешт и Прага, министр иностранных дел Чехословакии ответил, что один чехословацко-австрийский экономический договор имел бы перед Берлином меньшую силу в защите экономических интересов, чем региональный, но такой договор не должен иметь антигерманскую направленность.

Годжа, по-видимому для передачи Будапешту, заявил Шушнигу: поскольку он друг венгров, с радостью приветствовал бы экономическое взаимопонимание между Чехословакией и Венгрией, ибо политическое урегулирование пока не представляется возможным. Шушниг ответил, что и Вена придерживается таких же взглядов¹⁰².

Придавая большое значение проблеме возможной реставрации Габсбургов в Австрии, венгерский посланник прислал К. Кане специальное донесение. В нем он писал, что канцлер Австрии ненароком заметил, в какой форме Годжа поднял этот вопрос: якобы белградский и бухарестский дворы, а также Прагу расстраивает стремление вице-канцлера Эрнста Рюдигера Штаремберга стать наместником после реставрации. Шушниг ответил Годже: хотя его промонархические взгляды общеизвестны, он не сделает шага, могущего обеспокоить соседей Австрии. Он не считал реставрацию Габсбургов актуальной, однако одновременно отметил, что его решение рассматривает как исключительно внутреннее дело Австрии. Канцлер просил своего чехословацкого собеседника вообще не упоминать вопрос Габсбургов, но по просьбе последнего согласился, чтобы его позиция доверительно была доведена до сведения Бухареста и Белграда¹⁰³.

Венгерский министр иностранных дел был весьма недоволен заявлениями вице-канцлера Австрии Штаремберга, возглавлявшего австрийскую делегацию на похоронах английского короля Георга V в Лондоне. 29 января 1936 г. он встретился там со Штарембергом и имел с ним беседу в основном о реставрации Габсбургов на Австрийском троне. Вице-канцлер сообщил Кане, что позиция Австрии по этому

вопросу прежняя, т. е. при полном сохранении монархической идеи нельзя спешить с реставрацией. Нервничавшему престолонаследнику Отто он посоветовал в течение нескольких лет совершить кругосветное путешествие, после чего, в новой политической обстановке, можно будет серьезно заняться вопросом реставрации. Последняя беседа, которую многие интерпретировали как прелюдию к скорому осуществлению реставрации, по словам вице-канцлера не имела иной цели, кроме как подтвердить, что он, Штаремберг, вообще не думает основывать династию¹⁰⁴.

В доказательство того, что Штаремберг в Лондоне перед журналистами сделал необдуманные заявления, К. Каня в записи своей беседы приложил текст написанной 31 января 1936 г. проживавшим в Лондоне журналистом Поповым статьи¹⁰⁵.

К. Каня венгеро-австрийским отношениям и событиям, обсуждавшимся на закулисных беседах в Лондоне, придавал столь большое значение, что, возвращаясь из Лондона, остановился в Вене и 4 февраля 1936 г. в столице Австрии состоялась его беседа с бароном Бергером-Валденегом. Венгерский министр информировал австрийского коллегу о своих впечатлениях от поездки. Но основная цель Кани заключалась в проблемах, непосредственно затрагивавших Венгрию. Его прежде всего интересовали поездка Шушнига в Прагу и роль герцога Штаремберга в Лондоне. Каня упрекал австрийскую печать за ее предвзятое освещение визита в Прагу. Газеты поднимали на щит в основном распространявшиеся из Парижа вести (затем их не опровергая), согласно которым Австрия разрывала дружеские связи с Италией и Венгрией. Следствием этого было то, что и венгерское общественное мнение поддавалось французской пропаганде и стало сильно сомневаться в искренности австрийской политики. Была распространена такая интерпретация австрийской внешней политики: "Потеряв поддержку Рима, Балл-Плац желает опереться на Малую Антанту и ее протектора Францию: он поступает так потому, что не может достичь соглашения с Германией и ищет сближения с антигерманскими странами"¹⁰⁶.

Не способствовала, по мнению Кани, развеиванию этого опасения и позиция австрийской делегации в Лондоне, которая заявила журналистам, что столь желанное Австрии сближение с Малой Антантой, которое стало бы мощным средством препятствия аншлюсу, не произойдет из-за венгерского ревизионизма. Упрекая Бергера за это, Каня напомнил ему обещание, данное в ноябре 1935 г. во время их с Гёмбёшем визита в Вену, исключить всякую возможность, чтобы венская печать интерпретировала визит в Прагу как акцию, направленную против Венгрии.

Каня не возражал против стремления Австрии к экономическому сближению с Чехословакией и Малой Антантой вообще, что, по его мнению, поддерживала и Англия, но решительно протестовал против возможного антивенгерского толкования визита в Прагу.

Италия сделала для Австрии больше, чем для Венгрии, и Каня считал, что Вена должна учитывать итальянские интересы хотя бы в той степени, как это делает Будапешт¹⁰⁷.

Венгерский министр иностранных дел через итальянского посланника Асканио Колонну информировал Муссолини об усиленной пропаганде, которую вела Франция в интересах приобщения Австрии к Малой Антанте, мотивируя это тем, что ослабленная войной в Абиссинии Италия уже не может быть опорой Австрии¹⁰⁸. При встрече Колонны с Гёмбёшем, глава венгерского правительства просил посланника, чтобы Муссолини отговорил австрийское правительство от сближения с Малой Антантой и “намылил бы ему голову” за поведение в последнее время¹⁰⁹.

Милан Годжа, ставший в декабре 1935 г. премьер-министром и министром иностранных дел Чехословакии, развил большую активность. Его стремления были направлены на экономическое и политическое объединение стран Дунайского бассейна, включая Италию и Германию. Венгрия последовательно выступала против этого плана, считая его творца, представителя аграрной партии Чехословакии, защитником интересов производителей продукции сельского хозяйства. Это в экономической области. А с точки зрения политической, венгерское правительство видело новую попытку упрочить статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе, т. е. не допустить пересмотра Трианонского мирного договора. Венгерский МИД, как и его зарубежные партнеры, считал план Годжи неосуществимым и обреченным. Против плана Годжи выступили Германия, Италия, Польша и Венгрия. Не соглашалась с ним внутри Малой Антанты и Югославия.

В то время К. Каня уже не скрывал своих истинных целей. В беседе с английским посланником в Будапеште Джеффри Ноксом он заявил, что Венгрия готова бы сотрудничать с Чехословакией по экономическим вопросам, но пока не считал “возможным политическое сотрудничество между дунайскими странами. Нельзя требовать от страны, которая по мирному договору потеряла примерно 3/4 своей территории, чтобы она покрыла пеленой забвения прошлое и искренне сотрудничала с отдельными соседями”. Подытожил Каня беседу так: “По моему мнению, нет никаких шансов политического сближения”¹¹⁰. Однако получив из Белграда сообщение, что правительство Югославии готово на политическое сотрудничество путем соглашения о взаимопомощи, К. Каня не успокоился, пока не проверил эти сведения через посланни-

ка в Берлине (где Венгрию к этому времени вместо Маширевича представлял Дёме Стояи, недавно изменивший свою прежнюю фамилию Стоякович).

Собравшиеся в январе 1936 г. на похороны Георга V политические деятели многих стран повели переговоры по политическим вопросам сначала в Лондоне, а затем и в Париже. Венгрию на похоронах представлял К. Каня. 27 января 1936 г. он посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Роберта Ванситарта. К. Каня с самого начала беседы поднял вопрос о санкциях против Италии и позиции Венгрии по этому поводу. Он в качестве довода, почему Венгрия выступила против санкций, приводил тот факт, что Лига наций не защитила Венгрию, когда ей угрожали страны Малой Антанты в 1921 г. в связи с попыткой Карла IV вернуть себе венгерский трон. И вообще, утверждал К. Каня, Лига наций очень непопулярна в Венгрии, в частности из-за ее безразличия к венгерским национальным меньшинствам в соседних странах. Позицию Венгрии венгерский министр объяснял и тем, что санкции были направлены против такого государства, с которым Венгрия уже годами поддерживала самую тесную дружбу, которое очень много делало в ее интересах как в экономическом, так и в политическом отношении, особенно в связи с последним югославо-венгерским конфликтом. Каня отметил ту критику, которая имела место в Англии из-за венгерской позиции, но выразил надежду, что в Англии уже поняли, что Венгрия иначе поступить не могла. Министр обращал внимание Ванситарта и на то, что падение престижа Италии сильно сказалось бы и на Венгрии, ибо полностью подчинило бы ее германскому влиянию.

Ванситарт беспощадно критиковал Муссолини за его войну в Абиссинии, против которой Англия его постоянно остерегала с февраля 1935 г. Заместитель министра не скрывал, что у Англии в отношении дунайских государств интерес незначительный и устремления Лондона направлены к тому, чтобы здесь не разгорелся пожар, который угрожал бы всему миру.

К. Каня информировал собеседника, что Венгрия кроме Италии поддерживает хорошие отношения с Германией и Польшей, но никаких обязательств в отношении этих стран она на себя не принимала. У нее только одно политическое соглашение — итало-венгеро-австрийский консультативный пакт от 1934 г.¹¹¹.

Через день К. Каня нанес визит и лидеру консерваторов, министру иностранных дел Англии Антони Идену. Беседа шла вокруг войны в Эфиопии, и на замечание Кани, что трудно было бы Францию склонить на войну с Италией из-за Абиссинии, Иден, выйдя из себя, заявил: “Я прав в том смысле, что 16-й пункт пакта французы на

практике хотели бы применить только против Германии, но я с этим ни при каких обстоятельствах не соглашусь". Затем, будто пожалев об этом, Иден заметил: "Мы старые друзья, и, может быть, я сказал вам больше, чем нужно"¹¹².

В беседе К. Кани с королем Эдвардом VIII 30 января 1936 г., который в 1935 г. дважды посещал Венгрию, они обменялись воспоминаниями, и новый король сообщил Кане, что недавно встречался с румынским королем Каролем, министром иностранных дел Н. Титулеску и югославским принцем-регентом Павлом, которые изложили ему свое мнение о положении в Центральной Европе и о ее возможном оздоровлении. Король просил министра проинформировать его, каким видит положение в Центральной Европе венгерское правительство. Кани сказал ему примерно то же, что и Ванситарту, и добавил, что положение Чехословакии осложнилось из-за германо-венгеро-итальянской дружбы и поэтому Прага ищет экономическое сближение с Будапештом. Венгрия в принципе готова идти на экономическое сближение со странами Малой Антанты. Но это будет трудно. "Союз мы не заключали ни с кем, но мы и не склонны кооперироваться против наших друзей"¹¹³.

Интересовался молодой король и австрийским вопросом. Кани, как обычно, повторил, что аншлюс неактуален, и положение австрийского правительства тяжелое, поскольку внутри страны ему приходится вести борьбу на два фронта — против национал-социалистов и социал-демократов. И если удалось до некоторой степени примирить социал-демократов путем предоставления им амнистии, то с национал-социалистами соглашения пока нет. По поводу австро-германских отношений К. Кани, сославшись на "информацию из немецкого источника", сказал, что видит определенные шансы для достижения соглашения между Веней и Берлином, хотя все еще наблюдается острое напряжение в отношениях между двумя народами.

Источник, на который ссылался венгерский министр, бы не кто иной, как барон К. Нейрат, с которым он встретился накануне. Из всех записей, составленных К. Каней по поводу серии встреч в Лондоне в конце января, в многотомный сборник внешнеполитических документов Венгрии была включена только одна, а именно: запись беседы с германским министром иностранных дел Нейратом, заявившим К. Кане о наличии возможности достичь соглашения Германии с Австрией, а также о том, что Гитлер уже готов сделать для Вены заявление о признании за Австрией полной независимости как во внутренней, так и внешней области, но с тем условием, чтобы Австрия сделала соответствующий жест в сторону австрийских национал-социалистов. Здесь Гитлер подразумевал прежде всего амнистию тем австрийским

национал-социалистам, которые, боясь наказания, бежали в Германию и причиняли ему там много трудностей.

На этой встрече Нейрат информировал Каню, что Муссолини предложил ему добиться соглашения с Веной путем прямых переговоров, а германский министр просил дуче довести это пожелание и до Вены.

Каня высказал уверенность, что канцлер Шушниг охотно заключил бы германо-австрийское соглашение; германский министр иностранных дел “немного нервно ответил, чтобы Каня проявил немного терпения”: он все сделает в интересах примирения и надеется устранить все еще имеющиеся препятствия.

Нейрат выразил сильное недовольство политикой Муссолини в Абиссинии, но затем сказал, что глава итальянского правительства сделал такие заявления германскому послу Ульриху Хасселу в Риме, которые несколько улучшили германо-итальянские отношения.

Это да еще сообщение о беседе Нейрата с английским королем, в ходе которой Эдвард VIII высказал намерение притупить антинемецкую направленность политики Англии¹¹⁴, до некоторой степени обнадежили К. Каню, хотя для него отмеченная тенденция в сближении Италии с Германией была не новой. Еще в конце 1935 г. немецкий посол в Риме Хассел принял венгерского посланника и выразил свою радость по поводу того, что решение Совета Лиги наций дает возможность Италии более свободно продолжать свою акцию в Африке. Преимущество как для Германии, так и для Венгрии Хассел видел в уменьшении возможности реанимировать фронт Стрезы в результате отказа от англо-французского проекта мира.

К. Каня выдвинул предположение, не наступило ли для Германии время привязать к себе Муссолини, который “презирает англичан, да и от французов не ждет многого”. Хассел считал это нужным, но в то же время, ссылаясь на две аналогичные попытки со стороны Германии, оставшиеся без ответа, высказал мнение, что дуче еще не желает порывать с Францией. Когда посол поинтересовался, каким путем можно бы это сделать, Каня рекомендовал не поднимать шума вокруг попыток сближения. Он предлагал оказать экономическую помощь Италии, что усилило бы ее способность сопротивления, а Германия заслужила бы такую благодарность, которая создаст душевные предпосылки политического сотрудничества.

Посол ответил, что Германия охотно на это пошла бы, но не может отдать Италии товары даром или за лиры. Но он был уверен, что в Берлине не уклонились бы от “искреннего” заявления о невмешательстве в дела Австрии, если бы это сделала и Италия¹¹⁵.

Уже в январе 1936 г. венгерский посланник в Риме Фридьеш Виллани информировал К. Кано о переданной Муссолини благодарности Германии за экономическую и политическую помощь в войне против Эфиопии. Дуче заверил Хассела, что Италия не вернется к фронту Стрезы и свою политику будет строить в соответствии с той помощью, которую оказало ему гитлеровское правительство.

Корреспонденты германских газет из Рима передавали на основе полученных от Хассела ответов, что Муссолини якобы прямо заявил: его политика в отношении Германии была ошибочной и в будущем она будет совсем иной. По мнению журналистов, это означало: Италия откажется от борьбы против аншлюса¹¹⁶.

Эти предположения содержались и в донесении Виллани о встрече с Муссолини 23 января 1936 г., на которой дуче, кроме того, выразил готовность поставить Венгрии все обещанное оружие, чтобы события на застали ее врасплох¹¹⁷.

В январе 1936 г. новый венгерский посланник в Берлине Дёме Стояи наносил визиты своим зарубежным коллегам и видным деятелям Германии. Американский и французский послы высказали ему мнение, что в Европе чрезмерно большое значение придается вопросу политических границ, в то время как следовало бы иметь общую цель — создание больших экономических объединений. Д. Стояи также считал преимущественным уравновешенное экономическое положение в Карпатской долине; а в беседе с американским послом добавил, что нерешенные проблемы национальных меньшинств по всей Европе являются одним из главных препятствий политической консолидации. И когда американский посол (историк по образованию) сослался на идеи Вудро Вильсона, Д. Стояи пытался убедить его, что беда как раз в том и заключается, что при подписании мирных договоров идеи Вильсона учтены не были.

Польский посол в Берлине в беседе со Стояи выразил симпатии к Венгрии и рассказал о тех дружественных связях, которые установил в Варшаве, работая в МИДе с венгерским посланником Шандором Беличкой и советником посольства Арно Бобриком¹¹⁸.

Французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсэ нанес Д. Стояи 23 января ответный визит. На этот раз он заявил, что считает внешнеполитические цели премьера Гёмбёша опасными, поскольку премьер-министр вместе с поляками стремится задушить Чехословакию и установить общую венгеро-польскую границу. А это содержит в себе большую опасность, «особенно для Венгрии». Стояи оправдывал Гёмбёша, изображая его миротворцем, а положение в Словакии и Рутении считал тяжелым из-за того, что пражские власти так и не предоставили им автономии, предписанной мирным договором. Стояи добавил, что че-

хи не обеспечили прав и венгерскому национальному меньшинству (Стояи преднамеренно преувеличил его численность более чем в два раза). Этим Чехословакия, по мнению Стояи, несколько расшатала свою стабильность. Стояи выразил надежду, что “мудрая и понятливая французская нация в память Эльзас-Лотарингии раньше или позже поддержит мирную ревизию и осуществит обещание, данное в сопроводительном письме” (к Мирному договору. — *А. П.*). Посол и посланник обменялись мнениями и о Лиге наций¹¹⁹.

Из германских деятелей генералу Д. Стояи больше всех импонировал Г. Гёринг. В январе 1936 г. он дважды посетил его, и премьер Восточной Пруссии дважды начинал беседу с венгеро-югославских отношений. Гёринг установил, что югославы в одном конкретном вопросе уже отказались выступить совместно с двумя другими странами Малой Антанты против Венгрии. Он ссылаясь на информацию Густава Хенньеи, которую тот дал германскому посланнику в Будапеште, но вообще уступчивость югославам в отношении Венгрии он считал своей заслугой. Стояи, согласно указаниям своего МИДа, сообщил собеседнику, что венгерское правительство желает от Германии не посредничества в налаживании отношений с Югославией, а оказание на нее влияния, чтобы та была более восприимчива к венгерским пожеланиям, особенно в вопросе национального меньшинства.

Гёринг попросил дать список нерешенных венгеро-югославских вопросов и пообещал, что он сам выберет из них те, которые могут быть удовлетворены с его личной помощью. Обрадованный Стояи запросил у своего правительства такой список.

В ходе этой беседы затрагивались и венгеро-румынские отношения, которые в то время можно было охарактеризовать как полностью замороженные. В исторической литературе по этому периоду о них даже не упоминают. Гёринг информировал Д. Стояи о своей беседе с Г. Брэтиану, который заявил, что он, как и многие другие, против про-советской политики Титулеску, но решительно они выступить не могут, поскольку Титулеску постоянно ссылается на венгерскую опасность, так как у Венгрии якобы имеется договор с Германией на случай румыно-венгерского конфликта. Гёринг, желая быть искренним, передал Стояи свой ответ Брэтиану: такого договора нет. Он также сказал Стояи, что и сам лично хочет воспрепятствовать румыно-советскому соглашению и полагает, что это было бы полезным и для Венгрии, которой он рекомендует найти путь примирения с Румынией.

Стояи в своем донесении, подытоживая свою беседу с Гёрингом, вновь подтвердившим известную германскую позицию, писал: “Они хотят хороших отношений с Югославией, Румынией и нами” и жела-

ют, чтобы “мы примирились с Югославией искренне, а с Румынией хотя бы формально”¹²⁰.

Документов, касающихся венгеро-румынских отношений, в венгерских архивах очень мало. Раздобытая венгерским посольством в Бухаресте запись беседы одного из лидеров венгерской партии в Трансильвании – депутата румынского парламента Белы Керестури с бывшим премьер-министром Юлиусом Маниу, направленная в Будапешт в виде письма с приложением к нему, как таковая, не годится в качестве официального донесения. В этой беседе Б. Керестури излагал жалобы на поведение румын в отношении венгерского национального меньшинства и из записи видно, как Маниу привык разговаривать с господами из венгерской партии¹²¹.

Министерство иностранных дел Венгрии направило своему посланнику в Бухаресте Ласло Бардошши для личного ознакомления запись о беседе министра К. Кани с Остином Чемберленом, в ходе которой Чемберлен от имени министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску передал: “Титулеску желает сближения Румынии с Венгрией, которое он себе представляет путем заключения политического перемирия на определенное венграми время. Одновременно надо стараться поставить венгеро-румынские торговые связи на более широкую основу”.

В то же время Чемберлен предостерегал Венгрию от попыток с помощью Италии, Германии и Польши путем войны вернуть себе утерянные территории. К. Каня просил Чемберлена передать Титулеску, что если будет у него серьезное предложение, “то мы изучим его с самым большим вниманием и доброжелательностью”¹²².

Интересно, что на запись беседы Кани с Чемберленом Л. Бардошши, посланник Венгрии в Бухаресте, отреагировал только через несколько месяцев, в марте 1935 г., послав Кане запрос, как вести себя по отношению к Титулеску, если тот затронет в беседе с ним предложение, переданное министру через О. Чемберлена. Поскольку встреча венгерского посланника с Титулеску намечалась на ближайшее время, он просил сообщить ему мнение МИДа шифрограммой¹²³. Каня тут же дал указание Л. Бардошши: если румынский министр иностранных дел поднял бы этот вопрос, показать себя информированным¹²⁴. Каня не дал ответа на еще одно место из запроса Бардошши: может ли он с Титулеску вступить в дальнейшую дискуссию по этому вопросу.

Но предполагаемая встреча в Бухаресте не состоялась, поскольку Титулеску выехал в Женеву.

О своей поездке в Лондон и Париж К. Каня информировал членов комиссии венгерского парламента по иностранным делам в первой половине февраля 1936 г. Он обобщил свои беседы с членами английского правительства и руководителями правящей партии, подчеркнул,

что те уже забыли об антивенгерской кампании, связанной с убийством в Марселе и интересуются более современной проблемой — сохранением мира, которую они намерены поддерживать через Лигу наций. Даже после принятия санкций против Италии Англия предпринимает меры, чтобы война в Абиссинии не вылилась в европейский конфликт. После провала плана Хора—Лавалья положение критическое, но не безнадежное¹²⁵.

Как сообщил Р. Ванситтарт К. Кане во время встречи в Лондоне в конце января 1936 г., Хор ждал критику, но не полагал, что этот план вызовет такую бурю протеста¹²⁶.

Политические деятели европейских стран после участия в похоронах Георга V переехали в Париж и обсуждали там ряд вопросов, в том числе Габсбургский, положение в Центральной Европе, проблему демилитаризированной Рейнской области, договор СССР—Франция и австрийский вопрос. По мнению Кани, высказанному на заседании парламентской комиссии, результаты их переговоров мировая печать чрезмерно раздула, а короче говоря — “гора родила мышь”.

В совещании в Париже принял участие и болгарский царь Борис, от которого там ждали заявления, что Болгария присоединится к Балканскому пакту, но этого не произошло. Не были достигнуты положительные результаты и в области экономической организации стран Центральной Европы, отметил Кани.

Министр иностранных дел Венгрии тоже находился в Париже, но, как он подчеркивал, “инкогнито”: поскольку он приезжал ненадолго, то не сообщил о своем пребывании французскому правительству. В парламентской комиссии свое поведение К. Кани объяснил так: сначала собирался участвовать в совещании и даже нанести визит вежливости министру иностранных дел Франции Пьеру Этьену Фландину, но когда убедился, что совещание не может привести к положительным результатам (из сообщений мировой печати вытекало, что оно якобы

* В истории дипломатии под соглашением Хора—Лавалья подразумевается план, разработанный министром иностранных дел Англии Сэмюэлем Хором и премьер-министром и министром иностранных дел Франции Пьером Лавалем в Париже 7–8 декабря 1935 г. по поручению Лиги наций и направленный на мирное урегулирование итало-эфиопского конфликта. Основу его одобрили правительства Великобритании и Франции. Этот план был направлен Совету Лиги наций, Италии и Абиссинии. Секретариат Лиги наций его опубликовал. Этот план содержал односторонние уступки Италии со стороны Эфиопии в территориальных и экономических вопросах и предоставление Эфиопии “с согласия Италии” узкой прибрежной полосы для выхода к морю. Он был не только отвергнут Эфиопией, но и вызвал сильную оппозицию в парламентах Англии и Франции и критику в других странах. В результате Хор вскоре был вынужден уйти с поста министра иностранных дел. План явился одной из причин падения кабинета Лавалья.

было направлено против друзей Венгрии), он считал нецелесообразным участвовать в нем. Кроме того, на совещаниях не было делегаций Италии, Германии и Польши. Кани считал, что эти великие державы, сильно заинтересованные в вопросах Центральной Европы, даже “видимость моего присутствия могли бы воспринять в плохом свете”¹²⁷.

Среди дружественных стран венгерский министр иностранных дел, как правило, всегда упоминал и Польшу, а если забывал, то оппозиция тут же его подправляла. Однако отношения эти были не столь безоблачными. С конца марта 1935 г. венгерским посланником в Варшаве был Андраш Хори. Вскоре, 12 мая 1935 г., умер Ю. Пилсудский, власть которого польская историография окрестила бонапартистской. Прогерманскую ориентацию, которая вообще в Польше не была популярной, ему прощали из-за его большого авторитета. Но несмотря на это, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек заявил Хори, что он продолжит политику Пилсудского и в связи с этим в отношении Венгрии будет проводить политику искренней дружбы. Венгерская сторона отвечала тем же. Как отмечал советский полпред в Будапеште А. Бекзаян в донесении заместителю наркома иностранных дел Н. Н. Крестинскому, смерть и похороны Пилсудского “послужили здесь в свою очередь поводом для шумливой демонстрации польско-венгерской дружбы”¹²⁸.

Ознакомившись с положением дел в Варшаве, А. Хори с удивлением установил, что информированность поляков о венгерских делах равна нулю. О культурной жизни Венгрии ничего не знают. Их познания не распространяются за пределы туманных исторических связей и хорошего мнения о токайском вине. В связи с изменившейся обстановкой в Европе почти все страны стали придавать Варшаве большее значение, о чем свидетельствовала и замена там дипломатических представителей лучшими силами¹²⁹.

Хори одну из причин повышения роли Польши в международных делах видел в выдвинутой Бекем во второй половине 1935 г. новой концепции блока стран Центральной Европы, в который не вошли бы Германия и Советский Союз. Центром его предполагалась Варшава, и хотя Лондон соглашался с этим планом, но считал Польшу слабой для его осуществления. По плану Бека в “третью Европу” вошли бы Румыния, Югославия, Венгрия, Италия и Карпатороссия¹³⁰. Но этот план в глазах венгерских дипломатов казался нежизнеспособным, не учитывавшим реальное положение, уже существовавшие там политические блоки.

В то же время А. Хори доводил до сведения польских властей о заинтересованности Венгрии в более тесных связях с Польшей, но, как видно из инструкции Кани посланнику в Варшаве, они пока ограни-

чивались культурными связями¹³¹. Аналогичная позиция имела место и с польском стороны. Польско-венгерское общество им. Батори, призванное действовать под покровительством министерства иностранных дел, на протяжении многих лет “не проявляло никакой деятельности”¹³².

А. Хори не в официальном донесении, а в письме министру иностранных дел решил изложить все, что думает о венгеро-польских отношениях. Прежде всего он отметил наличие симпатий к венграм в различных слоях и классах польского общества – это, заметил он, является следствием общего прошлого, но поляки мало знают о настоящем Венгрии, ее законных требованиях в отношении Трианонского мирного договора. Режим Польши, пока Бек является министром иностранных дел, не предпримет ничего во вред интересам Венгрии. По мнению посланника, и визит Гёмбёша в Варшаву был положительным явлением в отношениях между двумя странами. В известной мере позиция Польши в период марсельского дела и по вопросу Дунайского пакта была связана с этим визитом. В то же время Хори выделил ряд моментов, которые с его точки зрения были симптоматичны для оценки атмосферы в Варшаве.

Во время пребывания в Венгрии председатель венгеро-польской торговой палаты Хенрик Дроздовский произнес теплую, дружественную в отношении Венгрии речь, о которой писали и в венгерской печати. Но после возвращения в Варшаву (как он доверительно рассказал венгерскому посланнику) его вызывали в министерство иностранных дел и дали ему понять, что его заявления были несвоевременны. Редактор Е. Шуммер летом 1935 г. побывал в Будапеште и показал в польском посольстве текст на немецком языке своей предстоящей речи, а через пять дней, возвратившись из поездки по стране, хотел забрать доклад, но ему сообщили, что поскольку он носит политический характер, его выслали в Варшаву для согласования. Текст так и не возвратили, и редактор не смог сделать доклад.

Хори приводил целый ряд фактов, в том числе, как МИД Польши следил, чтобы награда Б. Хомана за заслуги в науке (он был и венгерским министром) не превратилась в политическую манифестацию, и как проправительственные газеты отказывались публиковать малейшую информацию, которую пытались разместить посольство.

Когда венгерская сторона предложила наладить обмен информацией по военной линии, то тоже натолкнулась на отказ в верхних эшелонах военного руководства Польши. По поручению, начальника генштаба венгерской армии военный атташе передал начальнику генерального штаба польской армии информацию о том, что в военных маневрах на территории Чехословакии принимали участие и румынские

воинские подразделения. Начальник генштаба польской армии поблагодарил за дружеский жест, но ответил: “Польша состоит в дружеских отношениях с Румынией. Уважение к союзу — это вопрос чести... До тех пор пока политическое положение не изменится, это предложение не может считаться своевременным”.

По мнению Хори, это официальное заявление начальника генерального штаба свидетельствовало, что и для военных единственно решающим являлся политический момент; он делал вывод, что пока у польского правительства имеются политические препятствия, не следует рассчитывать на серьезное военное сотрудничество.

Отсюда возникал вопрос, удастся ли венграм сотрудничество с поляками на политическом фронте. Хори считал, что уже имеются некоторые шаги. Прежде всего, польско-чехословацкие отношения постоянно обостряются. Затем, переговоры Титулеску с Советским Союзом подрывают ценность союза Польши с Румынией. Но Венгрия пока по силе не может его заменить. Однако каждый шаг сближения Румынии с Советским Союзом усиливает шансы венгеро-польских связей, и они могут стать “своевременными”.

Однако, делал вывод венгерский посланник, независимо от приведенных выше фактов, быстро развивающиеся события создадут такую ситуацию, когда венгеро-польское политическое сотрудничество само собой станет необходимым.

В качестве такой проблемы, по которой польская сторона готова сотрудничать с Венгрией, посланник называл “рутенский вопрос”. Перетянуть же общественное мнение на сторону Венгрии Хори надеялся через своего знакомого, редактора журнала “Наша припшлость” Яноша Бобринского (сына бывшего наместника в Галиции), который уже начал акцию с целью убеждения общественности Польши в необходимости установления общей польско-венгерской границы¹³³.

Несмотря на имевшиеся серьезные препятствия в налаживании тесных венгеро-польских отношений, начавшийся в период правления Пилсудского процесс сближения двух стран, хотя и медленно, но продолжался.

Хори даже получил совершенно достоверную информацию о наличии у польского правительства принципиальной готовности углубить польско-венгерские отношения, однако пока существовал польско-румынский союз, оно не могло сделать такой шаг, который привел бы к усилению напряжения между Варшавой и Бухарестом. Оно не хотело бы давать повод румынам, чтобы они и свое сближение с Советским Союзом могли вписать в счет Польше¹³⁴. В то же время, Бек был настроен против Титулеску. Заместитель Бека Ян Шембек сказал венгерскому посланнику Хори, что пока в Румынии внешнеполитические

дела возглавляет Титулеску, до тех пор он исключает возможность улучшения отношений между Бухарестом и Будапештом¹³⁵.

Румыния настолько интересовала Венгрию, что почти при каждом посещении НКИДа венгерским посланником в Москве Юнгертом-Арноти затрагивался румынский вопрос. Так, 11 ноября 1935 г. Юнгерт-Арноти посетил заведующего 2-м Западным отделом НКИДа Д.Г.Штерна и интересовался временем приезда в Москву Титулеску, а также будет ли подписан договор с Румынией; получив отрицательный ответ, он предлагал опубликовать в советской печати статью, посвященную Венгрии, в которой содержалось бы заявление о том, что Советский Союз относится к Венгрии положительно¹³⁶. На эту тему он беседовал также с заместителями наркома иностранных дел Н. Н. Крестинским и Б. С. Стомоняковым. В ходе этих бесед, как и с М. М. Литвиновым, он получал одинаковые ответы. Полученную информацию Юнгерт проверял и в румынских дипломатических кругах в Москве, там ему говорили то же самое, только добавляли, что Титулеску заинтересован в отказе Советского Союза от Бессарабии.

В беседе с М. М. Литвиновым 21 января 1935 г., как отметил Юнгерт-Арноти, речь шла о взаимоотношениях Советского Союза и Венгрии с Румынией, Чехословакией, Югославией, Польшей и Германией. Запись этой беседы в архиве МИДа РФ не обнаружена, а в донесении, составленном Юнгертом для МИДа Венгрии, отмечено, что в нем он остановится лишь на советско-румынских отношениях. Литвинов информировал, что визит Титулеску носит лишь характер вежливости и не предполагается подписание никакого договора или соглашения.

Юнгерт уверял, что общественное мнение Венгрии беспокоят советско-румынские отношения. Нарком заверил посланника, что у Советского Союза нет никаких особых интересов в Румынии. Румыния хотела подписать договор лишь раз, когда СССР предложил Восточный пакт, но Советский Союз отклонил ее предложение, поскольку Румыния не являлась соседом Германии.

Когда было сформулировано определение об агрессоре и принята по этому поводу Лондонская конвенция 1933 г., Польша предложила Румынии подписать с СССР пакт о ненападении, но тогда Титулеску считал его ненужным, поскольку его заменяет конвенция об определении агрессии. Литвинов сказал Юнгерту, что такой договор СССР с Румынией действительно не нужен. На вопрос посланника, имеет ли румыно-советский пакт антивенгерское острие, Литвинов ответил: "У нас нет никакого основания заключать антивенгерский пакт". Н. Титулеску знал о незаинтересованности в нем Советского Союза. Между тем, советское правительство не вело переговоров с Румынией о пропуске войск на помощь Чехословакии, если бы та подверглась нападе-

нию со стороны Германии. Литвинов считал, что Чехословакия должна сама позаботиться об этом¹³⁷.

Венгеро-советские отношения развивались очень медленно. Установленные в феврале 1934 г. дипломатические отношения потребовали целый год для раскочки, организационных мер, обустройства. Второй год ушел на изучение и знакомство дипломатических работников с обстановкой в странах, с позициями министерств иностранных дел по разным вопросам международных отношений. Об этом свидетельствуют шифрованные телеграммы и политические донесения с обеих сторон. В предыдущей главе приводились материалы, относившиеся к первой половине 1935 г. Добрая половина этих материалов касалась внутри-политических дел как в Венгрии, так и в Советском Союзе. Венгерское посольство интересовал и Коминтерн, особенно деятельность в нем венгров.

Предметом особого внимания венгерских дипломатов в Москве был советско-французский и особенно советско-чехословацкий договоры. Временный поверенный в делах Эгон Циндрич на основе беседы с Д. Г. Штерном 10 июня доносил в МИД Венгрии, что чехословацкий договор о взаимопомощи не имеет отношения к Венгрии¹³⁸. В шифровке в Будапешт за день до того сообщалось: "В беседе с ведущими деятелями я установил, что советско-чехословацкое соглашение о взаимопомощи не распространяется на возможный венгеро-чехословацкий конфликт. Поэтому Титулеску расстроено. Соглашение распространяется лишь на те страны, которые первоначально должны были войти в Восточный пакт"¹³⁹.

17 июня 1935 г. в телеграмме из Москвы в Будапешт говорилось: "15 июня в беседе с Литвиновым было выяснено, что чехословацко-советский договор не имеет никакого отношения к Венгрии. Он направлен лишь против Германии. СССР не будет поддерживать Малую Антанту против Венгрии, пока Венгрия не присоединится к Германии или к группе, состоящей из Германии, Франции и Италии"¹⁴⁰.

Каким представлялось положение в Венгрии временно исполнявшему обязанности посланника (полпреда) в Будапеште С. Мирному? По его донесению Н. Н. Крестинскому, неожиданная поездка премьер-министра Венгрии Гёмбёша в Берлин и его германофильский курс вызвали заметное недовольство "в некоторых кругах". Под этим, как свидетельствуют архивные материалы, он имел в виду прежде всего либеральную и легитимистскую оппозицию и часть сторонников Бетлена.

С. Мирный обращал внимание НКВД на неудачное выступление Велича в Лиге наций в Женеве, которое он сделал по поручению Гёмбёша в поддержку Италии против предложенных Англией санкций.

Гёмбёш пошел на этот шаг вопреки мнению Кани, высказанному на заседании венгерского правительства, в результате чего не было единства кабинета. Но все же К. Кания в своей речи в парламенте пытался смягчить впечатление от выступления Велича, точнее от занятой Венгрией позиции, и сделал реверанс в сторону Англии. Но и это не помогло.

Временный поверенный в делах Англии в Будапеште К. Грин получил 20–21 октября предписание Лондона сделать представление Кани по вопросу о позиции Венгрии в отношении санкций и о недовольстве, вызванном этой позицией в Лондоне. 22 октября в Будапешт прибыл новый английский посланник Д. Нокс, вручивший свои верительные грамоты 27 октября. В этом промежутке и был сделан демарш Грина¹⁴¹.

В декабре 1935 г. советское полпредство в Будапеште получило информацию о том, что и Нокс очень резко разговаривал с Гёмбёшем из-за выраженной прогерманской ориентации венгерского премьера¹⁴².

Если в записи беседы Юнгерта со Штерном в начале декабря 1935 г. венгерский посланник о поездке Гёмбёша и Кани в Вену говорил как о попытке согласования позиций о санкциях¹⁴³, то в середине декабря в письме А. Бекзаяна М. М. Литвинову подчеркивалось, что визит Гёмбёша и Кани в Вену не изменил позицию этих стран относительно санкций, но Гёмбёш добился смягчения отношений между Австрией и Германией¹⁴⁴. В беседе со Штерном 11 января 1936 г. Юнгерт заявил, что и в том случае, если санкции против Италии будут расширены, Венгрия по-прежнему не будет в них участвовать¹⁴⁵.

Советский посланник в Будапеште уделил внимание санкциям в отношении Италии и в донесении 25 января 1936 г., адресованном исполнявшему обязанности наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинскому. Он писал, что они привели Венгрию и Австрию к изоляции. После поездки Шушнига в Прагу эта изоляция стала для Венгрии особенно чувствительной и опасной.

Посланник отмечал, что в последней своей речи Д. Гёмбёш не употреблял выражений типа “Будапешт, Берлин, Рим” или “равноправие Венгрии в области вооружений”, “историческая роль Венгрии в Дунайском бассейне”. Объяснение этому А. Бекзаян видел в демарше, предпринятом английским поверенным в делах против Венгрии из-за ее антисанкционной позиции. Великобритания тем самым вынудила Гёмбёша призадуматься над вопросами своей внешней политики, а также искать сближения с оппозицией внутри страны, и в частности с И. Бетленом¹⁴⁶.

В донесениях и письмах советских дипломатов из Будапешта затрагивался также вопрос о том, как относятся в Венгрии к Советскому Союзу. В одном из них отмечалось: “Здесь царит уверенность, что

СССР вернулся к традиционной панславистской политике и стал палладином не только статус-кво в Дунайском бассейне, но и готовит дальнейшую экспансию славянства” в Юго-Восточной Европе. Националистические круги считали Германию естественным союзником против СССР и его панславистской экспансии.

Даже круги, отмечалось в этом документе, опасаящиеся сближения с Германией и территориального соседства с Третьей империей после эвентуального аншлюса Австрии, все же считают, что из двух якобы исторически фатальных зол для Венгрии – панславизма и пангерманизма – лучше выбрать меньшее, т. е. пангерманизм.

Зоологический страх перед старой Россией, писал С. Мирный, и вынужденная, ввиду славянской опасности, общность исторических судеб Венгрии с германизмом (иногда и с Габсбургской династией) чувствуется в любой строке, написанной буржуазным историком или политиком националистического направления. “Советско-чехословацкий союз и поддержка нами политической линии Малой Антанты только подтверждает, по мнению венгров, преемственность политики царской России”¹⁴⁷.

Тот же советский дипломат в беседе с французским военным атташе в Будапеште Аймаром Сенвилем 12 декабря 1935 г. подчеркивал, что “венгерские круги” рассматривают СССР как наиболее вероятного противника в грядущих войнах. Страх перед “славянской опасностью” настолько велик, констатировал С. Мирный, что венгры, сломя голову, бросаются в объятия Германии, дружба которой, как признают сами венгры, “может быть чревата большими политическими опасностями”¹⁴⁸.

Проблеме политической роли СССР в европейской политике и так называемой панславистской опасности уделялось много внимания в венгерской печати особенно после заключения советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. Если раньше только легитимистская газета “Мадяршаг” обосновывала панславистскую и пангерманскую опасность для судеб Венгрии и Австрии, да еще Э. Байчи-Жилински, в то время лидер партии им. Кошута, высказывался по этим проблемам, то в середине 1935 г. и И. Бетлен в духе ортодоксального легитимизма писал о возросшей политической активности СССР в Европе: “Я с большим беспокойством наблюдаю за все возрастающей доминирующей политической ролью России не только в северной части нашего континента, но и в Дунайском бассейне и на Балканах”. Бетлен утверждал, что Европа уже поняла: если не будет достигнуто соглашение по Дунайскому вопросу, то Австрия вынуждена будет

присоединиться к Германии. Он считал, что Европа должна воспрепятствовать Советскому Союзу стать хозяином положения в Дунайском бассейне.

“Мы, венгры, — продолжал Бетлен, — имеем особые причины протестовать против чехословацко-русского договора”. Этот договор, полагал он, мог бы потерять свое значение, если бы Карпатская Русь, получившая, согласно духу мирных договоров, автономию, голосовала бы за Венгрию или Польшу и запретила бы перелет военной флотилии (СССР. — *А. П.*) через ее территорию. “Но договор Прага–Москва в международно-правовом аспекте является препятствием для карпато-русов в осуществлении своей автономии”¹⁴⁹.

Полуофициоз, издававшаяся на немецком языке газета “Пестер Ллойд” заняла несколько иную позицию, чем Бетлен. В передовой “Сигнал опасности Бетлена” указывалось, что “теперяшняя Россия” не думает о продолжении панславистских традиций царизма, а является активным помощником французской политики безопасности. Гитлеровская Германия угрожала России и поэтому Советский Союз вынужден был искать поддержки Франции. Вся эта теория о возрождении российского панславизма “вызывает весьма скептическое отношение”. На договор Советского Союза с Чехословакией газета предлагала смотреть и с точки зрения Венгрии, а именно: что среди государств Малой Антанты есть и Румыния, т. е. неславянская страна. Если раньше Малая Антанта объединилась против Венгрии, то теперь, в день 15-летия Трианонского мирного договора, это единство в известной мере подорвано, а международное положение улучшилось.¹⁵⁰

На следующий день в той же газете к дискуссии подключился председатель комиссии по внешнеполитическим делам верхней палаты парламента Алберт Берзевици. В статье “Вопросы о русской опасности” он, с одной стороны, поддерживал Бетлена, а с другой — передовицу “Пестер Ллойд”. Он считал, что договоры СССР с Францией и Чехословакией укрепили Малую Антанту, патронируемую Францией, “а теперь и Россией”¹⁵¹.

Не прекращал выступлений против СССР представитель так называемой демократической партии Бела Фабиан. На этот раз он поддержал статью Бетлена и продолжал критиковать правительство за установление дипломатических отношений с СССР, за приглашение его правительства в Лигу наций, за антивенгерскую позицию СССР в венгеро-югославском конфликте¹⁵².

В эту дискуссию был втянут и премьер-министр Гёмбёш. На замечания депутата Бела Фабиана об СССР он ответил, что Венгрия не заключила с СССР союза, а лишь восстановила дипломатические от-

ношения¹⁵³. Это результат реальных политических соображений, так как в Европе почти нет ни одного более или менее авторитетного государства, которое не вступило бы в контакт с СССР. “Порядка и справедливости ради, – заявил Гёмбёш, – необходимо отметить, что Литвинов в марсельской истории вступился за Венгрию”¹⁵⁴.

“Пестер Ллойд” почти ежедневно печатала доклады представителей различных политических направлений. Слово было предоставлено и легитимисту, стороннику политики сближения Венгрии со своими соседями, странами Малой Антанты, бывшему министру иностранных дел Густаву Грацу. Он считал, что новая перегруппировка сил делает невозможным сближение Венгрии со своими соседями – странами Малой Антанты, и напомнил, что австро-венгерское соглашение 1867 г. было средством борьбы с русской опасностью. Сотрудничество стран Дунайского бассейна также уменьшило бы русскую опасность. Поэтому “наши взоры должны быть обращены на Германию”. Он утверждал, что “так же думают и Италия и Румыния”¹⁵⁵.

На статью Г. Граца откликнулся Э. Байчи-Жилински. Он писал, что был первым, кто обратил внимание как на советско-французский, так и советско-чехословацкий договоры и сигнализировал, что вступление СССР в Лигу наций и усиление советской позиции в Чехословакии представляет опасность для венгров.

Хотя с точки зрения Венгрии необходимо внимательно следить за панрусской и панславянской опасностью, рассуждал он, все же нельзя упустить из виду опасность, связанную с южной политикой Третьей империи, предусматривающей поглощение Австрии¹⁵⁶.

Отвечая Байчи-Жилински, Г. Грац утверждал, что любая внешняя политика Венгрии, направленная против Германии, увеличивает опасность для самой Венгрии. Решая вопрос, с кем идти – славянами или германцами, Грац утверждал: “Мы должны предпочесть германский путь славянскому”¹⁵⁷.

В такой ситуации, при таком антисоветском настроении в стране полпредству СССР в Венгрии трудно было работать. Кроме официальных встреч (очень редких), у полпредства почти не было контактов с иными политическими, деловыми, научными и культурными кругами.

В годовом отчете полпредства за 1935 г. отмечалось, что министерства внутренних и иностранных дел Венгрии активно противодействовали налаживанию связей посольства с венгерскими политическими, общественными и научно-культурными кругами. Лично премьер Гёмбёш дал указание писателям избегать установления контактов с дипломатическими представителями СССР, а некоторым депутатам (“народникам”) прямо запретил знакомиться с ними. Тех,

кто хоть приблизился к посольству, обвиняли или в сочувствии к коммунизму, или в активном распространении коммунистической пропаганды¹⁵⁸. Поэтому и не удивительно, что в отчете о работе почти нечего было писать.

Почти во всех донесениях и в отчете видное место занимало дело М. Ракоши, который к этому времени более 10 лет просидел в Сегедской тюрьме, приговоренный к заключению после возвращения из Советской России. Но власти его отпускать не захотели после отбытия срока наказания и организовали над ним новый судебный процесс. С его адвокатом Рустемом Вамбери работники полпредства поддерживали связь. Вызвано это было тем, что еще на пути полпреда в Будапешт (он только добрался до Вены в ноябре 1934 г.) НКВД предложил ему немедленно по прибытии начать официальные переговоры с МИДом Венгрии об обмене Матяша Ракоши на знамена венгерской революционной армии 1849 г. Полпредство не было воодушевлено этим заявлением, в отдельных донесениях информировало о состоянии дела, но спешить не рекомендовало вообще, особенно в официальном порядке. С целью пажима на Будапешт на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. Ракоши был избран членом исполкома Коминтерна, но это подлило масло в огонь, и задуманная “делка” с обменом произошла только весной 1941 г.

Нечего было в отчете писать и об экономических связях. Москва не планировала открывать торгпредство в Будапеште (на чем настаивала венгерская сторона и особенно посланник СССР А. Бекзаян). Н. Н. Крестинский еще 26 февраля 1935 г. в письме полпреду Бекзаяну (отражая мнение не только НКВД, но и народного комиссариата внешней торговли) отмечал: “У меня нет большого оптимизма по поводу перспектив советско-венгерской торговли”. Но он все же надеялся, что кое-что в смысле налаживания торговли сделать, по-видимому, удастся. “Кое-что” удалось, и то не напрямую, а через посредников из других стран¹⁵⁹, хотя переговоры о платежном соглашении и компенсационном договоре на железнодорожное оборудование и были начаты. Регент Хорти лично предлагал фрахт венгерского речного плоскодонного флота, на котором можно было перевозить товары по Дунаю в порты рек на Украине без перегрузки в Галаце, но в то время иностранные суда на внутренние реки СССР не допускались.

Почти половина отчета полпредства в Будапеште за 1935 г. посвящена культурным взаимоотношениям двух стран. Они состояли в нескольких поездках. Советские ученые были приглашены на дерматологический конгресс в Будапешт, но прибыли к шапочному разбору с опозданием на 3 дня. Двухмесячная поездка по СССР профессора Будапештского университета, специалиста по административному праву

Золтана Мадяри, по мнению полпредства, была неудачной. Он собирал материалы для конгресса в Варшаве по административному праву. До того он побывал в США, Германии, Италии, где, соответственно, его принимали К. Хелл, Р. Гесс и Х. Шахт, а также Муссолини. В Москве Акулов, с которым он договорился о встрече, заболел, а другие не захотели его принимать. Он пытался встретиться с Л. М. Кагановичем, Г. Л. Пятаковым, Г. М. Кржижановским, но ему это не удалось.

В отчете как положительный момент было отмечено содействие перепечатке в некоторых изданиях выдержек из выпедшей в Москве книги Р. А. Авербух, посвященной интервенции царской России против венгерской революции в 1849 г.

Венгерский ученый из Сегеда, будущий лауреат Нобелевской премии А. Сент-Дьёрди ездил в Москву на физиологический конгресс. Но результатами этой поездки оказались недовольны правящие круги Венгрии. После возвращения из Москвы он выступил с публичной лекцией, в которой в благоприятном тоне высказался о положении в СССР. За это его упрекнули в симпатии к большевизму и указали на нежелательность его выступлений на эту тему в таком духе¹⁶⁰.

В 1935 г. советскому полпредству удалось установить хорошие отношения с работниками посольств Чехословакии, Англии, Турции, Румынии, а под конец года и Франции. Особенно близкие отношения были установлены с английским посланником Д. Ноксом.

¹ АВП РФ. Ф.77/ Оп.11. Д.5. П.4. Л.17–18.

² Там же. Л.28, 29.

³ Budapesti Hirlap, Pesti Napló, Függetlenség, Nemzeti Újság, Magyar Hirlap. 1935. 9.III.

⁴ АВП РФ. Ф.77, Оп.11. Д.5. П.4. Л. 37.

⁵ Budapesti Hirlap. 1935. 6.III.

⁶ Pesti Hirlap. 1935.5.II; Magyarország.1935. 5.III.

⁷ АВП РФ. Ф. 77. Оп. 11. Д. 5. П. 4. Л. 35–36.

⁸ Там же, Л. 44.

⁹ Újság. 1935. 19.III.

¹⁰ Függetlenség. 1935. 27.III.

¹¹ OL. K-84. 1935. 95. 8–12.I; Függetlenség, Nemzeti Újság, 8-órai Újság. 1935. 27.III.

¹² Népszava. 1935. 23.III.

¹³ Magyarság, Pesti Hirlap. 1935. 23.III.

¹⁴ Pesti Napló. 1935. 23.III.

- 15 ABП PΦ. Φ. 77. Оп. 11. Д. 5. П. 4. Л. 67.
- 16 Там же. Л. 82.
- 17 Там же. Л. 69, 70; Φ. 05. Оп. 15. Д. 29. П. 106. Л.48, 49.
- 18 Pesti Napló, 1935, 3.IV.
- 19 ABП PΦ. Φ.77. Оп. 11. Д. 5. П. 4. Л. 4.
- 20 Nemzeti Újság. 1935. 23.III.
- 21 Népszava. 1935. 29.V.
- 22 Új Magyarország. 1935. 29.V.
- 23 OL. K-64. 1935. 21. 51. 1–6.l.
- 24 Ibid. 105 (83). 1–2.l.
- 25 Ibid. 83. 4–5.l.
- 26 OL. FT. 10926.d. 9722/E 683572–683586.
- 27 OL. K-83. 1935. 61.pol. 1099–1100.l.
- 28 OL. K-84. 1985. 21. 257.1–2.l.
- 29 Ibid. 3–4.l.
- 30 OL. K-64. 1935.21. 354. 3–7.l.
- 31 Ibid. 344. 5–8.l.
- 32 Az 1935.évi április hó 27-re hirdetett Országgyűlés Képviselőházának Nalója. Bp., 1936. II.k. 99.old.; Népszava. 1935. 29.V.
- 33 The Times. 1935. 27.V; Népszava. 1935. 28.V.
- 34 Horthy Miklós. Emlékirataim. Buenos Aires, 1953. 161. old.
- 35 OL. K-64. 1935. 21. 405; ADAP. C. IV. 146.
- 36 Pritz Pál. Op. cit. 220–221.old.
- 37 Függetlenség. 1935. 22.VI.
- 38 Népszava. 1935. 22.VI.
- 39 Budapesti Hirlap, Függetlenség, Népszava. 1935. 13.VIII.
- 40 A Reggel. 1935. 6.VIII.
- 41 Magyarország. 1935. 11.VII.
- 42 Esti Kurir. 1935. 6.VIII.
- 43 Esti Kurir. 1935. 9.VII.
- 44 Esti Kurir. 1935. 27.VII.
- 45 Magyarország. 1935. 18.VIII.
- 46 Függetlenség. 1935. 17.VIII.
- 47 ABП PΦ. Φ. 05. Оп. 15. Д. 29. П. 106. Л. 46–48.
- 48 Там же. Л. 65.
- 49 OL. FT. X-9581. 36119.t. (Венгерское посольство в Москве).
Political Reports of the Hungarian Ambassador in Moscow to the
Hungarian Foreign Ministry, 1935.
- 50 Ibid. Coded Telegrams. Embassy in Moscow – Hungarian Foreign
Ministry. 1935. 9, 10.V. № 6, 7, 8.

- 51 Ibidem.
- 52 OL. K-64. 1935. 21. 482. 1–4.l.
- 53 OL. K-83. 1935. 13. 1–2.l.
- 54 Ibid. 139. 1–2.l.
- 55 OL. K-64. 1935. 578. 7–11.l.
- 56 ABП PΦ. Φ. 05. Он. 15. Д. 1. П. 103. Л. 78–79.
- 57 OL. K-64. 1935. 578. 9–10.l.
- 58 Ibid. 11.l.
- 59 Ibid. 636. 1–3.l.
- 60 Ibidem.
- 61 OL. K-83. 1935. 148.pol. 1.l.
- 62 Ibid. 2.l.
- 63 *Pritz Pál*. Op. cit. 221.old.
- 64 *Petersen Jens*. Hitler – Mussolini. Die Entstehung der Achse Berlin–Rom 1933–1936. Tübingen, 1973. S. 426–429.
- 65 *Berend T. Iván, Ránki György*. Magyarország a fasiszta Németország “életterében” 1933–1939. Bp., 1960; *Ádám Magda*. Magyarország és a kisantant a harmincas években. Bp., 1968; *Kovács Endre*. Magyarlengyel kapcsolatok a két világháború között. Bp., 1971; *Juhász Gyula*. Magyarország külpolitikája 1919–1945. Bp., 1975; *Pritz Pál*. Op. cit.
- 66 OL. K-64. 1935. 21. 641.
- 67 DGFP. C. IV. 307.
- 68 *Berend T. Iván, Ránki György*. Op. cit. 131–132.old.
- 69 A Wilhelmstrasse és Magyarország... 107.old.
- 70 Ibid. 107–108.old.
- 71 Ibid. 109.old.
- 72 OL. K-27. 1935, okt. 5.
- 73 DGFP. C. IV. № 337.
- 74 OL. FT. 10937.d. 6147/E 460310.
- 75 A Wilhelmstrasse és Magyarország... 113.old.
- 76 Ibid. 113–114.old.
- 77 DGFP. IV. № 314.
- 78 OL. FT. 0586/E Politische Abteilung II. Italien 113/3 PO 3 B; Konflikt Aephiopien – Italien. Stellungnahme Österreichs und Ungarn in dem Sanktionen gegen Italien. Sept. 1935. – Mai 1936. 675622–675625.
- 79 Ibidem.
- 80 Új Magyarország, Budapesti Hirlap. 1935. 11.X.
- 81 *Pritz Pál*. Op. cit. 235.old.

- 82 ABП PΦ. Φ. 5. On. 15. Д. 29. П. 106. Л. 73.
- 83 Új Magyarország, Budapesti Hirlap. 1935. 11.X.
- 84 Esti Kurir. 1935. 12.X.
- 85 Függetlenség, Budapesti Hirlap. 1935. 15.X.
- 86 Esti Kurir. 1935. 15.X.
- 87 Budapesti Hirlap. 1935. 15.X.
- 88 Új Magyarország. 1935. 17.X.
- 89 Pesti Hirlap. 1935. 17.X.
- 90 OL. K-429. Adatgyűjtemény. 1935. IX. Az MTI 16.X. 1935 Házi tájékoztató.
- 91 OL. K-64. 1935. 23. 667. 655; K-63. 1935. 23/7. 2940.
- 92 OL. K-63. 1935. 23/7. 3043. 4–5.l.
- 93 OL. K-64. 1935. 23. 677. 1–3.l.
- 94 OL. K-429. Adatgyűjtemény. 1935. IV. MTI Házi tájékoztató. 1935, 16.X.
- 95 OL. K-63. 1935. 2/7 3304 (127); K-74. I, 1935. 7.XII.
- 96 OL. K-64. 1935. 20. 636; 637.
- 97 Ibid. 20. 723. 1.l.
- 98 Ibidem.
- 99 Ibid. 721. 1–2.l.
- 100 OL. K-64. 1935. 20. 637. 1–2.l.; *Kerekes Lajos. Anschluss 1938. Ausztria és a Nemzetközi diplomácia 1933–1938. Bp., 1963.*
- 101 OL. K-81. 1936. 1.főn. 1.l.
- 102 Ibid. 4.főn. 1–2.l.
- 103 OL. K-64. 1936. 20. 70. 1–3.l.; OL. K-81. 1936. 5. főn. (17.főn) 1–2.l.
- 104 OL. K-64. 1936. 20. 135. 1–2.l.
- 105 Ibid. 3–6.l.
- 106 Ibid. 130.3.l.
- 107 Ibid. 4–5.l.
- 108 *Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához. I. A Berlin–Roma tengely kialakulása és Austria annexiója 1936–1938. Bp., 1962. 81–82.old.*
- 109 Ibid. 127.old.
- 110 OL. K-63. 1936. 20/7, 788.
- 111 OL. K-64. 1936. 2. 131. 1–7.l.
- 112 Ibid. 132. 1–4.l.
- 113 Ibid. 136. 1–3.l.
- 114 DIMK. I. 94–95.l.; OL. K-64. 1936. 21. 134. 1–4.l.
- 115 OL. K-64. 1935. 23. 874. 1–3.l.

- 116 DIMK. I. 73–74.old.
 117 Ibid. 90–92.old.
 118 OL. K-83. 1936. 11. 1–2.1.
 119 Ibid. 15. 1–3.1.
 120 Ibid. 14. 4–6.1.
 121 OL. K-64. 1934. 380. 1–5.1.
 122 Ibid. 1936. 133. 10–11.1.
 123 Ibid. 199. 3–4.1.
 124 Ibid. 1–2.1.
 125 DIMK. I. 115–117.old.
 126 OL. K-64. 1936. 2. 131. 1–7.1.
 127 DIMK. I. 118–120.old.
 128 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. Д. 29. П. 106. Л. 47.
 129 OL. K-63. 1935. 17/7. 1800; 1987.
 130 *Kovács Endre*. Op. cit. 257.old.
 131 OL. K-63. 1935. 17/7. 2371; 2145; 2939.
 132 Ibid. 3956.
 133 K-64. 1935. 17. 696. 1–8.1.
 134 *Kovács Endre*. Op. cit. 261.old.
 135 OL. K-63. 1935. 17/7. 3436.
 136 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. Д. 29. П. 106. Л. 72.
 137 OL. FT. X-36100; Report of the Royal Hungarian
 Embassy in Moscow. 1935–1941. 1935. 29.pol. 1–8.1.
 138 Ibid. 8.pol.
 139 OL. FT. X-36199. Coded Telegrams Hungarian Embassy in
 Moscow to the Hungarian Foreign Ministry. 1935. № 32.
 140 Ibidem.
 141 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. Д. 29. П. 106. Л. 73–76.
 142 Там же. Л. 91.
 143 Там же. Л. 84.
 144 Там же. Л. 93–94.
 145 Там же. Оп. 16. Д. 42. П. 118. Л. 2.
 146 Там же. Д. 40. П. 118. Л. 1–2.
 147 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. Д. 29. П. 106. Л. 77–78.
 148 Там же. Л. 89.
 149 *Pesti Napló*. 1935. 2.VI.
 150 *Pester Lloyd*. 1935. 4.VI.
 151 *Pester Lloyd*. 1935. 5.VI.
 152 *Magyarság*. 1935. 3.VI.
 153 *Pester Lloyd*. 1935. 9.VI.

- ¹⁵⁴ АВП РФ. Ф. 77. 1935. Оп. 14. Д. 5. П. 4. Л. 137–138.
- ¹⁵⁵ Pester Lloyd. 1935. 9.VI.
- ¹⁵⁶ Pester Lloyd. 1935. 16.VI.
- ¹⁵⁷ Pester Lloyd. 1935. 20.VI.
- ¹⁵⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 43. П. 118. Л. 19.
- ¹⁵⁹ Там же. Оп. 156. Д. 28. П. 106. Л. 7–8.
- ¹⁶⁰ Там же. Оп. 16. Д. 43. П. 118. Л. 11.

Венгерская дипломатия в условиях назревания войны в Европе

В начале весны 1936 г., когда приближалась к завершению война в Эфиопии, венгерская дипломатия, перед которой еще не так давно маячила довольно мрачная перспектива, начала проявлять активность. После начала агрессии Италии в Абиссинии руководство Венгрии не без основания полагало, что Италия теперь долго не сможет заниматься европейскими делами и поддерживать венгерские территориальные претензии к ее соседям.

6 декабря 1935 г. венгерская газета “Мадяр вилаг” сообщила “о новом стиле венгерской дипломатии”. После итало-абиссинского конфликта венгерских посланников вызвали в Будапешт для получения инструкций. Руководители дипломатических миссий узнали, что венгерская дипломатия остается верна своей прежней политической линии, изменения коснутся только стиля. Это значило, что в области внешней политики Венгрия ограничится наблюдением и сбором информации, следовательно, воздержится от активных политических шагов и фактически превратится в дипломатию экономическую.

Но эти установки действовали недолго. В середине февраля 1936 г. стала очевидной скорая победа Италии. Международная обстановка благоприятствовала Муссолини в том смысле, что позволила ему опровергнуть слухи о вытеснении Италии из Дунайского бассейна и дала возможность, если понадобится, то и помешать австро-чехословацкому сближению. 17 февраля 1936 г. постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Д. Бакач-Бешпеньеи записал для сведения министра иностранных дел то, что сообщил ему премьер-министр Гёмбёш. Речь шла о посещении главы венгерского правительства итальянским посланником в Будапеште герцогом Колонной, который передал пожелание Муссолини встретиться с ним на итальянской земле. Гёмбёш ответил, что не хотел бы мешать дуче в его работе, но если тот желает, то он готов принять приглашение.

Одновременно Гёмбёш просил Колонну передать Муссолини просьбу “намылить австрийцам голову” за их несоответствующее духу Римских протоколов поведение в последнее время. Переговоры по Ду-

найскому пакту он предложил отложить до завершения войны в Эфиопии и высказал пожелание, чтобы его обсуждали представители трех стран, подписавших Римские протоколы, с привлечением к этому процессу и Германии¹.

Последний визит Гёмбёпа в Италию состоялся в ноябре 1934 г. Перед поездкой в Берлин в ноябре 1935 г. ему отсоветовали предварительно посетить Рим, дабы не выглядеть марионеткой.

24 февраля Колонна вновь посетил К. Каню после того, как побывал у Гёмбёпа. На этот раз по поручению Муссолини он информировал главу правительства и министра иностранных дел о встрече во Флоренции госсекретаря Сувича с министром иностранных дел Австрии Бергером-Валденегом. Итальянская сторона была весьма довольна, поскольку Бергер решительно заявил, что австрийское правительство и впредь будет считать основой внешней политики Римский пакт.

Опираясь на результаты переговоров во Флоренции, Муссолини предложил провести в Риме встречу трех глав правительств – Италии, Венгрии и Австрии с целью “углубления и расширения” их успешного сотрудничества в прошлом, для чего рекомендовал “как можно шире подготовить” предложения по этому поводу.

Гёмбёш выразил полное согласие с Муссолини, но высказал пожелание, чтобы встреча в Риме состоялась после уже намеченного визита Шушнига в Будапешт².

В конце февраля 1936 г. по поручению Муссолини Колонна подробно информировал Гёмбёпа и Каню о ходе переговоров Сувича с Бергером-Валденегом. Кроме того (об этом уже шла речь выше) Бергер заявил, что положение Австрии очень трудное и поэтому она заинтересована в поддержании добрососедских отношений с Чехословакией. Сувич в свою очередь постарался убедить австрийского министра, что устремления Рима, направленные на сближение Италии с Германией, ничего не меняют в политике Муссолини по отношению к Австрии.

Информируя о переговорах Шушнига в Праге, Бергер заявил, что наравне с желанием сохранить хорошие отношения с Чехословакией, Австрия пошла бы и на сближение с Югославией уже и потому, что Чехословакия может оказать Австрии только несущественную поддержку³.

Обсуждали там и ряд других вопросов, в частности значение поездки Штаремберга в Лондон и Париж, австро-польские отношения. Сувич изложил свое видение международной обстановки, военных действий в Восточной Африке, из которого следовало, что ясной картины он себе представить не мог. Сувич допускал, что Муссолини вернется к идее воссоздания пакта четырех, но не исключал и выдвижение на первый план германо-итальянского сближения. (Из всей предыду-

шей деятельности Сувица было ясно, что эта последняя возможность ему была не по душе, и принятый Муссолини в будущем именно такой курс стоил Сувицу карьеры).

В ходе беседы с Бергером Сувиц рекомендовал австрийскому министру не принимать окончательных обязательств в отношении дунайских стран. В том же случае, если Австрия любой ценой желает ориентироваться на страны Малой Антанты, то ей лучше установить более тесные связи с Югославией, чем с остальными двумя странами⁴.

29 февраля в Риме сочли нужным еще раз попытаться восстановить полное доверие, для чего советник Франческо Якомони зачитал венгерскому посланнику Виллани оригинал записи беседы Сувица с Бергером, содержание которой не отличалось от того, что уже было известно венгерскому дипломату из вышеупомянутых источников⁵.

Несколькими днями позже К. Каня пригласил к себе английского посланника в Будапеште Д. Нокса и информировал его о предстоящих дипломатических акциях венгерского МИДа. Намеченный столь быстро ответный визит руководителей Австрии в Будапешт К. Каня объяснял громкой пропагандой, развернувшейся вокруг турне Годжи, целью которой было показать, что Австрия якобы отдаляется от Римского пакта 1934 г. и сближается с Малой Антантой, чтобы завершить окружение Венгрии. Визит руководителей Австрии в Будапешт должен был засвидетельствовать и то, что они не стремятся к улучшению отношений с Чехословакией за счет Венгрии.

По поводу предстоящей встречи глав правительств трех стран в Риме Каня заявил, что она будет только демонстрацией подтверждения прочности Римских протоколов.

Высказался министр и по поводу плана Годжи в отношении Дунайского бассейна. Если он и допускал возможность сотрудничества в экономическом плане, то начисто отвергал его в политическом отношении. “Политическое сближение между дунайскими странами, — заявил он, — пока не считаю возможным”.

Нокс ответил, что английское правительство приветствовало бы любое сближение между дунайскими странами⁶.

С этим мнением Нокса связана статья, опубликованная в “Будапешти хирлап”, озаглавленная “Берлин или Лондон”. В ней рассматривалась полемика в польской печати между “Курьером Варшавским” и газетой “Час”. Если первая, останавливаясь на Дунайском плане Годжи, писала, что Венгрия вынуждена выбирать между Берлином и Лондоном, то вторая выступила против этой точки зрения. Польша вела переговоры с Италией об упорядочении дел в Дунайском бассейне и не могла одобрительно относиться к тем, кто, не принимая в расчет

Италию и Польшу и опираясь на Советскую Россию, стремился решить их так, чтобы превратить Венгрию и Австрию в вассалов Малой Антанты. Дунайский план Годжи без содействия Венгрии – нереален. Но Венгрия не пойдет на урегулирование без Италии и согласования с Германией⁷.

На статью в “Нойе фрайе пресе” о предстоящей поездке Шушнига в Венгрию откликнулась “Немzeti уйшаг” статьей “Направление внешней политики Венгрии не изменилось”. В ней говорилось: когда Шушниг приедет в Будапешт, он получит возможность убедиться, что внешняя политика Венгрии не изменилась. Гёмбёш заявил: до решения спорного абиссинского вопроса нельзя продвинуться вперед в Дунайском пакте⁸.

Встреча руководителей Австрии – канцлера Шушнига и министра иностранных дел Бергера-Валденга с венгерским премьером Гёмбёшем и министром иностранных дел Каней состоялась 4 марта.

Шушниг начал с того, что торговый договор между Австрией и Чехословакией подготовлен и позволит сократить австрийский пассив на 15 млн чехословацких корун, т. е. на 15%. Будто оправдываясь, он заявил, что план Годжи не направлен ни против Италии, ни против Германии и рассчитан на размещение на английском рынке около 2 млн т излишков аграрной продукции дунайских стран.

В выступлении канцлера чувствовалась большая тревога в связи с решением Гитлера 7 марта 1936 г., направленном на демилитаризацию Рейнской области*. Вполне реально оценивая ситуацию, он полагал, что если немцам это сойдет с рук, следующей жертвой нацистской Германии будет Австрия. В связи с этим канцлер заявлял, что он не будет проводить антигерманской политики, но и впредь будет придерживаться Римских протоколов.

К. Каня свою позицию изложил довольно подробно, стремясь как можно яснее показать свое отношение к политике сближения с Малой Антантой (учитывая и попытки Австрии наладить связи с Чехословакией). К. Каня считал политическое сближение со странами Малой Антанты, за исключением Югославии, преждевременным. Любое политическое соглашение с Чехословакией нужно исключить. С Румынией это было бы трудно из-за сильной просоветской направленности политики Титулеску.

Против экономического сближения, в принципе, венгерская сторона не возражала, но предлагала пока удовлетвориться минималь-

* Гитлер совершил этот акт в отношении демилитаризованной Рейнской области в нарушение Версальского мирного договора 1919 г. и Локарнских соглашений 1925 г. и сделал еще один шаг в реализации своих агрессивных замыслов.

ными результатами, а не стремиться к Дунайской конфедерации. Нет ни малейшей возможности выработать программу типа плана Тардые, которая смогла бы соединить экономические интересы стран Римских протоколов и Малой Антанты. Следовательно, “от нас”, говорил Кания, не может исходить никакой инициативы, направленной на создание экономической Дунайской конфедерации, а если бы она исходила от Малой Антанты, то следовало бы отвечать, что увеличение товарооборота возможно только путем расширения существующих торговых договоров.

Кания предлагал до окончания войны в Абиссинии быть очень осторожными в отношении любых комбинаций, касающихся Средней Европы, и не предпринимать никаких консультаций с другими странами Римских протоколов. Он предлагал тщательно избегать любых заявлений или действий, которые Германия могла бы рассматривать как направленные против нее.

Отдельным пунктом венгерский министр иностранных дел записал: “Три государства совместно будут протестовать против любой попытки вовлечь Советскую Россию в комплекс среднеевропейских вопросов”.

В новой обстановке в Европе, да и во всем мире, вызванной действиями гитлеровской Германии — заявлением о ремилитаризации Рейнской области, дислокацией там вооруженных сил и другими мероприятиями военного характера, — как Шушниг, так и Бергер-Валденег полностью разделяли соображения Кания и заявили, что в будущем будут проводить внешнюю политику на основе этих принципов⁹.

Венгерский премьер-министр Д. Гёмбёш, воодушевленный действиями Германии, основательно готовился к “встрече трех” в Риме, планировавшейся на 24–26 марта 1936 г.

Однако поднимавшиеся в дипломатических кулуарах вопросы просачивались в печать и вызывали живой обмен мнениями. Как только утром 10 марта немецкое радио в обзоре печати подчеркнуло, что все венгерские газеты сочувственно восприняли германский шаг (речь шла о заявлении Гитлера 7 марта о введении войск в демилитаризованную Рейнскую область), в оппозиционной “Ешти курир” было опубликовано предупреждение, согласно которому для Венгрии было бы опасно в случае конфликта принять чью-либо сторону. Ссылаясь на слабость Венгрии и мирные цели, газета считала любой шаг, кроме как вместе с Лигой наций, самоубийством¹⁰.

И Всевенгерский союз студентов университетов и высшей школы призывал в своем Воззвании мира к Европе, принятом на заседании 13–

14 марта 1936 г., находившееся у власти старшее поколение не вести Венгрию к еще большей катастрофе¹¹.

О венгерской внешней политике в те дни печаталось немало газетных статей различного политического направления. В одной из них констатировалось, что в Лондоне в королевской палате собрались руководители европейских стран, чтобы обсудить положение дел в Европе, а в Будапеште за закрытыми дверями совещались премьеры и министры иностранных дел Венгрии и Австрии о том, что может произойти в столице Италии спустя два года после подписания Римских протоколов. “Есть две страны, — продолжала газета, — Италия и Англия, которые поднимали свой голос в защиту Венгрии”. Поэтому Венгрия не может стать на путь такой политики, которая противопоставила бы ее Италии или Англии, или привела бы ее в лагерь, враждебный этим двум государствам¹².

Аналогичной по духу была и статья Э. Байчи-Жилински о внешнеполитической ориентации Венгрии. Он отстаивал точку зрения, что Венгрия должна кооперироваться с Италией. Это послужит трамплином для коренной переориентации ее внешней политики на Италию, Францию и Англию. Он одобрил “мудрую” политику правительства в вопросе о санкциях против Италии и считал, что ориентация Венгрии на Италию должна стать альфой и омегой венгерской внешней политики¹³.

Иной точки зрения придерживалась “Пешти наplo”. Остановливаясь на предстоящей встрече руководителей трех государств в Риме, она подчеркивала, что Дунайская конфедерация приняла бы антигерманскую и антиитальянскую направленность, будучи одновременно благоприятной по отношению к Франции¹⁴. “Мадяршаг” считала недопустимым присоединение к этому пакту Чехословакии и Югославии, но в то же время подчеркивала, что было бы весьма желательно сотрудничество Германии с Римским блоком. Вена и Будапешт “не могут ввязаться в политику, враждебную Германии”¹⁵.

Венгерский посланник Д. Стояи 14 марта запрашивал венгерский МИД, как вести себя в случае, если германская сторона будет интересоваться венгеро-австрийскими переговорами и поездкой в Рим. К. Кания в ответной шифровке подчеркивал: переговоры в Будапеште подтвердили предположение, что австрийцы сохранят оправдавшую себя дружбу с Венгрией. Он высказал также свое мнение об их склонности к сближению с Германией, если бы та, кроме обещания о ненападении, дала еще какую-нибудь гарантию не взрывать существующий в Австрии режим изнутри.

В отношении предстоявшей поездки в Рим, Каня просил сообщить в МИД Германии, что первое приглашение из Рима Будапешт получил еще осенью прошлого года, но тогда визит был отложен и состоится сейчас, после повторного приглашения. Каня утверждал: еще нет определенной цели встречи, «она не направлена против планов Годжи», обсуждаться будут только текущие вопросы Римских протоколов и будет дано публичное подтверждение неизменности существования пакта¹⁶.

Уже через три дня К. Каня встретился в Будапеште с германским временным поверенным в делах Карлом Шнурре и кратко информировал его о беседах с австрийскими министрами в столице Венгрии. По его словам, Шушниг заявил, что не войдет ни в какие внешнеполитические комбинации, которые были бы направлены против Германии, и что самым большим его желанием было бы установление мира между Австрией и Германской империей. О предстоявшей встрече в Риме Каня заявил, что страны, подписавшие в Риме протоколы, засвидетельствуют свою солидарность против несвоевременных заявлений Годжи и других государственных деятелей Малой Антанты. Это будет сделано в письменном виде, только, сказал Каня, он еще не знает, в какой форме это произойдет: в официальном заявлении или в протоколе.

Наконец, венгерский министр иностранных дел добавил: всем ясно, что об организации дунайских стран без Германской империи и Италии не может быть и речи¹⁷.

На встрече в Риме 21–23 марта 1936 г., в отличие от первой (март 1934 г.), кроме глав трех стран присутствовали и министры иностранных дел Венгрии и Австрии. 21 марта Муссолини открыл совещание и подчеркнул необходимость дальнейшего расширения столь оправдавшего себя сотрудничества трех стран в политической, экономической и культурной областях. Он особенно выделил, что объединенные таким образом 60 млн человек могли бы оказывать заметное влияние как на политические, так и на экономические события в Европе. Руководствуясь этой идеей, Муссолини предложил участникам беседы переименовать итало-австро-венгерский договор о дружбе в Антанту.

Д. Гёмбёш полностью солидаризировался с идеей Муссолини и сообщил, что К. Каня подготовил проект, который в принципе совпадает с итальянскими предложениями и отличается только стилистически. Затем доложил результаты своих переговоров с Шушнигом и Бергером 13–14 марта в Будапеште. Результаты их подытожил так: 1) в настоящее время нежелательно сближение с Малой Антантой, но если бы она внесла такое предложение, то он готов присоединиться только на известных условиях (равноправие, национальные меньшинства и воз-

можность пропаганды); 2) в экономической области пока нет иной возможности, кроме подписания на двухсторонней основе договоров с каждой страной Малой Антанты в отдельности.

Затем Гёмбёш заявил, что Венгрии нечего ждать от **Франции**, поскольку та на 100% поддерживает требования Малой Антанты во всех областях. Поэтому он предложил расширить блок Римских протоколов скорее за счет привлечения Германии и, возможно, Польши. Не было у него возражений и против предложения Муссолини о создании таможенной унии.

Австрийский канцлер Шушниг согласился, что подписание Римских протоколов принесло хорошие результаты, поэтому, как он сказал, нельзя возражать против их расширения. По отношению к Малой Антанте взгляды Вены и Будупешта полностью совпадали, отметил канцлер. Различие между позициями Австрии и Венгрии состояло только в том, что Австрия не стремилась к ревизии и ее отношения с Берлином были еще очень напряженными.

Шушниг не видел возможности достижения двухстороннего соглашения между Веной и Берлином, ибо считал исключенным, чтобы Австрия, опираясь на собственные силы, могла добиться удовлетворительного соглашения с Германией. Она никогда не будет проводить антинемецкую политику, а если в связи с оккупацией Рейнской области будут одобрены санкции против Германии, не примет в них участие.

Все это Шушниг уже довел до сведения немецкого правительства через германского посланника в Вене Папена. Но он также настаивал, что Австрия ни при каких обстоятельствах не допустит немецкого вмешательства в свою внутреннюю политику. Он приводил примеры в доказательство того, почему германо-австрийское примирение возможно только на многосторонней основе (аресты в Вене австрийских нацистов и реакция Берлина). Шушниг останавливался и на отношениях Австрии с Чехословакией и Югославией в том аспекте, чтобы сохранить возможность дружественных переговоров с ними.

Венгерский министр иностранных дел К. Каня поддержал желание Италии расширить сотрудничество трех стран, подписавших протоколы, но он не рекомендовал применять содержавшееся в итальянском проекте название "антанта", а заменить его более мягким и приемлемым выражением "группа", с чем Муссолини согласился¹⁸.

Решения, принятые на встрече трех глав государств, были оформлены в качестве протоколов, дополняющих подписанные в Риме 17 марта 1934 г. В первом дополнительном протоколе 1936 г. речь шла о решении преобразовать содружество трех стран в группу и о создании с этой целью постоянно действующего взаимного консультативного органа¹⁹.

Несмотря на то, что глава итальянского правительства согласился с критическим замечанием К. Кани, все же итальянская печать изображала дело так, что якобы было заключено соглашение о союзе. В этих условиях венгерский министр иностранных дел пошел на инспирацию статьи в "Пестер Ллойд". В передовой подчеркивалось, что в результате переговоров в Риме была создана итало-австро-венгерская группа государств, но по существу это ничего не меняло в их отношениях, речь шла только о новой форме будущего сотрудничества. Создание же постоянного взаимного консультативного органа не означало образование союза. Не произошло никаких изменений в основной позиции стран-участниц, отвергавших всякую блоковую политику²⁰.

Принятие второго дополнительного протокола особых дискуссий не вызвало. По сравнению с протоколом 1934 г., он был наполнен новым содержанием. В нем зафиксировано, что ни одно из трех правительств "не будет вести никаких важнейших политических переговоров, относящихся к дунайскому вопросу, без предварительного контакта с остальными двумя правительствами, подписавшими 17 марта 1934 г. Римские протоколы".

Все три правительства полностью соглашались с полезностью расширения экономических связей с дунайскими государствами, но допускали его в то время только путем двусторонних соглашений²¹.

Пункт о необходимости предварительных консультаций с двумя другими странами был принят по предложению венгерской стороны. Венгры таким образом хотели еще раз в письменном виде закрепить частые заявления австрийских руководителей, что Австрия не пойдет ни на какие комбинации с Малой Антантой, направленные против Венгрии.

В третьем дополнительном протоколе указывалось, что постоянный консультативный орган будет состоять из министров иностранных дел трех государств, подписавших протоколы, и что он будет собираться тогда, когда пожелают этого три правительства²².

В исторической литературе обращали внимание на схожесть этого органа с тем, который с такой же целью был образован Малой Антантой в декабре 1932 г.

Дискуссия на совещании в Риме развернулась вокруг трех секретных пунктов, которые были подготовлены заранее. Замысел подписания тайного соглашения принадлежал тоже венгерской стороне.

Уже в первый день совещания министр иностранных дел Австрии Бергер-Валденег в связи с оглашением К. Каней проекта секретного протокола заявил, что австрийская сторона желала бы более подробно изучить третий пункт, который стал бы более приемлемым для авст-

рийцев, если бы в нем, наряду с Германией* и Польшей (т. е. странами, которых намерены пригласить присоединиться к Римским протоколам), была упомянута и Югославия²⁴.

Кроме того, барон Бергер в качестве условия согласия на третий пункт секретного протокола выдвигал также требование зафиксировать в нем гарантии независимости и целостности Австрии²⁵.

Настоящая дискуссия развернулась на второй день (22 марта) встречи во дворце Венеция в Риме. На этот раз канцлер Австрии Шушниг произнес пространную речь против идеи секретного протокола вообще, поскольку Австрия в принципе, о чем знают и за рубежом, против тайных соглашений и эту свою позицию не хотела бы нарушить и на этот раз. Первый и второй пункты тайного протокола он считал вообще лишними, поскольку в них "содержится недоверие Венгрии в отношении Австрии". Он заявил, что австрийское правительство всегда придерживалось, придерживается и будет придерживаться принципов, изложенных в этих двух пунктах, но считал совершенно неуместным отражать их в официальном документе. Он предлагал все идеи, содержащиеся в венгерском проекте секретного протокола, изложить в другой форме.

Муссолини в этой ситуации рекомендовал опубликовать все протоколы, в том числе и тот, который предполагался в качестве секретного, мотивируя это тем, что он не видит никакой опасности в том, если весь мир узнает, что "при расширении Римского пакта мы думаем прежде всего о Германии и Польше".

Однако когда Гёмбёш и Кания высказались за возможность принять предложение Шушнига, последний склонился к опубликованию всех пунктов проекта секретного протокола за исключением последнего предложения в третьем. Гёмбёш и Кания согласились с этим, после чего три министра иностранных дел переехали во дворец Киджи, в при-

* В течение двух лет, прошедших после подписания протоколов в 1934 г., Гёмбёш не прекращал усилия, направленные к тому, чтобы привлечь к Римским протоколам Германию или притупить их антинемецкое острие. Венгерские дипломаты включили этот третий пункт в секретное соглашение, желая угодить гитлеровцам. Венгры еще в 1934 г. предлагали эту формулировку, но она была отклонена итальянской и австрийской сторонами. На этот раз Муссолини склонялся в своей политике в сторону Германии. Он еще в январе 1936 г. дал обещание, смысл которого заключался в том, что после услуг, оказанных Германской империей Италии (дружеское поведение, помощь, особенно военными материалами, в том числе самолетами, корректное поведение германской печати), он изменит политику. Итальянская пресса интерпретировала это заявление Муссолини как прекращение борьбы против аншлуса²³. И если в 1934 г., когда венгерская сторона на совещании в Риме добивалась открытого приглашения к участию в Римских протоколах прежде всего Германии, Муссолини против этого возражал (о чем было известно Гитлеру), то на этот раз, в 1936 г., дуче согласился с такой формулировкой.

сутствии П. Алоизи согласовали окончательный текст протоколов и условились подписать их 23 марта в 6 часов вечера.

Но непосредственно перед подписанием Шушниц попросил слово, и, к немалому удивлению итальянских и венгерских министров, в длинной речи повторил свои опасения по поводу третьего абзаца второго протокола. Он много говорил об австрийском общественном мнении, которое он должен обязательно учитывать, о трудном положении Австрии и кончил тем, то этот абзац надо или совсем опустить, или содержащееся в нем выражение “среднеевропейские главные государства” заменить на “в Средней Европе, в первую очередь заинтересованные государства”.

В связи с этим Муссолини предложил употребить выражение “среднеевропейские государства”, что, согласно протоколу, “с радостью и удовлетворением” австрийские министры приняли.

Против высказался Кая, считая, что “это значило бы ни более, ни менее”, как политическое и экономическое сближение с государствами Малой Антанты, а Венгрия ни при каких обстоятельствах не может принять это, и в такой ситуации рекомендовал исключить всю эту часть из протокола. С этим согласились представители Италии и Австрии, после чего был подготовлен новый вариант протоколов. Но поскольку предыдущий был уже отпечатан, в тот день исправленный текст протокола только парафировали, а подписание окончательного варианта было отложено на следующий день путем опроса²⁶.

Следовательно, участники совещания в Риме подтвердили Римские протоколы 1934 г. и добавили к ним дополнительные протоколы. Инициатива Муссолини, направленная на превращение их в союз, не прошла. Также не была принята его идея о доведении экономических отношений до таможенной унии. Это не расстроило дуче. Он и без того достиг своей цели. Вокруг совещания была поднята большая шумиха в мировой печати, а это по замыслу Муссолини доказывало, что несмотря на высказывавшиеся сомнения по поводу возможного быстрого возвращения Италии к европейским делам из-за ее войны в Восточной Африке, она проявила способность не только сохранить Римские протоколы, но и углубить их. Он на большее и не рассчитывал. В тогдашней политике Муссолини “совещание трех в Риме” носило уже второстепенное значение. Он тогда уже больше интересовался окончательным выбором опоры, союза на будущее, и безнаказанность со стороны западных стран одностороннего нарушения Германией Версальского договора и Локарнских соглашений — оккупации демилитаризованной Рейнской области, все более склоняла его к мысли окончательно связать свою судьбу с гитлеровской Германией.

В связи с этим Муссолини уже не настаивал на фиксации в протоколе сохранения независимости Австрии. Его больше интересовала возможность засвидетельствовать свое согласие на привлечение к Римским протоколам прежде всего Германии и Польши. Но это не удалось отразить в протоколе. Была отклонена и попытка сближения со странами Малой Антанты. Решения государств Римских протоколов заставили руководителей многих стран мира ломать голову, когда в принятых документах они не обнаружили декларации о сохранении независимости и целостности Австрии. Два участника Римских протоколов уже больше думали о Германии и для достижения своих целей готовы были пожертвовать своим партнером — Австрией. Кроме того, члены венгерской делегации уклонялись от предложенной австрийцами формулировки еще и потому, что у Венгрии были территориальные претензии к Австрии. Венгрия не отказалась от мысли вернуть себе так называемый Бургенланд, который она считала частью Венгрии. Она не выступала за сохранение “целостности” Австрии и по этим соображениям.

Результатами совещания в Риме Гёмбёш и Каня были весьма удовлетворены несмотря на то, что в дополнительных протоколах не удалось заручиться поддержкой венгерских территориальных претензий в отношении соседних стран Малой Антанты. Создается впечатление, что Гёмбёша больше удовлетворяло и даже радовало то, что под влиянием событий 7 марта (ремилитаризация Рейнской области) он видел перед собой не колебавшегося между Францией и Германией Муссолини, а человека, стремившегося к созданию “абсолютно дружественной атмосферы” в отношениях с Германией.

Этим и объясняется тот факт, что К. Каня прежде, чем доложить своему начальству о результатах встречи, отправился на свидание к германскому послу в Риме Ульриху фон Хасселу и информировал его о ходе и результатах переговоров, подчеркивая, что вследствие этих договоренностей “более не смогут быть осуществлены планы типа Годжи или Гардье”, и выразил уверенность, что это “удовлетворительный результат” и с точки зрения Германии.

Рассказывая о позиции Шушнига и Бергера в ходе переговоров, Каня высказал свое твердое убеждение, что австрийцы, если им удастся помириться с Германией, немедленно прекратят заигрывание с Францией и Чехословакией и “во внешней политике будут полностью опираться на Германию”²⁷.

Шифрованную телеграмму Д. Гёмбёш направил в МИД Венгрии только после обеда 24 марта; он просил сообщить регенту и заместителю премьер-министра, что протоколы подписаны примерно “в задуманном нами духе”, “в ходе переговоров австрийцы предпринимали

отчаянные усилия против конкретных и величественных планов, с итальянцами наши мнения всегда совпадали”²⁸. Пространная телеграмма в остальном касалась малозначительных экономических вопросов.

Возвратившись в Будапешт, К. Каня информировал и германского посланника в Венгрии Ганса Маккензена в таком же духе, как и Хассела в Риме, а также он сообщил о том, что тайных соглашений в Риме подписано не было. Кроме того, К. Каня заявил, что сделано все возможное, и не безрезультатно, в отношении австрийских министров с целью склонить их к “примирению с Берлином”. Теперь черед за немцами, чтобы, используя настоящее благоприятное положение с соответствующей осторожностью, на основе продуманной политики “завершить то, что мы в Риме подготовили”²⁹.

Посланник Венгрии в Берлине Д. Стояи получил от постоянного заместителя министра Г. Апора в краткой шифрограмме довольно скудную информацию, смысл которой заключался в том, что по характеру и принципам старый пакт не изменился, отношения трех стран упрочились и они могут согласованно решать все вопросы через созданный постоянный орган, изменений в отношении возможности расширения протоколов на старых, известных условиях не произошло³⁰.

Д. Стояи получил хоть такую информацию, а большинство венгерских миссий за рубежом не получило никакой, или, в крайнем случае, довольно общую, ни о чем не говорившую. В то время Венгрия поддерживала дипломатические отношения с немногими странами мира — всего имелось 21 посольство Венгрии за рубежом. Информацию получали по отдельным вопросам один—два, от силы пять посланников. К. Каня придерживался тайной дипломатии, секретность считал успехом внешней политики. Он настоял на том, чтобы сохранить закрытыми заседания и парламентских комиссий (палаты представителей и верхней палаты) по иностранным делам³¹. Из венгерской прессы, которая приходила с опозданием, много почерпнуть было нельзя. Венгерские журналисты рассматривали “совещание трех” в Риме как продолжение встречи венгерских и австрийских государственных деятелей в Будапеште. Венгерские газеты, в зависимости от их политической приверженности в вопросах внешней политики, обычно подчеркивали те результаты встречи, которые наиболее соответствовали их политическим взглядам. В то время, как легитимистская “Мадяршаг” и католическая “Немзети уйшаг” особое внимание уделяли укреплению независимости Австрии, а либеральная “Эшги курир” указывала, что совещание в некотором роде восстановило “фронт Стрезы” и облегчило ориентацию Венгрии на Италию, Францию и Англию, фашистский

“Уй мадяршаг” подчеркивал, что оно открыло перспективы сотрудничества “трех” с Германией в разрешении проблем Центральной Европы. В одном они были солидарны все: совещание являлось контрмерой Венгрии против плана Годжи.

В конце февраля 1936 г. по поручению К. Кани венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти нанес визит наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову и упрекнул его в том, что советская печать смешивает политику Венгрии с политикой Германии, Польши и даже Японии. Венгрия, продолжал Юнгерт, “до сих пор” не приняла на себя никаких обязательств перед Германией, и ее дальнейшее поведение зависит от политики СССР. Венгрия хотела бы сохранить свои руки свободными, но это будет затруднительно, если СССР вступит в договорные отношения или сотрудничество с противниками Венгрии, и тогда последней придется искать где-либо покровительства. Литвинов ответил Югерту, что у него уже был подобный разговор с Каней в Женеве, “но тогда не было речи о возможности связывания себе рук в дальнейшем”³².

Нарком заявил, что он не помнит, чтобы советская печать когда-либо писала о формальных обязательствах Венгрии в отношении Германии, но газеты отразили мнение, возникшее и в других странах, о тесном политическом сотрудничестве между Германией и Венгрией. Подтверждалось это и поведением венгерской прессы, которая участвовала во всех антисоветских кампаниях наряду с Германией. В качестве примера Литвинов приводил кампанию в связи с обсуждением в Европе дунайской проблемы.

Нарком констатировал, что правительство СССР “до сих пор” не вмешивалось в разрешение этой проблемы и не запрашивалось на сотрудничество, занимало в этом вопросе весьма сдержанную позицию, тем не менее, венгерская печать “направила свои стрелы против нас”, а “не против тех, кто хотел вовлечь нас в центральноевропейские дела”³³.

Литвинов имел в виду и тот шум в европейской печати о замене Италии Советским Союзом в качестве гаранта в Центральной Европе, и реакцию венгерской печати (вроде статей в “Пестер Ллойд” “Европа и Россия”, “Волк в овечьем стаде”), в которой утверждалось, что цели внешней политики СССР и Коминтерна совпадают. “Великие державы совершили фатальную ошибку, приняв СССР в круг европейских держав”, – заявляла газета “Пестер Ллойд”. Она высказывала опасение, что СССР получит руководящую роль в Дунайском бассейне, где он может укрепиться³⁴. Нарком был информирован о потоке аналогичных статей в венгерских газетах.

Когда Юнгерт заявил, что Венгрия недовольна защитой Советским Союзом интересов Малой Антанты, но не смог привести ни одного примера, Литвинов разъяснил ему: если советское правительство защищает принципы укрепления мира, неделимость мира и коллективную безопасность, а Малая Антанга поддерживает те же принципы, то из этого не следует, что “мы защищали интересы Малой Антанты”. Если Венгрия, подобно Германии, “является противницей этих принципов, тогда, конечно, ее недовольство нашей политикой понятно”. Наконец, сказал нарком, и у СССР свободные руки, и никаких обязательств, противоречащих интересам Венгрии, СССР на себя “до сих пор не принимал”³⁵.

В связи с этой беседой Юнгерт-Арноти направил из Москвы в Будапешт три шифрованные телеграммы, а в дополнение к ним и донесение. В последнем Юнгерт сообщал, что в ходе беседы с Литвиновым обсуждались венгеро-германские и венгеро-русские отношения, антисоветский тон венгерской печати, роль Советского Союза в среднеевропейском вопросе, план Годжи и германо-итальяно-польские связи.

В качестве самого важного он отметил мнение Литвинова, что если Венгрия и не связана с Германией договорными отношениями, то ее поведение это не подтверждает, ибо Венгрия на практике во всем следует германской политике, что находит отражение и в венгерской печати. Дело дошло до того, что отдельные газеты предложили прервать дипломатические отношения с СССР. Литвинов поручил Бекзадяну сообщить венгерскому правительству, что если Венгрия этого хочет, он возражать не будет.

Что касается коллективной безопасности, Юнгерт пытался разделить позиции Венгрии и Германии, утверждая, будто участие в договоре о коллективной безопасности привело бы Венгрию в положение даже хуже того, в каком она очутилась по Трианонскому договору. К тому же Венгрия, в отличие от Германии, выступает против аншлуса.

Венгерский посланник доносил в свой МИД, что Литвинов разъяснил: Советский Союз не стремится к активной политике в Центральной Европе, но не хочет, чтобы туда и на Балканы устремилась Германия. По мнению Юнгерта, и Венгрия заинтересована в мирном упорядочении в Центральной Европе и рассчитывает в этом вопросе на Италию (Римские протоколы).

Юнгерт отметил реакцию Литвинова на эти заявления: “Ведь вы это не хотите делать без Германии”. Юнгерт сообщил об опасении наркома по поводу германо-итальяно-польских связей, которые “в любое время могут привести к соглашению”.

Из встречи с Литвиновым Юнгерт вынес впечатление: Литвинова беспокоит позиция венгерской печати в отношении франко-советского

соглашения и Восточного пакта, и он “и теперь еще стремится удержать Венгрию в стороне от Германии”³⁶.

Кроме того, Юнгерт-Арноти высказал предположение: нужно считаться с тем, что “Советский Союз в своей политике в Средней Европе в будущем в меньшей мере, чем прежде, будет принимать во внимание Венгрию”³⁷.

В трех шифрограммах, по сути, он сообщал то же, и даже подробней, чем в донесении. В конце третьей телеграммы (№ 14) он написал: «На мой вопрос, изменилась ли в последнее время его (Литвинова. — *А. П.*) позиция в отношении нас, тот, иронически улыбаясь, сказал, что ответит словами господина Кани: до сих пор пока нет. Особенно подчеркнул слово “пока”»³⁸.

Отношения Венгрии с Советским Союзом складывались довольно сложно. Еще в феврале 1936 г. А. Бекзаян информировал М. М. Литвинова, что дошедшие до Будапешта вести о лондонских и парижских переговорах, в частности о замене Италии Советским Союзом в качестве гаранта стабильности в Дунайском бассейне, “не на шутку взволновали венгров”. В таком повороте дел они усматривали “усиление нашего влияния” и активизацию политики Малой Антанты в дунайском вопросе в противовес Римским протоколам. Это, да еще переориентация Австрии на Малую Антанту, означало для Венгрии, по существу, отказ от ревизионистской установки ее внешней политики. “Сейчас здесь считают уже окончательного предрешенным наш (т. е. СССР. — *А. П.*) отход от ревизионистского фронта”, — отмечал Бекзаян, — и поэтому правители Венгрии особенно нервно реагировали на улучшение отношений СССР с Чехословакией. К тому же венгерские правящие круги предполагали, что дальнейшее сближение Румынии с СССР будет направлено против Венгрии³⁹.

Успокоение было внесено только газетными сообщениями “о провале” предложения о советском участии в дунайской проблеме. Поведение венгерской прессы и политических кругов свидетельствовало о резко отрицательном отношении Венгрии к активизации СССР в Дунайском бассейне.

В следующем своем донесении, на этот раз Н. Н. Крестинскому, в марте 1936 г. А. Бекзаян отмечал: если в связи с совещаниями в Лондоне и Париже, а также с турне Годжи “мы квалифицировали Венгрию, как страну находящуюся в изоляции, то теперь”, после провала этих совещаний и военных успехов Италии в Абиссинии, “вновь Венгрия активизировалась в Средней Европе в дунайских вопросах”.

Советский полпред обратил внимание и на то, что заявление К. Кани — Венгрия не присоединится ни к какому разрешению средне-

европейской проблемы без Италии и без согласия с Германией — получило в устах обозревателей “значение символа веры”⁴⁰.

Он обратил внимание на высказывание выходявшей в хортистский период самым большим тиражом бульварной газеты “Аз эшт”, будто Римская конференция трех государств “является смертельным ударом против Литвинова, который пытался разрешить дунайский вопрос без Муссолини”⁴¹.

Согласно записи беседы А. Бекзадяна с К. Каней в середине марта 1936 г., венгерский министр иностранных дел сослался на визит Юнгерта к Литвинову и успокоительные заверения наркома в отношении Венгрии. Указав на всю вздорность слухов о разрыве отношений, он сказал, что Венгрия не питает к СССР враждебных чувств, корректное отношение было бы обеспечено даже и при их наличии, а выпады прессы не должны инкриминироваться правительству Венгрии.

К. Каня, ссылаясь на поручение, данное им Юнгерту для передачи Литвинову, счет нужным “снова торжественно заявить”, что у Венгрии с Германией, кроме известных симпатий и оживленных хозяйственно-культурных связей, “никаких договоров и никакой договоренности не было и нет”.

Кроме этого министр добавил, что в случае реальной угрозы Венгрии, вызванной помощью СССР Чехословакии и Румынии, Венгрия может быть поставлена перед необходимостью искать себе защиту. На эту заключительную тираду Бекзадян повторил слова Литвинова, сказанные им Юнгерту, что СССР поддерживает акцию мира вообще, а не Чехословакию, как таковую, против Венгрии⁴².

17 апреля 1936 г. С. Мирный, второе лицо после посланника в Будапеште, написал два донесения в Москву. Одно было адресовано Н. Н. Крестинскому, заместителю наркома, курировавшему Венгрию, другое — заведующему 2-м западным отделом НКВД Д. Г. Штерну.

В донесении заместителю наркома Н. Н. Крестинскому он оставался на вопросе участия Венгрии в Римской конференции. Он полагал, что в венгерской внешней политике усилилось “римское начало”, знаменовавшее победу бетленовской итальянской ориентации над гёмбёшской. Он обратил внимание на высказанное в печати членом Верхней палаты парламента Сонтагом предложение вовлечь И. Бетлена в активную политическую деятельность — назначить представителем Венгрии в Лигу наций и хвалил К. Каню⁴³.

Но тут же он высказал мнение, согласно которому примирение И. Бетлена с Д. Гёмбёшем возможно лишь при ослаблении политической деятельности правого крыла Национальной партии единства (Бела Мартон, Андраш Мечер, Иштван Антал), ибо Бетлен как экспози-

тор крупных помещиков, феодалов и будапештской либеральной буржуазии не потерпит хозяйничанья в правительстве и в правящей партии так называемого поколения реформ. Но Гёмбёш своих в партии не предаст⁴⁴.

В другом донесении, в адрес Штерна, он был более многословным. Он считал, что в тогдашнем венгерском правительстве при более-менее единой линии внешней политики, исходившей из таких общих установок, как равноправие в области вооружения, защита венгерских национальных меньшинств в странах-саксессорах и территориальная ревизия, все же существовали отдельные нюансы между тактикой Гёмбёша и Кани.

В знаменитом лозунге венгерской внешней политики “ось Берлин–Будапешт–Рим”, по мнению Мирного, германофил Гёмбёш делал уклон в сторону Германии, в то время как более осторожный Кани, учитывая конкретную международную обстановку, лавировал между обеими конечными пунктами “оси” и, в некоторой степени, являлся продолжателем политики Бетлена по линии более выраженной политической ориентации на Рим. «Мы поэтому склонны считать, что активное участие Венгрии в дальнейшем укреплении “группы трех” является, в известной степени, победой линии Кани над слишком прогерманской линией Гёмбёша»⁴⁵.

Однако, как свидетельствуют документы венгерского МИДа, это утверждение было слишком категоричным. Правда, Кани не восхищался положением дел в гитлеровской Германии, но он в ходе совещания в Риме верно проводил в жизнь замыслы Гёмбёша, направленные на сближение Италии с Германией, и даже опасался, чтобы эти две страны не пошли на сговор без посреднического участия Венгрии.

В этом же донесении С. Мирный отметил, что за все время после восстановления дипломатических отношений не приходилось переживать более острой антисоветской полемики, как в период атаки венгров на “план Титулеску”, согласно которому СССР якобы готов был гарантировать не только границы Чехословакии, но и западные границы Румынии против венгерских ревизионистских претензий. В связи с “планом Годжи” Венгрия почувствовала, что ей грозит полная политическая и хозяйственная изоляция в Дунайском бассейне. Если в самом начале войны Италии в Абиссинии в Венгрии и звучали отдельные голоса против отказа участвовать в антиитальянских санкциях (ибо это ослабляло позицию английских сторонников венгерских ревизионистов и являлось, по существу, антианглийским актом), то к моменту выдвижения планов Годжи и Титулеску (по времени совпавшему с итальянскими военными успехами в Африке) заявление Гёмбёша, что

“без активного участия Италии Венгрия не намерена приступать к обсуждению дунайской проблемы”, было поддержано всеми оттенками венгерской политической мысли⁴⁶.

Венгерская делегация ехала в Рим в надежде установить более тесные отношения, чем это вышло на самом деле, по крайней мере, она рассчитывала склонить Муссолини хотя бы в устной декларации поддержать некоторые ее конкретные ревизионистские требования.

В советском посольстве в Будапеште считали, что опубликованные в Риме дополнительные протоколы от 23 марта 1936 г. разочаровали местные политические круги. В частности, С. Мирный считал, что Венгрия в этом Римском блоке защищала идею расширения блока в сторону привлечения Польши и Югославии. И действительно, Польша фигурировала в планах венгерской делегации. Но в отношении Югославии интуиция подвела дипломата. Он даже утверждал, что группа Хорти–Гёмбёйла очень решительно проводила идею привлечения Югославии, и приводил историю инициатив венгерских правителей, начиная с речи Хорти в Мохаче в 1926 г. В действительности же венгерский премьер-министр вместе с министром иностранных дел настаивали на включении в Римской блок Германии. Убеждая Москву в правильности своей точки зрения, С. Мирный рассматривал этот вопрос с позиции сохранившихся противоречий между отдельными венгерскими политическими группировками. А именно: правые в правящей Национальной партии единства предлагали “глайхшалтунг” вместо аншлюса. По их замыслу, Венгрия должна была в этом вопросе стать посредником между итальянскими фашистами и германскими нацистами. Либералы и легитимисты различных оттенков высказывались против линии расширения блока в сторону Германии. Они склонны были рассматривать укрепление Римского блока не только как гарантию против экспансии панславянства, но и как панацею против пангерманизма, считая в то же время, что гарантии Италии по стабильности положения в Дунайском бассейне могут послужить трамплином для переориентации Венгрии на Францию в том, чтобы потом и Францию склонить к поддержке венгерской территориальной ревизии.

В этом и С. Мирный, по-видимому, не совсем был уверен, ибо когда перешел к рассмотрению последней проблемы, писал: “Несомненно одно”, а именно то, что ни одно из политических течений Венгрии не допускало возможности “ориентации или сближения Венгрии с СССР”; они пугались и пытались противодействовать активной роли Советского Союза в Дунайском бассейне, и Римским протоколам отводили роль барьера против проникновения влияния СССР в регион Юго-Восточной Европы.

Многие политические круги Венгрии считали, что судьба венгров тесно связана с Германией как наиболее сильным противником славянства и СССР. Э. Байчи-Жилински ставил на одну доску панславистскую и пангерманскую опасность и защиту против пангерманизма — видел не в СССР, а в западных странах — Франции и Италии. Легитимистские и либеральные группировки считали, что предстоит борьба между СССР и Германией за захват дунайских стран и что интересы будущей Дунайской конфедерации, в духе ли плана Тардье, Барту и т. п., лежат по линии ориентации Италии на Францию в противовес экспансии Германии и “троянскому коню” в лице СССР⁴⁷.

Как видно из фактов, приводившихся в данной книге выше, С. Мирный, как и те круги, о которых он писал, явно отставал от событий, поскольку к тому времени Италия отходила от Франции и устанавливала прочные связи с Германией. К тому же в НКИДе в Москве уже в начале апреля были обобщены материалы о Римской конференции и политике Венгрии. Подписал эти материалы заведующий 2-м западным отделом Д. Г. Штерн. Он удачно уловил, что Венгрия лишь частично удовлетворена результатами Римской конференции. Италия не завоевала в Дунайском бассейне новых позиций, лишь приостановила распад своей сферы влияния. Ей удалось не допустить далеко идущего сближения Австрии с Чехословакией и перехода Венгрии в германский фарватер. Основной результат Римской конференции Штерн видел в ограничении свободы действий Австрии в отношении Чехословакии и свободы действий Венгрии в отношении Германии.

В НКИДе в Москве справедливо считали, что Римский блок также непрочен, как и Малая Антанта. В Малой Антанте слабым звеном считалась Югославия, а в Римском блоке — Венгрия⁴⁸.

Венгрия решила в этой обстановке сохранить итальянскую карту, а не заменять ее германской. Причем это обосновывалось следующими обстоятельствами: успехом Италии в Абиссинии, заинтересованностью Франции и Венгрии в итальянской поддержке с целью ликвидации плана Годжи, необходимостью не допустить перехода Австрии в сферу влияния Малой Антанты.

Одновременно в НКИДе придерживались мнения, которое ни тогда, ни позже не отражало действительного положения вещей, относительно “нежелания Венгрии” преждевременно связывать себя с германской военной политикой, поскольку для маленькой Венгрии активная ревизионистская политика якобы была чревата опасностью. Также явно оказалось несостоятельным предположение, что когда Германия перейдет от подготовки к активной территориальной экспансии, неустойчивость Римского блока выявится целиком и “Венгрия покинет

Италию и Австрию". Жизнь оказалась сложнее, и события развивались не по этому сценарию. Венгрия не покинула Италию, а пошла с ней вместе в союзе с Германией.

И в действительности во внешней политике Венгрию от Италии и Австрии отличал ряд моментов. Прежде всего, это отношение к Чехословакии.

Политика Италии и Австрии была направлена на сохранение независимости Австрии, против Германии и лишь косвенно против Малой Антанты как экспонента Франции. Венгерская же внешняя политика прежде всего направлялась против Малой Антанты, и особенно против Чехословакии. В глазах Венгрии Германия была единственной силой, способной разгромить Малую Антанту, в первую очередь Чехословакию.

Эти противоречия особенно ярко проявились на Римской конференции. Шушницг выступал за австро-чехословацкое экономическое сотрудничество, Муссолини соглашался на некоторое австро-чехословацкое сближение, но под контролем Италии, а Гёмбёш высказывался против всякого австро-чехословацкого сотрудничества. Для Венгрии была неприемлемой даже итало-австрийская концепция сотрудничества с Чехословакией в бассейне Дуная. В то время, как Италия и Австрия рассчитывали использовать Чехословакию против Германии, Венгрия рассматривала Чехословакию лишь как объект своей ревизионистской политики.

Между Австрией и Венгрией противоречия обостряла и проблема ревизионизма. Для Австрии она имела лишь негативный характер. Венгрия придавала ей явно позитивные цели – восстановление Великой Венгрии. Италия, поддерживая венгерский ревизионизм, сохраняла осторожность в отношении восстановления Великой Венгрии, поскольку и она получила свою часть из наследия Австро-Венгрии. Германия тоже была не заинтересована в чрезмерном усилении Венгрии, но Германия в области внешней политики давала ей больший простор для маневрирования, чем Италия.

Римские протоколы не дали ожидаемых результатов и в области экономической. Внешняя торговля Венгрии с Италией и Австрией из-за автаркии последней значительно сократилась, и в то же время быстро рос торговый оборот с Германией. Италия могла экспортировать в Венгрию только второстепенные промышленные изделия, а Венгрия опасалась накапливать лиры из-за их обесценивания⁴⁹.

И в НКИДе уделяли внимание оценке результатов Римского совещания в различных политических кругах. Считалось, что правившая Национальная партия единства была удовлетворена тем, что Венгрии удалось избежать укрепления Малой Антанты по линии плана Годжи и

не допустить включения Советского Союза в политику Дунайского бассейна. Орган германофильского крыла Партии единства выражал беспокойство по поводу сужения сферы маневрирования Венгрии в отношении Германии.

Легитимисты и ПМСХ приветствовали результаты Римской конференции как ограничивавшие германскую экспансию. Они надеялись на новые возможности Венгрии в связи с желаемым итало-французским сближением.

Для либеральных группировок сотрудничество Венгрии с Италией было более предпочтительным, чем с Германией. Венгрия в то время надеялась, что после введения равноправия на вооружение Малая Антанга вынуждена будет под давлением Италии и Франции согласиться на равноправие Венгрии на вооружение легальным путем (нелегально оно фактически уже осуществлялось).

Венгерский МИД стремился сохранить промежуточные позиции, полагая, что время работает на него, и поэтому не спешил преждевременно связывать свою политику с Германией. В этом взгляды его и гитлеровского МИДа, который проводил аналогичную линию в отношении Венгрии, совпадали.

Венгрия надеялась на конъюнктуру, которая создастся в бассейне Дуная в тот момент, когда Германия приступит к осуществлению своего плана "нового порядка" в Европе, в том числе и Центральной, хотя в душе ее не было покоя, так как она понимала тотальный характер германской экспансии⁵⁰.

Венгерский посланник в Лондоне С. Маширевич в начале апреля 1936 г. имел беседу с полпредом СССР И. М. Майским. Последний затронул напряженное положение, возникшее вследствие ввода немецких войск в Рейнскую зону, и высказал опасение возникновения скорой войны, если не будут приняты меры против Германии через укрепление руководства Лиги наций. Если Гитлера не остановить, то следующая его акция будет направлена против Австрии. Нацификацию Австрии Майский считал однозначным актом с аншлюсом, что поставило бы Чехословакию в невыносимое положение и, если Франция не выполнит свои союзнические обязательства, Чехословакия попадет под верховенство Германии. Нацистская Германия на этом не остановится, продолжал посол, последуют Югославия, Румыния, Болгария (а когда он немного заколебался, посланник добавил: Венгрия) — словом, возродится старый план "Мител Европы" Фридриха Наумана до Балтийского моря с последующими экспансионистскими устремлениями на восток под германской супремацией. По мнению Маширевича эта судьба была уготована Версалем тогда, когда раздробили Австро-Венгрию, ведь малые государства, образованные на

развалинах монархии, не смогут противостоять германской экспансии⁵¹.

Маширевичу, с его антигитлеровскими настроениями, приятно было не только слушать ход рассуждений Майского, но и подробно сообщить это в МИД Венгрии. Однако зная общую внешнеполитическую линию правительства Венгрии, он в этом же донесении добавил: "В противоположность темной картине, набросанной передо мной послом Майским, я получил от здешнего представителя государства, граничащего с Советским Союзом, информацию, что Литвинов после обмена мнениями сегодня в Лондоне с министром иностранных дел Иденом и польским министром иностранных дел Беком возвратился в Москву в существенно более спокойном настроении"⁵².

Гитлер сделал решительный шаг, оккупировав Рейнскую область, но побаивался санкций Лиги наций и других мер, которые могли быть применены. Он предлагал создать на западе новые региональные союзы, а на востоке подписать двусторонние договора о ненападении, по образцу германо-польского, и даже высказал предположение о возможности возвращения Германии в Лигу наций.

Этот страх гитлеровцев передался и венгерским правящим кругам, но из-за возможности заключения соглашения между Германией и Чехословакией. У страха глаза велики. 15 апреля 1936 г. К. Каня лично передал находившемуся в Будапеште посланнику в Берлине Д. Стояи инструкцию по поводу возможного соглашения Германии с Чехословакией, подчеркивая, что такой договор о ненападении несомненно вызвал бы в Венгрии "очень плохое впечатление" и поколебал бы веру в немецкую дружбу. Каня напомнил, как в Римских протоколах Венгрия всегда отстаивала германские интересы, и если бы Германия вынуждена была подписать договор с Чехословакией, то Каня выражал надежду, что он не был бы долгосрочным, и для сглаживания в Венгрии плохого впечатления от этого надеялся на недвусмысленный дружеский жест Германии в сторону Венгрии. Со своей стороны, он внес следующие предложения: возможное присоединение Германии к Римскому пакту; венгерское общественное мнение полностью успокоило бы заключение венгеро-немецкого договора о дружбе, дополненного консультативным соглашением по интересующим обе стороны делам. Если эти предложения для немецкой стороны были бы неприемлемы, министр иностранных дел готов был удовлетвориться подписанием договора о дружбе по инициативе Германии⁵³.

Стояи еще не вернулся в Берлин и не проинформировал правительство Германии о полученном указании, как 21 апреля 1936 г. К. Канию посетил германский посланник в Будапеште, и венгерский министр, решив воспользоваться случаем, изложил Г. Маккензену то же

самое, хотя и в иной форме. Между прочим, говоря о плохом впечатлении, которое может вызвать германо-чехословацкий договор о ненападении, он употреблял такие выражения, как “удар в спину”, “в чрезвычайно трудных условиях”. В таких условиях, отмечал он, внутри Венгрии могут взять верх “антинемецкие, профранцузские элементы”. К. Кания к тому же заявил: “Я никогда не был сторонником слишком широкого афиширования за пределами страны венгеро-немецкой дружбы, но все же полагаю, что сдержанное поведение Германии по отношению к нам уже переходит все допущенные границы”. Далее он подчеркивал, что Венгрия годами трудится над тем, чтобы сблизить австрийцев с германцами, но в Берлине по этому поводу “получаем отказ или уклончивые ответы”. Кания хвалил позицию Италии и говорил о необходимости политической поддержки Венгрии со стороны Германии⁵⁴.

25 апреля 1936 г. посланник Д. Стояи посетил госсекретаря германского министерства иностранных дел Бернхарда Бюлова с целью выполнить указание Кани. Он говорил от имени правительства, стремясь исключить всякие недоразумения в отношении возможного германо-чехословацкого договора и окружения Венгрии. Выслушав предложения венгерской стороны, Бюлов отметил, что Германия особый вес придаст дружбе с Венгрией и с самого начала необходимо исключить все, могущее привести к охлаждению или отдалению “между нами”. Суммируя позицию Германии, госсекретарь сказал, что план мира Пьера Этена Фландина Германия не примет. Позиция ее не изменилась ни в отношении Западного Локарно, ни в отношении восточных пактов. На западе она не позволит никакого вмешательства в свой суверенитет, но готова заключить новое Локарнское соглашение сроком на 25 лет. На востоке сохраняет силу предложение о двухсторонних договорах о ненападении, следовательно, Германия и не приняла бы гарантий западных держав, хотя она и придерживается мнения, что Англия и без того не склонна в этом отношении брать на себя новые обязательства.

По мнению Бюлова, Германия в переговорах с Чехословакией требует исключения из русско-чехословацкого договора военных статей, что вряд ли будет приемлемо для чехословацкой стороны; германо-советское соглашение вообще сомнительно, а если бы Германия вынуждена была его заключить, то на какой срок – на 10, 15 или 100 лет, это совершенно несущественно.

Присоединиться же к Римским протоколам Германия пока не может, учитывая, прежде всего, Англию, в помощи которой Германия еще долгое время будет нуждаться. Следовательно, пока существует итало-английское напряжение, нет перспектив на присоединение Германии к

Римским протоколам. Бюлов пока не видел возможности потепления и австро-германских отношений.

Д. Стояи до некоторой степени оживился, когда на перечисленные им возможности заключения в той или иной форме соглашения хотя бы о дружбе, Бюлов заявил, что эти вопросы “можно бы обсудить”⁵⁵.

Это выражение — “можно бы обсудить” — обнадеживало венгерских дипломатов, которым в Берлине длительное время внушали, что гитлеровская Германия — противник пактомании, а теперь вдруг готова подискуссировать по этому поводу.

Венгерские дипломаты никак не могли уяснить, что Германия не готова брать на себя обязательства защищать интересы маленькой страны, пользы от которой для ее главных интересов виделось совсем немного. К тому же хортистская Венгрия была в конфронтационных отношениях со странами Малой Антанты и легко могла вовлечь Германию в такую авантюру, в которой нацист Гитлер был не заинтересован.

Вслед за этим Д. Стояи имел беседу с К. Нейратом по другому вопросу, на которой он вновь поднял весь комплекс этих проблем. Поскольку посланник столь назойливо возвращался к разговору на неприятную для германской стороны тему и каждый раз подчеркивал, что он действует по указанию своего министра, на этот раз К. Нейрат без всякой дипломатии прямо заявил посланнику, что “в настоящее время” не может быть и речи о заключении пакта о дружбе и консультациях. Отклонил он и возможность присоединения Германии к Римским протоколам, перечисляя ряд обстоятельств, и, наконец, заявил, что Германия не видит в этом никакого интереса для себя. Кроме того, Нейрат не скрывал намерения гитлеровцев прежде всего “упорядочить” германо-австрийские отношения, точнее, решить этот вопрос с точки зрения германских интересов⁵⁶. Наконец венгерское руководство поняло ситуацию и в ближайшее время не стало выходить с инициативой заключения германо-венгерского пакта.

Одновременно в круг вопросов, беспокоивших Венгрию в то время, вновь выдвинулось стремление добиться равноправия на вооружение. Между тем 1 апреля 1936 г. Австрия в одностороннем порядке объявила о восстановлении воинской повинности. Венгрия же не решалась поступить таким путем, надеясь легализовать процесс вооружения. В ходе вышеупомянутых бесед с руководителями германской дипломатии венгерская сторона пыталась прозондировать, какую позицию заняло бы германское правительство в случае, если бы Венгрия в одностороннем порядке провозгласила равноправие на вооружение. Как Бюлов, так и Нейрат обещали оказать Венгрии моральную под-

держку, но просили о времени такого поступка предварительно информировать германскую сторону. Венгерская сторона не была этим слишком воодушевлена, особенно если учесть, что и обещанная моральная помощь ограничилась бы публикацией одной статьи в германском внешнеполитическом журнале в поддержку венгерских требований равноправия в военной области. Венгерское правительство в то время могло рассчитывать на безоговорочную политическую поддержку только со стороны Италии, а может быть, и Польши. С германской стороны венгерская позиция по поводу ее претензий была принята во внимание только... "с полным пониманием"⁵⁷.

Реакция международной дипломатии и печати на эти замыслы Будапешта была однозначно отрицательной. По дипломатической линии МИД Венгрии сообщал, что не следует примеру Австрии, но не откажется от своего требования признания за Венгрией права на вооружение. Пока это не будет осуществлено, она не сядет за стол переговоров, ибо, как заявил К. Каня Милошу Кобру, без этого он не может себе представить даже "холодно корректные" отношения со странами Малой Антанты⁵⁸. Министр иностранных дел Польши одобрил эту позицию Венгрии. Чехословацкая печать в связи с этим обрушила новые массированные нападки на Венгрию, в ответ на что постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Г. Апор передал через Кобру в Прагу, что о сближении двух стран таким путем не может быть и речи⁵⁹, а Калман Каня дал указание своим посланникам в Берлине, Риме и Варшаве сообщить соответствующим правительствам о намерении Венгрии в скором времени восстановить равноправие в военной области"⁶⁰.

Венгерское правительство надеялось упрочить свои позиции, используя для этой цели визит премьер-министра Польши Зиндрама Маряна Косцялковского в Будапешт, состоявшийся с 23 по 26 апреля 1936 г. Польская сторона надеялась продвинуть дальше замыслы министра иностранных дел Ю. Бека о создании оси "Варшава—Будапешт—Рим"⁶¹, с одобрения Муссолини и Гитлера. Кроме того, стояла задача выяснить состояние процесса сближения Венгрии с Югославией при посредничестве Польши и наличие возможностей налаживания венгеро-румынских отношений⁶². Визит должен был продемонстрировать также заинтересованность Польши в решении среднеевропейских вопросов⁶³.

Поездка эта готовилась довольно долго, с начала года. 8 марта 1936 г. начальник канцелярии министра иностранных дел Польши Ст. Любенский написал письмо посланнику в Будапеште Станиславу Лепковскому, в котором информировал, что Бек уже не встретится с

венгерским премьер-министром до его поездки в Белград. 26 февраля польский посланник сообщил из Будапешта о том, что премьера Польши в Будапеште ждут, и выслал подробную программу его пребывания. 12 марта заместитель управляющего политическим департаментом МИДа Польши Тадеуш Кобылянский известил посланника в Будапеште о плане пребывания Косцялковского в столице Венгрии⁶⁴.

В апреле 1936 г. К. Каня подготовил материалы для беседы с польской делегацией. Прежде всего он намеревался информировать польских государственных деятелей о положительных сторонах дополнительных Римских протоколов, о предложении Венгрии расширить пакт, привлекая к нему Германию, Польшу, а затем и Югославию. Венгерский министр иностранных дел намеревался выяснить, склонна ли Польша после завершения периода кризиса в какой-либо форме присоединиться к Римским соглашениям, может быть, путем заключения договоров о дружбе и консультациях с каждой отдельной страной, входящей в этот блок.

К. Каня считал актуальным изложить польской делегации позицию Венгрии по вопросу Дунайского бассейна (о готовности подписать простые торговые соглашения с каждой отдельной страной региона, договора о ненападении и невмешательстве со странами Малой Антанты на определенных условиях – безоговорочное признание за Венгрией равноправия в военной области, – если положение Венгрии вследствие этого не ухудшится по сравнению с предписаниями Трианонского мирного договора, и даже готовы вести переговоры о подписании договоров о военной взаимопомощи с соседями, но исключительно в обмен на территориальную ревизию. Польское правительство раньше уже поддерживало эти условия и подтвердило их, в связи с чем К. Каня пытался установить, “каково вообще представление поляков об устройстве дунайских стран”).

Венгерский министр заявил, что не намерен копировать Германию и Австрию по проблеме вооружения, поскольку время для этого неподходящее. Поэтому венгерское правительство приняло решение не участвовать ни в какой дунайской конференции, пока не будет признано ее полное равноправие. В связи с этим венгерская сторона желала узнать, может ли она рассчитывать на поддержку Польши, если введет всеобщую воинскую повинность.

Интересовали Каню и польско-германские отношения, а также чехословацко-польские, в частности в связи с советско-чехословацким договором, а также открытие чехословацких аэродромов для советских самолетов. Министр хотел поделиться и своим удовлетворением по поводу совпадения взглядов и сотрудничества в Закарпатье, в част-

ности по согласованию деятельности финансировавшихся Венгрией и Польшей партий. Если бы Годжа предоставил Закарпатью обещанную автономию, Каня предлагал представителям партии И. Куртыка дискредитировать этот акт в чехословацком парламенте и сорвать его путем выдвижения таких условий, которые чехословацкое правительство ни в каком случае не могло бы удовлетворить. Каня полагал, что это могло бы быть требование предоставить Подкарпатской Руси такую автономию, какой пользовалась Хорватия в составе Венгерской империи. Министр намеревался выяснить, как оценивают с польской стороны возможность решения “рутенского вопроса” в будущем.

Венгерская сторона хотела из первых рук выяснить и состояние польско-румынских отношений, а также возможно ли провалить “планировавшийся военный союз” между Румынией и СССР. Интересовал Каню и целый ряд других вопросов, в частности англо-итальянские отношения и позиция Польши.

Особое внимание он предполагал в ходе бесед уделить венгеро-югославским отношениям, в которых проявились “признаки медленно-го улучшения”, ознакомиться с теми препятствиями, которые существовали на этом пути, и перечислить те меры, которые могли бы ускорить процесс сближения⁶⁵.

Как видно, обе стороны предполагали обсудить целый пакет вопросов. Однако сохранившиеся в архивах сведения о результатах переговоров в Будапеште очень скупы. На это могли оказать влияние и события внутри Польши (расстрел демонстрации во Львове 16 апреля – 16 убитых и 100 раненых), которые привели к отставке правительства Косцялковского 15 мая.

Венгерский посланник в Варшаве в беседе с германским послом в Польше Х. А. Молтке не был совсем искренним, когда пытался уверить его, что общая венгеро-польская граница не фигурировала на повестке дня переговоров в Будапеште, поскольку венгерское правительство не хотело ставить в щепетильное положение поляков. По другим вопросам информация Хори была точной⁶⁶.

Газеты продолжали печатать догадки и предположения о результатах переговоров. Наружу просочилось о них немного. Общим мнением было, что в Будапеште должны были подниматься вопросы ревизии, отношений с Советским Союзом и Чехословакией. Соглашение, предполагалось, было достигнуто только по одному вопросу. Косцялковский и Кобылянский сообщили Гёмбёшу и Кане, что свою акцию в Закарпатье ставят на службу целям венгерского правительства⁶⁷.

Полпред СССР в Будапеште А. Бекзаян пребывание Косцялковского в столице Венгрии считал активизацией польской политики в Дунайском бассейне. Руководство Польши было убеждено: “связанные

узами вековой дружбы и национальными идеалами, Польша и Венгрия являются гарантами западной цивилизации против грозящего с Востока варварства — большевизма”⁶⁸. Полпред информировал НКВД о разговорах в дипломатических кругах в Будапеште, о тайных переговорах Гёмбёша за спиной Косцялковского “с неким Кобылянским”, доверенным лицом Бека, по поручению последнего, которые длились 2 часа.

Эти слухи имели под собой основу. Член польской делегации Тадеуш Кобылянский, заведующий политическим отделом польского МИДа, сделал ряд заявлений, о которых в архивах МИДа Венгрии сохранилась запись от 25 апреля 1936 г. Кобылянский опроверг, как не соответствующие действительности, слухи, распространяемые из различных источников, что у Польши якобы были особые территориальные претензии к югу от Карпат. В отношении Закарпатья он сказал, что политические устремления венгерской и польской политики полностью совпадают, поскольку они стремятся к развалу единства чехословацкого государства. По многим вопросам, которые поднимались венгерской стороной, Кобылянский решение резервировал за Бекком.

На вопрос, продолжает ли польская внешняя политика выступать против системы взаимопомощи, Кобылянский ответил, что в этом отношении изменений не произошло, тем более что Польша не собирается “уступать положение равновесия, занятого между Россией и Германией”.

Чехословакию в Варшаве считали таким государством, которое полностью попало под влияние советской политики. В отношении же Румынии положение не прояснилось. Польская политика, на всякий случай, продолжала “трудиться над тем, чтобы удержать Румынию от союза с Советами”, считая это и венгерским интересом. Титулеску, бесспорно, сторонник советско-французской ориентации, и его поддерживали Ю. Маниу и царанисты. Против Советов выступали король, генштаб и другие правые элементы. Но Кобылянский выражал надежду, что сторонники Титулеску не будут иметь успеха.

В связи с сообщением венгерской стороны о достигнутых результатах венгеро-югославского сближения, Кобылянский заявил, что этот вопрос считали одним из важнейших на переговорах в Будапеште. Венгерские пожелания, переданные Хори, поляки постараются в период пребывания Бека в Белграде навязать югославам⁶⁹.

Едва закончились переговоры в Будапеште, как в Варшаве было проведено собрание, организованное Союзом государственной идеи. С докладом выступил глава Союза Янош Бобринский, который утверждал, что союз ЧСР и СССР угрожает Польше, а профессор из Вильнюса Ференц Боссовский высказался за союз с Венгрией.

Собрание приняло решение, что вследствие договора СССР-ЧСР возникла опасность, и потребовало от Лиги наций дать мандат Венгрии на Закарпатскую Украину (Подкарпато-рутенскую землю), ставшую в руках чехов самым опасным источником бурь в Европе, а в Словакии провести плебисцит, чтобы выяснить желания населения относительно государственной принадлежности⁷⁰.

В дипломатических кругах Венгрии шла речь и о том, что затронутые в прессе вопросы об общей границе между Польшей и Венгрией (Подкарпатская Русь) и митинг в Варшаве с резолюцией об отчуждении от Чехословакии Подкарпатской Руси преследовали цели устрашения Чехословакии, ущемления интересов Франции и ослабления Малой Антанты.

Вся эта помпезная польско-венгерская манифестация, писал А. Бекзаян, острейшим своим была направлена как против СССР, так и против Франции – вдохновительницы Малой Антанты⁷¹.

Позиция министра иностранных дел Польши по этим вопросам во многом прояснилась во время беседы Бека с венгерским посланником 7 мая 1936 г. в Варшаве. Министр заявил, что он не одобряет никакой дискриминации по проблеме равноправия на вооружение. Позицию венгерского правительства, как отмечал Хори, Бек считал разумной и тактичной и обещал, если венгерское правительство позднее и в официальной форме поднимет этот вопрос, то оно «сможет рассчитывать на дипломатическую поддержку Польши»⁷².

Если в венгерской записи беседы сказано, что на вопрос Хори, может ли Венгрия рассчитывать на помощь Польши, если бы ее хотели принудить к соглашению, базирующемуся на взаимопомощи, Бек пообещал помощь, то в польской записи отмечено, что Польша выступала за право Венгрии на довооружение, но отвсты на другие вопросы были уклончивы⁷³.

О политических результатах визита Косцялковского С. Мирный беседовал с временным поверенным в делах Франции в Будапеште Э. Боварже. По мнению представителя Франции, этот визит не приведет к каким-либо далеко идущим обязательствам со стороны Польши по линии реальной поддержки венгерских ревизионистских требований⁷⁴.

Да и в Венгрии не было единства во взглядах по поводу отношения Венгрии к Польше. Это особенно высвечивалось в связи с визитом в Будапешт Остина Чемберлена, который, как отмечалось и подчеркивалось в печати, совершал частную поездку по Центральной Европе. Он посетил Вену, Прагу и Будапешт. Но пресса и общественное мнение придавали этой поездке сугубо политическое значение, выражавшееся в намерении Великобритании выяснить, пойти ли ей при решении ду-

чайской проблемы с Германией против Италии или проводить вместе с Италией политику, намеченную в Стресе. Англия хотела выяснить, на какие силы она может рассчитывать и какие опасности ее ждут в случае предоставления дунайским странам самостоятельности в связи с окончательным разрешением рейнской проблемы. Придавая приезду Чемберлена почти такое же значение, как на шумевшей статье лорда Э. С. Ротермира в "Дейли мейл", пресса расценивала оба эти факта как симптом перелома в общественно-политическом мнении Англии в сторону признания венгерских требований. При этом оговаривалось, что хотя Венгрия пока не может рассчитывать со стороны Англии на такую поддержку, как со стороны Италии, в Англии "не приходится считаться с теми предвзвешенными в отношении прочности и влиятельности Малой Антанты, какие, к сожалению, до сих пор еще сохраняются во Франции".

В донесении А. Бекзаяна Н. Н. Крестинскому из Будапешта отмечалось: "Здесь пророчат сближение вплоть до слияния позиций Англии и Италии не только в вопросах дунайской политики, но так же, возможно, по всем остальным вопросам общеевропейской политики"⁷⁵.

В связи с закончившимися конференциями Балканской и Малой Антанты в Белграде, в Венгрии охотно выпячивался факт отхода Югославии от политики Франции и превращения ее в германского сателлита. В этом усматривалось знамение предстоящего неизбежного распада самой Малой Антанты.

Пресса выступала за равноправие Венгрии в области вооружений, для чего она настойчиво распространяла басни о советских аэродромах в Словакии, откуда СССР будет громить Венгрию, Польшу и Германию. Довооружение Венгрии преподносилось как миротворчество, означавшее защиту всей Западной Европы "от нового варварства" — СССР.

За артподготовкой прессы следовали дипломатические акты, фиксировавшие антисоветскую позицию. Выявившиеся в то время беспомощность Лиги наций и "обморочное состояние Англии" еще больше содействовали активизации политики Венгрии с равнением на Берлин и Рим.

В дипломатических кругах в Будапеште обсуждались визиты Гёринга в Будапешт и министра Б. Хомана в Берлин и приходили к выводу о закреплении ландскнехтовских уз Венгрии с режимом Гитлера. В столице Венгрии организовали восторженный прием аннексии Абиссинии Италией и углублявшемуся с каждым днем влиянию Муссолини как протектора ревизии Трианона. Это ярче вырисовывало значение и той политической схемы, которая пропагандировалась изо дня в день —

Рим—Будапешт—Вена—Варшава—Берлин, а может быть, и Белград. В Венгрии желали привлечь к этому блоку и Англию⁷⁶.

Та же тема затрагивалась и в другом, более позднем, донесении А. Бекзадяна о том, с какой радостью венгерская пресса приняла охлаждение Югославии к другим странам Малой Антанты и восстановление отношений Венгрии с Италией. Речь в нем шла и еще об одной покровительнице ревизионистских чаяний Венгрии — Великобритании⁷⁷.

В начале июля 1936 г. австрийский вопрос выдвинулся на передний план. 11 июля был подписан договор между Веной и Берлином об упорядочении германо-австрийских отношений. Для общественного мнения это было совершенной неожиданностью. Таким же оно было и для дипломатических кругов. Даже МИД Германии не верил в такую возможность. Объяснялось это и отношением его руководителей к послу Германии в Вене Папену.

Еще 3 апреля 1936 г. посланник Венгрии Д. Стояи сообщал из Берлина своему министерству иностранных дел о беседе с госсекретарем германского МИДа Бюловым, который о германо-австрийских связях заявил, что “примиренческие попытки Папена не считает серьезными”, хотя ему и разрешали проводить их⁷⁸.

27 мая 1936 г. германский посол в Вене Франц фон Папен, который занимал особый статус в том смысле, что подчинялся непосредственно Гитлеру (в обход Нейрата), сообщил посетившему его венгерскому посланнику барону Лайошу Руднаи, что имел случай однажды вечером навестить канцлера Австрии Шушнига и обговорить с ним вопрос австро-германского сближения. Он подчеркнул, что пока нет никакого позитивного шага. Папен смог только констатировать добрую волю канцлера при взаимной доброжелательности сгладить противоречия, имевшиеся между Австрией и Германией. Но немецкий посол допускал, что антигерманское окружение главы австрийского государства не позволит ему это сделать. Поэтому Папен особо попросил Руднаи получить от Кани полномочия, ссылаясь на новые указания склонить канцлера к соглашению⁷⁹.

Руднаи высказал свое мнение, согласно которому Шушнигу нужно соглашение по внутривнутриполитическим причинам, но католики и денежные евреи возражают против сближения с Германией.

Папен знал о готовности венгерского руководства посредничать в интересах гитлеровской Германии и поэтому обратился с такой просьбой. Однако на этот раз венгры не спешили. Постоянный заместитель министра иностранных дел Габор Апор на этом донесении написал: “P. D. (Pro domo. — A. П.) Давать инструкцию не планируют, пока нет

существенной информации о встрече Шушнига с Муссолини". 8 июня 1936 г. венгерский посланник в Италии Виллани сообщил о встрече Муссолини с Шушнигом. Последний информировал итальянского главу правительства о переговорах с Папеном. Австрийское правительство на основе невмешательства во внутренние дела Австрии склонно было принять в свое окружение, т. е. включить в органы власти, нескольких австрийских националистов, но не может выполнить пожелание Германии признать в качестве легальной партии национал-социалистов, поскольку в Австрии нет политических партий⁸⁰.

Через пять дней Руднай прислал в Будапешт краткую информацию о продолжении переговоров Шушнига с Папеном и об обещании Папена подготовить к следующей неделе предложения по всем вопросам и выразил надежду, что в обмен на определенные уступки Гитлер готов будет торжественно признать независимость Австрии⁸¹.

15 июня постоянный заместитель министра иностранных дел Апор направил Руднай письмо, в котором отметил, что, учитывая факт пристального обсуждения германо-австрийских отношений во время последней встречи Муссолини с Шушнигом, венгерское правительство не считало обоснованным выступать с инициативой в интересах успеха переговоров Шушнига—Папена. Папена же просил информировать в том смысле, что "его предложение обсудим и в подходящее время вернемся к нему"⁸².

Руднай продолжал внимательно следить за ходом переговоров в Вене и отмечал их замедление, а также и то, что пока обсуждались второстепенные вопросы. Руднай вновь подчеркивал, что Австрии обязательно нужно достичь соглашения с Германией по внешнеполитическим вопросам, поскольку не предвидится возможность осуществления реставрации Габсбургов⁸³.

В начале июля венгерский посланник сообщил из Берлина в свое министерство о беседе с министром иностранных дел Германии Нейратом о том, что германо-итальянские связи значительно развились, а итальянская и германская позиции в австрийском вопросе заметно сблизились⁸⁴.

9 июля новый вице-канцлер Австрии Эдуард Баар-Бааренфельд в ходе беседы с исполняющим обязанности премьер-министра Венгрии Калманом Дарани и министром иностранных дел К. Каней информировал их, в связи с переговорами между Австрией и Германией, начатыми по инициативе Гитлера, о нормализации отношений между двумя странами. Основными пунктами были названы: Гитлер признает независимость Австрии, воздерживается от всякого вмешательства в ее внутренние дела; Шушниг обещает включить одного из националистических политических деятелей в состав кабинета и предоставить

части национал-социалистов амнистией, а Гитлер — прекратить поддержку национал-социалистского движения в Австрии.

В вопросах внешней политики “два немецких государства” будут поддерживать друг друга. По мнению вице-канцлера, германо-австрийское соглашение никоим образом не будет затрагивать Римские протоколы, которые и в дальнейшем составят основу австрийской внешней политики⁸⁵.

Из этого донесения видно, что Муссолини получал постоянную информацию о ходе переговоров. О самом факте переговоров Шушницг известил и Францию.

В начале июля в Берлине Стояи навестил Гёринга, и тот прямо с ходу — “может быть, с определенным упреком”, писал Стояи, — заявил о наличии у него достоверных сведений о том, что Венгрия прочно связана с Италией и ей “по каждому поводу нужно предварительно испросить мнение Муссолини”, в том числе и в отношении Германии. Стояи пытался отрицать это. В отношении австро-германских дел, по мнению Гёринга, “немного надежд”, а Шушницгу нужно бы знать, что он противостоит, прежде всего, не Германии как таковой, а национал-социалистской партии. Прощаясь, прусский премьер подчеркнул “общность судеб” двух народов, а в чешском вопросе — и “общность целей”⁸⁶.

11 июля 1936 г. начальник политического отдела германского МИДа Ханс Хайнрих Диккхофф пригласил к себе венгерского посланника Стояи и, ссылаясь на дружественные венгеро-германские отношения, сказал, что вечером в 9 часов будет сделано по радио официальное заявление о нормализации германо-австрийских отношений. В заявлении будет отмечено, что Германия признает суверенитет Австрии, новые германо-австрийские отношения не затронут отношения Австрии с Италией и Венгрией или же Римский пакт, стороны сделают взаимные заверения о невмешательстве и пр.

Немецкий дипломат упомянул о том, что один из представителей “национальной оппозиции” войдет в состав правительства и будет объявлена амнистия⁸⁷. Стояи эту новость срочно передал в Будапешт по телефону в виде зашифрованной телеграммы.

В тот же день в Будапешт отправил телеграмму и австрийский канцлер Шушницг в адрес венгерского премьер-министра Д. Гёмбёша (на немецком языке). В ней сообщалось: германо-австрийское соглашение, восстанавливающее добрососедские отношения, служит делу всеобщего мира. Австро-венгерское сотрудничество, базирующееся на Римских протоколах, может и дальше развиваться в том же духе⁸⁸.

На следующий день по этому поводу были направлены три телеграммы (все на немецком языке): первая – в адрес Нейрата, где К. Каня выразил министру иностранных дел свою радость по случаю подписания германо-австрийского соглашения, которое он расценил как существенный шаг в сторону всеобщего примирения в Европе⁸⁹; вторую он направил канцлеру Шушнигу по поводу его выступления по радио 11 июля, “взволновавшего всех друзей Австрии”, и выразил пожелание, чтобы этот успех служил дальнейшему благосостоянию Австрии⁹⁰; третья, направленная Д. Гёмбёшем Шушнигу, была следующего содержания: “Заключенное германо-австрийское соглашение имеет историческое значение, которое служит всеобщему миру... Соглашение соответствует духу Римских протоколов, даже служит дальнейшему их упрочению”⁹¹...

Временный поверенный в делах Венгрии в Австрии Шандор Хофман после беседы с Папеном, в ходе которой немецкий посол просил передать Кане выражение удовлетворения по поводу радости, вызванной в Венгрии австро-германским соглашением, которое Папен считал своим успехом, рекомендовал Кане поздравить последнего с этим⁹².

Из достигнутого 11 июля германо-австрийского соглашения было опубликовано только три пункта, составивших общее сообщение: первый заключался в признании германским правительством полного суверенитета Австрийского союзного государства; во втором пункте было зафиксировано, что оба правительства признают внутреннее устройство другого государства, включая и вопрос национал-социализма, внутренним делом другого государства, на которое не будут оказывать влияния ни прямо, ни косвенно; в третьем пункте говорилось об обязательстве австрийского правительства в своей политике вообще и в отношении к Германии в частности всегда придерживаться принципиальной линии, соответствующей тому факту, “что Австрия признает себя немецким государством”. Но все это не должно затрагивать Римские протоколы (1934 и 1936 г.) и положение Австрии в отношении Италии и Венгрии как участников этих протоколов⁹³.

Но полный текст обширного, так называемого “Джентльменского соглашения” (состоявшего из десяти статей, изложенных в письменном виде, и подписанного Шушнигом и Папеном) был опубликован только после второй мировой войны⁹⁴.

Статьи “Джентльменского соглашения” регламентировали поведение граждан двух стран, культурные связи, печать, положение бежавших в Германию австрийских нацистов, использование символов и гимна, экономические связи, отмену ограничений путешествий. Восьмая статья касалась внешней политики. Австрийское правительство заявляло о своей готовности формировать свою внешнюю политику “с

учетом мирных устремлений внешней политики германского правительства". Оба правительства обязывались по взаимно интересующим их внешнеполитическим вопросам всегда консультироваться друг с другом. И в этой статье, как и в заявлении для печати, подчеркивалось, что эти обязательства не затрагивали ни Римские протоколы 1934 г. и их дополнения 1936 г., ни положение Австрии в отношении Италии и Венгрии.

В одной из статей было изложено заявление австрийского канцлера об объявлении им далеко идущей политической амнистии, а также о его готовности в соответствующее время привлечь представителей так называемой австрийской национальной оппозиции к "делу политической ответственности"⁹⁵.

На основе этих соглашений от 11 июля Германия позже выступала по отношению к Австрии все с новыми и новыми требованиями по мере упрочения связей Рима и Берлина. Следовательно, развивавшиеся события после подписания австро-германских соглашений в значительной мере оказывали влияние на усиливавшееся германо-итальянское сближение, на официальное оформление оси Берлин—Рим, на все большие уступки Италии Германии, что в конце концов привело к потере Австрией национальной независимости.

Реакция в странах Европы на известие о заключении названного соглашения была различной. В Варшаве считали его подготовкой к мирному осуществлению аншлоса. На представителей Малой Антанты оно произвело неблагоприятное впечатление⁹⁶. Министр иностранных дел Чехословакии Камил Крофта считал, что австро-германское соглашение затруднило положение его республики, а посланник в СССР Юнгерт-Арноти доносил, что в Москве считали: соглашение облегчило положение движения за аншлос в Австрии и обеспечило экспансию Германии в юго-восточном направлении⁹⁷.

В политических кругах Ватикана считали, что это соглашение только временно улучшило положение Австрии, и опасались за будущее. Тревогу выразил и постоянный заместитель английского министра иностранных дел Р. Ванситтарт по поводу пункта, по которому Австрия признала себя немецким государством⁹⁸.

В Белграде были довольны соглашением, видя в нем залог упразднения опасности реставрации и возможности создания антисоветского ревизионистского блока⁹⁹.

В политических кругах Рима считали, что германо-австрийское соглашение — плод личного творения Муссолини, а по мнению Г. Чиано и У. Хассела германо-итальянские отношения соответствовали желанию обоих правительств, а лучшее было бы уже и невозможно¹⁰⁰.

27 июля 1936 г. заведующий внешнеполитическим отделом администрации канцлера Австрии Теодор Хорнбостел направил своему другу, постоянному заместителю министра иностранных дел Венгрии Габору Апору письмо с приложением “Джентльменского соглашения” (будучи отнюдь не в восторге от него)¹⁰¹. Уже на следующий день Хорнбостел встретился в Женеве с венгерским поверенным в делах в Мадриде Андором Водянером, о чем последний написал письмо тому же Апору. Смысл сказанного Хорнбостелом он свел к трем пунктам, существеннейшим из них был: австро-германское соглашение, над которым, по его словам, он и сам работал, Хорнбостел в данных условиях считал “необходимым злом” и высказал убеждение, что германцы, несмотря на соглашение, будут стремиться “со временем поглотить” австрийцев. В этом отношении, полагал Хорнбостел, для австрийцев и чехов уготована схожая судьба, если Германии предоставят свободу действий. Поэтому он считал важнейшей задачей воспрепятствовать этому, исходя из чего «будет стремиться удержать доверчивых, наивных” австрийских руководителей от того, чтобы они необдуманно не бросились в “смертельные объятия” немцев»¹⁰².

Не только в Австрии, но и в Венгрии отношение к неожиданному заключению австро-германского соглашения было неоднозначным... Ведь в Венгрии только сторонники Гёмбёша были откровенно рады случившемуся. Даже руководитель внешнеполитического ведомства К. Каня испытывал двойственные чувства. Он не был в хороших отношениях с премьер-министром Гёмбёшем, и только Хорти примирял их. Но он, хотя и не от души (будучи не радикалом, а правым консерватором), был проводником основной внешнеполитической линии хортистов. Он настойчиво трудился над созданием благоприятных условий для восстановления Великой Венгрии. В этих целях он шел на компромиссы, лавировал между Римом и Берлином, временами помышляя и о том, как бы заручиться поддержкой Англии в достижении этой цели, а если удастся, то даже и Франции, но не знал, как это сделать.

Когда были установлены договорные отношения с Италией, большего желания у венгерской дипломатии, чем добиться итало-германского сближения, и не было. Но теперь, когда было устранено последнее препятствие на этом пути — достигнуто соглашение между Австрией и Германией и начали вырисовываться контуры оси Берлин—Рим, К. Каня загрустил. Он был довольно дальновидным, чтобы не почувствовать, что дальнейшее развитие может пойти не тем путем, который он себе воображал. Отказ от поддержки независимости Австрии одновременно означал и появление германского нацизма у границ Венгрии, и он понимал, что мечта Гитлера об обеспечении себе

“Зюдостраума” и осуществлении “Дранг нах Остен” не сможет одновременно удовлетворить и мечту хортистов — обеспечить за венграми руководящую роль в Карпато-Дунайском бассейне. В складывавшейся новой ситуации К. Каня менял свои взгляды, пытался приспособиться к интересам Германии. Позднее, в беседе с Нейратом, говоря о внешней политике Венгрии вообще, в ответ на повторявшиеся предложения идти на сближение с Югославией, Каня заявил: “Без ущемления наших интересов и в пределах наших возможностей мы готовы следовать советам наших друзей, великих держав, тем более, что, по всей вероятности, мы вместе с ними будем воевать в будущей войне. Взамен этого мы осмеливаемся полагать, что они будут применять на Белград такое же давление, как это постоянно практикуется в отношении Будапешта”¹⁰³.

Это запись венгерской стороны. Именно ли так говорил Каня, трудно убедительно засвидетельствовать одним лишь этим документом. Но приведенная цитата свидетельствует, что если еще летом 1936 г. Каня приходил в ужас от складывавшегося блока авторитарных, в данном случае фашистских, государств, то к осени готов был участвовать в войне на их стороне.

Советское посольство в Будапеште эти перемены отмечало и в усилившихся нападках венгерской прессы на СССР. В одном из донесений в конце июля 1936 г. А. Бекзаян приводил ряд фактов, в частности статью в “Пешти хирлап”¹⁰⁴, в которой Барна Будаи нападал на СССР, называя его “кровавым тигром”, которого “призывали охранять мир”. Он уже “внедрился в Словакии и непосредственно угрожает Будапешту, Вене, Варшаве и Берлину”. Содержание этой статьи посланник считал характерным для венгерской прессы, уже не скрывавшей “своей зоологической ненависти к нам”¹⁰⁵. Он констатировал, что венгерская пресса в июле побила собственные рекорды “политического злопыхательства против нас”. Он считал это симптоматичным и вряд ли нормальным для стран, в “дипломатическом быту терпящих друг друга”¹⁰⁶.

Венгерская пресса оценивала австро-германское соглашение с точки зрения перспективы ревизионистских притязаний, которые вместо одного протектора — Муссолини обзавелись и вторым — Гитлером, и Венгрия впредь не будет вынуждена лавировать между прогерманской и проитальянской политикой. Высказывалось мнение, что австро-германское соглашение основательно подорвало на юго-востоке Европы позиции Франции, СССР и Малой Антанты, в частности Чехословакии. Ось Рим–Берлин обещала успех ревизии¹⁰⁷. В справке, подготовленной в НКВД в Москве (28 июля 1936 г.) по этому поводу,

указывалось, что венгерская пресса, в связи с подписанием австро-германского соглашения, проявляла большую откровенность, нежели берлинские и римские газеты. В высказываниях в печати “совершенно откровенно указывается”, что основным смыслом итало-германского сближения и сотрудничества является борьба с Советским Союзом.

Согласно этому документу рост влияния СССР в Юго-Восточной Европе был обусловлен, главным образом, отсутствием там оси Рим—Берлин. Была опасность и австро-чехословацкого сближения. Австро-германское соглашение стало непреодолимым препятствием росту советского влияния в Юго-Восточной Европе и в то же время обеспечило базис для вытеснения Советского Союза из бассейна Дуная. В качестве одного из положительных для Венгрии моментов названного соглашения было исчезновение угрозы ее окружения и, наоборот, полная изоляция Чехословакии, в которой та очутилась вследствие этого акта. Начавшийся процесс должен был привести к разложению Малой Антанты и постепенному вхождению ее членов в германский блок¹⁰⁸.

Близкие к правительству “Уй мадяршаг”, “Будапешти хирлап”, “Пестер Ллойд” и орган христианской партии “Уй немзедек” констатировали, что австро-германское соглашение являлось решительным шагом на пути завоевания Германией политической и экономической гегемонии в Юго-Восточной Европе. Руководящая роль предполагалась за Австрией и Венгрией под германской опекой. Пресса отмечала также, что Будапешт косвенно участвовал в итало-германо-австрийских переговорах. Деятельность внешней политики в этом направлении поддерживали либеральная партия и Бетлен.

В связи с этим строились предположения, а некоторые органы печати выражали уверенность, что ревизионистские устремления Венгрии приобретали реальность и становились реализуемыми. Но эти выводы оказались преждевременными.

До подписания австро-германского соглашения либеральные и легитимистские оппозиционные круги, в частности Эндре Байчи-Жилински, придерживались довольно путанной концепции блока Италия—Франция—Англия—Польша и стран Центральной Европы против пангерманизма и панславизма (т. е. Советского Союза). Байчи-Жилински в газете “Мадярорсаг” писал о мудрой политике Франции, которая не соглашалась заменить Италию Советским Союзом в Дунайском бассейне. Когда Шушниц и Бергер-Валденег приезжали в Будапешт, он говорил об общности интересов Австрии и Венгрии, которые в Дунайском бассейне явились гарантией против наступления славянства и пангерманизма.

Байчи-Жилински в этой же газете высказывался за восстановление фронта Стрезы. “Если французы хотят мира и порядка в Центральной Европе, то они должны в первую очередь удалить русских из Праги. Это является единственной возможностью отдалить национал-социалистов от Вены”¹⁰⁹.

Не только сторонники Байчи-Жилински, но и лидеры других оппозиционных партий либеральной буржуазии, включая легитимистов, лидера ПМСХ Тибора Экхардта и “беспартийного” Иштвана Бетлена, т. е., по существу, вся легальная оппозиция (за исключением социал-демократов, которые прежде критиковали правительство, его внешнеполитическую линию), полагавшая невозможными создание оси Берлин—Рим из-за непреодолимого препятствия — Австрии, летом 1936 г. стали менять свою позицию. Такие ее представители, как Янош Зичи, Шандор Эрнст, Тибор Экхардт и даже Иштван Бетлен, будто забывшие о своей прежней критике, в своих статьях и речах стали солидаризироваться с внешнеполитической линией правительства. Так, в середине августа Экхардт на пленуме ПМСХ преподносил австро-германское соглашение как возможность искреннего и мирного сотрудничества Германии и Австрии. И если раньше он постоянно предупреждал от германской опасности, то с середины июля стал утверждать, что уже нельзя более говорить об угрожающей Венгрии германской опасности¹¹⁰.

В Венгрии наблюдался процесс перенесения главной опоры внешнеполитической ориентации правительства с Италии на Германию. Австро-германское соглашение и германо-итальянское сближение в известной степени означали победу внешнеполитического курса концепции Гёмбёша над политической линией Бетлена, который главный упор ставил на итальянскую карту. Гёмбёш, как правило, склонялся к германской ориентации, считая, что наиболее существенный вопрос венгерского интеграционного ревизионизма — пересмотр границ — может быть разрешен лишь при помощи внешнеполитического приспособления Венгрии к “динамической Третьей империи”¹¹¹.

Однако победа гёмбёшевского курса в концепции оси Рим—Берлин пока еще не означала отказа от итальянской карты. Умеренные круги Венгрии, опасавшиеся территориальной близости Германии и усиления влияния нацизма на внутреннюю расстановку политических сил в стране, все еще пытались отстоять примат итальянской ориентации в оси Рим—Берлин. Об этом недвусмысленно заявил Бетлен в своем интервью, посвященном австро-германскому соглашению.

Усечение германской позиции в Венгрии, тем не менее, становилось все более осязаемым. В этом отношении весьма симптоматичными

были заявления лидера легитимистского крыла Христианской социальной партии, представителя претендента на престол Отто, графа Яноша Зичи и эрцгерцога Иосифа-Франца о безоговорочном одобрении правительственной внешней политики и о необходимости включения Венгрии в фашистский фронт для активной борьбы против СССР. Это был резкий поворот Зичи и легитимистов в сторону одобрения германской внешней политики Гёмбёша.

Усиление ориентации на Германию этих кругов связано было и с ростом антисоветских настроений. «Уже были изжиты все иллюзии о поддержке нами ревизионизма, — констатировал С. Мирный, — такие настроения, как “нам Трансильвания, Вам Бессарабия” больше не встречаются»¹¹². Они превалировали в период восстановления дипломатических отношений между Венгрией и СССР. Летом 1936 г. Венгрия считала СССР главным протектором Малой Антанты, точнее, Чехословакии и Румынии. Внешнеполитическая активность Венгрии шла по линии создания блока Германия—Италия—Австрия—Венгрия и Польша, наподобие довоенного Тройственного союза, острие которого должно было быть направлено против Малой Антанты и СССР.

В вопросе ревизии Венгрия считалась с английским общественным мнением, особенно в связи с заявлением Д. Ллойд Джорджа о “несправедливостях”, совершенных во время мирных переговоров в 1919 г. в отношении Венгрии, а также письмом 35-и английских депутатов (поддерживавших венгерские территориальные претензии) в “Таймсе” и др., и полагала момент подходящим для поднятия вопроса хотя бы о частичной ревизии (в Лондон для этого отрядили Ф. Райниппа и планировали поездку Бетлена для обсуждения этого вопроса с Остином Чемберленом). Но в тот период было исключено, чтобы какая-нибудь политическая группировка в Венгрии могла бы сделать хотя бы самый невинный реверанс в сторону СССР. По мнению работников советского посольства в Будапеште, таких группировок в так называемых руководящих общественных кругах Венгрии тогда не существовало. Даже круги, склонные к соглашению Венгрии с Чехословакией, не мыслили себе венгеро-чехословацкое сотрудничество без отрыва Чехословакии от СССР и отказа Франции от блока с Советским Союзом.

Лояльно относившимися к СССР тогда считали только писателей-народников (Д. Иййеша и др.). Однако они тогда были еще очень слабы и организационно между собой не связаны.

К этому времени пало не только правительство Косцьялковского в Польше и к власти пришло правительство “сильной руки” Фелициана Славы-Складовского, но и было образовано правительство народного

фронта Леона Блюма во Франции, а в Испании 18 июля восстали против республиканского правительства генералы во главе с Франко.

Венгерский регент Миклош Хорти со времени прихода к власти в 1919 г. не покидал пределов страны, в которой он правил. Гитлер несколько раз приглашал его к себе, по крайней мере для знакомства и личных контактов, но он всегда относился к этому сдержанно, оглядываясь на то, как к такому шагу может отнестись глава австрийского правительства. После подписания австро-германского соглашения положение изменилось.

В июле начался зондаж возможности встречи Хорти—Гитлера. Посланник Венгрии в Берлине Стояи (который раньше был там военным атташе) информировал об этом не министерство иностранных дел Германии и ее руководителя Нейрата, а военного министра Третьего рейха Вернера Бломберга, который тут же взялся переговорить об этом с Гитлером.

Дипломатическая переписка между Берлином и Будапештом свидетельствует, что обсуждался даже вопрос о том, чтобы встреча фюрера и регента была совершенно секретной, но венгерская сторона настаивала на том, чтобы такой ее характер сохранялся только до прибытия Хорти в Берхтесгаден, а тогда надо опубликовать сообщение только о самом факте прибытия Хорти.

Обсуждался и вопрос, кто будет присутствовать на переговорах. Стояи предложил свое участие, но получил из Будапешта ответ, что визит носит неофициальный характер, и регента будет сопровождать только один адъютант — Дьёрдь Брунцвиг. Стояи беспокоило и то, что с германской стороны будут участвовать Бломберг и Нейрат, а с венгерской, кроме Хорти, никого¹¹³.

Хорти отправился в путь на автомобиле 20 августа 1936 г., на австро-германской границе его пересадили в немецкий автомобиль, мотивируя тем, что из Зальцбурга через Райхенхалл во дворец Гитлера в Берхтесгадене идет крутая дорога и на этих серпантинах нужен мощный автомобиль.

Регент Венгрии под проливным дождем был доставлен на свидание с германским канцлером в полдень 22 августа. Официально же регент Хорти находился “на охоте на серн” в Австрии на границе с Баварией, и там он действительно пребывал с 24 по 27 августа.

Возвращался Хорти домой через Тироль и Каринтию и около озера Вёрт нанес визит в Велдене президенту Австрийской республики Вильгельму Микласу, и, как пишет Хорти, они не вели беседы на политические темы, лишь пили чай в тесном семейном кругу¹¹⁴.

Сообщение о поездке Хорти вызвало сенсацию в политических кругах и потому, что это был первый случай за 17 лет правления реген-

та, когда он выехал за пределы страны. Журналисты ничего не узнали о предмете переговоров в Берхтесгадене и занимались гаданием.

В это время премьер-министр Гёмбёш уже был тяжело болен, находился в отпуске на лечении в Германии, но в отставку не подавал. Однако его односторонняя политика ориентации на Германию и Италию и стремление установления в Венгрии тотальной диктатуры увеличивали недовольство в стране. Лечился Гёмбёш в санатории недалеко от Мюнхена. Руководство Германии знало о его смертельной болезни и опасалось, как бы на смену ему не пришел человек, который изменит направление политики Венгрии.

Визит Хорти произошел по его инициативе, а послать ему приглашение взял на себя военный министр Германии Бломберг в середине июля 1936 г. К этому времени гитлеровцы оккупировали Рейнскую область (7 марта), закончилась итало-абиссинская война (май), шел процесс сближения двух фашистских государств – Италии и Германии, для противодействия совместным шагам Франции и Англии было заключено германо-австрийское соглашение (11 июля). Создавалось впечатление, что разрешено последнее противоречие между правительствами Германии и Италии и появились предпосылки согласования их позиций в отношении Дунайского бассейна. Для Хорти возникла возможность раз и навсегда покончить с постоянно волновавшим его вопросом восстановления Габсбургов как на австрийском, так и венгерском троне. Хорти на этой встрече надеялся выработать совместную с Гитлером позицию в отношении Восточной Европы и Советского Союза. Об этом свидетельствует Памятная записка, подготовленная Хорти для Гитлера, о согласовании венгерской и германской внешней политики с целью направить ее против Малой Антанты и Советского Союза.

Хорти беспокоился о том, как бы освободить Венгрию из кольца окружения стран Малой Антанты, в том числе и при помощи соглашения с Югославией. Это совпадало и с замыслом Германии, которая к тому времени уже достигла значительных успехов в усилении своего влияния в Югославии. Зная о напряженных отношениях Гитлера с руководством Советского Союза, регент построил свои планы так, чтобы угодить в этом вопросе Германии. Он отмечал, что цели русского большевизма и панславизма в военном отношении и политически совпадают, хотя они отражают разные мировоззрения. Но так или иначе нужно считать с тем, что большевизм, или после него панславизм, будут противниками Германии и Венгрии.

Хорти рассуждал, что большевизм в военном отношении слабее панславизма, но в его руках оружие пропаганды мировой революции. По его мнению, национальная панславистская Россия уменьшит по-

следнюю опасность и, в противоположность этому, постепенно усилит военную силу национального государства. Исходя из этого, Хорти оценивал возможное поведение Югославии. Он делился своими знаниями о народах Югославии, сообщил о своей инициативе в 1926 г. о сближении с ней и высоко оценивал военное искусство сербов.

Хорти считал, что название “Югославия” – послевоенное порождение и является лишь географическим понятием. “С этнической, культурной и религиозной точек зрения Югославии не существует. Кроме сербов, остальные народы Югославии – хорваты, македонцы, черногорцы, далматинцы, боснийцы – антисербски настроены”. Регент считал, что духовно сербы были настроены антибольшевистски. Основные причины этого: родственные отношения династии Карагеоргиевичей с уничтоженной царской семьей России – Романовыми; кроме того, в Югославии проживали 30–40 тыс. русских эмигрантов, которые, занимая важные общественные посты, удерживали Югославию от сближения с советской Россией. Сербов также не могли забыть, что из-за советской власти они потеряли поддержку России в осуществлении своей мечты – создании Великой Сербии, которая включала бы в себя и Болгарию.

Однако если современная Россия приобретет национальный характер, полагал Хорти, то сербы будут первыми, кто с поднятым знаменем перейдут в лагерь русских. “Эта надежда живет в сердце каждого серба”. Так просвещал Хорти Гитлера. Далее регент утверждал, что к славянскому лагерю в послевоенный период относятся в принципе все славянские народы православного вероисповедания, за исключением Болгарии и Черногории. Единственной неправославной нацией, входящей в панславистский лагерь, являются чехи. Вследствие различия культуры, религии и политических обстоятельств поляков, хорватов, словенцев, болгар и македонцев Хорти отнес к неславянскому лагерю.

Регент считал сербов лучшими солдатами Малой Антанты, а государство их – самым слабым из-за неоднородности национального состава, полагая, что в случае любой войны, в том числе и с Италией, “все” хорваты выступят против сербов. Антибольшевистскими партизанами на Балканах сербы не будут. Сербов с итальянцами примирить невозможно, и поэтому, утверждал регент, Германии придется выбирать между 6–7 млн сербов, окруженными врагами, и 46 млн итальянцев.

Сближение Турции с Болгарией Хорти считал более полезным, способным вызвать ослабление Балканской Антанты. Турцию же, по всем правилам логики, Хорти относил “в наш лагерь” как авторитарное государство, находившееся в этом лагере и в первую мировую

войну. Открытые симпатии сербов к Германии он объяснял их надеждой, что та не будет поддерживать венгерские территориальные претензии. Регент изложил германскому фюреру и свое видение румынского вопроса, стремления Титулеску сблизить Румынию с Советским Союзом. Разбирал он и различные слухи о политике Чехословакии, Италии. В отношении последней делал вывод, что та никогда не сможет быть в одном лагере с Россией, большевистской или национальной.

О Венгрии он сообщал, что с военной точки зрения она уже годами не придерживается Трианонского договора, строит и оснащает армию в силу своих материальных возможностей и отказываться от ревизионистских претензий не собирается.

Хорти поделился с Гитлером и планами войны с Чехословакией, намереваясь устранить таким путем с карты Европы "эту раковую опухоль".

Венгерский регент заявил, что он далек от развязывания войны, ибо знает цену риска: Венгрия исчезла бы как государство. Однако "человечество не может быть спокойным, в безопасности и счастливым, пока не растопчем советы".

22 августа 1936 г. Хорти вел переговоры с Гитлером в течение 3—3,5 часов¹¹⁵. В своих воспоминаниях он подробно писал об этой встрече, однако не о сути ее, а о своих впечатлениях от собеседника и сказочной природы. В воспоминаниях он обратил внимание на заданный ему фюрером вопрос, какую политическую линию проводил бы регент, очутись он на его месте канцлера Германии. Хорти рекомендовал ему прежде всего примириться с Англией.

Первая часть встречи проходила с глазу на глаз, и прямых свидетельств о ее содержании не сохранилось ни с одной стороны. Только барон фон Нейрат в записи об этой встрече, на второй части которой он присутствовал вместе с военным министром Бломбергом, отметил, что беседа наедине, как об этом рассказал ему позже Гитлер, "носила всеобщий характер", в ходе ее фюрер излагал регенту свое видение общеевропейского положения, говорил об опасности событий в Испании (о военном восстании 18 июля, начавшейся гражданской войне, в которой войска Франко поддерживали Германия и Италия), подчеркивая, что, по его мнению, невозможно избежать разрыва между "большевистской страной и управляемыми на авторитарной основе буржуазными странами". Поэтому всем этим странам необходимо объединиться. "Эту мысль и Хорти живо одобрил", — записал Нейрат.

Беседа, продолжавшаяся за чаем в присутствии Нейрата и Бломберга, проходила уже примерно по сценарию Хорти, в частности, го-

ворилось о необходимости изжить имеющиеся еще между Италией и Германией остатки расхождений. Гитлер свои отношения с Муссолини считал уже очень тесными, и они еще упрочатся естественным путем в будущем, в период сотрудничества двух стран. Затрагивались австрийский вопрос и отношения Венгрии с Чехословакией, Румынией и Югославией.

По утверждению Нейрата, и регент, и фюрер остались очень довольны как визитом, так и ходом переговоров¹¹⁶. Хорти в воспоминаниях отметил дружеское расставание с Гитлером. "Я уезжал с чувством, что я познал умеренного, мудрого государственного мужа. Я был не единственным, кто впал в это заблуждение"¹¹⁷.

В мировой печати не было недостатка в догадках насчет того, о чем же вели разговор Хорти и Гитлер. Значительная часть журналистских домыслов попала и в исторические труды. Даже в дипломатических кругах о сути бесед в ходе встречи знали немного. С. Мирный в донесении из Будапешта в НКВД изложил ряд догадок. Достоверным являлось только то, что "поездка регента Хорти в Австрию и Баварию была обставлена исключительной таинственностью"¹¹⁸.

Венгерский дипломат, временный поверенный в делах в Париже Ференц Амбро в донесении в Будапешт собрал целый букет догадок, циркулировавших в печати и дипломатическом корпусе во Франции; этим же путем пошли венгерский посланник в Белграде Валдемар Алт и Янош Веттштейн в Праге¹¹⁹.

Среди всех касающихся этого вопроса дипломатических документов, не содержит никаких домыслов лишь донесение из Берлина в Варшаву Ст. Любомирского от 26 августа 1936 г. В нем говорилось, что встреча осуществлена по инициативе Хорти, который давно хотел познакомиться с Гитлером, но напряженные отношения Австрии и Германии не позволяли ему этого сделать. Недавнее соглашение Австрии и Германии устранило эту преграду. Кроме того, Хорти, несомненно, желал сделать определенный жест в сторону Германии для уравнивания отношений Италии и Германии. Визит подготовил "здешний венгерский посланник". Гитлер ответил, что рад будет видеть Хорти в Берхтесгадене в связи с его поездкой в Тироль.

О самой беседе в этом документе сказано лишь то, что проходила она с глазу на глаз и руководители двух государств "обменялись взглядами по актуальным проблемам"^{1:20} (т. е. по существу он не мог ничего сказать и воспользовался формулировкой, которая обычно применялась, когда не хотели ничего говорить о конфиденциальной встрече).

Министр иностранных дел Германии Нейрат для продолжения переговоров, начатых в Берхтесгадене, отправился в Будапешт и 20—

23 сентября 1936 г. вел переговоры с министром иностранных дел Венгрии К. Каней, а затем и с исполнявшим обязанности премьер-министра К. Дарани. Обсуждали, по существу, те же вопросы, которые изложены и в меморандуме регента Хорти¹²¹.

Согласно записи беседы К. Кани с Нейратом, обсуждалось 14 вопросов, в том числе германо-австрийское соглашение, германо-итальянские, германо-румынские, германо-югославские, германо-польские, венгеро-польские отношения, а также совместная борьба против большевизма, гражданская война в Испании, визит регента в Берхтесгаден и венгерская внешняя политика.

К. Кани был осведомлен, что Папен вел переговоры в Австрии по поручению Гитлера напрямую, фактически в обход Нейрата, но несмотря на это он поздравил министра иностранных дел с успехом — подписанием германо-австрийского соглашения, а Нейрат принял это как должное и прихвастнул, что ему только после длительной борьбы удалось склонить Гитлера на заключение этого соглашения, поскольку национал-социалистская партия противилась этому. Нейрат заявил также, что Германия не присоединится к Римским протоколам, поскольку с этими странами можно сотрудничать и без договорных отношений, о чем Кани и без того давно знал¹²².

Италия была осведомлена о германо-австрийских переговорах, и уже были достигнуты германо-итальянские соглашения по поводу Локкарно и единства действий в Испании и одно тайное соглашение — о консультациях, обязывавшее два государства не вести борьбу друг с другом по дипломатической линии и кооперироваться по затрагивающим их вопросам. Обсуждалась и проблема сохранения в будущем хороших германо-английских отношений. Германская сторона пыталась сдерживать агрессивные намерения Венгрии в отношении Чехословакии, в основном по причине неготовности германской армии, завершить вооружение которой намечалось лишь к 1938 г.¹²³, и, исходя из этого, старалось не допустить усиления мощи Малой Антанты, ослабленной к тому времени. Но с Чехословакией Гитлер не намерен был заключать пакта о ненападении.

Германо-румынские отношения барон Нейрат считал неудовлетворительными и полагал, что новый министр иностранных дел Виктор Антонеску такой же франкофил, каким был и Николае Титулеску, но зато он считал особенно доверительными и тесными связи с Югославией и подобно другим немецким политикам высказывался за необходимость вырвать ее из Малой Антанты.

К. Кани интересовался состоянием польско-германских отношений, и Нейрат не скрывал от него, что ставший главнокомандующим

Э. Ридз-Смиглы – франкофил, и немцы не очень популярны в Польше, но отношение между двумя странами в целом удовлетворительно, хотя и придется решать Данцингский вопрос. Но Нейрат был уверен, что пока Ю. Бек остается министром иностранных дел – германо-польские отношения не будут подвергнуты опасности. Однако Гитлер никогда не откажется от Данцига и коридора, решение их только отодвигается. Немецкая сторона была уверена, что, пока еще колеблющаяся, Польша будет на стороне Германии в общей борьбе против большевистской опасности.

В отношении выступления Гитлера в Нюрнберге в сентябре, где он все народы призвал объединиться в борьбе против большевистской опасности, Нейрат признал, что Гитлер в порыве страсти употреблял более резкие выражения, чем было намечено в тексте.

В отношении начавшейся гражданской войны в Испании Нейрат информировал К. Каню о том, что Германия поставляет франкистам военные материалы. Затронул Нейрат, хотя он и знал, что эту проблему венгерское правительство считало внутренним делом, и положение немецкого меньшинства в Венгрии (как и позже в беседе с К. Дарани), давая понять, что он выступает по поручению Гитлера, и если требования сохранения родного языка и традиций не будут выполнены, то может наступить охлаждение в венгеро-германских отношениях.

К. Каня в отношении внешней политики отрицал “распространившиеся врагами”, в том числе и Малой Антантой, слухи, что венгры якобы любой ценой желают войны, ибо уверены, что война начнется только через несколько лет, когда уже “будем вооружены”.

Об итало-венгерских отношениях К. Каня сказал, что они из возможных самые лучшие, самые интимные, но Венгрия окончательно не связала себе руки. Речь идет о добровольном сотрудничестве двух свободных и независимых государств. Каня информировал Нейрата, что если бы в период провозглашения равноправия Венгрии в вооружении Малая Антанта угрожала ей военным наступлением, то Муссолини обещал немедленно провести мобилизацию и выступить против государств этой политической группировки. “В таких обстоятельствах неудивительно, – продолжал Каня, – что несмотря на выраженную проремецкую политику правительства, значительная часть общественного мнения больше восхищается Италией, чем Германией”.

Наконец Каня сообщил, что установить сносные отношения с Румынией было тогда невозможно из-за разгоравшихся в Румынии антивенгерских настроений¹²⁴.

Основной темой беседы Нейрата с К. Дарани, кроме упоминавшейся проблемы немецкого национального меньшинства в Венгрии, были отношения двух стран с Чехословакией¹²⁵.

В ходе этих бесед затрагивалась и проблема положения в Венгрии в случае смерти Д. Гёмбёша: можно ли сохранить курс премьера и в дальнейшем.

6 октября 1936 г. Дюла Гёмбёш скончался в одном из санаториев вблизи Мюнхена от приступа почечного заболевания. Представлять Гитлера на похоронах в Будапешт был прислан Гёринг. В день похорон 11 октября 1936 г. на ужине в Национальном Казино состоялась беседа премьер-министра Пруссии с министром иностранных дел Венгрии К. Каней.

Затронут был целый ряд вопросов, в том числе и германо-австрийское соглашение. Гёринг высказался о нем как и Нейрат, причем он подчеркивал, что Гитлер не намерен против Австрии применять оружие, хотя для захвата Австрии в короткое время достаточно было бы двух дивизий. Но это, разумеется, рассуждал Гёринг, не означает, что Германия окончательно отказалась от Австрии. “Этому, до мозга костей немецкому государству” рано или поздно придется в какой-либо форме присоединиться к Германии.

О Югославии Гёринг, как и всегда, говорил с увлечением, не скрывая своего стремления к установлению с ней тесных связей, и даже сообщил о “решимости Стоядиновича выйти со временем из Малой Антанты”. Конечно, считал он, нужно делать это осмотрительно и осторожно, ибо уже сейчас союзники Югославии обвиняли его в предательстве.

Из этой беседы следовало, что Гёринг все еще ревниво относился к итальянскому влиянию в Венгрии. Он даже спросил Каню, правда ли, что итальянский посланник в Будапеште Асканио Колонна все делает в интересах уменьшения влияния Германии в Венгрии. В ответ Каня дал положительную характеристику Колонны как спокойного, уравновешенного, свободного от интриг и неспособного к выполнению такой задачи человека. Если два года тому назад Муссолини и сомневался в дружбе с Германией, то, как показывают события, сейчас и сам глава итальянского правительства уделяет большое внимание дружбе с Империей¹²⁶.

С 20 по 24 октября 1936 г. новый министр иностранных дел Италии, зять Муссолини граф Галеаццо Чиано посетил Германию. Это был не только визит вежливости и знакомства. Он заложил основу официального оформления гитлеровской коалиции. На этот раз были подписаны протоколы, получившие название “Ось Берлин—Рим”.

После первой мировой войны между Германией и Италией возникли противоречия по ряду вопросов. Отношения между двумя странами улучшились после прихода к власти Гитлера в Германии, но стали более прохладными после встречи Муссолини и Гитлера в Венеции в июне 1934 г. Напряжение достигло своей кульминации 25 июля в связи с убийством австрийского канцлера Дольфуса. Италия вывела войска к Бреннерскому перевалу и на границу в Каринтидо с целью помешать захвату Австрии Германией вооруженным путем. Италия тогда еще надеялась на сближение с Англией и Францией для достижения своих захватнических целей. Когда Германия в марте 1935 г. ввела всеобщую воинскую повинность, Италия еще занимала совместную позицию с Францией и Англией.

Однако итало-абиссинская война (1935–1936 гг.) и начавшаяся в 1936 г. гражданская война в Испании внесли коренные изменения в итало-германские отношения. Сближение между ними началось с весны 1936 г., и вскоре они договорились о разделе сфер влияния и взаимоподдержке своих экспансионистских устремлений.

Германия не приняла участия (и не могла) в санкциях против Италии, введенных из-за войны в Абиссинии, а 7 марта 1936 г. Германия, при молчаливой поддержке Италии, ввела войска в демилитаризованную Рейнскую область. Во вспыхнувшей 18 июня 1936 г. гражданской войне в Испании они уже совместно поддерживали генерала Франко. Италия пошла на уступки и в австрийском вопросе. Она дала добро на подписание германо-австрийского соглашения 11 июля 1936 г., которое еще признавало Австрию суверенным государством, но уже определило и то, что “Австрия — немецкое государство, направляющее свою политику в соответствии с этим”, а австрийские национал-социалисты по этому соглашению получали далеко идущие уступки.

Ось Берлин—Рим “вытачивалась” постепенно. Факт германо-итальянского сближения и сотрудничества впервые был оформлен в виде соглашения в период пребывания в Германии, точнее — в Берлине и Берхтесгадене итальянского министра иностранных дел Г. Чиано, который вместе с министром иностранных дел К. Нейратом подписал ряд документов. Б. Муссолини впервые 1 ноября 1936 г. в своей речи в Милане употребил выражение “ось Берлин — Рим”.

Создание и упрочение оси Берлин—Рим сопровождалось признанием со стороны Германии интересов Италии в Средиземноморье и постепенной сдачей Италией своих позиций и влияния в Центральной Европе. С этой встречей было связано опубликование официального заявления правительства Германии о том, что оно и формально при-

знает итальянского короля императором Эфиопии¹²⁷. От имени фашистского правительства с удовлетворением и признательностью Чиано принял это к сведению.

Граф Чиано вел переговоры с Гитлером в Берхтесгадене и с Нейратом в Берлине и подписал протокол. Содержание Берхтесгаденского (Берлинского) протокола частично известно из заявления Чиано на пресс-конференции в Мюнхене. Он сказал, что в последние дни вел подробный обмен мнениями с фюрером и Нейратом об общем политическом положении. Этот обмен мнениями еще сильнее высветил “твердое намерение наших правительств направить общие усилия на великое дело мира и восстановления”. Прочной основой этих общих усилий он объявил не только интересы двух стран, но и “возвышенную задачу”, которую выполняют Германия и Италия “по защите европейской цивилизации”.

К числу общих интересов Чиано отнес пересмотр результатов тех переговоров, которые были направлены на замену Локарнского соглашения, и желание Германии и Италии добиться такого сотрудничества, которое может обеспечить западноевропейский договор о безопасности. По вопросу Дунайского бассейна итальянский министр иностранных дел заявил, что после анализа положения, с учетом Римских протоколов и германо-австрийского соглашения, стороны смогли с обоюдным удовлетворением констатировать, что политика двух стран уже принесла позитивные результаты для Австрии и два правительства договорились обращаться с проблемами, затрагивающими Дунайский бассейн, в духе дружеского сотрудничества.

Обсуждалось и положение в Испании, и стороны пришли к соглашению поддерживать “национальное правительство Франко”.

В отношении “тех серьезных опасностей, которые угрожают социальной структуре Европы, — отмечал Чиано, — фюрер, барон Нейрат и я обновили твердую решимость немецкого и итальянского народов, что всей нашей силой будем защищать священное наследие европейской цивилизации, строящейся на институтах семьи и нации”. Чиано заявил также, что на этот раз договорились углублять в будущем культурные связи двух стран и упорядочить экономические связи в отношении Эфиопии.

В своем заявлении Чиано подчеркнул, что все эти пункты изложены в протоколе, подготовленном после окончания бесед¹²⁸.

Полный текст этого протокола не был после войны обнаружен в германских архивах, не был он опубликован и в воспоминаниях Чиано, вышедших в 1948 г.¹²⁹

Как вытекает из заявления Чиано на пресс-конференции в Мюнхене, Германия признала аннексию Абиссинии Италией, а последняя

разделила позицию Германии в отношении положения, сложившегося после отказа от Локарнских соглашений. Две великие державы подкрепили свое сотрудничество военной поддержкой Франко и положительно оценили поворот в германо-австрийских отношениях в пользу Германии, Германия пообещала оказать Италии помощь в добыче полезных ископаемых в Эфиопии, о чем позже было подписано соглашение.

О подготовке и целях поездки Чиано в Германию дипломаты заинтересованных стран не смогли получить никакой информации ни в Риме, ни в Берлине. Может быть поэтому и в дипломатических документах ряда стран даже не упоминается о поездке Чиано в Германию.

Чиано возвратился в Рим 25 октября. Вечером 26 октября он принял барона Фридьеша Виллани, венгерского посланника в Италии, чтобы проинформировать его о результатах бесед в Берлине и Берхтесгадене. Правда, Чиано в Берлине принял 23 октября венгерского посланника (еще до встречи с Гитлером) Дёме Стояи, но только в общих фразах перечислил ему обсуждавшиеся вопросы, среди которых был и неназванный на пресс-конференции в Мюнхене, а именно, что “несколько раз сделали вывод о необходимости сотрудничества в защите против большевизма”¹³⁰.

Виллани в своем донесении в Будапешт отмечал, что программа бесед Чиано перед его отъездом из Рима не была сообщена никому. Как Чиано, так и германский посол в Риме Хассел на вопросы Виллани отвечали: будут обсуждаться вопросы, интересующие две страны, и другие европейские проблемы; информация будет дана после возвращения. То же самое Чиано сказал и посланнику Австрии в Италии барону Бергеру. Как писал Виллани, и другие его коллеги в столице Италии, с которыми он встречался в дни пребывания Чиано в Германии, ничего не знали.

Виллани сообщал, что когда он посетил Чиано, тот разрешил ему познакомиться с секретным протоколом, с которым знакомят только Бергера. Протокол был составлен на двух языках — итальянском и немецком по левой и правой стороне страниц и подписан двумя министрами иностранных дел — Чиано и Нейратом. Содержание его уже было частично известно по мюнхенской пресс-конференции Чиано, также он включал положения, которые не предназначались для общестественности. Эти положения заключались в следующем.

Прежде всего в протоколе устанавливалось, что “Италия и Империя поступают одинаково в интересах обеспечения мира” и “против Советов” (т. е. СССР), совместно борются “против большевистской пропаганды, угрожающей европейской цивилизации”, будут консуль-

тироваться о параллельных мерах относительно международных переговоров, касающихся пакта западной безопасности.

До тех пор, пока Италия остается членом Лиги наций, оба государства будут консультироваться по интересующим их вопросам. А в том случае, если Италия выйдет из этой организации, германское правительство берет на себя обязательство не вступать в нее вновь.

Политические и экономические проблемы Дунайского бассейна два правительства будут разрешать в духе дружеской коллаборации. Они, как и прежде, будут противиться экономическому развитию Малой Антанты.

Испанское национальное правительство две великие державы признают как можно скорее, после чего откажутся от соглашения о невмешательстве, чтобы существеннее помогать Франко в занятии средиземноморского побережья, что возможно только ценой тяжелых боев.

Стороны пришли к согласию не стремиться приобрести испанские территории. Излагались конкретные факты участия Германии в колонизации Абиссинии и экономической эксплуатации страны. Италия "всем своим весом" обязывалась "поддерживать акцию" Германии, направленную на приобретение колоний¹³¹.

Эти сведения венгерская дипломатия получила благодаря тому, что Венгрия входила в Римские протоколы и шла вместе с государствами, которые к этому времени продвинулись к этапу непосредственного развязывания второй мировой войны. 29 октября министр иностранных дел Венгрии К. Каня на очередном закрытом заседании парламентской комиссии информировал ее членов о международной обстановке и внешней политике Венгрии. Он затронул и вышеизложенную проблему с точки зрения венгерских интересов после того, как перечислил те обстоятельства, которые, по его мнению, способствовали улучшению германо-итальянских отношений, состояние которых наглядно отражено в визите министра иностранных дел Италии в Германию. "С венгерской точки зрения об этом визите могу только сказать, что мы с радостью и удовлетворением можем констатировать этот факт, ибо его цели полностью совпадают с мирными устремлениями венгерской внешней политики"¹³².

На следующий день венгерский посланник Д. Стояи сообщил в МИД Венгрии о беседе с К. Нейратом по поводу визита Чиано. Его вывод перекликается с высказыванием К. Кани: "Важно то, что эти две доминирующие державы в Центральной Европе вновь сделали шаг навстречу друг другу, что у них общие интересы, которые в главном параллельны интересам Венгрии"¹³³.

И действительно, через год после подписания Берхтесгаденского протокола 6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к немецко-японскому Антикоминтерновскому пакту.

Через месяц после оформления в письменном виде оси Берлин—Рим И. Риббентроп как представитель Германии и уполномоченный Японии К. Мусякодзи 25 ноября 1936 г. подписали в Берлине Антикоминтерновский пакт. Пакт состоял из трех статей, “протокола подписания” и дополнительного секретного протокола. Стороны обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна, вести борьбу против него и приглашали третьи государства “принять оборонительные меры в духе этого соглашения или присоединиться к настоящему пакту”.

“Протокол подписания” обязывал стороны “принимать суровые меры... против тех, кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического интернационала”. Предусматривалось создание постоянной комиссии для борьбы против Коминтерна¹³⁴. 24 февраля 1939 г. и Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту.

После второй мировой войны в германских архивах был обнаружен и опубликован “Секретный дополнительный протокол” к Антикоминтерновскому пакту¹³⁵. В нем говорилось: “Правительство Германской Империи и Императорское правительство Японии, осознавая, что правительство Союза Советских Социалистических Республик работает над осуществлением целей Коммунистического интернационала и с этой целью желает использовать армию, и будучи убежденными, что этот факт угрожает не только существованию” договаривающихся государств, но самым серьезным образом и всеобщему миру, для защиты общих интересов договорились, что “в случае войны одной из сторон против СССР другая обязана не принимать никаких мер, которые по своему существу способствовали бы облегчению положения СССР”. Кроме того, говорилось далее, обе стороны будут немедленно консультироваться о мерах, которые они примут, чтобы сохранять обоюдные интересы. Германия и Япония “обязывались не заключать политических соглашений с СССР, которые противоречили бы духу пакта”¹³⁶.

Как свидетельствуют статьи пакта и секретного протокола, Германия и Япония под предлогом борьбы против Коминтерна стремились вмешиваться во внутренние дела других стран, а антисоветской фразеологией прикрывали мобилизацию сил против Англии, Франции и США.

В связи с японско-германским договором в декабре 1936 г. состоялось несколько бесед наркома СССР М. М. Литвинова с японским пос-

лом Мамору Сигемицу, который, в частности 8–9 декабря 1936 г., отрицал утверждение наркома, будто этот договор направлен не против Коминтерна, а против СССР. Литвинов делал этот вывод на основе известного ему секретного приложения¹³⁷.

Содержание упомянутого выше донесения Д. Стояи от 30 октября 1936 г. о той информации, которую дал ему Нейрат по поводу переговоров с Чиано в Берлине и Берхтесгадене, довольно пространное и затрагивало ряд других проблем, кроме тех вопросов, которые отмечал Виллани. В частности указывалось, что интересы двух стран в противостоянии Англии совпадали. Для противовеса влиянию Англии в Средиземноморье договорились перетянуть на свою сторону Югославию и Грецию. Интересы двух стран в Дунайском бассейне, по утверждению Нейрата, тоже совпадали, а австрийский вопрос считали решенным. Германия не присоединится к Римским протоколам. Нейрат заявил, что он отклонил попытку Чехословакии к сближению, а с Польшей желал бы сохранить дружеские связи¹³⁸.

Результаты переговоров Чиано в Берлине не всех удовлетворили. Достаточно просмотреть донесения германского посланника в Будапеште фон Маккензена, чтобы убедиться в правильности этого суждения. Вызвано это было активностью итальянского министра иностранных дел Г. Чиано. Он довел ось Берлин–Рим до письменного оформления, но к тому времени того, кто считался кузнецом этой оси – венгерского премьер-министра Д. Гёмбёша, уже не было в живых. Но создание оси уже без венгерского посредничества означало провал той концепции венгерской внешней политики, которая базировалась на балансе сил Италии и Германии. Ведь руководители венгерской внешней политики не замечали, или не хотели замечать, что такого равновесия никогда не существовало. Превосходство Германии над Италией постоянно довлело над Римом.

Что же касается Венгрии, то она только в воображении могла считать себя равноправным партнером складывавшегося блока агрессивных государств.

После смерти Д. Гёмбёша регент назначил премьер-министром Калмана Дарани, который исполнял эту обязанность во время болезни Гёмбёша. Тот факт, что Миклош Хорти нарушил обычный порядок (не поручил новому премьеру образование правительства), министр внутренних дел Миклош Козма в доверительной беседе с германским посланником в Будапеште Г. Маккензеном объяснял желанием и в этом отношении следовать принципу авторитарного правления государством. В правительстве произошло только одно изменение: военный министр Йозеф Шомкути (как отмечал посланник, “слепой обожатель

Муссолини”) был заменен Вилмошем Рёдером, у которого, по мнению германского посланника, “венгеро-германская дружба была на первом месте”.

В другом донесении, относящемся к середине октября 1936 г., Маккензен писал о новом премьер-министре К. Дарани следующее: “Для продолжения внешней политики Гёмбёша лучшего наследника мы и не могли бы себе пожелать”¹³⁹.

Поверенный в делах СССР в Венгрии С. Мирный охарактеризовал Дарани как типичного представителя венгерского “просвещенного бюрократизма”¹⁴⁰.

Новый глава правительства изложил свою программу на пленуме правящей Национальной партии единства 15 октября, где и был избран “везером” партии, 21 октября он более детально изложил программу правительства в Палате представителей, а во второй половине дня и в Верхней палате. Партия и правительство намеревались строить Венгрию на национальной основе и христианско-национальном мировоззрении. Поэтому политика правительства будет “прогрессивно-консервативной”, как и политика правительства Гёмбёша.

В отношении внешней политики премьер заявил: “В прежней линии не планируется никакого изменения. Внешняя политика и впредь будет идти теми путями, которыми Венгрия вышла из окружения, следовательно, правительство продолжит ту политику, при помощи которой Венгрия смогла заручиться верными, искренними друзьями. Добрая воля и симпатии этих друзей проявились вновь и в последние дни — на похоронах премьер-министра. Однако внешнеполитической целью является не только сохранение и углубление существующей дружбы, но и установление хороших отношений со всеми теми странами, которые также, как и Венгрия, готовы сотрудничать в создании предпосылок мирного сосуществования”¹⁴¹.

В парламенте К. Каня еще раз наметил основы внешнеполитического курса, подчеркивая, что сохранение и, по возможности, углубление теплой дружбы, которой Венгрия связана с государствами Римских протоколов, является главной целью. В то же время венгерское правительство и в будущем, “естественно, самое большое внимание будет уделять” развитию хороших традиционных связей с германской империей и всегда думает с благодарностью о тех нациях, которые, как Польша и Болгария, в торжественной форме принимали участие в трауре нации.

В дискуссии в парламенте представитель правящей партии Пал Пешти выразил доверие новому правительству, а лидер ПМСХ Тибор Экхардт, который находился в непримиримой оппозиции к бывшему главе правительства Гёмбёшу, на этот раз в выступлении в Палате

представитель высказал мысль, что личность Дарани является гарантией того, что никто не сможет спровоцировать в Венгрии мировоззренческие столкновения. Он выразил также неограниченное доверие министру иностранных дел К. Кане. Лидер оппозиционной Христианско-хозяйственной и социальной партии поддержал Экхардта в отношении К. Кани, считая, что если Венгрия сохранит прежней линию своей внешней политики, то в будущем невозможно будет проводить средневропейскую политику без Венгрии. Даже представитель СДП Карой Пейер на этот раз выступил в примирительном тоне.

Выступлению графа Иштвана Бетлена советник германского посольства Карл Веркмайстер посвятил отдельное донесение в Берлин¹⁴². Это и неудивительно. В Германии считали его влиятельным политиком, склонным к антигерманской позиции. Веркмайстер утверждал, что его выступление вызвало разочарование у тех, кто ждал сенсацию. Бетлен одобрил программу, но сказал, что все зависит от методов и средств ее осуществления. Он ожидал от нового правительства отказа от заигрывания с идеей партийного тоталитаризма; разрыва с прежним методом партийной организации, при помощи которой государственную машину подчинили партийной бюрократии, и теми лицами и печатью, которые проводили эту линию в жизнь. В конце выступления он выразил надежду на проведение очистительного процесса.

Внешнеполитическая часть выступления Дарани нашла поддержку печати всех политических направлений. Левые газеты одобряли прежде всего то, что она не направлена против ни одного государства. Они хвалили реверанс нового премьера в сторону Англии и Франции.

«Выступление Бетлена воодушевило всю оппозиционную (почти без исключения антинационал-социалистского настроения) печать, от явно антигерманского “Эшти курир” через католическую и жидолиберальную печать вплоть до легитимистского “Мадяршага”. Во всех газетных комментариях видна надежда, что Дарани проведет смену режима», — писал Веркмайстер¹⁴³.

“Пестер Ллойд” даже выражала уверенность, что Бетлен в один прекрасный день вновь сможет, заняв репаяющий пост, руководить политикой Венгрии¹⁴⁴.

29 октября 1936 г. министр иностранных дел Венгрии К. Кани выступил на закрытом заседании комиссии иностранных дел Палаты представителей, а затем и Верхней палаты венгерского парламента, где в общих чертах затронул все проблемы внешней политики Венгрии. Он обратил внимание на беспокойство, вызванное в сердцах жителей Европы, да и других континентов, стремлением Италии и Германии освободиться от той позиции, которая видит счастливое будущее Евро-

пы в сохранении статус-кво. Одно из проявлений этого стремления Кая видел в захвате Абиссинии Италией, что повлекло за собой ухудшение традиционных итало-английских отношений. Охлаждение сопровождалось двумя обстоятельствами: спешным вооружением Англии и поездкой английского короля по странам Средиземноморья (Югославия, Греция, Турция), на помощь которых рассчитывала Англия в случае столкновения с Италией.

Это охлаждение в отношениях между Италией и Англией имело ряд последствий в европейской политике, в том числе вызвало и сближение Берлина с Римом. Кая рассмотрел ряд мнений о перспективе этих отношений и поддержал тех, которые полагали, что англо-итальянское примирение нельзя отнести к области невозможного.

Кая перечислил ряд признаков (декларация Гитлера 7 марта, оккупация Рейнской демилитаризованной зоны), свидетельствовавшие о росте мощи Германии. Кая считал, что фюрер сделал это из-за опасности, возникшей в результате заключения франко-советского договора. По немецкому представлению, принцип молчаливой клаузулы любого договора “ребус сик стантибус” (“пока обстоятельства остаются такими”) был нарушен “французским договором с Советами”, направленным на окружение Германии.

Следовательно, рассуждал Кая, если охлаждение англо-итальянских отношений приблизило Италию к Германии, то оккупация Рейнской области и вопросы, связанные с Локарнским соглашением, побудили Германию стать на путь сближения с Римом. Оба государства чувствовали витавшую над ними опасность окружения.

Не обошел Кая вниманием и Советский Союз, а именно усиление его влияния в Европе. Оно проявлялось как в борьбе против заключения нового Локарнского соглашения, так и в поддержке испанского правительства и в его деятельности в Лиге наций. Повышенная активность Литвинова в Женеве в последнее время проявилась, между прочим, и в том, что ему удалось в противовес английской и французской позиции провести свое предложение. Его активность позволила также эфиопской делегации участвовать в общем собрании сессии Лиги наций¹⁴⁵.

В связи с событиями в Испании и без того плохие германо-советские, а также ранее корректные итало-советские отношения обострились. Кая обратил внимание членов комиссии, что обострение германо-советских отношений базируется не только на политических, но и на мировоззренческих противоречиях. Причину ухудшения итало-советских отношений Кая видел в том, что Италия не могла быть безразличной к тем успехам, которых Советский Союз достиг на конференции по проливам в Монтре, в результате чего с его мнением прихо-

дилось считаться в Восточном Средиземноморье, а также в западной части этого бассейна, в Испании, где он мог оказывать свое решающее влияние. Испанский вопрос сблизил Италию с Германией, которая не могла терпеть, чтобы в Испании у власти находилось правительство, которое согласовывало бы свои интересы с интересами Франции, и последняя в случае европейской войны могла бы перебрасывать свои африканские войска в Европу через Испанию.

Англия, хотя и не была в восторге от большевиков, но из-за резко негативного отношения Германии к Советскому Союзу не желала стать на сторону гитлеровцев.

Кроме перечисленных выше факторов итало-германскому сближению способствовал германо-австрийский договор. Его заключение произошло с ведома и при содействии итальянского правительства. К тому же Италия надеялась не только на создание нового Локарно, но, в будущем, и на сглаживание итало-английских противоречий.

Визит главнокомандующего польской армии Ридз-Смиглы в Париж не вызвал ощутимых опасений ни в германских, ни в венгерских правящих кругах. Они ориентировались на официальное заявление руководителей польского внешнеполитического ведомства, что "Польша не намерена сойти с пути прежней внешней политики".

Каня заверял комиссию, на основе его бесед с Бекком в Женеве, что поддержание хороших отношений Польши с Венгрией будет целью польской внешней политики.

К. Каня довольно подробно остановился на поисках путей мира в Европе. Он отрицал перспективность идеи коллективной безопасности и взаимопомощи, приведя пример Бельгии. Бельгийский король Леопольд 14 октября 1936 г. на заседании Коронного совета заявил, что сила коллективной безопасности подорвана, поэтому Бельгия желает освободиться от обязательств по Локарнскому соглашению и не хочет принадлежать ни к одной коалиции, а желает проводить самостоятельную национальную политику, оставаясь в стороне от всякого возможного столкновения с Германией. Каня придерживался на этот раз точки зрения, согласно которой в Европе упрочилось политическое направление, отдаляющееся от общей безопасности и взаимопомощи, а Венгрия, "во всяком случае, находится в очень хорошем обществе", разделяющем мнение, что мир в Европе нельзя обеспечить путем коллективной безопасности и взаимопомощи.

Венгерский министр иностранных дел утверждал, что попытка реформирования Лиги наций с целью поставить ее на службу идее коллективной безопасности не была безоговорочно поддержана министром иностранных дел Англии Антони Иденом, поскольку он подчеркивал, что жизнь не неизменна, а динамична, поэтому нельзя ее

заковать в рамки коллективной безопасности. Поэтому Венгрия заявила о своем неучастии в дальнейшем в комиссии по разоружению до тех пор, пока не признают равноправие Венгрии на вооружение. Венгерская дипломатия полагала, что нет смысла вступать в переговоры, создавая видимость их, с вооруженными до зубов партнерами. Но если бы Венгрии была предоставлена возможность вести переговоры в условиях равноправия, она готова пойти на соглашение и с Малой Антантой¹⁴⁶.

1 ноября 1936 г. Муссолини произнес речь в Милане, в которой выступил против разоружения и коллективной безопасности и призвал страны мира присоединиться к оси Берлин—Рим, к общей борьбе против Советского Союза. Эта речь вызвала в части венгерских политических кругов неопишемое воодушевление. Дуче в ней однозначно поддержал венгерские ревизионистские устремления и заявил, что из-за творцов Трианона 4 млн венгров проживают за пределами страны. Радость была столь велика еще и потому, что до тех пор никто из глав других правительств не занимал столь решительной позиции по ревизии мирных договоров.

Венгерская печать была в восторге. Для нее Муссолини определил лозунг на длительное время, территориальную ревизию как альфу и омегу политической и журналистской деятельности. Из Венгрии в Рим был послан ряд телеграмм, в том числе от имени Ревизионистской лиги, да и “от всего народа”, которую послал премьер К. Дарани¹⁴⁷.

Как отмечал в своем донесении Н. Н. Крестинскому А. Бекзаян, миланское выступление Муссолини создало в политике трианонской Венгрии “высокую конъюнктуру самообольщения и надежд”¹⁴⁸.

Незадолго до того С. Мирный (7 сентября) писал Штерну о нарастании германского политического влияния в Венгрии после заключения австро-германского соглашения. Тогда буквально все политические группировки — легитимисты, Христианско-хозяйственная и социальная партия и др., Т. Экхардт, Э. Байчи-Жилински, Иштван Фридрих, близкие к газете “Мадьярорсаг”, — все либеральные политики включились в прогерманскую и антисоветскую кампанию Гёмбёша, Мартона, Антала, Мечера, Райниша.

Внешняя политика Венгрии стремилась все больше и больше опереться на германский конец оси. О Германии печатались статьи только в благоприятном свете. Немецкая военная делегация была приглашена на празднование 250-летия освобождения Буда от турок в 1686 г.¹⁴⁹

На конференции трех, проходившей в Вене, представители трех стран признали законными требования Австрии и Венгрии на равно-

праве в вооружениях и обязались поддерживать контакт по этому вопросу.

Правда, К. Каня в ходе дискуссии заявил, что в ближайшее время не намерен ни односторонне заявлять о вооружении Венгрии, ни поднимать этот вопрос в Лиге наций. Мотивировал он эту позицию тем, что вооружение Венгрии в рамках ее финансовых возможностей происходит беспрепятственно. К тому же югославский и чехословацкий посланники заявили ему, что не будут протестовать против вооружения Венгрии, но просили не отказываться в одностороннем порядке от военных предписаний Трианонского мирного договора.

Самую большую дискуссию вызвало предложение Чиано о том, чтобы участники переговоров консультировались по вопросу Лиги наций. В беседе с Маккензеном 14 ноября Чиано сказал, что он поехал в Вену с целью побудить Австрию и Венгрию взять на себя обязательство, вслед за выходом Италии, автоматически выйти из Лиги наций. Но против выступил не столько Шушниц, сколько Г. Шмидт, и Чиано отказался от своих намерений. Он постарался убедить оба правительства, что в случае выхода Италии они могут свободно определить свою позицию и извещать о ней Италию.

Чиано рассчитывал, что в таком случае Венгрия выполнит пожелания Италии, а Австрия может остаться на прежней позиции. К такому выводу он пришел несмотря на то, что в Вене К. Каня, как и австрийская сторона, заявил, что не может брать на себя предварительное обязательство о выходе из Лиги наций. Каня мотивировал свою позицию так: несомненно, Лига наций в Венгрии непопулярна, но там принимались и решения в пользу Венгрии; в Женеве на повестке дня можно держать вопрос о венгерских национальных меньшинствах; кроме того, и общественное мнение не поняло бы такой акт правительства, учитывая, что пропаганда постоянно твердила о мире.

Как отметил Каня, Чиано с явным недовольством принял доводы министров двух стран и "почти в гитлеровском стиле критиковал Лигу наций, как и Муссолини в Милане, предсказывая ей быстрый провал". Он открыто заявил, что Муссолини в принципе уже решил выйти из Лиги наций, но пока не сделал это из-за потепления отношений с Англией. Несмотря на такую страстную риторику Чиано, в решение конференции трех в Вене записали: "На случай, если бы Италия решилась на выход из Лиги наций, Венгрия и Австрия с Италией и между собой будут советоваться для определения своего поведения".

О коммунистической опасности министр иностранных дел Италии "высказывался в соответствии с мнением Гитлера" и оценил это движение как "самую большую опасность для европейского мира". Каня счи-

тал, что берлинское понимание этой проблемы оказало на Чиано сильное впечатление. Наконец, участники согласились, что “Венгрия и Австрия на собственных территориях и в дальнейшем с максимальными усилиями будут бороться против большевизма”.

Договорились на конференции и о формуле доброжелательного нейтралитета, хотя Каня и сомневался в сохранении его в случае возникновения войны в Центральной Европе¹⁵⁰.

После завершения конференции трех в Вене, Чиано вместе с супругой нанесли визит в Будапешт. Это был ответный официальный визит. Прием Чиано проходил в самой торжественной обстановке. Праздничные акты, писал Маккензен в Берлин, следовали друг за другом и доводили до изнеможения итальянских гостей. Чиано сопровождала большая свита высокопоставленных итальянских чиновников. К сообщению о состоявшейся продолжительной беседе Кани и Дарани с Чиано германский посланник отнесся скептически, полагая, что у них было вдоволь времени наговориться в Вене. Он утверждал, что в Будапеште не обсуждали ничего такого, о чем не шла бы речь в Вене.

В отношении общего впечатления от визита, германский посланник утверждал, что он вызвал определенное разочарование в широких народных массах и в части кругов, интересующихся политикой. Прав был Каня, продолжал он, когда с опасением наблюдал за безграничным воодушевлением соотечественников от речи дуче в Милане. Очень многие верили, что визит официального итальянского лица в какой-то мере будет продолжением этой речи. “Смешно звучит”, но некоторые надеялись, даже ждали, что “Чиано, как гость, принесет в подарок Фиуме!” Разочарование было тем сильнее, когда выяснилось, что Чиано ни в одной из своих речей в Будапеште даже не произнес слово “ревизия”¹⁵¹.

Иное представление об этом визите, прежде всего от его деловой стороны, сложилось у министра иностранных дел. Каня отмечал, что беседы велись в присутствии К. Дарани, и министр иностранных дел Италии был искренним и рассматривал проблемы более глубоко, чем в Вене, в присутствии Шмидта и Шушнига.

В ходе бесед Чиано подчеркнул, что английский план нового Локарно состоял в том, чтобы построить его в рамках Лиги наций, причем он состоял бы из двух договоров — англо-франко-немецкого и англо-франко-итальянского. Первый отклонила Германия, а второй — Италия. Франция подготовила свой обширный и сложный проект, базирувавшийся на соединении западного и восточного Локарно и распространении его на всю Европу. Но Германия и Италия и это откло-

нили, настаивая на восстановлении старого Локарнского договора, но без какого-либо его расширения.

В отношении Польши Чиано высказался так: ей, наконец, нужно понять, что она восточное государство, вследствие чего не может претендовать на включение ее в договор, предназначенный исключительно для западных держав. Но на вопрос Кани он ответил, что допускает включение ее в пакт четырех, если тот будет возрожден. На целый ряд аргументов Кани в пользу Польши Чиано не отозвался.

При обсуждении в Будапеште проблем Англии и ее планов в Средиземноморье Чиано сообщил Кане по секрету, что он располагает документом — указанием министра иностранных дел Великобритании Идена (от марта 1936 г.), в котором Германия названа самым опасным для мира в Европе государством, а "главнейшая задача Англии — это борьба с немецким империализмом". Чиано добавил, что в меньшей мере, но это относится и к итальянскому империализму. В то время Англия стремилась сохранить хорошие отношения с обеими названными странами, и уже намечалось смягчение англо-итальянских отношений. Поэтому на 2—3 года мир обеспечен. Не смогут нарушить его и события в Испании. В Вене же 11—12 ноября министры трех стран Римских протоколов собрались для обсуждения заранее запланированных вопросов: Римские протоколы, их связь с австро-германским соглашением и их результаты; выработка общей позиции против большевизма; признание аннексии Абиссинии и общее экономическое положение в Дунайском бассейне. Но в результате обсуждения конференция приняла решение по восьми пунктам. На этом совещании присутствовали К. Каня, Г. Чиано, Г. Шмидт и канцлер Австрии Шушниг. Итальянской стороне было поручено подготовить проект протокола заседания, который потом обсудили и после учета всех замечаний согласовали.

Кроме протокола, сохранилась и запись беседы, составленная К. Каней, в которой отражены дискуссия и согласование вопросов. Германский посланник в Будапеште написал донесение в Берлин о конференции в Вене, а также о беседе с К. Каней по этому вопросу в тот же день, т. е. 14 ноября 1936 г., со слов Чиано.

Эти материалы позволяют восстановить полную картину переговоров и дискуссий, длившихся два дня, между министрами иностранных дел трех государств Римских протоколов. В протоколе, подписанном в Вене двумя министрами иностранных дел — К. Каней и Г. Чиано, а также канцлером Австрии Шушнигом, на первом месте фигурировали экономические отношения. На втором — признание Австрией и Венгрией аннексии Италией Эфиопии. Правда, венгерский представитель пытался провести свою версию, что Венгрия формальное призна-

ние осуществит позже, когда регент Хорти нанесет визит в Италию. Но это не вышло, он вынужден был уступить и согласиться для самоуспокоения с такой формулировкой: “Регент доведет это до сведения итальянского короля”. В ответ итальянское правительство соглашалось на участие Австрии и Венгрии людскими силами и техникой в использовании абиссинской экономики. Правительства трех стран подтвердили свою верность Римским протоколам, представители Италии и Венгрии приветствовали соглашение Австрии с Германией.

В специальном пункте записано, что Чиано лично информировал участников конференции о своих переговорах с Гитлером и Нейратом, и высказана благодарность Венгрии и Австрии за то, что они решили вести дела в отношении Дунайского бассейна в духе дружеского сотрудничества.

Чиано подробно раскрыл деятельность и планы Италии в Испании. Он также себе в заслугу ставил инициативу Италии в борьбе против коммунизма. По мнению итальянского министра иностранных дел, миру угрожали Локарно, большевизм и Лига наций.

Наконец, Чиано перешел к вопросам, которые, по выражению Кани, “ближе нас интересовали”: Чехословакия, Румыния и Югославия. О последней он говорил с большим подъемом, дружбу с ней нужно поддерживать не только Италии, Германии, но и Венгрии. Кани в скобках записал: “Как будто я слушал речь Гёринга”. Но на пути этой дружбы, по утверждению Чиано, стояли три препятствия: “Далматинский вопрос, Хорватия и Венгрия”. Что касается первого препятствия, Италия сознает, что Далмация почти полностью славянская, там проживают всего 7 тыс. итальянцев. Можно допустить, что Италия откажется от далматинской территории, если Югославия торжественно откажется от своих территорий, населенных словенцами.

Относительно второй проблемы Чиано отмечал, что если бы югославы серьезно хотели примириться с Италией, то последняя могла бы отказаться от поддержки хорватской эмиграции (Мачек склонен примириться с принцем-регентом Павлом и премьером Стоядиновичем).

И, наконец, третье, Италия никогда не пожертвует венгерскими друзьями в интересах установления хороших итало-югославских отношений.

К. Кани предупреждал Чиано, что в отношениях с Югославией нужна предельная осторожность, и в доказательство этого приводил ряд доводов. И хотя Чиано обещал проявить осторожность, Кани записал: “Но в искренности его слов он не смог меня убедить”. Венгерский министр выразил готовность идти на сближение с Югославией, но перечислил ряд известных венгерских условий¹⁵².

Так складывались итало-венгерские отношения перед первым официальным визитом регента М. Хорти в зарубежную страну — Италию, куда он отправился 24 ноября.

Как же развивались отношения с Германией? Внешне они выглядели безоблачными, но фактически оказались омрачены рядом событий.

Одной из нерешенных проблем было недовольство правительства Германии положением немецкого национального меньшинства в Венгрии. В одной из предыдущих глав данной работы затрагивалась эта проблема. Венгерское руководство при Гёмбёше было недовольно прибывавшими в Венгрию германскими агитаторами (это были в основном студенты), которые проводили пропаганду среди местного немецкого населения в духе “Айн фолк — айн райх” (“Один народ — одна империя”). Поэтому их иногда арестовывали и выссылали.

У германского правительства недовольство вызывало притеснение немецкого меньшинства в области культурных объединений и в школьном вопросе — короче, ставилась задача сохранения родного языка и обычаев. По этому поводу создавались даже совместные комиссии, заседавшие попеременно в Берлине и Будапеште. Но воз оставался на старом месте.

В эти споры вмешивалась печать, как в Германии, так и в Венгрии, собирались официальными кругами материалы для жалоб с той и другой стороны. Так, посланнику в Берлине Д. Стояи консулом из Мюнхена был прислан материал на 20 страницах об антивенгерских нападениях в связи с жалобами немецкого меньшинства в Венгрии¹⁵³.

Обстановка по этому вопросу особую остроту приобрела в последние месяцы 1936 и в начале 1937 г. Поводом послужила статья Альфреда Розенберга, руководителя бюро внешних связей НСРПГ и главного редактора газеты “Фёлкипер беобахтер”, озаглавленная “Угнетение народов и ревизия договоров”¹⁵⁴. Он выступил против того, чтобы делить народы на группы ревизионистов и антиревизионистов, подчеркивая, что речь идет не о восстановлении довоенной, а о “построении новой Европы”. К Венгрии относилось то положение статьи, согласно которому Германия не может поддерживать чрезмерные ревизионистские устремления. Эта статья в первую очередь была направлена на успокоение Румынии, неприкосновенность ее западных границ и была ответом на выступление Муссолини в Милане. Однако она вызвала определенное охлаждение и в венгеро-германских отношениях.

По этому поводу состоялась беседа венгерского посланника Стояи с министром иностранных дел Нейратом в Берлине. Нейрат вообще

всегда свысока относился к венгерским посланникам, о чем свидетельствуют записи бесед. Он и не принял бы Стояи, если бы военный министр Бломберг не сказал Нейрату, что статья произвела такое плохое впечатление, что Стояи решил просить об отзыве его из Берлина. Министр иностранных дел принял посланника только 21 ноября и пытался убедить его, что в статье нет ничего такого, о чем бы МИД Германии официально не сообщал, а именно: Германия вполне понимает венгерские территориальные требования, но в то же время в Берлине считают невозможным их осуществить в полной мере и находят целесообразным сосредоточить усилия сначала против Чехословакии. Кроме того, министр пытался убедить собеседника в том, что не следует придавать столь большое значение газетной статье, тем более, если ее написал Розенберг.

Не смог удержаться Нейрат от того, чтобы не высказаться против Муссолини. Он понимает, сказал министр, что статья оказалась холодным душем для чрезмерных надежд, возбужденных дуче в Милане. Нейрат добавил, что дуче не мог бы помочь Венгрии, а названная речь только сплотила Малую Антанту. “Мы бы оказали плохую услугу венграм, если бы запели песню Муссолини”. Нужно ясно себе представлять, продолжал он, что нельзя осуществить венгерские ревизионистские требования мирным путем. Но как и когда можно добиться этих целей — еще неизвестно.

В ответ на рассуждения Стояи, перед какими трудностями поставила статья Розенберга венгерское руководство, Нейрат ответил, что венгерскому правительству нужно, скорее, просить Муссолини не возбуждать своими речами неисполнимые надежды¹⁵⁵.

Беседу на эту тему министр иностранных дел Венгрии продолжил с будапештским корреспондентом “Фёлкишер беобахтер” Францем Радемахером 28 января 1937 г. Каня заявил, что венгеро-германские отношения отнюдь не радужные. И его поразило, насколько всеобщей стала депрессия. Причиной этого он назвал статью Розенберга. По мнению Кани, “там стало модным выставлять Венгрию в качестве козла отпущения, а румын, наоборот, героями, а югославов обожествовать”¹⁵⁶.

Каня утверждал, что в Венгрии о ревизии уже никто не упоминал на протяжении четырех лет, а избрали ее как повод, чтобы можно было о ней поговорить. Включение Гёмбёшем ревизии в правительственную программу Каня считал ошибочным. Статья Розенберга появилась в результате его длительных бесед с Гитлером, считал министр.

Муссолини лично сказал Кане, что надо было поднять эту тему, поскольку по всему миру систематически распространяли слухи, что

луче полностью отказался от поддержки венгерских ревизионистских пожеланий”¹⁵⁷.

После появления статьи Розенберга дело дошло до того, что чехословацкий посланник предложил Кане искать совместную венгеро-чехословацкую основу, поскольку сейчас и Венгрия стала противником Германии”¹⁵⁸.

Радемахер допускал, что ошибочное мнение, будто Венгрия зависит от Германии, вызвало ее отход от Третьего рейха, примирение с соседями¹⁵⁹.

Обострению германо-венгерских отношений способствовала и обоюдная политика двух правительств по проблеме немецкого национального меньшинства в Венгрии. Оба правительства признавали этот вопрос внутренним делом Венгрии, но он все же приобретал международный характер. Для того, чтобы сгладить имевшиеся противоречия, немецкий посланник Маккензен собрал в Будапеште совещание “на высшем уровне” с участием премьер-министра К. Дарани, министра культов и просвещения Б. Хомана, министра внутренних дел М. Козмы и государственного секретаря премьер-министра по национальным меньшинствам Тибора Патаки. Совещание призвано было если не решить, то сгладить противоречия в национальном вопросе. С полтора часовой докладом выступил К. Каня, пытавшийся оправдать политику Венгрии в отношении немецкого национального меньшинства и высказавший венгерские жалобы на необычные действия германской стороны – посылку в Венгрию агитаторов, проповедовавших пангерманские идеи, засылку пропагандистской литературы (Дарани заявил, что только в его Балатонском избирательном округе учли 12 т такой печатной литературы), антивенгерскую пропаганду в германских печатных органах, особенно местных. Затронул он и статью Розенберга.

Маккензен в ответ в качестве антигерманских актов в Венгрии привел дело студенток, арестованных за агитацию в немецких селах Венгрии, дело Ференца Баша, одного из лидеров немцев, осужденного в Венгрии и др.

Венгры подняли и вопрос финансирования деятельности общественных и политических немецких организаций в Венгрии со стороны Германии. Маккензен не отрицал это, только напомнил, что и венгерское правительство делает то же самое в других странах¹⁶⁰.

Венгерское правительство для согласования этого спорного вопроса направило в Берлин министра внутренних дел Миклоша Козму. Маккензен в срочном порядке снабдил имевшимися в его распоряжении материалами все учреждения и их руководителей, с которыми планировались беседы Козмы¹⁶¹. В результате этого прибывший в Берлин

Миклош Козма во всех инстанциях встретился с единой позицией. А на встрече с Гитлером тот порекомендовал создать в Венгрии Эльдorado для немецкого меньшинства, чтобы она стала притягательной силой и для тех немцев, которые попали при распаде Австро-Венгрии в другие страны и чье положение лучше, чем у их соплеменников в Венгрии, поэтому они пока не рвутся возвращаться в лоно Великой Венгрии¹⁶².

Так складывались к началу 1937 г. отношения с Германией, на силу, мощь и поддержку которой так рассчитывали хортисты в территориальных претензиях к соседним странам.

Как же развивались события, связанные с Италией?

После победной войны в Абиссинии, подписания дополнительных Римских протоколов и образования "группы трех" стороны обязались консультироваться друг с другом, для чего и был создан специальный орган — совещание министров иностранных дел трех стран. Италия обязалась поддержать Венгрию, если та выдвинет требование равноправия в вооружениях, а если бы против этого выступили страны Малой Антанты, то Муссолини заверил венгерское правительство в своей далеко идущей помощи.

Выступление главы итальянского правительства 30 октября в Милане превратилось в новую манифестацию венгеро-итальянской дружбы.

Новый министр иностранных дел Г. Чиано, зять Муссолини, за короткое время дважды посетил Будапешт. Первый раз он представлял короля и правительство Италии на похоронах венгерского премьер-министра Д. Гёмбёша. Второй раз Чиано нанес официальный визит в Будапешт, длившийся три дня, после ноябрьской конференции министров иностранных дел стран Римских протоколов в Вене.

Основным событием конца 1936 г. в венгеро-итальянских отношениях был визит регента Хорти в Италию по приглашению итальянского короля. Об этом визите сохранилось очень мало материалов в венгерских архивах несмотря на то, что в свите Хорти были и премьер-министр Венгрии К. Дарани, и министр иностранных дел К. Каня, которые "в то время были гостями итальянского правительства"¹⁶³.

Характеризуя положение в Венгрии перед этим визитом, А. Бекзаян писал Н. Н. Крестинскому из Будапешта в Москву: «После той заупокойной, которую прочел Муссолини Лиге наций в предвосхищении грядущего развала Малой Антанты, трианонская Венгрия, снаряжая в поход своего "Мальбрука", уже захлебывается той важной ролью, которую ей в фашистской оси Берлин—Рим суждено сыграть в установлении "конструктивного мира" в Европе»¹⁶⁴.

О поездке в Рим и Вену больше других написал Хорти в своих воспоминаниях. Визит Хорти в Рим состоялся 24–28 ноября 1936 г. Он прежде всего описывал помпезность приема. Регент писал о том, что он был первый раз в Риме. Поэтому, может быть, и неудивительно, что он в воспоминаниях так восторженно описал достопримечательности столицы Италии. Во дворце Венеция, где до первой мировой войны располагалось посольство Австро-Венгрии, Муссолини вел переговоры с Хорти в присутствии Чиано, который на протяжении всей беседы стоял. На Хорти Муссолини произвел хорошее впечатление. Далее Хорти писал: “Мы оба совершенно ясно представляли себе, что Малая Антанта с большой подозрительностью наблюдала за нами”. Но, как утверждал регент, у него вообще не было намерения вести переговоры в Риме о союзе, хотя в его свите было большое число военных (начальник генштаба, начальник военной канцелярии Хорти и др.). “Целью было только заполучить самолеты и вооружение и с этими пожеланиями Муссолини согласился”¹⁶⁵. Это место из воспоминаний свидетельствует, что некоторые наблюдатели, журналисты и дипломаты ошибались, когда утверждали, что этот визит не имел политического значения. Так, С. Мирный писал М. М. Литвинову, что Хорти принимали в Риме “с царскими почестями”, но больше ничего, никаких обещаний в отношении ревизионизма¹⁶⁶. Стояи доносил, что в Берлине восприняли визит спокойно, верят в политику Кани¹⁶⁷.

Польский представитель Алфред Высоцкий прислал из Рима шифрованную телеграмму. Ссылаясь на беседу с Каней, он сообщал, что визит не дал ничего нового. Высоцкий подчеркнул, что в Дунайском бассейне дела могут решаться на основе двухсторонних договоров, но венгры исключали из них Малую Антанту вообще, пока не будет решен вопрос о равноправии на вооружение.

Беседовал Высоцкий и с Хорти, который славил польскую дружбу и выразил надежду, что визит будет способствовать победе над большевизмом и скором установлении общей польско-венгерской границы¹⁶⁸.

Ярким моментом, врезавшимся в память Хорти, было награждение его итальянским королем высшим орденом Италии “Санта Аннунциата”.

В восторженном тоне описал регент и пребывание в Вене, где он, по его словам, избегал посещения тех мест, с которыми было связано его пребывание там в период адъютантства у императора Франца-Иосифа¹⁶⁹.

В конце 1936 и в начале 1937 г. не снижался нажим на Венгрию как со стороны Германии, так и Италии, чтобы она шла на сближение с Югославией.

17 июля 1936 г. югославский посланник в Венгрии Александр Вукчевич посетил К. Каню и по поручению Милана Стоядиновича, премьера и министра иностранных дел Югославии, предложил улучшить отношения между двумя странами. После этого было подписано соглашение по туризму; по поводу возвращения высланных из Югославии венгров было обещано принять срочные меры. Вукчевич заявил также о намерении Югославии пойти на сближение с Германией (но без широкого афиширования).

28 февраля 1936 г. венгерский посланник в Югославии Валдемар Алт имел продолжительную дружескую беседу со Стоядиновичем и заявил, что Венгрия заинтересована в установлении хороших отношениях с Югославией. Премьер предложил осуществить сближение в несколько этапов, а точкой соприкосновения может послужить вопрос о реставрации Габсбургов (Венгрия постоянно заявляла о его неактуальности). Он пообещал непредвзято изучить положение венгерского национального меньшинства и разрешить распространение в Югославии в туристский сезон 2–3 венгерских газет.

8 марта Стоядинович в парламенте заявил, что в интересах экономической консолидации стран Дунайского бассейна склонен сотрудничать и с Венгрией, и выразил пожелание устранить причины взаимного недоверия и расхождения во мнениях. Венгерская печать положительно откликнулась на этот жест, а К. Кания 28 мая в Палате представителей, со своей стороны, выразил согласие на содействие в достижении этой цели.

11 июня 1936 г. состоялась новая беседа между Стоядиновичем и Алтом, в результате которой на следующий день был передан югославской стороне меморандум, содержащий жалобы и пожелания в отношении венгерского национального меньшинства. Алт устно информировал об этой беседе Каню. Тот также устно поручил передать Стоядиновичу, что вопрос о реставрации Габсбургов в Австрии считает внутренним делом австрийцев, а в отношении венгерского меньшинства рекомендовал Стоядиновичу “предоставить ему такие права, какими пользуется румынское меньшинство в Югославии”¹⁷⁰, и предложил по этому вопросу заключить договор. Поскольку Хорти в свое время сделал шаг к сближению, а венгерское правительство предложило подписать венгеро-югославский договор о дружбе, теперь черед за Югославией проявить инициативу. 24 июля Алт выполнил это поручение.

Между тем Кания через Вукчевича передал Стоядиновичу послание, в котором говорилось, что тот, видимо, в действительности не хочет сближения. Кания приводил факты (выселение венгров, роспуск их союзов, применение оружия). Отвечая на это послание, Стоядинович просил не беспокоиться и разъяснял, что он, “учитывая сербское обще-

ственное мнение, может только медленно и постепенно идти в направлении сближения”¹⁷¹.

После этого Алт получил поручение в ближайшее время подбросить Стоядиновичу идею совместной защиты от коммунистической опасности как хорошую почву для полезного венгеро-югославского сотрудничества и одну из баз сближения.

Венгерское министерство иностранных дел и с польской стороны получило информацию о пожеланиях югославов в связи с наметившимся сближением. Посланник Польши в Будапеште Леон Орловский 17 июня сообщил Кане об ответе Стоядиновича на предложения Бека в Белграде улучшить венгеро-югославские отношения. Стоядинович готов идти на сближение, но Венгрии нужно было бы придумать хитрую формулу, в которой содержался бы нюанс в претензиях к Югославии по сравнению с Чехословакией и Румынией. Заведующий политическим отделом польского МИДа Тадеуш Кобылянский сообщил в середине июля посланнику Венгрии Андрашу Хори, что стремление к достижению договора о сотрудничестве он считает чрезмерным, ибо такие предложения надо предварительно обсудить со своими партнерами. У Хори сложилось впечатление, что пришло время начать прямые венгеро-югославские переговоры¹⁷².

24 июля, в ходе беседы Алта со Стоядиновичем, последний отклонил предложение подписать договор по национальным меньшинствам, мотивируя отказ тем, что и с Германией, хотя Югославия в хороших отношениях с ней, нет такого договора. На уговоры Алта премьер пообещал сделать решительный шаг в сторону сближения с Венгрией и заявил, что “венгеро-югославские отношения видит через призму хороших немецко-югославских отношений, которые желает сохранить”¹⁷³. Стоядинович тогда же выразил пожелание, чтобы венгерское правительство сделало заявление о дифференцированном подходе к территориальным претензиям в виде декларации, наподобие той, которую сделал итальянский посланник в Белграде Кампалто Виола при вручении верительных грамот, хотя бы и не в такой торжественной форме.

В конце августа Стоядинович вновь высказался за медленный темп сближения, но горячо подхватил идею “совместной защиты против коммунизма” и обмена информацией по этому вопросу по линии министерств внутренних дел.

22 октября Стоядинович принял бывших руководителей венгерской партии в Югославии и заявил, что установить дружеские отношения с Венгрией было бы очень легко, если бы Венгрия признала существующие границы окончательными. Остальные два государства Малой Антанты “наблюдали бы это сближение со сложными рука-

ми”, поскольку общей политикой двух стран (Венгрии и Югославии) были бы антибольшевизм, противостояние реставрации Габсбургов и дружба с Германией.

12 ноября в беседе с Алтом Стоядинович отстаивал свою прежнюю точку зрения: нужно осторожно, шаг за шагом, продвигаться к сближению, мотивируя это тем, что два других государства Малой Антанты “уже проявляют к нему (Стоядиновичу. – А. П.) недоверие”¹⁷⁴. Кроме того, заявил Стоядинович, после выступления Муссолини в Милане он пресек нападки на Венгрию несмотря на давление Франции и стран Малой Антанты, да и сам уклонился от заявлений.

До середины января 1937 г. между Венгрией и Югославией не было контактов, касавшихся сближения двух стран. В период, когда велись эти беседы, Венгрия обратилась к Италии с просьбой не заключать соглашения с Югославией до урегулирования венгеро-югославских отношений. Такое обещание Муссолини было дано¹⁷⁵.

С другими странами Малой Антанты отношения Венгрии к началу 1937 г. складывались весьма напряженно.

23 января 1937 г., в период наибольшего обострения венгеро-румынских отношений, румынский посланник в Будапеште Рауль Босси посетил К. Каню. Министр высказал мысль, что на установление дружеских отношений рассчитывать не приходится и пока следует удовлетвориться меньшим, сделать их хотя бы “более здоровыми”. Каня сообщил, что у правительства, в принципе, есть намерение нормализовать отношения с Румынией, но не любой ценой, а при выполнении предварительных условий – признания за Венгрией равноправия на вооружение и улучшения положения венгерского меньшинства в Румынии¹⁷⁶.

Затрагивал эту проблему и венгерский посланник в Париже Ш. Куэн-Хедервари в донесении о переговорах министра иностранных дел Румынии Виктора Антонеску в Париже в конце 1936 г. Он и министр иностранных дел Франции И. Дельбос констатировали полную гармонию отношений не только между Францией и Румынией, но и другими странами Малой Антанты. Коснулись они и проекта пакта о взаимопомощи между странами Малой Антанты, но Румыния отклонила его, поскольку пакт не помог бы ей против Советской России. У Франции был договор с Чехословакией о взаимопомощи против Германии, а с другими странами Малой Антанты – только соглашение о консультациях¹⁷⁷.

Проблему венгеро-румынских отношений, но уже в ином ракурсе, затрагивал и А. Бекзаян в письме М. М. Литвинову от 24 января 1937 г. В связи с новогодним выступление влиятельного политического

деятеля Иштвана Бетлена (но уже не официального лица), касавшегося судьбы венгерского меньшинства в Трансильвании в Румынии, был обнародован отклик сенатора Лапедату о желательности достижения соглашения. “Я ничего не вижу предосудительного в желании графа Бетлена создать дружеское соглашение между Венгрией и Румынией путем прямых переговоров”, — писал Лапедату. Это заявление было принято всей венгерской печатью с чувством “большого удовлетворения”. Венгерская газета “Мадярорсаг” отмечала: “С 1918 г. венграм не приходилось встречать более вежливого и понимающего тона, чем речь Лапедату”¹⁷⁸.

Самые сложные и непримиримые отношения были у Венгрии с Чехословакией. 19 января 1937 г. чехословацкий посланник в Будапеште Милош Кобр посетил К. Каню и вновь поднял вопрос, который он уже ставил перед самым рождеством. А именно: готов ли министр, взамен официального признания равноправия на вооружение, подписать с Чехословакией договор о ненападении. В первый раз Каня обещал основательно подумать, теперь же ответил, что чешско-венгерское сближение возможно лишь в том случае, если пражское правительство признает венгерское равноправие на вооружение и удовлетворит хотя бы важнейшие жалобы венгерского меньшинства в Чехословакии. Но и тогда, если бы даже была создана благоприятная атмосфера для переговоров, он не считал бы заключение договора о ненападении лучшим средством для разрядки напряженности между двумя странами¹⁷⁹.

По поручению венгерского правительства Стоян информировал о предложении Кобра германского министра Нейрата. Последний назвал это наглостью. Желая еще больше подлить масла в огонь, венгерский посланник, как будто случайно, добавил, что в последнее время посланники стран Малой Антанты осаждают МИД, настойчиво ищут сближения с Венгрией, видя, что под влиянием статьи Розенберга венгеро-германские отношения ухудшились, и верят, что в подходящее время страны Дунайского бассейна объединятся против общей немецкой опасности¹⁸⁰. Нейрат убеждал Стоян, что Венгрия может надеяться на лучшее будущее только в союзе с Германией, поэтому им нужно совместно вооружаться и ждать развития событий.

И действительно, в январе—феврале 1937 г. посланники стран Малой Антанты провели ряд бесед с Каней, в ходе которых зондировали почву в отношении проектов своих правительств, имевших целью нормализовать отношения с Венгрией¹⁸¹. Но тогда договоренность не была достигнута не только потому, что Венгрия выдвигала невыполнимые предварительные условия, но и из-за того, что объединение намеча-

лось осуществить на антикоммунистической и антисоветской основе, а у Чехословакии с СССР был договор о взаимопомощи.

Венгеро-советские отношения складывались весьма неординарно. При существовании нормальных дипломатических отношений печать не прекращала нападки на Советский Союз. Внешняя политика нового премьер-министра К. Дарани афишировалась как продолжение гёмбёшевской. В столице Венгрии организовывались антисоветские митинги с выступлениями против признания СССР и советского посольства в Будапеште на улице Байза, откуда “рубли катятся по всей стране”, по поводу чего С. Мирный в письме в адрес Н. Н. Крестинскому с горечью констатировал, что это в то время, когда в кассе посольства было только на несколько сот неоплаченных счетов¹⁸². Это донесение было написано в середине октября 1936 г. Венгерский посланник в СССР М. Юнгерт-Арноти в то время находился в Будапеште. И как все союзники Венгрии, так и Юнгерт не мыслил себе сотрудничество Венгрии с Чехословакией без отрыва последней от СССР и отказа Франции от блока с Советским Союзом. В беседе с С. Мирным он констатировал рост антисоветских настроений в Будапеште и то, что венгры свои надежды на ревизию связывали с Германией. В то же время он отметил, что каждый венгр понимает: за Чехословакией стоит мощный СССР. Юнгерт, как и ряд других венгерских дипломатов, понимал, что опора на гитлеровскую Германию сулит мало хорошего для будущего Венгрии. Он даже сказал, что если бы Венгрия могла рассчитывать на Советский Союз в осуществлении своих территориальных претензий, то вся “стрекотня о большевистской опасности моментально испарилась бы”¹⁸³.

Внешнюю же политику правительства К. Дарани он охарактеризовал как сохранение курса Гёмбёша: “ось Рим–Берлин” – дружба и с Италией и с Германией; сохранение “свободы рук” как в отношении обеих этих стран, так и в отношении держав, находившихся вне сферы влияния этой оси; верность намеченной линии группы стран Римских протоколов.

Возвратившись в Москву, венгерский посланник М. Юнгерт-Арноти 28 октября 1936 г. посетил НКВД и имел беседу с заведующим 2-м западным отделом Д. Г. Штерном. И на этот раз, как и раньше, встреча началась с жалоб на нападки венгерской печати. “Не проходит и дня, чтобы венгерские газеты не нападали на Союз”. До тех пор советская печать не реагировала, но в будущем положение может измениться.

Предметом обсуждения были антибольшевистские демонстрации в начале октября в Будапеште. В данном донесении Юнгерт решил показать себя настойчивым и агрессивным в беседах с советскими долж-

ностными лицами. Он пишет, что заявил Штерну: “Будем подавлять дома коммунистическое движение”, — и добавил, что в Венгрии политические репрессии не столь беспощадны. Юнгерт доносил также, что он сказал: в Советском Союзе не делают различий между Венгрией и Германией, и не Германия диктует Венгрии антисоветское поведение, а сама Москва провоцирует его. Вызвано оно отношением Советского Союза к венгерским устремлениям. А когда оно изменится, тогда изменится и поведение венгерской печати по отношению к СССР. В то время, когда по всем данным росло недовольство общественности Венгрии гитлеровской Германией, Юнгерт утверждал о завоевании Германией симпатий в Венгрии тем, что та поддерживала ревизию Трианонского мирного договора, равноправие Венгрии на вооружение и признание прав национальных меньшинств.

Далее Юнгерт докладывал Кане, чего он хотел добиться беседой в таком тоне: а) развенчать то представление московских политических руководителей, согласно которому Венгрия нашла общий язык на антибольшевистской основе с германским гитлеризмом, который диктует Венгрии внешнеполитическое поведение по всем вопросам; б) убедить их, что поведение Венгрии на международной арене связано с ее известными целеустремлениями, а сотрудничество с венгерским правительством возможно исключительно на этой основе; в) дать понять, что дипломатии Советского Союза нужно отделять венгерские устремления от политики, которую проводит Венгрия по отношению к Германии, ибо только так можно избежать ошибочной оценки венгерской внешней политики и вытекающих из этого недоразумений; г) указать на то, что теперешнее поведение советской дипломатии в отношении венгерских устремлений в области внешней политики совершенно противоречит прежним установкам (отказу от применения силы, идее равноправия наций, культурной автономии национальных меньшинств и праву на самоопределение вплоть до государственного отделения). Юнгерт спрашивал, в чем может отказать Советский Союз стране в Дунайском бассейне из того, что для себя считает аксиомой. Штерн только пообещал информировать Литвинова¹⁸⁴.

Венгерское посольство в Москве не получало для информации посланников важнейшие документы МИДа из Венгрии. Поэтому и неудивительно, что, как свидетельствуют донесения Юнгерта, он не всегда был в курсе действительных колебаний в своем министерстве и стране. На этот раз, возвратившись из отпуска и получив устные указания, он занял явно прогитлеровскую позицию.

Примерно тогда же, 7 ноября (Юнгерт отправил донесения 6 ноября), А. Бекзаян направил письмо Н. Н. Крестинскому. В нем он отмечал совершенно иную обстановку в Будапеште, а именно: переориен-

тацию правительства Дарани с германского на итальянский конец оси. Правительство ближе продвинулось к “бетленовскому курсу” не только в ориентации на Рим, но и в сохранении тесных связей с английскими политическими кругами и, отчасти, даже французскими. Советский посланник полагал, что даже подписание Чiano и Нейратом протокола в Берлине не могло прекратить борьбу между Италией и Германией за политическое влияние в Венгрии.

Но тут же Бекзадян предупреждал, что нельзя ожидать перемен в Венгрии в отношении СССР¹⁸⁵.

Эта же тенденция развития политики Венгрии характеризовала конец 1936 г. Аналогичная оценка событий отмечена и в письме С. Мирного М. М. Литвинову от 17 декабря 1936 г., а именно: переориентация во внешней политике Венгрии в оси от Германии к Италии. Наметился пересмотр восторженной оценки австро-германского соглашения от 11 июля. Венгрия отброшена к догёмбёшевской итальянской ориентации. Он обратил внимание на некоторые круги, опасавшиеся того, что Германия в своем продвижении в Зюдостраум предпочла заручиться скорее содействием Румынии и Югославии, чем Венгрии. На пути этой линии лежал венгерский ревизионизм. Туман долго окутывал интервью Гитлера Октавиану Гоге, касавшееся неприкосновенности границ Румынии (немцы не подтверждали, но и не опровергали интервью). Но статья Розенберга в “Фёлкшпер беобахтер” прояснила, что динамичной Германии не по пути с “ревизионистской Венгрией”¹⁸⁶.

Венгерская пресса выражала беспокойство по поводу германо-румынской дружбы. Отмечалось, что Германия уже поддерживает антиревизионизм Румынии и Югославии¹⁸⁷.

В донесении С. Мирного указывалось, что антисоветские настроения смягчены, но продолжают. Все еще утверждалось, что Германия и Венгрия — два форпоста западной цивилизации против большевизма и советского варварства.

И в то же время находившийся в Будапеште секретарь венгерской миссии в Москве Эгон Циндрич заявил в советском посольстве по поручению постоянного заместителя министра иностранных дел Габора Апора, что Венгрия, в ответ на сделанное ей предложение, отказалась присоединиться к германо-японскому Антикоминтерновскому пакту¹⁸⁸.

По записи беседы с Юнгертом в середине декабря, сделанной временно исполнявшим обязанности заведующего 2-м западным отделом НКИДа Г. Я. Бежановым, видно, что Юнгерт говорил совсем не то, что незадолго до того сообщал в свой МИД. На этот раз венгерский посланник в Москве тоже констатировал отход Венгрии в последнее время от Германии и большее сближение с Италией. Объяснял он это обещанием Гитлера, данным Румынии, о целостности ее границ.

Посланник, правда, продолжал рассуждать в том смысле, что Венгрия всегда будет с теми, кто поддерживает равноправие Венгрии и ее ревизионистские требования. На этом основании Венгрия готова договориться с Чехословакией, Румынией и другими странами Центральной Европы и Балкан, примкнула бы к Малой и Балканской Антантам и перестала бы заигрывать с Германией. По мнению Юнгерта, это обеспечило бы мир по крайней мере на 15 лет; он ставил вопрос, почему бы СССР не взять на себя инициативу в этом направлении, т. е. по сближению между Венгрией и остальными странами Малой и Балканской Антант¹⁸⁹. Как будто он не знал о неприемлемых для этих стран условиях, выдвигавшихся Венгрией.

Юнгерт и у Бежанова интересовался, ведутся ли переговоры СССР с Румынией о пакте о ненападении, и когда получил отрицательный ответ, разъяснял, что отход Венгрии от Германии и сближение Румынии с Германией особенно усилились после ухода Титулеску.

С. Мирный информировал 7 января 1937 г. Бежанова о состоянии венгеро-румынских отношений. Он писал, что несмотря на вновь разгоревшуюся кампанию в венгерской и румынской прессе по поводу подготавливаемой «Варфоломеевской ночи» над венгерским национальным меньшинством в Румынии, венгерский ревизионизм в отношении Румынии отступал на вторые позиции. Причина этого — усиление ориентации определенных румынских кругов на Германию, поддержка Розенбергом антиревизионистской линии румынских фашистов и традиционные связи Италии с Румынией¹⁹⁰.

В тот же день (7 января) А. Бекзаян написал письмо наркому Литвинову, в котором напомнил, что после смерти «вождя» Гёмбёша и формирования чиновничьего кабинета Дарани посольство в Будапеште указывало на процесс «спуска на тормозах» с резко прогитлеровской линии политики венгерского правительства. Но в то же время подтверждалась сложившаяся точка зрения о полной уверенности всех оттенков венгерской буржуазии в необходимости «вековой борьбы» между «венгерством» и «руссославянством». Экхардт, Зичи, Шандор Петё солидаризировались с Бегленом в том, что «любое разрешение дунайской проблемы должно быть направлено против СССР» и «русской империалистической опасности»¹⁹¹.

В следующем донесении Бекзаяна Литвинову (24 января) посланник выделил новое во внешнеполитических настроениях Венгрии — проскальзывавшие в прессе заявления о том, что СССР теперь мало заинтересован в дипломатическом сотрудничестве с Европой, и что он, по-видимому, намечает для себя новую внешнеполитическую линию отхода от сотрудничества с западными государствами. «Венг-

рия в течение почти всего времени пребывания моего здесь, на лету ловила всякие, даже нелепые, слухи о нашем намерении кровью и железом ринуться на Европу», причем разоруженная Трианонским договором Венгрия выставлялась все время как один из первых объектов “этой нашей империалистической экспансии”. О таких проявлениях “страха от бессилия” “мы не раз вам сообщали” в своих письмах, бюллетенях прессы и политкалендарях. Но венцом этого чисто венгерского психоза Бекзадян считал опубликование сообщения берлинского корреспондента венгерской газеты “Эшти уйшаг” о “плане наступления СССР на Европу” и о том, какими “дьявольскими средствами намереваемся мы” покорить Западную, Центральную и Юго-Западную Европу. Это “чингисхановское нашествие” газета описывала так: на севере наступают генерал Сапожников, в центре – генерал Уборевич, южнее – войска Якира. “Судьба Европы будет решаться и теперь, как и во времена татарского нашествия, не иначе, как в Дунайском бассейне”, – писала “Эшти уйшаг”.

Да и другие газеты, в частности “Фюгеттленшег”, утверждали: “Европейские народы и государственные деятели, создавшие Трианон, теперь должны окончательно убедиться в важности для мира в Европе сильной и достаточно вооруженной Венгрии в Дунайском бассейне”. То, что знали Батый и Оготай 800 лет тому назад, знают теперь и руководители СССР, а именно, что ключом Европы является Карпатский хребет и Дунайским бассейн. “Как Чингисхан, так и генерал Якир знают, что путь в Рим, Париж, Вену, Мюнхен ведет через венгерские трупы”¹⁹².

Так пугала венгерская пресса лидеров великих и малых государств, соревнуясь с создателями Антикоминтерновского пакта.

Другая газета (“Пестер Ллойд”)¹⁹³ отражала и надежду венгерских политиков на примирение оси Рим–Берлин с Лондоном и Парижем, что означало бы политическую изоляцию СССР.

Таковыми были в начале 1937 г. кровавые чаяния венгерской дипломатии, но сбыться им не было суждено.

¹ DIMK. I. 127.old.;OL. K-64. 1936. 23. 148; K-63. 1936.23/7. 598.

² OL. K-63. 1936. 20/27. 638.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ DIMK. I. 143–144.old.

⁶ OL. K-63. 1936. 20/7. 788.

⁷ Budapesti Hirlap. 1936.6.III.

- ⁸ Nemzeti Újság. 1936. 6.III.
- ⁹ DIMK. I. 153–157.old.
- ¹⁰ Esti Kurir. 1936. 10.III.
- ¹¹ Magyarország. 1936. 15.III.
- ¹² A Reggel. 1936. 16.III.
- ¹³ Magyarság. 1936. 19.III.
- ¹⁴ Pesti Napló. 1936. 20.III.
- ¹⁵ Magyarság. 1936. 20.III.
- ¹⁶ DIMK. I. 157–158.old.
- ¹⁷ OL. K-63. 1936. 6. 1022; OL. FT. X-10925.d. 5753/H 040646-9.
- ¹⁸ DIMK. I. 164–166.old.; OL. FT. X-10925.d. 5753/H 040646.
- ¹⁹ Nemzetközi Szerződések 1918–1945. Bp., 1966. 345.old.
- ²⁰ Pester Lloyd. 1936. 25.III.
- ²¹ Nsz. 346–347.old.
- ²² DIMK. I. 168.old.
- ²³ OL. K-64. 1936. 23. 44. 1–2.l.
- ²⁴ DIMK. I. 166.old.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ Ibid. 167.old.
- ²⁷ OL. K-64. 1936. 23. 230. 1–2.l.
- ²⁸ Ibid. K-63. 1936. 23/7. 756. (1071).
- ²⁹ Ibid. K-64. 1936. 23. 237. 1.l.
- ³⁰ DIMK. I. 171.old.
- ³¹ Budapesti Hirlap. 1936. 17.IV.
- ³² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 6. П. 115. Л. 10.
- ³³ Там же. Л. 11.
- ³⁴ Pester Lloyd. 1936. 8.II.
- ³⁵ АВП РФ. 1936. Ф. 05. Оп. 16. Д. 6. П. 115. Л. 11.
- ³⁶ OL. FT. X-9581. 36199–36200.d. Political Reports of the Hungarian Ambassador in Moscow to the Hungarian Foreign Ministry. 1936. 28.pol.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibidem. (Кодированные телеграммы венгерского посольства из Москвы в Будапешт за 1936 г. № 11, 13, 14).
- ³⁹ АВП РФ. 1936. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 50, 51.
- ⁴⁰ Там же. Л. 54.
- ⁴¹ Там же. Л. 57.
- ⁴² Там же. Л. 63–64.
- ⁴³ Pesti Napló. 1936. 17.IV.
- ⁴⁴ АВП РФ. 1936. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 66.
- ⁴⁵ Там же. Л. 72.

- 46 Там же. Л. 73–74.
- 47 Там же. Л. 76–77.
- 48 Там же. Д. 41. П. 118. Л. 1.
- 49 Там же. Л. 2–3.
- 50 Там же. Л. 5–6.
- 51 OL. K-63. 1936. 7/25. 1351.
- 52 Ibidem.
- 53 Ibid. 922 (1320).
- 54 Ibid. 1372.
- 55 OL. K-64. 1936. 25. 117 (334).
- 56 OL. FT. X-10933.d. 9565/E 673483, 673496–673498,
673487–673488.
- 57 Ibid. 673484–673487; X-10925.d., 5753/H 040677–040683;
DIMK. II. 126.old.
- 58 Kovács Endre. Op. cit. 270.old.
- 59 DIMK. I. 183–184.old.
- 60 OL. K-84. 1936. 25. 117. 475; *Ádám Magda. Magyarország és a ki-
santant a harmincas években. Bp., 1968. 113.old.*
- 61 Gazeta Polska. 1936. 18.IV.
- 62 Express Poranny. 1936. 16.IV.
- 63 Pester Lloyd, Budapesti Hirlap. 1936. 26.IV.
- 64 AAN. P.III. 6596. 49 W. 1936. S. 1–42.
- 65 DIMK. II. 116–120.old.
- 66 OL. K-63. 1936. 17/7. 1722.
- 67 Kovács Endre. Op. cit. 272.old.
- 68 ABП PΦ. Φ. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 83.
- 69 DIMK. II. 120–122.old.
- 70 Magyarország, Függetlenség. 1936. 28.IV.
- 71 ABП PΦ. Φ. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 84.
- 72 OL. K-63. 1936. 17/7. 1967.
- 73 AAN. MSZ. P.III. 1936. 49 W. 6596. P. 50.
- 74 ABП PΦ. Φ. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 79.
- 75 Там же. Л. 84–85.
- 76 Там же. Л. 87–88.
- 77 Там же. Л. 104.
- 78 OL. K-64. 1934.23/7.756 (1220).
- 79 DIMK. I. 209.old.
- 80 Ibid. 214.old.
- 81 OL. K-63. 1936. 20/25. 1908 (2030).
- 82 Ibidem.
- 83 Ibid. 2222.

- 84 DIMK. I.230.old.
85 Ibid. 231.old.
86 OL. K-63. 1936. 20/25. 768.
87 DIMK. I. 236.old.
88 OL. K-64. 1936. 20/25. 1908. (2375).
89 Ibid. 1908 (2352).
90 Ibidem.
91 Ibid. 1908 (2376).
92 DIMK. I. 238.old.
93 Nemzetközi Szerződések 1918–1945. 376–379.old.
94 Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serve D. B. I. Baden-Baden, 1950. S. 231.
95 Nemzetközi Szerződések, 378–379.old.
96 OL. K-64. 1936. 20/25. 1908 (2423).
97 Ibid. 20/25 (2495); 21/28, 2407.
98 Ibid. 20/25. 1908;2508; (2395).
99 Ibid. 16/25. 2480; 20/25. 1908 (2556).
100 DIMK. I. 252–253.old.
101 OL. K-64. 1936. 20. 563.
102 Ibid. 523.
103 DIMK.I. 277.old.
104 Pesti Hirlap. 1936. 10.VII.
105 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 120.
106 Там же. Л. 119.
107 Magyarország. 1936. 11.VII.
108 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 133.
109 Там же. Л. 140–141.
110 Pritz Pál. Op. cit. 263.old.
111 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 139.
112 Там же. Л. 136, 140, 142.
113 OL. K-64. 1936.21. 568. (567, 544). 1–37.1
114 Horthy Miklós. Op. cit. 170.old.
115 OL. K-64. 1936. 21/7. 2829.
116 A Wilhelmstrasse és Magyarország. 138–139.old.
117 Horthy Miklós. Op. cit. 170.old.
118 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 145.
119 DIMK. I. 267–271.old.
120 AAN. MSZ. P-III. I W. 6570. S. 88–89; PBp. 1931–1937. 14 (IW). S. 422.
121 OL. K-63. 1936. 21. 652; 794.
122 DIMK. I. 273–278.old.

- 123 OL. K-63. 1936. 21. 395.
- 124 DIMK. I. 273–278.old.
- 125 OL. K-64. 1936. 21. 625, 1–4.l; DIMK. II. 163–164. old.
- 126 DIMK. I. 279–291. old.
- 127 Nemzetközi Szerződések.393.old.
- 128 Ibid. 395–397.old.
- 129 *Ciano G. L'Europa verso la catastrofa. Milano, 1948.*
- 130 OL. K-63. 1936. 21/27, 2794 (3496)
- 131 Ibid. 3560.
- 132 DIMK. I. 295.old.
- 133 OL. K-64. 1936. 23. 701.
- 134 Nemzetközi Szerződések. 398–402. old.
- 135 *Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Serie D (1937–1945). I.B. Baden-Baden, 1950. S. 600.*
- 136 Nemzetközi Szerződések. 402–403.old.
- 137 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 6. П. 115. Л. 62–67, 68–90.
- 138 OL. K-64. 1936. 23. 701.
- 139 *A Wilhelmstrasse és Magyarország.* 147.old.
- 140 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118.
- 141 KN. 1935. X.k. 10–15.old.
- 142 OL. FT. 10944.d. 7424/E 539688–539692.
- 143 Ibidem.
- 144 *Pester Lloyd (Morgenblatt).* 1936. 23.X.
- 145 OL. K-64. 1936. 21/27. 3721. 2–4.l.
- 146 Ibid. 5–14.l.
- 147 *Függetlenség.* 1936. 3.XI.
- 148 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 116.
- 149 Там же. Л. 144.
- 150 OL. K-64. 1936. 41. 795. 1–8.l; 759; 23. 797; DIMK. I, 307–318. old.; *A Wilhelmstrasse és Magyarország.* 161.old.
- 151 OL. FT. 11588.d. 1550. 376788–376790.
- 152 OL. K-64. 1936. 23. 797. 1–9.l.
- 153 OL. K-83. 1936. 393.biz.1–20.l.
- 154 *Völkischer Beobachter.* 1936. 15.XI.
- 155 *A Wilhelmstrasse és Magyarország.* 164–165.old.
- 156 OL. FT. 10944.d. 7427/E.539800–539804.
- 157 Ibidem.
- 158 *Имелась в виду беседа Кани с Милошем Кобром в Будапеште 19 января 1937 г. Опубл.: DIMK. II. 191–193.old.*

- 159 OL. FT. 10944.d. 7427/E. 539802–539803.
- 160 A Wilhelmstrasse és Magyarország. 180–186.old.
- 161 Ibid. 165–169.old.
- 162 Ibid. 190–194.old.
- 163 OL. K-99. 1937. 34. 24. 17–18.l.
- 164 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 164.
- 165 *Horthy Miklós*. Op. cit. 171.old.
- 166 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 174–175.
- 167 OL. K-83. 1936. 148. 1–2.l. (115–116.l).
- 168 AAN.MSZ. P.III. I.W. 6770. S. 80.
- 169 *Horthy Miklós*. Op. cit. 175–177.old.
- 170 OL. K-64. 1937. 49. 68. 2–17.l (53–68.l).
- 171 Ibid. 7.l.
- 172 Ibid. 8.l.
- 173 Ibid. 9.l.
- 174 Ibidem.
- 175 Ibid. 13–15.l.
- 176 DIMK. II.k. 196-197.old.; OL. K-63. 1935.235.15–18.l.
- 177 OL. K-63. 1937. 4152. 1–3.l.
- 178 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. Д. 39. П. 130. Л. 19–20.
- 179 DIMK. II.k. 191–193.old.
- 180 OL. K-83.24. 1–3.l. (475–478).
- 181 AAN. MSZ. PBr. 1925, 1931–1937, 14 (W). S. 436–437.
- 182 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 19. Д. 40. П. 118. Л. 150–152.
- 183 Там же. Л. 156–157.
- 184 OL. FT. 36199–36200. Raports of the Royal Hungarian Embassy
in Moscow. 1935–1941. 1936, 170.pol.fön.
- 185 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 160–162.
- 186 Там же. Л. 171–172.
- 187 Az Est. 1936. 9.XII.
- 188 АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 40. П. 118. Л. 173. 176.
- 189 Там же. Ф. 77. Оп. 13. Д. 9. п. 6. Л. 10–11.
- 190 Там же. Ф. 05. Оп. 17. Д. 39. П. 130. Л. 1.
- 191 Там же. Л. 4–5.
- 192 Там же. Л. 15–17.
- 193 Там же. Л. 19.

Заключение

Для правителей хортистской Венгрии существовала только одна, навязчивая, и в то время лишенная всякой реальности, идея восстановления Великой Венгрии – империи св. Иштвана.

Но у потерпевшей поражение Венгрии, участвовавшей в первой мировой войне на стороне кайзеровской Германии, для достижения этих целей не было ни сил, ни средств.

К периоду прихода Гитлера к власти в Германии Венгрии удалось путем невероятных дипломатических усилий выйти из внешнеполитической изоляции и заключить соглашение с Италией в 1927 г., в период, когда власть фашистов во главе с Муссолини там уже консолидировалась.

Такой поворот событий устраивал хортистов, если учесть, что Италия фигурировала в планах сторонников пересмотра Трианонского договора как возможная внешняя сила, способная оказать Венгрии помощь в борьбе за возвращение территорий, отошедших к Югославии.

В этих планах фигурировала и Германия как внешняя сила, с помощью которой можно будет отнять у Чехословакии входившие прежде в состав венгерского королевства Словакию и Закарпатскую Украину. Можно себе представить радость Гёмбёша, когда национал-социалисты пришли к власти в Германии. Уже создавалось в Венгрии, Италии и Германии сообщество единомышленников, которые придерживались одинаковых или похожих, отличавшихся только некоторыми нюансами, мировоззренческих взглядов, на основе которых они пытались перевернуть, “преобразовать” весь мир.

Хортисты, по крайней мере в период правления Гёмбёша, были убеждены, что в этом новом переделе мира им удастся достичь своих целей. В эйфории первой половины 30-х годов они даже забыли, что в 1919 г. ломали голову над тем, кого можно бы привлечь из внешних союзников для осуществления одной из самых дерзких затей – овладения Трансильванией. Но до конца освещаемого в данной книге периода хортистам не удалось заручиться поддержкой этих замыслов со стороны ни одного великого государства. Правда, одно время надежда возлагалась на Советский Союз, однако вскоре венгерской дипломатии пришлось разочароваться.

После подписания Римских протоколов в начале 1934 г. и последовавшего превращения содружества трех стран в “группу госу-

дарств”, венгерским представителям приходилось не раз колебаться, сомневаться в правильности избранного ими пути и союзников. Однако Гёмбёш не прекращал попыток примирить фашистских руководителей Италии и Германии и на этой основе добиться создания благоприятных условий для достижения ревизионистских целей. При правлении Гёмбёша, когда начала складываться ось Берлин—Рим, в Венгрии преобладала германская ориентация. Обратный процесс наметился только в конце 1936 г., когда стала ясна политика Германии в Юго-Восточной Европе. Венгрия вновь стала отдавать предпочтение связям с Италией.

Внутри же самой Венгрии силы поляризовались в основном в двух направлениях. Националистические и фашистские круги, правая часть правящей Национальной партии единства, некоторые военные организации (МОВЕ), так называемый средний класс (чиновники, крупнопоместные землевладельческие круги, пользовавшиеся германским рынком для сбыта сельскохозяйственных продуктов), антилегитимистские, т. е. антигабсбургские, круги ориентировались на гитлеровскую Германию. Легитимисты, либеральная буржуазия (торговый и промышленный капитал) ориентировались на Италию, причем последние рассчитывали на Рим как на трамплин для налаживания связей с Англией и Францией. Но все вместе они были настроены против Советского Союза и коммунизма.

Итало-абиссинская война временно ослабила политическую роль Италии в Центральной Европе и усилила позиции Германии в Венгрии. Тогда венгерские руководители заявили, что они не мыслят реконструкцию Дунайского бассейна без Германии и Италии и до окончания войны в Абиссинии Венгрия будет воздерживаться от переговоров о Дунайском бассейне.

В конце 1935 — начале 1936 г. маятник сильно качнулся в сторону Германии. Этим объяснялась сравнительная сдержанность К. Кани в Париже и Лондоне, во время похорон английского короля, и резко отрицательное отношение к плану Годжи и заигрыванию Годжи с Австрией, а также его враждебная позиция к слухам о возможной замене Италии как гаранта мира в Центральной Европе Советским Союзом (т. е. план Титулеску).

Провал планов Годжи и Титулеску совпал с окончанием итало-абиссинской войны и возрождением политической роли Италии в Дунайском бассейне. В марте 1936 г. происходила политическая консолидация стран, подписавших Римские протоколы.

Мартовское совещание руководителей трех стран в Риме укрепило Римский блок и ликвидировало угрозу политической изоляции Венгрии. Оно подтвердило невозможность для Австрии укрепить свои отно-

шения с Чехословакией без урегулирования чехословацко-венгерских отношений. Это был известный перелом во внешней политике Венгрии.

Венгрия в поисках способов ликвидации своей изоляции делала ставку и на Польшу. Она пыталась создать впечатление о якобы предстоявшем дальнейшем расширении Римских протоколов в сторону Польши и Югославии. Последней вновь были даны заверения, что Венгрия не имеет к ней ревизионистских притязаний. Беку отводилась роль посредника между Белградом и Будапештом, а в середине апреля был организован с особой торжественностью визит Косцялковского в Венгрию, где стороны предавались историческим воспоминаниям о совместной борьбе Польши и Венгрии против России, о совпадении интересов Венгрии и Польши в Дунайском бассейне. Югославия не проявила интереса к посреднической роли Бека.

Выход Венгрии из состояния политической изоляции, наметившийся во втором квартале 1936 г., нашел свое отражение в оптимистической речи К. Кани в парламенте в мае. Он подтвердил неизбежность венгерской внешнеполитической линии, направленной против системы коллективной безопасности и взаимопомощи, настаивал на реформе Лиги наций в духе усиления статей ревизионистского порядка, заявил о согласии Венгрии вести переговоры с Малой Антантой при условии полного юридического равноправия партнеров, права на вооружение и эффективной защиты венгерского национального меньшинства в странах-саксессорах. Кани отметил дружеские отношения с Италией, Австрией, Германией, Польшей и, наконец, Югославией.

Австро-германское соглашение от 11 июля было встречено в Венгрии с неподдельной радостью как этап дальнейшей активизации германской политики в Центральной Европе против ЧСР и СССР и подготовки осуществления венгерских ревизионистских требований и ее права на вооружение. На протяжении всего периода правления Гёмбёша Венгрия выполняла посредническую роль между Италией и Германией с целью приобщения последней к Римскому блоку. Венгрия видела в нем зародыш "блока националистических держав" против СССР, Малой Антанты и Франции. Уже говорилось, что "блок четырех" является активной силой против мирового большевизма и желательно привлечь к нему Польшу и Югославию.

Период после заключения австро-германского соглашения был кульминацией расцвета идеи создания группы четырех: Италия—Германия—Австрия—Венгрия.

Но легитимисты уже тогда предвидели ослабление германской ориентации в Венгрии и переключение Германии с Венгрии на Австрию, а затем и Югославию и Румынию. Однако в самый момент заклю-

чения соглашения правительственные круги восприняли его чуть ли не как победу венгерской линии, долженствовавшей примирить и координировать интересы обоих главных гарантов “конструктивного плана Дунайского бассейна”, и как воссоздание Тройственного союза (теперь в составе четырех стран).

Дальновидные политики Венгрии уже не сомневались в усилении национал-социалистской пропаганды в Венгрии. Испанские события содействовали консолидации четырех авторитарных государств.

Это был и период сотрудничества СССР и Чехословакии и усиления пропаганды в Венгрии о “строительстве аэродромов в Словакии”.

В августе—сентябре Венгрии казалось, что она является естественной союзницей Германии и близок час осуществления тотальной ревизии. Но уже во второй половине сентября визит Нейрата в Будапешт преследовал цель сделать Венгрию проводником германской линии в странах Римских протоколов. К этому времени выяснилась игра Германии в Румынии. Падение Тигулеску открыло благоприятные перспективы для роста влияния Германии в Румынии.

Усиление германского влияния в Австрии привело к ослаблению интереса Германии к Венгрии. Игра Гитлера с румынскими антиревизионистами вызвала в Венгрии настороженность. До некоторой степени ее успокаивала ревизионистская речь Муссолини в Милане 1 ноября. Смерть Гёмбёша, главного апологета ориентации на Германию, стала чувствительным ударом по германофильским кругам и усилила влияние бетленовских проитальянских кругов.

Началось возрождение “старой любви” к Италии. Конференция трех стран в Вене, визит Чиано в Будапешт, поездка Хорти в Рим качнули маятник оси в сторону Италии.

Ловко лавировавшая между Берлином и Римом, Венгрия надеялась, что Италия займет четкую позицию в отношении ревизии. В правящих кругах Венгрии ожидали, что в результате поездки Хорти в Рим Муссолини публично (как в Милане) выскажется не только о 4 млн венгров, живущих под иностранным гнетом, но “скажет и слово об отнятых у Венгрии территориях”.

Однако эта надежда не оправдалась. Поездка Хорти в Рим не дала ощутимых конкретных результатов, и началось новое, очередное, качание маятника от Рима к Берлину.

В конце 1936 и начале 1937 г. венгерская внешняя политика вновь проявила растерянность. Германия, с одной стороны, стремилась сохранить влияние в Венгрии, а с другой — пыталась также договориться и с Румынией. Германия не могла поддержать венгерские ревизионист-

ские требования к Румынии. Муссолини продолжал делать туманные ревизионистские заявления, но далее этого на шел.

Венгерские политики учитывали международную конъюнктуру германо-итальянской дружбы и вынуждены были продолжать лавировать между обоими концами оси. Политика Гембёна, заключавшаяся в том, чтобы путем действительного создания оси Берлин—Рим укрепить международное положение Венгрии, не оправдалась. Правительство Дарани шло пока путем своего предшественника. Вместо сотрудничества между Италией и Германией велась борьба за преобладание политического влияния в Дунайском бассейне, в том числе и в Венгрии, вызывавшая там, при усилении одного конца оси, охлаждение отношений с другим концом.

Германский посланник, оценивая последнее выступление К. Кани в 1936 г. на заседании парламентской комиссии, отмечал, что в нем не было новых взглядов по сравнению с докладом Дарани в парламенте, да тот и не мог этого сделать, поскольку внешняя политика Венгрии волей-неволей установлена и могла бы иметь новые аспекты, новые нюансы только в той мере, в какой проявились бы перемены в политике стран, находившихся с ней в дружеских отношениях.

Эта оценка отражала реальную ситуацию того времени.

Условные сокращения

- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
ДВП СССР – Документы внешней политики СССР
Д – Дело
Л – Лист
Оп – Опись
П – Папка
Ф – Фонд
АА – Auswärtiges Amt /Berlin/
ААН – Archivum Akt nowych w Warszawie
АДАР – Akten zur deutschen auswärtigen Politik
Biz – Bizalmi
Вр – Budapest
D – Dossie
DBFR – Documents on British Foreign Policy
DDF – Documents diplomatiques français 1932–1939
DGFP – Documents on German Foreign Policy
DIMK – Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához
EL – Elnöki
F – Fond
Főn – Főnöki
FT – Filmtár
HIL – Hadtörténelmi Intézet Levéltára. Budapest
Ibid – Ibidem
Jkv – Jegyzőkönyv
K – Kötet
K-27 – OL.ME.Minisztertanácsi jegyzőkönyvek
K-58 – KÜМ. A miniszter kabinetjének iratai
K-63 – KÜМ. Politikai iratok
K-64 – Reservált politikai iratok
K-66 – KÜМ. Kabinet
K-74 – KÜМ. Számjeltáviratok

K-80 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Athén
 K-81 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Bécs
 K-83 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Berlin
 KN – Országgyűlés Képviseletházának Naplója
 K-99 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Róma
 K-429 – Kozma Miklós iratai
 K-513 – Országgyűlési Levéltár
 K-609 – KÜM. Sajtó
 KÜM – Külügyminisztérium Levéltára
 L – Lap
 ME – Miniszterelnökség
 Msz – Ministerstwo Spraw zagranicznych
 MT – Minisztertanácsi
 Nsz – Nemzetközi Szerződések 1918–1945
 OL – Magyar Országos Levéltár
 Old – Oldal
 Öe – Őrzet egység
 P III – Departament polityczny
 PBp – Poselstwo RP w Budapeszcie
 PIA – Párttörténeti Intézet Archivuma
 Pol – Politikai
 Res – Reservált
 1550 – Politische Abteilung. Pol. IV., Italia. Politische
 Beziehungen zwischen Italia und Ungarn
 2980 E – Büro des Reichministers 35. Ungarn
 5753 H – Abteilung Gruppe Inland II
 5966 E – Polische Abteilung IV. Politische Beziehungen
 zwischen Frankreich und Ungarn
 6147 E – Politische Abteilung IV. Ungarn. Pol. 2 A
 7424 E – Büro des Staatssekretärs. Pol. IV. 6. Ungarn 5
 7427 E – Politische Abteilung IV., Politische Beziehungen
 Ungars zu Deutschland
 9565 E – Politische Abteilung II
 9586 E – Politische Abteilungen II. Italien. Stellungnahme
 Österreich und Ungarn zu dem Sanktionen gegen Italien
 9722 E – Deutsche Gesandtschaft. Budapest
 P-24 – Nationalitäten in Ungarn
 X-9581. 36119.t. – Magyar követség. Moszkva

Sz – Szám

Szn – Szám nélkül.

V – Vol

Vkf – Vezérkori főnök

W – Wengry

Указатель имен

А

- Авенол Джозеф 65, 99, 100
Авербух Р. А. 192
Адам Магда 3, 159
Акулов 192
Александр 78, 80, 81, 83, 93
Алоизи Помпео 87, 88, 99–100, 119, 113, 114, 155, 208
Алг Валдемар 76, 243, 267–269
Амбро Ференц 243
Андрашши Дюла 151
Антал Иштван 214, 257
Антонеску Виктор 244, 269
Апор Габор 15, 16, 19, 67, 145, 147, 210, 223, 229, 234, 273
Арас Тевфик Рюштю 63
Аттолико Бернардо 122, 159
Ашман Готфрид 143

Б

- Баар-Бааренфелд Эдуард 230
Байза Йозеф 141
Байстроки 168
Байчи-Жилински Эндре 12, 151, 188, 190, 203, 217, 236, 237, 257
Бакач-Бешпенъси Дьёрдь 21–22, 28–30, 39, 48, 198
Банфри Даниел 115
Бардошши Ласло 180
Барту Луи 78, 79, 83, 104, 122, 128, 217
Барци Дьёрдь 91
Батори Иштван 183
Батый 275
Баш Ференц 264
Бежанов Г. Я. 273, 274
Бек Юзеф 105, 107, 114, 182–184, 220, 223, 226, 227, 245, 256, 268, 283
Бекзадян А. А. 79, 125–128, 152, 187, 191, 212–214, 225, 228–229,

235, 257, 265, 269, 272–274

Беличка Шандор 178

Бенеш Эдвард 23, 24, 82, 94, 122, 151, 157, 158, 164, 169

Бергер-Валденег Эгон 156–158, 169, 170, 172, 173, 199–202, 204,
206, 207, 209, 236, 249

Берзевици Алберт 189

Беренд Иван 3, 159, 160

Бетлен Иштван 6, 7, 41, 114, 134–137, 139, 140, 142, 151, 187–189,
214, 215, 236–238, 254, 270, 274

Бисмарк 143

Блейер Якаб 16

Бломберг Вернер 74, 112, 144, 145, 164, 239, 240, 242, 263

Блом Леон 239

Бобринский Янош 184, 226

Бобрик Арно 155, 156, 158, 178

Боварже Эдмонд 227

Болла Д. Лайош 68, 69

Бонжур Поль 23, 122

Борнемисса Геза 135

Борис 35, 80, 181

Босси Рауль 269

Боссовский Ференц 226

Бруншви́г Дьёрль 239

Будаи Барна 235

Брэтиану Георге 179

Бути Джино 71, 111

Бухарин Н. И. 128

Бюлов Бернхард 24–25, 41, 93, 96, 112, 113, 144, 146, 221–222,
229

В

Вайс Манфред 169

Вайтзел Анне Марие 164

Вамбери Рустем 127, 191

Ванситгарт Роберт 175, 184, 233

Вежки де 91

Велич Ласло 165, 186, 187

Венизелос Эл. 63

Вернле Янош 78

Веркмайстер Карл 254

Веси Йозеф 81, 82
Веттштейн Янош 8, 9, 243
Виллани Фридьеш 77, 78, 85–87, 89–90, 111, 114, 118–122, 178, 200,
230, 249
Вильсон Вудро 178
Вин де Луис Марти 16, 21
Винавер Вук 3, 79
Винклер Иштван 44
Виола ди Кампалто 119–120, 122, 268
Воданер Андор 234
Волков В. К. 79, 80
Волф Карой 135
Вукевич Александр 64, 267
Высоцкий Альфред 266

Г

Габсбурги 40, 43, 45, 58, 118, 123, 136, 139, 150, 151, 152, 153,
157, 161, 163, 172, 181, 188, 230, 240, 267
Гайда В. 71
Гембельс Йозеф Паул 75, 164, 165
Георг V 172, 175, 181
Георгиев Владо (Келемен Петер, Черноземски) 80
Гембеш Дюла 3, 4, 6, 7, 10–19, 21, 28–35, 37, 41–50, 60, 66, 70, 73, 75–
77, 79, 81, 83–86, 93, 94, 105–113, 115, 120, 124, 126,
127, 134–137, 140–143, 148–152, 154, 158–168, 170,
171, 173, 182, 186, 187, 189, 190, 198, 199, 207, 209,
214–218, 225–226, 231, 232, 234, 237, 238, 246, 252,
256, 257, 261–263, 281, 282, 284, 285
Геринг Герман 73, 93–98, 145–148, 154, 160, 161, 179, 228, 231, 246,
261
Гесс Рудольф 164, 192
Гитлер Адольф 3, 4–13, 19, 23, 24, 26, 33, 34, 37, 38, 41, 42, 50, 58, 61,
70–73, 75, 76, 88, 91, 93, 95, 96, 98, 127, 128, 137,
141, 142, 144–146, 148–149, 152, 154, 155, 158, 161,
162, 164, 176, 189, 201, 202, 219, 220, 223, 228, 230,
231, 234, 235, 239–249, 255, 258, 261, 263, 265, 273,
281
Гога Октавиан 283
Годжа Милан 172–174, 200, 201, 209, 211, 213, 215, 217, 218, 225, 282
Грац Густав 114, 151, 190

Грдев Костадин 3
Григер Миклош 81, 136, 139, 151
Грин Коннер 187

Д

Даладье Эдуард 12, 23, 24
Дарани Калман 230, 244, 246, 252–254, 257, 259, 264, 265,
271, 273–285
Диккхофф Ханс Хайрих 231
Дельбос Ион 269
Димитриевиц 79
Дольфус Энгельберт 7–15, 19–21, 23, 27–30, 32, 33, 38, 40, 41,
42, 43, 45–47, 50, 71, 77, 80, 157, 247
Дроздовский Хенрик 183

Е

Евтич (Ефтич) Бошко 69, 82, 100, 101, 102

З

Зиновьев Г. В. 126, 127
Зичи Янош 237, 238, 274

И

Иден Антони 99–100, 102, 114, 175, 256, 260
Иййеш Дюла 238
Иосиф-Франц 238
Иштван 6, 141, 281

К

Каганович Л. М. 192
Камнев Л. Б. 126
Каня Калман 6, 7–10, 13–15, 17–20, 23–25, 27, 30, 31, 33, 35–
41, 45, 46, 48–52, 61–67, 72, 78, 83, 85, 87, 91, 94–96,
98–102, 108, 110–115, 119, 120, 122–124, 126, 128, 137,
138, 142, 143, 148, 149, 154–158, 160, 165–167, 169–
178, 180–182, 187, 199–211, 213–215, 220, 221, 223–

225, 230, 232, 234, 235, 244–246, 250, 253–256, 258–
261, 263, 264, 266–270, 282, 285

Карагеоргиевичи 241

Карл IV 175

Кароль 176

Каршан Элек 3, 4, 79

Кватерник Славко 86

Кеньереш Миклош (Кауфман Мойша) 140

Кёпке Герхард 8, 9, 15, 25, 26, 40–41, 96

Керекеш Лайош 3

Керестеш-Фишер Ференц 81, 135

Керестури Бела 180

Кёстер-Лоранд 23, 24

Киралди-Лукач Дьёрдь 26, 27, 168

Киров С. М. 127

Клар 81

Кобр Милош 223, 270

Кобылянский Тадеуш 224, 226, 268

Ковач Эндре 3, 159

Козма Миклош 81, 84, 85, 135, 139, 160, 162, 264, 265

Колонна Асканио 27, 41, 71, 174, 198, 199, 246, 252

Косцялковский Зиндрам Марян 223–227, 238, 283

Кошут Лайош 188

Краль Мийо 80, 81

Крестинский Н. Н. 125, 128, 129, 153, 182, 185, 186, 187, 191, 213,
214, 228, 257, 265, 271, 272

Кржижановский Г. М. 192

Крофта Камил 233

Кузьминский Т. 3

Куртяк Иван 225

Куэн-Хедервари Шандор 11, 22, 269

Л

Лаваль Пьер 87, 89, 90, 99, 101–102, 109, 111, 114, 115, 116, 118, 120,
122, 124, 128, 129, 137, 153, 157, 165, 168, 181

Ламмерс Ханс 162

Лев XII 45

Ллойд Джордж Девид 238

Ленин В. И. 126, 127

Леопольд 256

Лапедату 270
Лепковский Станислав 105, 223
Липский Юзеф 114
Литвинов М. М. 104, 122, 126, 153, 156, 185–187, 211–214, 220,
251, 252, 255, 266, 269, 272, 273, 274
Лукаевич Юлиус 122
Любенский Ст. 223
Любомирский Ст 243

М

Мадяри Золтан 192
Майский И. М. 219, 220
Маккензен Ханс Георг 37–39, 49, 50, 75–76, 142, 143, 149, 162, 164,
171, 210, 220, 252, 253, 258, 259, 264
Мандел 169
Маниу Юлиус 180, 226
Мартинац 67
Мартон Бела 214, 257
Матушка Петер 106
Мачек Владимир 261
Маширевич Силард 15, 23, 24–26, 40–41, 49, 76, 88, 89, 93–98,
112, 141, 143–149, 155, 185, 219, 220
Мечер Андраш 75, 76, 214, 257
Миклас Вильгельм 239
Миклош Бела 144
Мирный С. 186, 188, 214–217, 227, 238, 243, 253, 257, 266, 271, 273
Михай 88
Михальчев Димитр 156
Молотов В. М. 128
Молтке Ханс Адольф 225
Монтгомери Д.Ф. 142
Муссолини Бенито 5–9, 12–23, 27, 30, 32–36, 39, 41–49, 52, 66, 70–
73, 75–79, 84–92, 101, 109–111, 113–117, 120–
124, 127, 128, 136, 137, 144, 149, 150, 152, 159,
163, 165, 167, 168, 174, 175, 177, 178, 192, 198–
200, 204–205, 207–209, 214, 216, 218, 223, 228,
230–231, 233, 235, 243, 245–247, 253, 257, 258,
262–263, 265, 266, 281, 284, 285
Мусякодзи К. 251
Мушанов Никола 36, 62

Н

Настасиевич 77

Науман Фридрих 219

Нейрат Константин 10, 15, 22, 23, 26, 41, 49, 50, 71, 93–98, 105, 112, 148, 149, 155, 160–164, 176, 177, 222, 229, 230, 232, 235, 239, 242–250, 252, 261–263, 270, 273, 284

Нелки Енё 10, 13, 19

Нокс Джеффри Джордж 174, 187, 192, 200

О

Оготай 275

Орловский Леон 268

Ормош Мария 3, 79

Отто Габсбург 152, 173, 238

П

Павел 176, 261

Павелич Анте 80, 84, 86

Паллавичини Дьёрдь 139

Папен Франц 7–11, 42, 74–76, 88, 89, 157, 171, 205, 229, 230, 232, 244

Париани Альберто 168

Патаки Тибор 264

Пейер Карой 254

Перени Жигмонд 80

Перчеч Густав 66, 67, 80, 81

Петерзен Йенс 3

Петё Шандор 274

Петреску-Комнен Николае 93, 95

Петровский А. М. 125

Пешти Пал 253

Пий X 45

Пий XI 45

Пилсудский Юзеф 42, 104, 107, 182, 184

Погорелец Елка 66

Попов 173

Поспишил Звонимир 81
Приц Пал 3, 67, 145, 158, 159
Пурич Божидар 65, 78
Пятаков Г. М. 192

Р

Радек К. Б. 128, 151
Радемахер Франц 263, 264
Раич Иван 81
Райниш Ференц 166, 238, 257
Райхенау Вальтер 154, 155
Ракоши Матяш 127, 191
Рамсей Патрик 38
Ранки Дьёрдь 3, 159, 160
Рапшаи Карой 12, 135, 139, 166
Рёдер Вилмош 49, 73, 253
Реннер Карл 50
Ренте-Финк Цецил 96, 97, 143, 155
Риббентроп Иоахим 162, 251
Ридз-Смиглы Эдвард 245, 256
Рил Валгер 13
Рит Курт 38
Розенберг Альфред 12, 72, 262–264, 270, 273
Романовы 241
Ротермир Эсмонд Сесил 228
Ротта 92
Руднаи Лайош 169–172, 229, 230
Руперт Режё 168

С

Сабо Ласло 167, 168
Саймон Джон 120, 128
Сапожников 275
Сенвиль Аймар 188
Сент-Дьёрди Алберт 192
Сентмиклоши Бела 56
Сечени Ласло 12
Сигемицу Мамору 252
Симич Станое 68, 69

Синаи Миклош 82
Слава-Складовский Филициан 238
Сонтаг Енё 80
Сталин И. В. 126, 127
Спалайкович Мирослав 79
Стомоняков Б. С. 185
Стоядинович Милан 157, 261, 267–269
Стояи (Стоякович) Дёме 175, 178, 179, 203, 210, 220–222, 229, 231,
239, 249–250, 252, 262, 263, 266, 270
Сувич Фулвио 9, 17, 26–28, 30–37, 39, 44, 61, 64, 71, 86, 87, 88, 111,
112, 114, 117–124, 158, 162, 199, 200
Сюч Ласло 82

Т

Тардье Адре 5, 23, 40, 202, 209, 217
Татареску Георге 52
Татгаи 66, 67, 70
Тахи Ласло 91
Тигулеску Николае 36, 63, 82, 88, 122, 154, 176, 179, 180, 184–186,
201, 215, 226, 242, 244, 274, 282, 284
Троцкий Л. Д. 126, 127

У

Уборевич И. П. 275

Ф

Фабиан Бела 189
Фердинанд 88
Фиппс Э. 147
Фландин Пьер Этьен 181, 221
Фотич 99
Франко Франциско 239, 242, 247, 248, 249, 250
Франсуа-Понсэ Андре 97, 144, 178
Франц-Иосиф 266
Фрауенфелд 12
Фридрих Иштван 135, 257

Х

- Хабихт Теодор 10, 12, 29, 31
Халмоши Денеш
Хассел Ультрих 6, 18, 19, 48, 49, 177, 178, 209, 233, 249
Хеерен Виктор 97, 98
Хелл К. 192
Хеннет Леопольд 73, 74
Хенъеи Густав 92, 179
Хертеленди Андор 155
Хоман Балинт 183, 228, 264
Хор Сэмюэль 168, 181
Хорват Эмил (Перчеч Густав) 81
Хори Андраш 9, 14, 74, 76, 90, 91, 182, 183–184, 225, 226, 268
Хорнбостел Теодор 20, 21, 39, 42, 169, 234
Хорти Миклош 3, 6, 39, 44, 50, 58, 73, 81–83, 102, 103, 107, 112, 125–
127, 134, 141, 148, 165, 191, 216, 234, 239–244, 252,
261, 262, 265–268, 284
Хофман Шандор 232

Ц

- Церутти Витторио 144, 147, 148, 159
Циндрич Эгон 186, 273

Ч

- Чемберлен Остин 180, 227, 228, 238
Чиано Галеаццо 233, 246, 248–249, 250, 252, 258–261, 265, 266, 273,
284
Чингисхан 275
Чиршке 75

Ш

- Шахт Хиалмар 161, 164, 192
Шембек Ян 184
Шиграи Антал 151, 166
Шлайхер Курт 73
Шмидт Гуидо 258–260

Шнурре Карл 93, 94, 204
Шомкути Йозеф 154, 157, 252
Шпейдель Ханс 79
Штаремберг Эрнст Рюдигер 172, 173, 208
Штерн Д. Г. 185, 186, 187, 214, 215, 217, 257, 271, 272
Штиве Фридрих 142, 143
Штреземан Густав 94
Шуммер Е. 183
Шуппиг Курт 86, 87, 109, 169, 171–173, 177, 187, 297, 199, 201, 202,
204, 205, 207, 208, 209, 218, 229–232, 236, 258–260

Э

Эдвард VIII 176, 177
Экхардт Тибор 65, 82, 87, 99, 134, 135, 237, 253, 254, 257, 274
Эрнст Шандор 237
Эстерхази Мориц 166

Ю

Юнгерт-Арноти Михай 4, 125, 129, 153, 185, 187, 211–214, 233, 271–
273
Юхас Дюла 3, 159

Я

Якир И. Э. 275
Якомони Франческо 200

Оглавление

Введение	3
Глава первая Римские протоколы	5
Глава вторая Европа и Венгрия во второй половине 1934 и начале 1935 г	57
Глава третья В тени формировавшейся оси Берлин—Рим	134
Глава четвертая Венгерская дипломатия в условиях назревания войны в Европе	198
Заключение	281
Условные сокращения	286
Указатель имен	289

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Пушкаш Андрей Иванович

Внешняя политика Венгрии

Февраль 1934—январь 1937 г.

Ответственный редактор
доктор исторических наук Т.М. Исламов

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Книга подготовлена в редакционно-издательском отделе
Института славяноведения и балканистики РАН

Подписано в печать 17.12.1996.
Тираж 1000 экз.

Усл. печ. л. 17,40
Цена договорная

44996

RU

А.М. Пыкаев. Восточная поэтика. Репринт